
**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2017
3 (33)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2017
3 (33)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911
Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

Маховиков Денис Викторович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Свинчукова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных коммуникаций, заместитель руководителя научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций Высшей школы экономики, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Черниговская Татьяна Владимировна, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, Санкт-Петербург (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Челябинского государственного университета, Челябинск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2017

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2017

© НОУ ВПО «Московская международная академия», 2017

© Авторы, 2017

Подписано в печать 25.09.2017. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,07. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

Denis V. Makhovikov, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Elena G. Svinchukova, Candidate of Philology, Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Anna A. Stepanova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Valentin Ye. Goldin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Language Theory, History and Applied Linguistics Department, Saratov State University, Saratov (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, deputy director of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Professor of Integrated Communications Department, Deputy Head of the Laboratory of Business Communications, Higher School of Economics, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Tatiana V. Chernigovskaya, doctor of Philology and Biology, Professor of St. Petersburg State University, Head of Laboratory for Cognitive Studies, Deputy Director-Coordinator of the Cognitive Branch of Kurchatov Institute, Saint-Petersburg, Moscow (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovskiy, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

Ludmila A. Shkatova, Doctor of Philology, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied research.

4 issues per year. The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2017

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2017

© Moscow International Academy, 2017

© Authors, 2017

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Алексеева Е.М. (<i>Казань, Россия</i>) Ассоциативная репрезентация психических состояний: экспериментальное исследование речевых реакций...10	10
Боргоякова Т.Г. (<i>Абакан, Россия</i>) Психолингвистические аспекты формирования этнической и российской идентичности.....19	19
Гриценко Е. С., Ненашева Т.А. (<i>Нижний Новгород, Россия</i>) Индексальный потенциал английского языка в русскоязычном коммуникативном пространстве.....32	32
Журавлев И.В., Журавлева Ю.В. (<i>Москва, Россия</i>) К построению коммуникативной модели речевого процесса: методологические проблемы.....48	48
Колодина Н.И. (<i>Воронеж, Россия</i>) Ненависть как лингвистическое и психологическое понятие.....62	62
Никитина С.Е. (<i>Москва, Россия</i>) «Свое – чужое» в языке и культуре русских конфессиональных групп.....76	76
Перфильева Н.В., Новоспаская Н.В., Лазарева О.В. (<i>Москва, Россия</i>) Эффективность коммерческого имени.....92	92
Пешкова Н.П. (<i>Уфа, Россия</i>) Лингвистический ландшафт полиэтничного города: особенности вербального воздействия.....108	108
Романов А.С. (<i>Москва, Россия</i>) Речевые клише армейской субкультуры США в контексте этнокультурной стереотипизации.....122	122
Степанова А.А. (<i>Москва, Россия</i>) Решение задач общения при помощи речевых действий.....135	135
Хилханова Э.В. (<i>Улан-Удэ, Россия</i>) Социолингвистическая концептуализация понятий <i>языковое сознание</i> и <i>языковые установки</i> в аспекте двуязычия.....142	142
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ	
Иоанесян Е.Р. (<i>Москва, Россия</i>) Удовольствие: способы номинации в языке.....156	156
Трибуна молодых ученых	
Гундэгмаа Б. (<i>Новосибирск, Россия</i>) Образ <i>осла</i> в наивном языковом сознании носителей монгольского языка.....170	170
Дорофеева С.В. (<i>Москва, Россия</i>) Лингвистические аспекты коррекции дислексии и дисграфии: опыт успешного применения комплексного подхода..184	184
Черепанов И.Е. (<i>Москва, Россия</i>) Влияние гендерного фактора на реакции испытуемых в ассоциативном эксперименте.....202	202
Чжан Жуньмэй (<i>Москва, Россия</i>) Языковая репрезентация этнокультурных стереотипов носителей русского языка о китайцах.....218	218

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ЛЮДИ И ИДЕИ Порхомовский В.Я. (<i>Москва, Россия</i>) Словесность и дух музыки. Беседы с Э.А. Макаевым.....	230
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ Величкова Л.В., Абакумова О.В., Петроченко Е.В., Воропаева И.В. (<i>Воронеж, Россия</i>) Проект «Психолингвистическое изучение звучащей речи»..	240
РЕЦЕНЗИИ Михальченко В.Ю. (<i>Москва, Россия</i>) Рецензия на книгу Л.Г. Ведениной «Человек в лингвоэтнокультурном пространстве» (М.: Языки славянской культуры, 2017, 664 с.).....	256
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ Казаков Г.А. (<i>Москва, Россия</i>) Съезд полиглотов в Братиславе Polyglot Gathering 2017.....	258

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

Alekseeva Ekaterina M. (*Kazan, Russia*) Associative Representation of Mental States: Experimental Study of Speech Reactions.....10

Borgoyakova Tamara G. (*Abakan, Russia*) Psycholinguistic Aspects of Ethnic and Russian Identity Construction.....19

Gritsenko Elena S., Nenasheva Tatiana A. (*Nizhny Novgorod, Russia*) Indexical Capacities of English in Russian-Based Communication.....32

Zhuravlev Ignaty V., Zhuravleva Julia V. (*Moscow, Russia*) Building a Communicative Model of Verbal Process: Methodological Problems.....48

Kolodina Nina I. (*Voronezh, Russia*) Hatred as Linguistic and Psychological Notion.....62

Nikitina Serafima E. (*Moscow, Russia*) «Our – Alien» in Language and Culture of Russian Confessional Groups.....76

Perfilyeva Natalia V., Novospasskaya Natalya V. (*Moscow, Russia*) Effect of the Commercial Name.....92

Peshkova Natalia P. (*Ufa, Russia*) Linguistic Landscape of a Poly-Ethnic City: Specific Features of Verbal Impact.....108

Romanov Alexander S. (*Moscow, Russia*) Speech Clichés of the Us Army Subculture within the Context of Ethnocultural Stereotyping.....122

Stepanova Anna A. (*Moscow, Russia*) Speech Actions in the Process of Solving Communicative Tasks.....135

Khilkhanova Erzhen V. (*Ulan-Ude, Russia*) Sociolinguistic Conceptualization of Notions *Language Consciousness* and *Language Attitudes* in the Aspect of Bilingualism.....142

PHILOLOGICAL STUDIES

Ioanesyan Yevgeniya R. (*Moscow, Russia*) Naming of Pleasure in Language.....156

YOUNG SCHOLARS' STUDIES

Gundegmaa Battulga (*Novosibirsk, Russia*) The Image of Donkey in the Naive Language Consciousness of Mongolian Native Speakers.....170

Dorofeeva Svetlana V. (*Moscow, Russia*) Linguistic Aspects of Dyslexia and Dysgraphia Correction: Successful Implementation of an Integrative Approach..184

Cherepanov Igor Y. (*Moscow, Russia*) Influence of Gender Factor on Respondents' Responses in Associative Experiment.....202

Zhang Runmei (*Moscow, Russia*) Linguistic Representation of the Russian Ethnic-Cultural Stereotypes about the Chinese.....218

LINGUISTIC HISTORIOGRAPHY: PERSONS AND IDEAS

Porkhomovsky Victor Ya. (*Moscow, Russia*) Belles-Lettres and the Spirit of Music. Conversations with E.A. Makaev.....230

PSYCHOLINGUISTIC PROJECTS IN THE REGIONS OF RUSSIA Velichkova Ludmila V., Abakumova Olga V., Petrochenko Elena.V., Voropaeva Irina V. (<i>Voronezh. Russia</i>) The Project «Psycholinguistic Research of Sounding Speech».....	240
REVIEW Mikhailchenko Vida Yu. (<i>Moscow, Russia</i>) Review of the Monograph by L.G. Vedenina «Person in Lingvoethnicultural Space» (Moscow: Yazyki Slavyanskoi kultury, 2017. 664p).....	256
SCIENTIFIC LIFE Kazakov Grigoriy A. (<i>Moscow, Russia</i>) Polyglot Gathering in Bratislava 2017.....	258

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23

АССОЦИАТИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ РЕАКЦИЙ

Алексеева Екатерина Михайловна

доцент кафедры теории и практики перевода
Казанского (Приволжского) федерального университета
420008 г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
ealekseeva@list.ru

Статья посвящена актуальной тематике ассоциативной речевой репрезентации психических состояний. В исследовании принял участие 31 студент Казанского (Приволжского) федерального университета (27 человек женского пола и 4 мужского) в возрасте от 18 до 22 лет. Экспериментальная процедура, разработанная на основе программы DMDX, позволяла измерять время речевой реакции на предъявляемые стимулы – понятия 25 психических состояний. Второй задачей ставилась реконструкция их ассоциативных полей. Среднее время реакции на понятия психических состояний, предъявляемые на мониторе компьютера, составило 2114,68 миллисекунды. Наиболее быстрой оказалась ассоциативная речевая реакция на стимулы «восторг» (1452,54 мсек.), «раздумье» (1569,26 мсек.), «спокойствие» (1685,21 мсек.), самой медленной – на стимулы «заинтересованность» (2517,5 мсек.) и «нерешительность» (2454,63 мсек.). Всего к понятиям 25 психических состояний испытуемыми было дано 448 ассоциаций – речевых реакций, т.е. в среднем по 17,9 ассоциаций на каждое психическое состояние. Наибольшее количество речевых ассоциаций было дано к понятию *любовь* (24 различные ассоциации). Наименьшим количеством ассоциаций характеризуется понятие *восторг* (11 ассоциаций). Наиболее ярко выраженным ядром обладают ассоциативные поля психических состояний *раздумье*, *восторг*, *тоска*, *утомление*, *одиночество*. Перспективы исследования заключаются в проведении аналогичного ассоциативного эксперимента среди представителей другой культуры, а также изучении оценочной и ситуационной ассоциативной репрезентации психических состояний.

Ключевые слова: ассоциативная репрезентация, психическое состояние, ассоциативный эксперимент, речевая реакция.

Введение

Ассоциативные исследования имеют давнюю традицию в целом ряде наук. В психологии, социологии, лингвистике, психолингвистике проведено и проводится достаточно много исследований с применением метода ассоциативного эксперимента, как направленного, так и свободного [Абрамов 2001, Городецкая 2002, Горошко 2001, Мартинович 1990, Морозова 2001, Паутова 2007].

Традиционным является ассоциативный эксперимент, когда участникам необходимо в письменной форме дать свои ассоциации к тем или иным понятиям. Значительно меньше проводится исследований, в которых изучаются устные ассоциации, а также устные ассоциации, полученные в ходе психолингвистического эксперимента, проводимого в условиях дефицита времени.

Представляющим большой научный интерес является изучение ассоциативной репрезентации психических явлений (и, прежде всего, эмоций и психических состояний). В психологии имеются исследования, в которых ставился вопрос о структуре организации знаний об эмоциях, развитии этих знаний в ходе онтогенеза [Прусакова, Сергиенко 2002], представленности эмоций на различных уровнях сознания [Дорфман 1997], уровневой организации ментальных репрезентаций психических состояний, их языковых особенностях [Алексеева 2016, Алексеева 2015, Алексеева 2015] и др. Однако очевидна необходимость исследования проблемы соотношения универсальности и специфичности в ассоциативных представлениях о психических состояниях. Ведь состояния являются наиболее индивидуальным и субъективным феноменом психики, и выявление универсальных и специфических компонентов в представлениях о них может продемонстрировать важные закономерности в формировании структуры ассоциативных представлений о мире в целом и о себе.

В изучении ассоциативной речевой репрезентации психических состояний заключалась цель настоящего исследования. Задачами ставились, во-первых, реконструкция ассоциативных полей психических состояний и, во-вторых, определение времени ассоциативной речевой реакции на визуально предъявляемые слова-стимулы, в качестве которых выступали названия психических состояний. Новизна исследования заключалась в использовании экспериментальной процедуры, позволяющей с достаточно большой точностью замерять время речевой реакции на предъявляемые стимулы.

Процедура и методы исследования

В исследовании принял участие 31 студент Казанского (Приволжского) федерального университета (27 человек женского пола и 4 мужского) в возрасте от 18 до 22 лет.

Проводился ассоциативный эксперимент, разработанный на основе программы DMDX, позволяющей замерять время речевой реакции с точностью до миллисекунды [Forster & Forster 2003].

Инструкция для испытуемых предъявлялась в распечатанном виде на листе бумаги и была следующей:

«Добрый день, дорогой участник исследования!

Наше исследование носит ассоциативный характер. Мы занимаемся ассоциациями, которые вызывают психические состояния.

На экране монитора Вам будут предъявлены названия **психических состояний**. Ваша задача состоит в том, чтобы **как можно быстрее** назвать **первую пришедшую в голову ассоциацию** к данному понятию.

Перед предъявлением названия того или иного психического состояния на экране появляется крестик для фиксации Вашего внимания. Для Вас это знак, что необходимо сосредоточиться.

Отвечайте **как можно быстрее, долго не задумывайтесь**. В своих ответах ни на кого не ориентируйтесь. Нет ни хороших, ни плохих ответов.

Большое спасибо за содействие!»

Таким образом, испытуемым в ходе эксперимента предлагалось назвать ассоциации, вызываемые предъявляемыми на мониторе компьютера стимулами.

Стимулами послужили названия психических состояний *раздумья, усталости, восторга, спокойствия, тоски, радости, неуверенности, жалости, удовольствия, ревности, симпатии, ожидания, любви, утомления, угрызения совести, влюбленности, одиночества, заинтересованности, веселости, нерешительности, счастья, сострадания, волнения, бодрости, вдохновения*. Данные состояния были отобраны не случайно, они оказались среди наиболее типичных для жизнедеятельности студентов [Алексеева 2016].

Ответы респондентов были проанализированы относительно времени реакции при помощи программы CheckVocal [Protopapas 2007].

Результаты и их обсуждение

Среднее время реакции на стимулы (названия психических состояний), предъявляемые на мониторе компьютера, составило 2114,68 миллисекунды. Время реакции на каждый отдельный стимул (понятие психического состояния) представлено на рисунке 1.

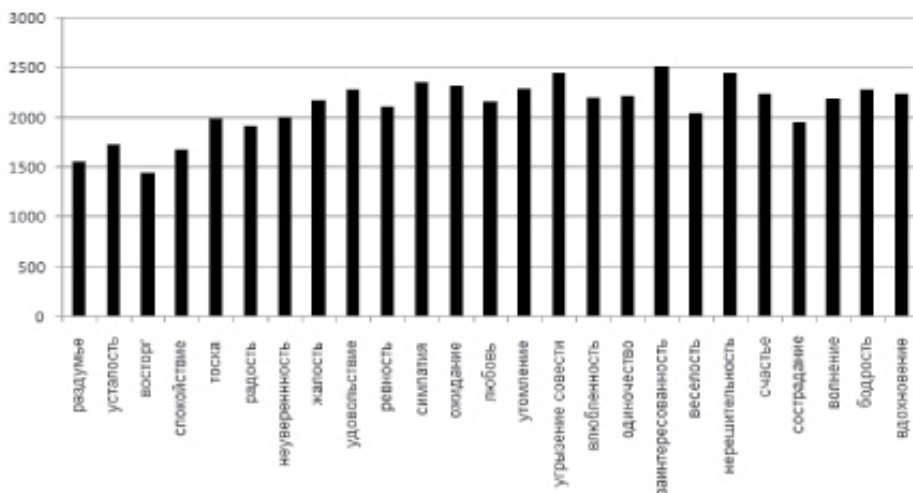

Рисунок 1. Среднее время реакции на стимулы – названия психических состояний (в секундах)

Как следует из рисунка 1, наиболее быстрой оказалась ассоциативная речевая реакция на стимулы «восторг» (1452,54 мсек.), «раздумье» (1569,26 мсек.), «спокойствие» (1685,21 мсек.), «усталость» (1732,55 мсек.), «радость» (1912,95 мсек.), «сострадание» (1954,03 мсек.). Скорость речевой реакции на остальные стимулы составила более 2 сек. Самой медленной оказалась речевая реакция на стимулы «заинтересованность» (2517,5 мсек.), «нерешительность» (2454,63 мсек.), «угрызение совести» (2448,55 мсек.).

Затем речевые реакции были подвергнуты качественному анализу. Задачей заключалась в реконструкции ассоциативных полей. Сначала было проанализировано, сколько речевых реакций на названия психических состояний образовали ядро, окооядерные слои и периферию ассоциативных полей. Ядро

ассоциативных полей психических состояний составили наиболее типичные ассоциации, присущие не менее 30% респондентов. Околоядерные слои – реакции, представляющие собой ответы, которые встречались более одного раза. В периферию вошли единичные ответы.

Таблица № 1

Количество ассоциативных реакций на стимулы – названия психических состояний

Психическое состояние	Ядро ассоциативного поля	Околоядерные слои ассоциативного поля	Периферия ассоциативного поля	ИТОГО
раздумье	1	4	7	12
усталость		9	11	20
восторг	1	3	7	11
спокойствие		5	11	16
тоска	1	3	9	13
радость		7	11	18
неуверенность		3	20	23
жалость		7	8	15
удовольствие		4	15	19
ревность		7	13	20
симпатия		7	11	18
ожидание		3	18	21
любовь		5	19	24
утомление	1		14	15
угрызение совести		2	14	16
влюбленность		4	19	23
одиночество	1	2	15	18
заинтересованность		6	7	13
веселость		4	17	21
нерешительность		3	13	16
счастье		3	20	23
сострадание		6	12	18
волнение		3	17	20
бодрость		6	10	16
вдохновение		6	10	16
ИТОГО		448 ассоциаций		

Как показывают данные, приведенные в таблице 1, всего к понятиям 25 психических состояний испытуемыми было дано 448 ассоциаций – речевых реакций, т.е. в среднем по 17,9 ассоциаций на каждое из 25 понятий психических состояний. Наибольшее количество речевых ассоциаций было дано к понятиям таких психических состояний, как *любовь* (24 различные ассоциации), *влюбленность* (23 ассоциации), *счастье* (23 ассоциации), *неуверенность* (23 ассоциации). Наименьшее количество ассоциаций было дано на понятия таких психических состояний, как *восторг* (11 ассоциаций), *раздумье* (12 ассоциаций), *тоска*, *заинтересованность* (по 13 ассоциаций), *жалость*, *утомление* (по 15 ассоциаций).

Наиболее ярко выраженным ядром обладают ассоциативные поля таких психических состояний, как *раздумье, восторг, тоска, утомление, одиночество* (по одной речевой ассоциации, которая характеризует ядро ассоциативного поля). Остальные (а именно большинство) изучаемые психические состояния не имеют четкого ядра ассоциативного поля.

Наиболее заполненными околядерными слоями ассоциативного поля отличаются такие психические состояния, как *усталость* (9 ассоциаций), *радость, жалость, ревность, симпатия* (по 7 ассоциаций). Наименее заполненные околядерные слои ассоциативного поля имеют такие психические состояния, как *угрызение совести, одиночество* (по 2 ассоциации), *восторг, тоска, неуверенность, ожидания, нерешительность, счастье, волнение* (по 3 ассоциации). Состояние утомления характеризуется отсутствием околядерного слоя ассоциативного поля.

В целом, для ассоциативных полей психических состояний характерна достаточно плотно заполненная периферия. Наиболее богатую периферию имеют ассоциативные поля состояний *неуверенности* и *счастья* (по 20 ассоциаций), *любви* и *влюбленности* (по 19 ассоциаций), *ожидания* (по 18 ассоциаций), *веселости* и *волнения* (по 17 ассоциаций). Скучно представленной периферией отличаются состояния *восторга, раздумья* и *заинтересованности* (по 7 ассоциаций), *жалости* (8 ассоциаций) и *тоски* (9 ассоциаций).

Полученные данные позволяют реконструировать ассоциативные поля изучаемых психических состояний. Рассмотрим наиболее значимые из них.

Так, ассоциативное поле когнитивного психического состояния «раздумье» состоит из ядра *мысль/мысли* (48% респондентов), околядерный слой заполняют ассоциации *мозг/мозги* (6%), *учеба* (6%), *экзамен* (6%), *задумчивость* (6%). Периферия представлена такими ассоциациями, как *книги, размышления, задача, пара, ветер, обдумывание*.

Речевые реакции на понятие состояния заинтересованности, характеризующегося когнитивной и мотивационной составляющей, обнаружили следующие особенности: в околядерный слой вошли *интерес* (19%), *обострение внимания/внимание* (15%), *любопытство* (11%), *интересная работа/работа/научная работа* (11%), *новый фильм/фильм* (11%), *новый предмет/предмет* (7%). Периферию ассоциативного поля наполнили *сомнение, изучение, увлеченность, возбуждение, учеба*.

При анализе речевых реакций на понятия психических состояний с доминантным физиологическим компонентом было обнаружено, что в околядерный слой (ядро отсутствует) ассоциативного поля состояния «усталость» вошли *сон/спать/сонливость* (22% респондентов), *работа* (19%), *вялость* (6%), *лень* (6%), *постель/кровать* (6%), *тяжесть* (6%). Само слово «усталость» как речевая реакция вошло в ядро ассоциативного поля «утомление» (36%). В ядро ассоциативного поля данного понятия также вошли *экзамены* (10%) и *сон* (6%).

Ассоциативное поле состояния «бодлость» имеет околядерный слой, куда вошли ассоциации *с утра/утро* (25% респондентов), *веселость* (14%), *энергия/заряд энергии* (10%), *вставать рано утром* (7%), *выспавшийся* (7%). Периферию наполнили *активизация, силы, счастье, здоровье, здоровый сон, занятие спортом, энергетик, хорошо, неутомленность*.

Большой интерес представляют ассоциативные поля эмоциональных психических состояний. Так, ассоциативное поле психического состояния «восторг» состоит из достаточно выраженного ядра, заполненного ассоциацией *радость* (40% испытуемых). Околоядерный слой ассоциативного поля заполняют ассоциации *счастье* (23% респондентов), *праздник/ счастливый праздник* (6%), *событие/событие радостное* (6%), Периферия представлена такими ассоциациями, как *жизнь, эмоции, любовь, друзья, новые планы, фейерверк*.

Ассоциативные поля состояний «радость», «счастье» и «веселость» обнаруживают схожие характеристики с ассоциативным полем состояния «восторг». Однозначно выраженного ядра ассоциативные поля данных психических состояний не имеют. В околоядерный слой состояния «радость» входит *счастье* (20%), *солнце* (10%), *смех* (6%), *восторг* (6%), *подарок* (6%), *встреча с друзьями* (6%), *праздник* (6%), околоядерный слой состояния «веселость» заполняют *радость* (23%), *смех* (13%), *встреча с друзьями* (10%), *праздник* (6%), а околоядерный слой состояния «счастье» характеризуется *радостью* (20%), *семьей* (10%) и *восторгом* (6%).

Своими особенностями отличаются отрицательные состояния низкого уровня психической активности. Так, ассоциативное поле состояния «тоска» имеет следующие характеристики: ядро образует *грусть* (30%), в околоядерные слои входят *печаль* (23%), *слезы* (10%), *скука* (6%). Периферию образуют ассоциации *разочарование, дорога, одиночество, влюбленность, дождь*.

Состояние неуверенности характеризуется наличием околоядерного слоя ассоциативного поля, в которое вошли ассоциации *скованность* (10%), *страх* (10%), *стеснение* (7%), *экзамен* (7%), *работа* (7%). Периферию заполнили *сомнение, раздражение, расстройство, беспокойство, непонятность, застенчивость, обида, робость, боязнь, неравновесие, смущение, растерянность, отчаяние, слабость*.

Состояние одиночества характеризуется четко выраженным ядром ассоциативного поля, куда вошла *тоска* (30% респондентов). Спокойствие (11%) и грусть (7%) образовали околоядерный слой. На периферии *печаль, волк, один, дождь, общежитие, чтение книг, вечер, нет друзей, желание побыть одному, старость, плохо, пустая комната, тишина, беда*.

Выводы

Результаты, полученные в ходе эксперимента, позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Среднее время речевой ассоциативной реакции на названия психических состояний, составившее 2114,68 миллисекунды, существенно больше, чем время реакции, обнаруженное в различных психолингвистических исследованиях, задачей в которых ставилось называние предъявляемых на мониторе компьютера стимулов в виде отдельных слов, связанных словосочетаний или целых предложений [Mädebach, Alekseeva, Jescheniak 2011].

2. Речевые реакции на названия психических состояний могут входить в ядро (наиболее типичные ассоциации), околоядерные слои и периферию ассоциативных полей. Ядро и околоядерные слои имеют не все ассоциативные поля понятий психических состояний, в то время как достаточно плотно заполненная периферия характерна для большинства ассоциативных полей психических состояний.

3. На основании полученных данных стало возможным реконструировать

ассоциативные поля изучаемых психических состояний, описать их качественные характеристики и особенности.

Перспективы настоящего исследования заключаются в проведении аналогичного ассоциативного эксперимента среди представителей другой культуры. Кроме того, не менее интересными были бы исследования оценочной и ситуационной ассоциативной репрезентации психических состояний.

Литература

Абрамов В.П. Теория ассоциативного поля // Лексикология, фразеология и лексикография русского языка. М.: МГУ, 2001. С.124-125.

Алексеева Е.М. Репрезентация психического состояния: феноменологический аспект // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2016. № 4. С. 82-88.

Алексеева Е.М. Ментальная репрезентация психических состояний: эксплицитный и имплицитный ассоциативные компоненты // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. Науки, 2015. Том 157. Кн. 4. С. 147-156.

Алексеева Е.М. Возможности изучения имплицитных ассоциативных связей в контексте взаимоотношений «ситуация – психическое состояние» // Психология психических состояний. Казань, Изд-во Казанского университета, 2015. С. 19-23.

Городецкая Л.А. Ассоциативный эксперимент в коммуникативных исследованиях // Теория коммуникации и прикладная коммуникация / под общ. ред. И.Н. Розиной. Ростов н/Д: ИУБиП, 2002. С. 28-37.

Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.-Харьков: Ра-Каравелла, 2001. 320 с.

Дорфман Л.Я. Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования. М.: Смысл, 1997.

Мartiнович Г.А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопросы психологии, 1990. № 2. С. 143-146.

Морозова И.А. Ассоциативный эксперимент как метод когнитивного исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С.126-129.

Паутова Л.А. Ассоциативный эксперимент: опыт социологического применения // Социология: методология, методы, математические модели. 2007. № 24. С.149-168.

Прусакова О. А., Сергиенко Е. А. Репрезентации эмоций детьми от трех до шести лет // Научный поиск / под ред. А. В. Карпова. Вып. 3. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2002. С. 51-64.

Forster, K. I., & Forster, J. C. (2003) DMDX: A Windows display program with millisecond accuracy // Behavior Research Methods, Instruments, and Computers. 35 (1). pp. 116-124.

Mädebach, A., Alekseeva E., Jescheniak J.D. (2011). Word order does not constrain phonological activation in single word production // Journal of Cognitive Psychology. 23 (7). pp. 837-842.

Protopapas, A. (2007). CheckVocal: A program to facilitate checking the accuracy and response time of vocal responses from DMDX // Behaviour Research Methods. 39. pp. 859-862.

ASSOCIATIVE REPRESENTATION OF MENTAL STATES: EXPERIMENTAL STUDY OF SPEECH REACTIONS

Ekaterina M. Alekseeva

Associate professor of Department for translation theory and practice
Kazan (Volga region) federal university
Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan
ealekseeva@list.ru

The article is devoted to an actual problem of the associative speech representation of mental states. 31 students of the Kazan (Volga region) federal university (27 female and 4 male) aged from 18 up to 22 years participated in the research. The experimental procedure developed on the basis of the DMDX program allowed to measure the time of speech response to the shown stimuli – concepts of 25 mental states. The second task included reconstruction of their associative fields. The average time of response to the concepts of mental states shown on the computer monitor made 2114,68 milliseconds. The fastest time of the associative speech response was to the stimuli “delight” (1452,54 ms.), “thought” (1569,26 ms.), “calmness” (1685,21 ms.), the slowest – on the stimuli “interest” (2517,5 ms.) and “indecision” (2454,63 ms.). In total 448 associations – speech responses – on concepts of 25 mental states were given, i.e. on average 17,9 associations on each mental states. The greatest number of speech associations was given to the concept “love” (24 different associations). The smallest number of associations characterizes the concept “delight” (11 associations). The associative fields of mental states “thought”, “delight”, “melancholy”, “exhaustion”, “loneliness” have the most pronounced centre. Perspectives of the research consist in carrying out a similar associative experiment among representatives of other culture, and also in studying evaluation and situation-dependent associative representation of mental states.

Keywords: associative representation, mental state, associative experiment, speech reaction.

References

Abramov V.P. Teoriya associativnogo polya [Theory of the association field]. Lexikologiya, frazeologiya i lexicografiya russkogo yasyka [Lexicology, phraseology and lexicography of the Russian]. Moscow: Moscow state university, 2001. Pp. 124-125.

Alekseeva E.M. Reprerentacija psikhicheskogo sostoyaniya: fenomenologicheskij aspekt [Mental state representation: phenomenological aspect]. Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki [Bulletin of the Pskov state university. Series: Psychology and pedagogical sciences]. no 4. Pp. 82-88.

Alekseeva E.M. Mental'naja reprerentacija psihicheskikh sostojanij: jeksplitsitnyj i implicitnyj associativnye komponenty [Mental state representation: explicit and implicit associative components] // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. Nauki [Scientific notes of the Kazan university. Series Humanities], 2015. Vol 157. no.4. Pp. 147-156.

Alekseeva E.M. Vozможnosti izuchenija implicitnyh associativnyh svjazej v kontekste vzaimootnošenij «situacija – psihicheskoe sostojanie» [Possibilities of studying of implicit associations in the context of relationship «a situation – a mental state»] // Psihologija psihicheskikh sostojanij [Psychology of mental states]. Kazan: Kazan federal university, 2015. Pp. 19-23.

Gorodetskaya L.A. Associativnyj jeksperiment v kommunikativnyh issledovanijah [The associative experiment in communicative researches] // Teorija kommunikacii i prikladnaja kommunikacija [Theory of communication and application-oriented communication]. Rostov on Don, 2002. Pp. 28-37.

Goroshko E.I. Integrativnaja model' svobodnogo associativnogo jeksperimenta [Integrative model of a free associative experiment]. Moscow - Kharkiv: Ra-Karavella, 2001. 320 p.

Dorfman L.Ya. Jemocii v iskusstve: teoreticheskie podhody i jempiricheskie issledovanija [Emotions in art: theoretical approaches and empirical researches] Moscow: Smysl, 1997.

Martinovich G.A. Tipy verbal'nyh svjazej i otnošenij v associativnom pole [Types of verbal communications and the relations in the associative field] // Voprosy psihologii [Questions of psychology], 1990. no. 2. Pp. 143-146.

Morozova I.A. Associativnyj jeksperiment kak metod kognitivnogo issledovanija [Associative experiment as method of a cognitive research] // Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh: Voronezh state university, 2001. Pp.126-129.

Pautova L.A. Associativnyj jeksperiment: opyt sociologicheskogo primenenija [Associative experiment: experience of sociological application] // Sociologija: metodologija, metody, matematicheskie modeli [Sociology: methodology, methods, mathematical models], 2007. no 24. Pp.149-168.

Prusakova O.A., Sergienko E.A. Reprerentacii jemocij det'mi ot treh do shesti let [Representations of emotions by children from three to six years] // Nauchnyj poisk [Scientific search]. Jaroslavl': Jaroslavl' state university, 2002. Pp. 51-64.

Forster, K. I., & Forster, J. C. (2003) DMDX: A Windows display program with millisecond accuracy // Behavior Research Methods, Instruments, and Computers. 35 (1). Pp. 116-124.

Mädebach, A., Alekseeva E., Jescheniak J.D. (2011). Word order does not constrain phonological activation in single word production // Journal of Cognitive Psychology. 23 (7). pp. 837-842.

Protopapas, A. (2007). CheckVocal: A program to facilitate checking the accuracy and response time of vocal responses from DMDX // Behaviour Research Methods. 39. Pp. 859-862.

УДК 81'23

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ
(Проект №15-04-00156)

Боргоякова Тамара Герасимовна

директор Института гуманитарных исследований
и саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова
655017, Абакан, ул. Ленина 94, Россия
tamarabee@mail.ru

Перспективы укрепления российской идентичности связаны с поиском способов редукции конфликтности межэтнического взаимодействия. Сохранение заметной устойчивости этнической идентификации в структуре региональной и российской идентичности объясняется особенностями содержания межэтнических стереотипов и представлений о Родине, России и Сибири в языковом сознании русских и хакасских респондентов и семантического развития этнонимов. Выявленная иерархия ассоциативных связей между стимулами «хакасы» и «русские» и соответствующими реакциями в ассоциативных полях «Хакасия» и «Россия» оказывается одинаково актуальной для хакасских и русских респондентов. Первый уровень хакасской идентификационной ассоциативной стратегии включает хакасов, Хакасию и Сибирь, на втором уровне – Россию и русских. В языковом сознании русских респондентов преобладает совмещение этнической русской и российской идентичности, не актуализирующее компоненты малой родины – Хакасию или Сибирь. К маркерам постепенного формирования общегражданской идентичности, не исключающей этнических констант, относится рост ассоциативных стратегий нейтрально-положительной характеристики в этнических гетеростереотипах в соответствующих русских и хакасских ассоциативных полях.

Ключевые слова: хакасский язык, языковое сознание, ассоциативное поле, этническая идентичность, гражданская идентичность, этнические стереотипы.

Введение

В научных исследованиях, посвященных анализу особенностей формирования российской и этнической идентичности, подчеркивается их взаимосвязь и корреляция с психологическим эффектом утраты советской идентичности. Для постепенного формирования совместимости указанных идентичностей и их когнитивного наполнения необходимо становление системы отношений, основанных на взаимопонимании народов российского полиэтнического государства [Абдулатипов 2005, Дробижева 2006]. Это означает, что общероссийская идентичность должна базироваться на этнической идентичности не только доминирующего русского большинства, но должна стать привлекательной и для других народов России, «через соответствие ценностей, символов, представлений», «ассоциирующихся с российскостью», и их интересам и ценностям [Дробижева 2006: 28-29].

Пока такой согласованной непротиворечивости двух видов идентичности создать не удалось. Активные дискуссии по поводу закона о единой российской нации завершились решением о разработке закона «Об основах государственной национальной политики». Это вызвано «неготовностью общества воспринять идею единой нации», – объяснил руководитель рабочей группы по подготовке концепции законопроекта В.А. Тишков. В национальных республиках высказывались опасения, что российская нация станет нацией русских, а остальные народы потеряют свою этничность. Поэтому, по мнению экспертов, сначала надо «сделать всесторонний анализ ситуации в межэтнической сфере» и «разблокировать дискуссии» по этому вопросу в обществе [Городецкая 2017]. Важным для данной дискуссии является изучение и учет разных аспектов и факторов, определяющих структуру, соотношение и перспективы развития этнической и российско – гражданской идентичности.

Л.М. Дробижева справедливо связывает актуальность формирования общегражданской идентичности с ожиданиями ее позитивного воздействия на «негативное восприятие межэтнических взаимодействий» [Дробижева 2017: 27]. По ее мнению, российскую гражданскую идентичность следует определять как «государственно-гражданскую», что позволит актуализировать когнитивную составляющую идентичности, которая «должна удерживать в сознании людей уважение к законам и правам человека», к нормам, «задаваемым и институтами государства и общества», как одним из условий поддержания межэтнического согласия и интеграции общества [Там же].

Мы попытаемся рассмотреть уровень и причины значимости этнической идентификации и их влияния на развитие и укрепление региональной и российской идентичности с психолингвистической точки зрения с привлечением особенностей этнических стереотипов и представлений о Родине, России и Сибири, представленных в языковом сознании русских и хакасских респондентов. Психолингвистический подход позволяет исследовать недоступную для прямого восприятия включенность сознания индивида в систему социальных, межкультурных и межэтнических взаимодействий, требующих оптимальной общности их сознания, а также глубинные семантические коннотации, не включенные в лексикографические дефиниции и варьирующиеся в конкретных условиях места и времени [Тарасов 2003, Залевская 2007, Стернин 2010, Уфимцева 2011, Нистратов, Тарасов 2014, Шапошникова 2014]. Обзор становления и развития сопоставительных психолингвистических исследований с привлечением хакасского языкового сознания представлен в [Боргоякова, Покоякова 2016].

Семантические трансформации слова «россиянин»

Семантическое развитие номинации российской идентичности можно проследить по изменениям в словарных дефинициях. В академическом словаре русского языка для слова РОССИЯНИН, -а, *мн.* -яне, -ян, *м.* (устар., чаще высок.) предлагается определение *То же, что русский* [Ожегов 1990: 683]. Это означает, что слову «россиянин» в 40-50-ые годы XX века (в период создания первых выпусков названного словаря) придавалось только этнографическое значение. И, что важно, само слово считается устаревшим эквивалентом слова «русский» (термина, обозначающего национальность).

В толковом словаре русского языка более позднего издания данная словарная статья как бы «переворачивается» и дает в качестве заглавной лексему РОССИЯНЕ, т.е. форму множественного числа с производными словами *россиянин* и *россиянка*. И актуальное значение этого слова приводится по сути одно: «общее название населения России», т.к. второе значение «русские» определяется как устаревшее [Ожегов, Шведова 1992: 708].

Сегодня слово *россияне* широко используется именно в этом его значении в актуальных публицистических текстах, размещаемых в СМИ и в пространстве Интернет. При одинаково частотном употреблении слов *россияне* и *россиянин* первое из них употребляется чаще: современный общественно-политический дискурс предполагает, прежде всего, «развертывание» информации обо всех гражданах (или жителях) России [Боргоякова, Каксин, Чугункова 2017].

Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что семантическое расширение термина отражает новые политические реалии после распада Советского Союза и утраты советской государственной идентичности. Номинация общероссийской идентичности *россияне* произошла за счет использования имеющихся лексических ресурсов полисеманта РОССИЯНЕ с вытеснением первоначального значения этнической принадлежности *русские* в категорию устаревшей лексики. Доминирование нового значения слова *россияне* в современном общественно-политическом дискурсе, несомненно, свидетельствует о тенденциях в продвижении и укреплении позиций данного термина в значении российской идентичности как основы формирования единой российской нации [Там же].

Противоречивость данного термина связана с известным определением «Мы, многонациональный народ Российской Федерации», открывающего текст Конституции РФ и представленного далее в ст. 3 [Конституция РФ], которое продолжает традиционную дефиницию «советский народ». Возможно, формулировка «единый российский народ», выглядела бы более привычной и приемлемой. Однако она не позволяет устранить другое противоречие, связанное с терминами «нация» (nation) и этнос (ethnos), принятыми в международном дискурсе, и имеющими значения государственной идентичности и этнической принадлежности (происхождения) соответственно.

Корреляция этнических стереотипов жителей Хакасии с российской идентичностью

По мнению Л.М. Дробижевой, этническая идентичность приобретает особую значимость в поликультурной среде, в которой повышается чувствительность и к самооценке, и к оценке себя другими, что отражается в декларациях властных элит и в дискурсе СМИ. Один из важных работающих элементов в этнической идентичности – уважение достоинства своего народа, как «очень важное условие, чтобы чувствовать свое равенство в обществе» [Дробижева 2006: 19]. Можно предположить, что предложение о проведении «всестороннего анализа ситуации в межэтнической сфере», приведенное выше, связано с наличием в ней конфликтных зон и этнических стереотипов, которые замедляют процесс формирования российской идентичности. Отмечая важность изучения этнических стереотипов, Л.Е. Горизонтов подчеркивает, что они «не только отражают реалии, но и форми-

руют убеждения», влияя на поступки и даже политические решения, «способные действительность изменять». Их коллекционирование, ограничивающееся «реконструкцией без должной интерпретации» грозит не изживанием, как это декларируется, а укоренением и вторжением клише и стереотипов из прошлого в сегодняшний день [Горизонтов 2004: 39].

Известно, что в основе этнических стереотипов – устойчивых представлений о достоинствах и недостатках разных этносов – лежит классическая дихотомия «мы – они» или «свои – чужие». Первая часть оппозиции представлена автостереотипами, а вторая – гетеростереотипами [См. об этом: Солдатова 1998: 8]. Особенности этнических стереотипов и их корреляция с российской идентичностью жителей Хакасии были выявлены через анализ ассоциативных полей, сформированных по итогам свободного ассоциативного эксперимента с участием русских и хакасских респондентов – жителей Хакасии в 2007 г. (далее АП-2) [Боргоякова 2007] с привлечением данных АП-1, представленных в [Боргоякова 2002].

Было установлено, что в АП-2 *русские*, составленном на основе реакций русских респондентов (далее РР), семантическая группа «Россия-свои» занимает 20% с наиболее частотными реакциями: *Россия, люди России, мои друзья, славянское население России, моя национальность, свои, братья* и т.д. При этом в языковом сознании (далее ЯС) РР не оказалось ни одной ассоциации с Хакасией как «малой Родиной». Возможно, это подтверждает наблюдение В. Жельвиса о том, что «русский, поменявший место жительства, может всю жизнь ощущать себя на новом месте нездешним, корнями уходящим туда, где он родился и вырос, будь это переезд в другую страну или в республику бывшего СССР» [Жельвис 2002: 72-73], но с оговоркой, что это может распространяться и на русских, родившихся в Сибири.

В гетеростереотипах РР о хакасах на первом месте оказалась группа реакций, объединяемых в группу «Жители Хакасии – национальность» (37%), когнитивной основой которой является вторая часть оппозиции «мы – они». В нее входят такие частотные ассоциаты как, например, *национальность, коренные жители Хакасии, нация, Хакасия, жители Абакана, население местное, хозяева, Азия, тюркоязычное население* и др.

В автостереотипах хакасских респондентов (далее ХР) слово-стимул «хакасы» вызвала заметную группу реакций «Хакасия-свои», составившую 31%. В нее вошли следующие ассоциации: *төрөөн чирім* «родная земля», *ада чир-суу* «Родина», *Хакасиям* «моя Хакасия», *минің чоным* «мой народ», *пістіңнер* «наши», *харындастар* «братья» и др. Соответственно в гетеростереотипах ХР о русских первое место (16%) занимает ассоциативная связь с Россией, русской национальностью и ее многочисленностью. Например: *көп* «много», *көбізі* «большинство», *Россия, пасха чон* «другая национальность», *Москва* и др.

Сравнительный анализ основного содержания приведенных выше русских и хакасских АП показывает общность автостереотипизации по линии «мы», маркированной индикаторами принадлежности (*мои, моя, свои, братья* и *минің* «мой», *пістіңнер* «наши», *харындастар* «братья»). РР противопоставляют себя и хакасов по параметрам языка и географической локации (*славянское население России – тюркоязычное население, люди России – местное население, коренные жители, Азия*).

ХР актуализировали отличие по признаку численности и исторической территории (*төрөөн чирим* «родная земля», *ада чир-суу* «Родина»), ассоциируя русских с *Россией, другой национальностью, Москвой и большинством*.

Аксилогический аспект этнической и гражданской идентификации

Следует отметить, что негативная часть гетеростереотипов, представленных в ЯС РР и ХР, содержит количественные и качественные расхождения. Отрицательные гетеростереотипы ХР о русских составляют 36%, в то время как доля негативизма в гетеростереотипах РР по отношению к хакасам – только 13%. Данное соотношение несомненно связано с взаимоотношениями большинства и меньшинства, которые, как правило, сопряжены с социальной несправедливостью и ущемлением чувства достоинства меньшинства. В содержательной части негативных образов друг друга налицо эмоциональная окраска и приписывание друг другу черт, неприемлемых в культуре своего этноса. Например, *долго думающие* и *нудные* о хакасах и *наглые* и *националисты* о русских. Хакасы, присваивающие *скромность* и *сдержанность* как главный позитив, бессознательно ждут такого же поведения от русских и поэтому *наглость* выступает как высокостереотипная реакция [см. об этом: Боргоякова 2015: 140]. Сравнительные исследования этностереотипов в других субъектах РФ также выявили отмеченную выше закономерность более высокой доли негативного восприятия русских в ЯС нерусских народов России по сравнению с их ассоциативной характеристикой в ЯС РР [см. об этом: Шляхова, Белова 2014: 7, 18].

Важно в то же время подчеркнуть высокую долю нейтрально-позитивных гетеростереотипов, которые составляет 87% и 64% в АП - 2 РР и ХР соответственно [Боргоякова 2007: 6-7]. Эти данные в определенной мере коррелируют с характеристикой межнациональных отношений в Хакасии как «стабильных» с признаками «скрытой формы национальной напряженности», низкого уровня культуры межнациональных отношений, с проявлением предрассудков и функционирование негативных национальных стереотипов [Этносоциальная ситуация 2006: 26].

Иерархия ассоциативных связей между стимулами *русские* и *хакасы* и соответствующими реакциями *Россия* (24%) и *Хакасия* (23%) выявлена и по итогам другого ассоциативного эксперимента при отсутствии негативных реакций, характеризующих данные этносы. В то же время в нем корреляция между стимулом *тувинцы* и реакцией *Тува* составила 8,7%, но при этом позитивные характеристики о представителях соседнего этноса составили 6,1% и негативные стереотипы – 9,3% [Чистаева 2007].

Ассоциативные стратегии репрезентации стимула «Россия» в хакасском и Сибирском ассоциативных полях

Особенности наполнения АП *Россия*, полученного по итогам САЭ в 2016-2017 гг. с участием 155 хакасских респондентов и АП, представленного в СИБАС, связаны с распределением реакций по двум основным группам: страна (государство) и родина. В хакасском АП преобладает первая более нейтральная группа, составляющая 50%. К ней примыкает подгруппа реакций со значением многонационального полиэтнического состава населения России – 5%. Вторая группа «родина», включающая эмоциональную компоненту значения, представлена 18% ре-

акций. Корреляция стимула *Россия* с русскими, русским языком и русской землей составляет 4%. В АП *россияне* данная ассоциативная линия составляет уже 13%. В АП СИБАС соотношение двух основных групп является более сбалансированным, составляя 29 и 32% соответственно. Доля негативных ассоциаций здесь представлена 4% реакций [СИБАС]. В АП *Хакасия* группа реакций со значением *родина* составляет 63%, включая 43% реакций, номинирующих или включающих слово *чир* «земля», часто с определением *төрөөн* «родная».

Важные изменения и тенденции можно выявить, используя не разовые «замеры», а исследования с разрывом во времени. Так, анализ современных хакасских ассоциативных полей *русские* и *хакасы*, сформированных в 2015–2016 годах, подтвердил актуальность прежней двухуровневой этнической идентификации, оставляющей Россию за русскими и Хакасию за хакасами. В АП *хакасы* группа реакций, обозначающих принадлежность к хакасам (*тадар*, *хара пас*) и «своим», составила 38%. Доля позитивных автостереотипов достигла 59% (негативные 3%). В АП *русские* ведущей оказалась ассоциативная линия перцептивного (зрительного) восприятия внешности русских (31%). Реакции синонимы *казах* (русский), *Россия*, *Пушкин* составили 29%. Доля негативных этностереотипов как о себе, так и о русских сохранилась на уровне 9%, выявленных в соответствующем АП, сформированном в 2000 г. [Боргоякова А.П. 2002].

Новым трендом является рост позитивно-нейтрального восприятия русских до 79%, включая 23% выраженного позитивного ассоциирования. Для сравнения приведем данные ассоциативных измерений в АП -1 с 55% позитивно-нейтрального портретирования русских, в том числе 17% позитивизма. Данная динамика может свидетельствовать, на наш взгляд, о «включении» механизма формирования общероссийской идентичности, которая исторически ассоциируется с доминантным русским этносом, в языковом сознании которого, как было отмечено выше, сохраняется историческая связь коренных народов Сибири с их традиционными территориями.

Далее рассмотрим итоги сравнительного анализа АП *Сибирь*. Первое АП представлено в СИБАС и второе сформировано на основе реакций хакасских респондентов в 2016 году. В случае необходимости будем также привлекать соответствующие материалы из Ассоциативного словаря Приенисейской Сибири (АСПС), представленные в [Васильев, Васильева, Тимченко 2015].

Выявленная общность заключается в понятийном совпадении одного из ядерных блоков реакций, характеризующих Сибирь с *климатической* точки зрения. Отличие заключается в количественном соотношении. Группа реакций, объединенных значением *холод*, выступает безусловной доминантой в АП СИБАС, составляя 66%. В хакасском АП ее доля (*соох*) составляет более чем в два раза меньшую величину – 27%. Ведущий семантический блок в хакасском АП связан с ассоциативной линией идентификации Сибири с *Хакасией*, *хакасами*, *родиной*, *родной (своей) землей*, составляя 31%. В русском АП удельный вес ассоциативных реакций, идентифицирующих Сибирь с родиной, а также с родным краем и домом, составляет 12%. Ассоциация Сибири с Россией представлена лишь 2% реакций. Ассоциативная связь с представлениями о месте лишения свободы и исполнения (*ссылка*, *каторга*, *тюрьма*) составляет 6% в СИБАС, а в хакасском АП – 1%.

По итогам анализа АСПС, созданного в 2014 г., авторы монографии «Этнокультурное сознание и самосознание сибиряка, отраженное в языке», отмечают также, что Сибирь воспринимается респондентами в первую очередь в аспекте природно-географическом (31%). «Явно меньшее количество респондентов говорит о регионе как о своей родине и некогда популярное именование «малая родина» не встретилось ни в одном ответе». Они отмечают также факт крайне малого количества позитивных реакций на фоне очевидно более высокого процента реакций, связанных с представлениями о месте лишения свободы и исполнения наказания (8,2%). Слабая ассоциативная связь между Сибирью и Россией в целом (менее 5%) иллюстрирует, по мнению авторов, представления красноярцев о «несбалансированных взаимоотношениях между денотатами» [Васильев, Васильева, Тимченко 2015: 121]. С.В. Савицкая также отмечает, что «образ «малой родины» слабо представлен в сознании «усредненного» носителя русского языка – жителя азиатской части России» [Савицкая 2017: 211].

Этническая и российская идентичности в АП «ада чир-суу» и в хакасском медиа пространстве

Анализ АП слова-стимула *ада чир-суу* «родина», сформированного по итогам свободного ассоциативного эксперимента в 2015-2016 годах с участием 150 хакасских респондентов, также выявил преобладание в нем региональной хакасской идентичности. Лидирующие ассоциаты связаны с *Хакассией, родной землей, хакасами, местом рождения* (около 40%). Маркеры российской идентичности составили 3%.

Следует отметить, что в структуре хакасского АП *Россия* группа реакций *чир-суу* «родина», *минің «моя», тӱреен чир* «родная земля» составляет заметную долю – 16,6%, что позволяет предположить, что доминирование этно-региональной ассоциативной линии в современном языковом сознании хакасов не означает неприятие или отторжение российской идентичности. Оно предполагает ее естественное наличие на следующем более масштабном общегосударственном уровне идентификации. Более высокая интенсивность маркеров этнической идентичности и эмоциональная заряженность ее репрезентации в соответствующих АП хакасских респондентов обусловлена не только местом их рождения, но и генетической связью с историей и наследием предшествующих поколений их предков. Формирование совмещения с понятием России как государства, объединяющего многие народы, также имеет исторические и политические основы, включая столетия колонизации Сибири и относительно недавние административные меры по упразднению записи о национальной принадлежности в паспортах граждан РФ.

Предварительный анализ регионального дискурса СМИ Республики Хакасия также подтверждает актуальность этнической идентификации, не отрицающей общероссийской идентичности. Так, например, анализ частотности употребления номинаций, связанных с российской идентичностью в республиканской газете «Хабар» за 2017 год, показывает, что среди более 50 слов данной группы лидируют «Россия» (30%), Президент России В. Путин (10%), министр обороны России С. Шойгу (6%), министр образования и науки РФ О. Васильева и депутат Государственной думы РФ от Хакасии Н. Максимова – по 4%. Наименования

должностей председателя Правительства РФ и его заместителей, упоминания министерств и фондов РФ составили 18%. Частотной оказалась группа лексических единиц, связанная с номинацией федеральных учреждений социального блока (образования, науки, культуры и спорта), обороны и их представителей – 20% [Боргоякова, Каксин, Чугунекова 2017].

Номинаций с опорой на этноним «хакас» оказалось в три раза больше. Среди них доминирующими оказались «хакасы» (32%), хакасский язык (26%) и хакасская культура (27%), в целом составляющие 85% всей выборки. Остальная часть номинаций относится в большинстве случаев к названиям учреждений и организаций, расположенных на территории Хакасии [Там же].

В последние годы в СМИ Хакасии набирает силу тенденция использования слова *хакасы* и *хакасский* не только в значении этнической принадлежности, но и в значении *региональной идентичности* или принадлежности к Республике Хакасия. В первую очередь это исходит из публичного дискурса главы республики, Виктора Зимины, который активно использует выражения *мы хакасы*, *мы все хакасы*, а также из материалов русскоязычных СМИ республики, где этноним используется для определений, не включающих этнический компонент: *хакасские спортсмены*, *хакасские артисты*, *хакасские ученые*. С одной стороны, это явление можно рассматривать как феномен вторичной номинации и развития нового значения, маркирующего принадлежность к конкретной республике, по аналогии с расширением семантики слова *россиянин*. С другой стороны, это поднимает проблему терминологической чистоты и однозначности этнонима *хакасы*. В перспективе, может произойти его «развертывание» в виде более сложной конструкции «хакасского происхождения» при отсутствии контекстуальной подсказки. Или возможно получит укрепление тенденция более частотного использования синонимичного самоназвания хакасов *тадарлар*.

Выводы

Таким образом, анализ ЯС с точки зрения соотношения этнической и гражданской идентичности позволяет сделать вывод об устойчивости двухуровневой идентификации хакасов, которая включает этническую составляющую идентичности, связанную с генетической памятью и эмоциональной привязанностью к родной земле и своему народу, не исключаящую второй уровень государственно-гражданской идентификации, основанной на ее когнитивной компоненте. Двухуровневая ассоциативная стратегия оставляет Хакасию за хакасами, а Россию – преимущественно за русскими не только в хакасском ЯС, но и в самосознании РР, проживающих в Хакасии и Сибири. Необходимы дальнейшие исследования динамики и сближения этнической и региональной идентичностей – составных элементов гражданской идентичности народов России в виде единства российской политической нации с привлечением ассоциативной базы других языков.

Литература

Абдулатипов Р.Г. Российская нация (этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях). М.: Научная книга, 2005.

Боргоякова Т.Г. Этнические стереотипы жителей Хакасии: лингвокультурологический аспект // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2007. Том 5, выпуск 1. С. 5-11.

Боргоякова А.П. Хакасский прямой ассоциативный словарь. Приложение 2 к рукописи диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан (на материале ядра языкового сознания). М., 2002. 405 с.

Боргоякова Т.Г. Хакасские соматизмы как источник фразеологической концептуализации // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию Ахмет-Заки Валиди Тогана. Книга 2. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 138-141.

Боргоякова Т.Г., Каксин А.Д., Чугунеков А.Н. Российская, региональная и этническая идентичность в дискурсе СМИ и в этнических стереотипах // Вестник ХГУ. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2016. №18. С. 73-79.

Боргоякова Т.Г., Покоякова К.А. Антонимические отношения в ассоциативно-вербальной репрезентации носителей хакасского, русского и английского языков // Вопросы психолингвистики, 2016. № 2 (28). С. 72-87.

Васильев А.Д., Васильева С.П., Тимченко А.Г. Этнокультурное сознание и самосознание сибиряка, отраженное в языке: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им.В.П. Астафьева. Красноярск, 2015. 204 с.

Горизонтов Л.Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основание для стереотипов и автостереотипов // Славяноведение. N1, 2004. С. 39-48.

Городецкая Н. Единство нации не выдержало критики // Коммерсант № 39 от 07.03.2017.

Дробижеева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. С. 1-29.

Дробижеева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. Социология. Этнология. 2017, Т. 26. №. 1. С. 7-31.

Жельвис В. Эти странные русские. М.: Эгмонт Россия Лтд., 2002. 96 с.

Залевская А.А. Некоторые перспективные направления психолингвистических исследований // Языковое сознание парадигмы исследования /Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М., Калуга: Изд-во Эйдос, 2007. С. 24-39.

Конституция Российской Федерации. Москва. Известия, 1995. 63 с.

Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф. Аксиологические аспекты языкового сознания в эпоху глобализации // Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга 1. М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2014. С. 164-179.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стереотипное. М.: Русский язык, 1990. 921 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская АН. Ин-т рус. яз.; Российский фонд культуры. М.: Азъ Ltd., 1992. 960 с.

Савицкая С.В. Сопоставительное исследование языкового сознания русских и якутов (на примере образа родины) // Вопросы психолингвистики, 2017. № 1 (31). М. С. 203-216.

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008-2016) (авторы-составители И.В. Шапошникова, А.А. Романенко) URL: <http://adict.ru.nsu.ru> (дата обращения 26.06.2017)

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.

Стернин И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики, 2010. № 2 (12). М. С. 57-63.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика анализа языкового сознания. Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2003. С. 7-22.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М., Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.

Шапошникова И.В. К вопросу об инструментарии для сближения лингвистического образования с практикой жизни (на материале СИБАС – русской региональной ассоциативной базы данных) // Вопросы психолингвистики, 2014. №2 (20). С. 28-41.

Шляхова С.С., Белова Л.А. Авто- и гетеростереотипы русских, башкир и коми пермяков. Статья вторая. Характер // Вестник Пермского университета, 2014. Вып.1 (25). С. 7-19.

Чистаева О.Н. Язык региональных печатных СМИ в контексте проблем межэтнических отношений (на примере Республики Хакасия) // Язык. Текст. Культура. М – Калуга: Изд-во Эйдос, 2007. С. 32-36.

Этносоциальная ситуация в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2006. 96 с.

**PSYCHOLINGUISTIC ASPECTS OF ETHNIC AND RUSSIAN
IDENTITY CONSTRUCTION**

Tamara G. Borgoyakova

Director of the Institute of Humanitarian Studies
and the Sayano-Altai Turkology in the Katanov
Khakass State University
Lenin Street 94, Abakan, 655017, Russia
tamarabee@mail.ru

Prospects for strengthening Russian identity are related to the search for ways to reduce the conflictual nature of interethnic interaction. Preservation of the marked stability of ethnic identification in the structure of regional and Russian identity is explained by the peculiarities of the content of interethnic stereotypes and perceptions of the Motherland, Russia and Siberia in the language consciousness of Russian and Khakass respondents and the semantic development of ethnonyms. The revealed hierarchy of associative links between the «Khakass» and «Russian» stimuli and the corresponding reactions in the associative fields «Khakassia» and «Russia» turns out to be equally relevant for the Khakass and Russian respondents. The first level of Khakass identification associative strategy includes *Khakass, Khakassia and Siberia*, the second level - *Russia and Russians*. In the language consciousness of Russian respondents, the combination of ethnic Russian and civil Russian identity predominates, not actualizing the components of a «small homeland» – Khakassia or Siberia. The markers of the gradual formation of a general civil identity that does not exclude ethnic identification constants include the growth of associative strategies of neutral-positive characteristics in ethnic heterostereotypes in the corresponding Russian and Khakass associative fields.

Keywords: Khakass language, language consciousness, associative field, ethnic identity, civic identity, ethnic stereotypes.

References

Abdulatipov R.G. Rossijskaja nacija (jetnonacional'naja i grazhdanskaja identichnost' rossijan v sovremennyh uslovijah) [Russian nation (ethnic and citizen identity in modern conditions)]. M.: Nauchnaja kniga, 2005.

Borgojakova T.G. Jetnicheskie stereotipy zhitelej Hakasii: lingvokul'turologičeskij aspekt [Ethnic stereotypes of Khakass: linguacultural aspect] // Vestnik NGU [Bulletin of KhGU]. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikacija, 2007. Tom 5, vypusk 1. P. 5-11.

Borgojakova A.P. Hakasskij prjamoj asociativnyj slovar' [Khakass direct associative dictionary] Prilozhenie 2 k rukopisi dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologičeskich nauk «Nacional'no-kul'turnaja specifika jazykovogo soznanija hakasov, russkich i angličan (na materiale jadra jazykovogo soznanija). M., 2002. 405 p.

Borgojakova T.G. Hakasskie somatizmy kak istochnik frazeologičeskogo konceptualizacii [Khakass somatisms as a source of phraseologic conceptualization] // Rossijskaja

i Vostok: vzaimodejstvie stran i narodov [Russia and East: interaction of countries and peoples]: Trudy H Vserossijskogo sezda vostokovedov, posvjashhennogo 125-letiju Ahmet-Zaki Validi Togana. Kniga 2. Ufa: IJJaL UNC RAN, 2015. P. 138-141.

Borgojakova T.G., Kaksin A.D., Chugunekov A.N. Rossijskaja, regional'naja i jetniceskaja identichnost' v diskurse SMI i v jetniceskih stereotipah [Russian, regional and ethnic identity in media and ethnic stereotypes] // Vestnik HGU [Bulletin of KhGU]. Abakan: Izdatel'stvo Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova, 2016. №18. P. 73-79.

Borgojakova T.G., Pokojakova K.A. Antonimicheskie otnoshenija v associativno-verbal'noj reprezentacii nositelej hakasskogo, russkogo i anglijskogo jazykov [Antonymic relations in associative and verbal representation of Khakass, Russian and English speakers] // Voprosy psiholingvistiki [Issues of psycholinguistics], 2016. № 2 (28). P. 72-87.

Vasil'ev A.D., Vasil'eva S.P., Timchenko A.G. Jetnokul'turnoe soznanie i samosoznanie sibirjaka, otrazhennoe v jazyke [Ethnocultural consciousness and self-consciousness of the Siberian, reflection in the language]: monografija / Krasnojarsk. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva. Krasnojarsk, 2015. 204 p.

Gorizontov L.E. "Pol'skaja civilizovanost'" i "russkoe varvarstvo": osnovanie dlja stereotipov i avtostereotipov ["Polish civilization" and "Russian barbarism"] // Slavjanovedenie [Slavic studies]. N1, 2004. P. 39-48.

Gorodeckaja N. Edinstvo nacii ne vyderzhalo kritiki [The unity of the nation could not stand criticism] // Kommersant № 39 dated 07.03.2017.

Drobizheva L.M. Gosudarstvennaja i jetniceskaja identichnost': vybor i podvizhnost' [State and ethnic identity: choice and change] // Grazhdanskije, jetniceskije i religioznye identichnosti v sovremennoj Rossii [Citizen, ethnic and religious identities in modern Russia] / Otv. red. V.S. Magun. M.: Izdatel'stvo Instituta sociologii RAN, 2006. P. 1-29.

Drobizheva L.M. Grazhdanskaja identichnost' kak uslovie oslablenija jetniceskogo negativizma [Citizen identity as a reason of decrease of ethnic negation] // Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija [The world of Russia. Social and ethnic studies]. 2017, T. 26. №. 1. P. 7-31.

Zhel'vis V. Jeti strannye russkie [These strange Russians]. M.: Jegmont Rossija Ltd., 2002. 96 p.

Zalevskaja A.A. Nekotorye perspektivnye napravlenija psiholingvisticeskih issledovanij [Some perspective directions of psycholinguistic research] // Jazykovoje soznanie paradigmy issledovanija [Language consciousness. Paradigms of the study] / Pod red. N.V. Ufimcevoj, T.N. Ushakovoj. M., Kaluga: Izd-vo Jejdos, 2007. P. 24-39.

Konstitucija Rossijskoj Federacii [Constitution of the Russian Federation]. Moskva. Izvestija, 1995. 63 p.

Nistratov A.A., Tarasov E.F. Aksiologicheskie aspekty jazykovogo soznanija v jepohu globalizacii [Axiologic aspects of language consciousness in the epoch of globalization] // Aktual'nye jetnojazykovye i jetnokul'turnye problemy sovremennosti [Modern ethnolinguistic and ethnocultural problems]. Kniga 1. M.: Fond «Razvitija fundamental'nyh lingvisticeskih issledovanij», 2014. P. 164-179.

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]: 70000 slov / Pod red. N.Ju. Shvedovoj. 22-e izd., stereotipnoe. M.: Russkij jazyk, 1990. 921 p.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]: 72500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazhenij / Rossijskaja AN. In-t rus. jaz.; Rossijskij fond kul'tury. M.: Az Ltd., 1992. 960 p.

Savickaja S.V. Sopostavitel'noe issledovanie jazykovogo soznanija russkih i jakutov (na primere obraza rodiny) [Comparative study of Russian and Yakut language conciousness] // *Voprosy psiholingvistiki* [Issues of psycholinguistics], 2017. № 1 (31). M. P. 203-216.

SIBAS – Russkaja regional'naja asociativnaja baza dannyh [Russian regional associative database] (2008-2016) (avtory-sostaviteli I.V. Shaposhnikova, A.A. Romanenko) URL: <http://adictru.nsu.ru> (data obrashhenija 26.06.2017)

Soldatova G.U. Psihologija mezhjetniceskoj naprjazhennosti [Psychology of interethnic tension]. M.: Smysl, 1998. 389 p.

Sternin I.A. K razrabotke psiholingvisticheskogo tolkovogo slovarja [To compiling psycholinguistic dictionary] // *Voprosy psiholingvistiki* [Issues of psycholinguistics], 2010. № 2 (12). M. P. 57-63.

Tarasov E.F. Mezhkul'turnoe obshhenie – novaja ontologija analiza jazykovogo soznanija [Intercultural relations – new ontology of analyses of language conciousness] // *Jetnokol'turnaja specifika analiza jazykovogo soznanija* [Ethnocultural analyses of language conciousness]. Sb. st. / Otv.red. N.V. Ufimceva. M.: IJa RAN, 2003. P. 7-22.

Ufimceva N.V. Jazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' [Language conciousness: dynamic and variability]. M., Kaluga: Institut jazykoznanija RAN, 2011. 252 p.

Shaposhnikova I.V. K voprosu ob instrumentarii dlja sblizhenija lingvističeskogo obrazovanija s praktikoj zhizni (na materiale SIBAS – russkoj regional'noj asociativnoj bazy dannyh) [On the issue of tools for convergence of linguistic education with the practice of life] // *Voprosy psiholingvistiki* [Issues of psycholinguistics], 2014. №2 (20). P. 28-41.

Shljahova S.S., Belova L.A. Avto- i geterostereotipy russkih, bashkir i komi permjakov. Stat'ja vtoraaja. Harakter [Auto- and heterostereotypes of Russian, Bashkir and Komi-Perm] // *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University], 2014. Vyp.1 (25). P. 7-19.

Chistaeva O.N. Jazyk regional'nyh pechatnyh SMI v kontekste problem mezhjetniceskih otnoshenij (na primere Respubliki Hakasija) [The language of regioanal media in the context of interethnic relations (on the example of the Republic of Khakass)] // *Jazyk. Tekst. Kul'tura* [Language. Culture. Text]. M., Kaluga: Izd-vo Jejdos, 2007. P. 32-36.

Jetnosocial'naja situacija v Respublike Hakasija v ocenkah i predstavlenijah massovogo soznanija [Ethnosocial situation in the Republic of Khakassia in assessments and representations of mass conciousness]. Abakan: Izd-vo HGU im. N.F. Katanova, 2006. 96 p.

УДК 81'27, 81'42

**ИНДЕКСАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
В РУССКОЯЗЫЧНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Гриценко Елена Сергеевна

доктор филологических наук, профессор
кафедра английской филологии
Нижегородского лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова 605155 Минина 31а
elena.s.gritsenko@gmail.com

Ненашева Татьяна Александровна

кандидат филологических наук, доцент
департамент прикладной лингвистики и иностранных языков Националь-
ного исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
603005, Нижний Новгород, ул. Б.Печерская, 25/12
tnenasheva@hse.ru

Под влиянием глобализации меняются статус и функции английского языка в неанглоязычных странах (т.н. странах «расширяющегося круга»). Глобальный английский становится частью локального коммуникативного пространства и активно используется как самостоятельное средство смыслопорождения. Целью исследования, представленного в статье, было выявление особенностей восприятия английского языка в российском социуме и описание его индексального потенциала на примере трех различных «ниш» русскоязычного коммуникативного пространства: профессиональной коммуникации, сферы науки и образования и сферы досуга. Методологической основой работы являются положения социолингвистики глобализации о языке как мобильном транслокальном ресурсе и об идеологической обусловленности процессов смыслопорождения. В работе использовалась комплексная методика, включающая методы социолингвистики, семантической интерпретации и этнографии; привлекались данные ранее проведенных исследований. Проведенный анализ показал, что индексальный потенциал английского языка реализуется по-разному в различных коммуникативных сферах. В профессиональной сфере он индексирует профессиональную компетентность и служит средством конструирования профессиональной идентичности. В академической среде он индексирует инновации, прогресс, используется как «бренд» и средство «продвижения» в проектной деятельности. В сфере досуга англицизмы коннотируют современность, креативность и служат символом глобальной культуры потребления. Смыслопорождающая функция английского языка реализуется эксплицитно (когда англицизмы фактически присутствует в коммуникации) и имплицитно (посредством калькирования и «присвоения» англоязычных коммуникативных норм). Наряду с этим английский язык выступает посредником идеологических трансформаций, мировоззренческих сдвигов, которые можно считать следствием языковой и культурной глобализации.

Ключевые слова: английский язык, русский язык, коммуникация, языковая идеология, индексальность, конструирование идентичности.

Введение

Глобальная экспансия английского языка и его «присвоение» в странах «расширяющегося круга» [Kachru 1997] привели к широкому распространению гибридных речевых практик, особенностью которых является использование англицизмов и англоязычных вкраплений в локальных контекстах для достижения конкретных коммуникативных целей. В зарубежной лингвистике подобные практики именуют «транслингвальными» [Canagarajah 2013], чтобы подчеркнуть интенсивный характер взаимодействия языков и размывание границ между ними в глобальном коммуникативном контексте. Термин «транслингвальный» и другие терминологические новации («metrolingualism» [Pennycook 2010], translanguaging [Garcia 2009] и т.п.) используются западными исследователями как альтернатива традиционных терминов («билингвизм», «мультилингвизм», «кодовое переключение», «смешение кодов» и др.), имплицитующих базовый статус монолингвизма и родного (национального) языка.

В зарубежном языкознании феномен англо-местной гибридации подробно исследован на материале различных «ниш» коммуникативного пространства – рэпа и попкультуры [Alim, Ibrahim & Pennycook 2009; Pennycook 2010; Terkourafi 2010], языкового ландшафта и рекламы [Backhaus 2007; Bhatia & Ritchie 2013; Dimova 2012; Martin 2008; Martinez 2015], компьютерно-опосредованной коммуникации [Antroutsopoulos 2010; Seargeant & Tagg 2011], других видов общения [Bolton 2013; Blommaert 2007; Heller 2010; Hickey 2010; Higgins 2009; Johnstone 2010; Maunard 2007]. В центре внимания исследователей находится коммуникативно-прагматический потенциал транслингвальных практик, их роль в процессах создания новых смыслов и конструировании идентичности.

В отечественной лингвистике данная проблематика является относительно новой. Хотя «англизацию» русского языка относят к числу одной из основных тенденций, определяющих его развитие на современном этапе, объектом исследования чаще всего становятся лексические инновации [Валгина 2003; Казкенова 2013; Кронгауз 2017; Кузьмина 2015; Абросимова 2013] и формально выраженные аспекты межязыкового взаимодействия. Одним из немногих исследований, где специфика развития англо-русского языкового контакта соотносится с динамикой языкового сознания, является работа А.В. Кирилиной, рассматривающей широкое распространение «наивного перевода/адаптации» в форме калькирования (*он сделал это*); изменения сочетаемости (*во власти качества*), смещения перспективы в оппозиции свое / чужое (когда базой сравнения становится «чужое») и другие процессы как свидетельство иноязычной и инокультурной экспансии [Кирилина 2011].

В отечественной лингвоконтактологии гибридные коммуникативные практики анализируются преимущественно в функциональном и статусном аспектах – как разновидность транслингвизма («кодового слияния») и форма «усеченного массового англо-местного билингвизма» [Ривлина 2016]. Вопрос о смыслопорождающей функции глобального английского в русскоязычном коммуникативном про-

странстве, его влиянии на процессы концептуализации, конструирование идентичности и коммуникативные нормы русского языка остается малоизученным.

Отдельные аспекты индексального потенциала английского языка в русскоязычном коммуникативном пространстве рассматривались при изучении рекламы и языкового ландшафта [Кирилина 2013б; Прошина, Устинова 2012; Eddy 2007], речевых практик спортивных субкультур [Гриценко, Кузнецова 2012; Гриценко 2012], российского дискурса трудоустройства [Аликина, Гриценко 2014], популярной музыки [Гриценко, Алешинская 2015] и городской повседневности [Кирилина 2013а; Гриценко 2013, 2014]. Функциональные аспекты русско-английской языковой игры в названиях сайтов, книг, телепередач, магазинов и ресторанов, в заголовках газет и проч. анализировались в работах А.А. Ривлиной [Rivlina 2015].

В настоящей статье роль англицизмов как инструмента смыслопорождения и конструирования идентичности исследуется на материале профессиональной коммуникации, академической среды и сферы досуга. Особое внимание уделяется идеологической обусловленности языковых практик и речевых репертуаров.

Материал и методы исследования

Исследование опирается на концепцию языка как транслокального мобильного ресурса [Blommaert 2003; 2010], понятия «индексальности» как способности языковых форм к трансляции социокультурных смыслов [Silverstein 1979] и «языковой идеологии» как феномена, связывающего представления говорящих о языке с их социальным опытом и политическими интересами [Irving 1989, Woolard & Shiefelkin 1994].

С помощью методов социолингвистики, семиотики и этнографии планируется показать, как английский язык и(ли) его фрагменты используются русскоязычными коммуникантами для передачи разнообразных социокультурных смыслов, и выявить их связь с языковыми идеологиями, циркулирующими в современной России.

Материал для анализа составили тексты электронных СМИ, фрагменты языкового ландшафта современного города, резюме и объявления о работе с порталов *rabota.ru*, *headhunter.ru*, и *superjob.ru*, транскрипты интервью с сотрудниками нижегородских кадровых агентств, а также результаты онлайн-опросов сотрудников российских офисов международных корпораций и студентов нижегородских вузов, изучающих английский язык.

Обсуждение результатов исследования

Проведенный анализ подтвердил, что в русскоязычном коммуникативном пространстве английский язык выполняет сематическую и семиотическую функции [см. Гриценко 2013, 2014]. В первом случае англицизмы используются для заполнения лексических лакун и названия новых предметов и явлений. Примером могут служить знакомые всем термины из онлайн-коммуникации и академической среды: «элективы» (electives) – дисциплины по выбору; «кредиты» (credits) – зачетные единицы; «лайкать» (to like), «ретвитнуть» (to retweet), «погуглить» (to google) и т.п.

Семиотическую или индексальную функцию английского языка иллюстрирует название торгового центра на Комсомольской площади г.Нижнего Новгорода – «КомсоМОЛка». Выделенная заглавными буквами часть в названии

торгового центра омонимична английскому слову *mall* (крупный торговый центр с ресторанами, кинотеатром и т.п.). Этот англоязычный фрагмент вызывает ассоциации с глобальными рыночными ценностями, материальным благополучием, культурой потребления и западным образом жизни, тогда как значение базового слова («комсомолка») и сопутствующая визуальная символика (контур и цвета комсомольского значка) отсылают к идеологическим символам советского времени – идеям равенства и социальной справедливости. Таким образом, русско-английская языковая игра и мультимодальная семиотика объединяют в едином коммуникативном пространстве две разных исторических эпохи и две идеологии.

В различных нишах коммуникативного пространства индексальный потенциал английского языка актуализируется по-разному.

Английский язык как индекс профессионализма и средство конструирования профессиональной идентичности

Контент-анализ интернет-порталов *rabota.ru*, *superjob.ru*, and *headhunters.ru* показывает, что в современной России английский язык воспринимается как средство построения карьеры и достижения материального благополучия. Этот вывод подтверждают результаты анкетирования студентов нижегородских вузов (будущих лингвистов, программистов, менеджеров и психологов). Отвечая на вопрос о мотивах изучения английского языка, более 85% опрошенных¹ заявили, что знание английского поможет им в будущем *«решать проблемы, связанные с карьерным ростом»* и получить *«престижную, хорошо оплачиваемую работу»*. Возможность путешествовать по миру, общаться с гражданами разных стран также упоминались в ответах, но лишь как дополнительное преимущество.

Очевидно, ввиду того, что изучение иностранного языка требует много времени и усилий, знание английского становится индексом позитивных личностных качеств, востребованных на рынке труда. Показательны в этом смысле мнения сотрудников нижегородских кадровых агентств, которые, в частности, отмечают:

«... человек, знающий английский язык, более образован, усидчив, интеллектуален, готов к пониманию западной культуры» (Марина, директор кадрового агентства);

«...знание английского говорит о том, что человек в принципе целеустремленный, тянется к новым знаниям, дисциплинированный» (Лиза, рекрутер).

В сфере IT, банковском секторе, рекламе, сфере продаж и других профессиональных областях, развитие которых в России связано с глобализацией, английский язык – как основной источник профильной терминологии – становится индексом профессиональных знаний и компетенций. Об этом свидетельствует, в частности, опрос сотрудников нижегородских офисов международных корпораций (одна из них специализируется в области программирования, вторая – в сфере аудита) [Gritsenko, Laletina 2016]. Участников попросили ответить на вопрос, что значит английский язык для сотрудника компании. В качестве возможных ответов

¹ В опросе приняли участие более 300 человек

были предложены следующие: “*профессиональная компетентность*”, “*карьерный рост*”, “*общая эрудиция*”, “*высокий культурный уровень*” и “*корпоративный дух*”.

В компании, занимающейся разработкой программного обеспечения, респондентам было предложено выбрать один из ответов или дать свой в строке «Другое». Всего в опросе приняло участие 187 человек, что составляет примерно третью часть от общего количества сотрудников офиса. Результаты опроса показали, что подавляющее большинство респондентов ассоциируют английский язык с профессией и карьерой:

- профессиональная компетентность – 140,
- карьерный рост – 22,
- эрудиция – 6,
- высокий культурный уровень – 4,
- корпоративный дух – 3.

Респонденты, которые предпочли сформулировать свой ответ в строке «Другое», также связали английский язык с профессиональной деятельностью:

- все вышеперечисленное – 1,
- способность говорить и понимать других – 1,
- условие успешной работы – 1,
- способность общаться с зарубежными коллегами и читать, техническую литературу на английском – 1,
- возможность работать в международной компании и понимать коллег – 1,
- возможность работать – 1,
- возможность выполнять профессиональные обязанности – 1
- без английского нет сотрудника – 1.

В аудиторской компании респонденты имели возможность выбрать любое число предложенных ответов или сформулировать свой ответ в графе «Другое». В опросе приняло участие 53 сотрудника (также примерно треть от общего количества работающих в офисе). Хотя количественное распределение ответов по группам было более ровным, общая тенденция сохранилась: для подавляющего большинства английский язык индексирует прежде всего профессионализм и компетентность:

- профессиональная компетентность – 50,
- карьерный рост – 30,
- эрудиция – 24,
- высокий культурный уровень – 19,
- корпоративный дух – 18.

Два респондента предложили собственные варианты ответа. При этом первый подчеркнул профессиональную ценность английского языка (*хорошее знание методологии аудита*), а второй – его культурно-образовательную составляющую (*широкий кругозор*).

Как видим, из 53 респондентов, 24 дали ответ “*эрудиция*” и 19 – “*высокий культурный уровень*”. Однако при этом ни один из них не выбрал только этот вариант ответа: во всех случаях присутствовали и варианты, касавшиеся карьеры и(ли) профессиональной деятельности. Это означает, что доглобализационный дискурс языка как культурной ценности по-прежнему сохраняет актуальность,

однако на первый план выходит прагматическая значимость английского языка как средства достижения профессионального успеха и построения карьеры.

Высокий статус глобального английского в профессиональной среде делает закономерным его активное использование в дискурсе трудоустройства.

Анализ роли англицизмов в резюме и объявлениях о работе [Аликина, Гриценко 2014] показал, что кандидаты (соискатели) часто используют их для конструирования статуса эксперта в профессиональной сфере (примеры 1,2):

В обязанности входило размещение POS-материалов – ценники, воблеры.
... осуществляла поставку по бренд-букам.

Что касается объявлений о работе, то в них английский язык и англицизмы выполняют две функции: либо определенным образом характеризуют (позиционируют) компанию, подчеркивая ее современность, престижность, приверженность глобальной корпоративной культуре и т.п. (примеры 3, 4), либо проверяют («тестируют») кандидата на компетентность и знание профессиональной терминологии (пример 5), отсекая недостаточно квалифицированных претендентов уже на первом этапе поиска:

Кофе-пойнт в офисе.

Работа в главном department store страны.

Опыт работы в B2B.

Одной из наиболее ярких особенностей профессиональной коммуникации в российских офисах международных корпораций является гибридный профессиональный жаргон – использование английской лексики в русскоязычной морфологической и синтаксической аранжировке [Гриценко, Лалетина 2012]. Исследование показало, что такой способ общения широко распространен не только в устной коммуникации, но и в переписке по электронной почте, а также текстовых сообщениях Skype:

*Крэш пофикшен (*The crash has been fixed*).*

*Заапрувь свой таймишут у инчарджа (*Approve your time-sheet with your in-charge*).*

Примечательно, что в интервью все респонденты подчеркивали нормативный характер профессионального жаргона. К примеру, один из сотрудников IT-компании (инженер-программист) отвечая на вопрос, почему вместо англицизма «пофиксил» он не использовал русский глагол «исправил» (см. пример 6), дал следующее пояснение: «Если бы я говорил с менеджером, то мог бы сказать «исправил», а если с другим программистом – только «пофиксил».

Таким образом, в профессиональной коммуникации англизированный жаргон – это не просто способ экономии речевых усилий. Сигнализируя принадлежность к определенному профессиональному сообществу, он становится средством конструирования профессиональной идентичности говорящего.

Индексальный потенциал английского языка в дискурсах науки и образования

Смыслопорождающий потенциал глобального английского в дискурсах науки и образования определяется его высоким коммуникативным статусом. Анализ тематических публикаций в СМИ, стратегических программ развития российских вузов, распоряжений и программных документов, касающихся образования и нау-

ки, дает немало примеров «коммодификации» английского языка в академической среде. Под коммодификацией понимают использование языка как «товара» или как составляющей конечного продукта, которая создает его «добавленную стоимость», например, определенный речевой репертуар как знак «хорошего обслуживания», французское название парфюмерного магазина или надпись на местном языке на сувенире как символ «подлинности» и т.п. [Heller 2010]. Приведем несколько примеров:

Благодаря растущей значимости библиометрических показателей в российской академической среде английский язык становится индексом более «качественных» научных исследований. Как известно, одним из критериев оценки эффективности научной деятельности вузов является наличие публикаций в журналах, входящих в базы Web of Science и Scopus, большая часть которых являются англоязычными. Отсутствие подобных публикаций может привести к тому, что университет попадет в категорию «неэффективных», а в дальнейшем может быть реорганизован. Таким образом, научная статья на английском языке в зарубежном журнале позиционируется как более серьезное научное достижение.

Следующий пример касается образовательной деятельности. В последние годы в рамках политики интернационализации высшей школы российским университетам рекомендуется разрабатывать и внедрять в практику преподавания как можно больше программ и курсов на английском языке. При этом речь идет не только о программах для иностранных студентов, но и для местных, русскоязычных. В результате английский язык становится своего рода показателем качества образования: чем больше курсов на английском языке, тем «лучше» образовательная программа.

Третий пример касается индексального потенциала английского языка в проектно-грантовой деятельности. В российском научно-образовательном пространстве, как и в ряде других социальных сфер, английский язык воспринимается как конкурентное преимущество и может использоваться как инструмент продвижения. Так, в 2013 г., когда ведущие российские университеты соревновались за право получения федерального финансирования на реализацию программ по вхождению в мировые рейтинги (программа “Top 100”), десять вузов представили свои программы на английском языке, два – на русском и на английском и только три университета представили свои программы развития на русском языке. В финале конкурса все российские университеты представили программы стратегического развития на английском языке.

Поскольку в современном российском социуме английский язык индексирует эффективность и инновационность, он часто используется как маркетинговый ресурс. В качестве примера можно привести новое имя-бренд Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (Мининский университет, Minin University), принятое в рамках реализации программы стратегического развития вуза [Федоров 2012]. Оно представляет собой локализованную (адаптированную к нормам русского языка) кальку с английского, где имя собственное и имя нарицательное связаны примыканием. Подобная модель не характерна для русского языка, но широко используется в названиях университетов Великобритании и США (Oxford University, Cambridge Univer-

sity, Boston University и т.п.). Очевидно, созданное по аналогии «брендовое» имя российского университета должно индексировать высокое качество образования и приверженность глобальным академическим ценностям. Примечательно, что оба индекслируемых значения создаются не за счет использования английских слов, а благодаря ассоциациям с типичной для английского языка моделью синтаксической связи.

Приведенный пример – не единственный случай того, как выбор типа синтаксической связи в субстантивных словосочетаниях индексует дополнительные социокультурные смыслы. Сравним названия трех российских благотворительных фондов: «Горбачев фонд» (www.gorby.ru), «Фонд Солженицына» (<http://www.solzhenitsyn.ru/fond>) и «Фонд Потанина» (<http://www.fondpotanin.ru>). В первом случае компоненты в названии фонда связаны примыканием. Данная синтаксическая модель вызывает ассоциации с английским языком и имплицитно ориентирует на международную деятельность и глобальные ценности. Два других фонда имеют российскую целевую аудиторию: фонд Солженицына оказывает помощь политическим заключенным, а Фонд Потанина поддерживает одаренных студентов. В обоих случаях ориентация на российское общество отражена в названиях фондов и маркируется типичным для русского языка типом синтаксической связи (управление).

Гибридные коммуникативные практики в сфере досуга

В коммерческой номинации и нарративных практиках сферы досуга креативное смешение английского и русского языков активно используется как маркетинговая стратегия, цель которой – привлечь внимание потребителя, задать нужный ракурс восприятия, актуализировать позитивные ассоциации.

Поскольку коммерческий дискурс тесно связан с массовой культурой и психологией потребления, он «чутко реагирует на всплески социальной конъюнктуры и проявление актуальных вкусовых тенденций» [Голомидова 2009: 333]. В нем наиболее ярко проявляются индексальный потенциал английского языка как элемента конструирования транскультурной потребительской идентичности и символический потенциал русского языка как средства ретрансляции национальных ценностей, традиций и взглядов.

Примером может служить оформление нижегородского ночного бара «Balalajka». Логотипом бара является красочное изображение русской матрешки в темных очках – симбиоз традиционного русского и стильного иностранного. Название бара подчеркивает «русскость», а графическая гибридизация (сочетание латиницы и кириллицы) и английские слова (*bar, dance & show*) индексуют современность и престижность заведения. При этом матрешка (один из ключевых символов русской культуры) изображена в темных очках – знаковом аксессуаре современной молодежи. По свидетельству Ванессы Браун [Brown 2014], в современной западной культуре темные очки содержат отсылку к гламуру, принадлежности к элите, символизируют независимость, силу и «крутость».

Таким образом, вербально и визуально логотип бара представляет собой наложение современных западных ценностей на исконно русские культурные традиции, отражая не только «присвоение» глобальной культуры, но и существующий в обществе запрос на «Свое».

Это «движение», а также растущий интерес к реалиям советского прошлого, отмечаемый сегодня в социальной практике [Голомидова 2009], проявляется в постере тематической вечеринки «Коммуналка Party». Прием гибридизации является стилистическим средством привлечения внимания к объявлению. Использование английской и русской лексем создает эффект оксюморона не только за счет противопоставления русского и английского языков в качестве индексов «народности» и «избранности», но и за счет стилистических коннотаций каждой из лексем. Английское слово «party» в данном контексте обладает коннотацией «элитарности», «высокого стиля», а русское «коммуналка», принадлежащее разговорно-бытовому регистру (ср. «вечерка», «читалка»), индексирует неформальные, близкие отношения и контрастирует с ним. Подобное противопоставление придает названию вечеринки иронический характер. Вместе с тем анонс не лишен романтизма: он отражает восприятие одной из сторон советского прошлого как части «Своего», актуализируя ностальгические мотивы – воспоминания о времени, когда не действовали разобщающие людей жесткие законы рыночной конкуренции, а межличностные отношения характеризовались большей степенью доверительности и теплоты.

Английский язык как медиатор идеологических трансформаций

В постсоветской России английский язык выступает посредником глобальной экспансии рыночных ценностей – вхождения в повседневную жизнь и язык метафоры рынка, в рамках которой государство, образование, наука, культура позиционируются как частные предприятия, оказывающие услуги, а общество – студенты, граждане, организации – как клиенты, потребители данных услуг [Гриценко 2014]. Наряду с этим глобальный английский углубляет представления об отношениях между языком и идеологией, опосредуя идеи и образы неолиберального индивидуализма [Abelman, Park & Kim 2009]. Речь идет о процессах, когда посредством языковых структур продвигается «чужой взгляд» [Кирилина 2016], иная картина мира. Приведем ряд примеров.

Языковая акцентуация индивидуального не характерна для русской лингвокультуры, что, в частности, отражено в паремиологическом фонде русского языка («не якай», «я – последняя буква алфавита» и проч). Однако под влиянием дискурсивной глобализации, положение меняется. Иллюстрацией могут служить языковая и визуальная составляющие онлайн-коммуникации с потенциальными сотрудниками в разделе «Работа» на российских сайтах международных IT-корпораций. Хотя текст здесь, как правило, дается на русском языке (в отличие, например, от квалификационных требований к сотруднику), влияние английского прослеживается в выборе форм глагола в повелительном наклонении. Компании часто обращаются к потенциальным сотрудникам в неформальной дружеской манере с использованием глагола во 2 лице единственного числа: *Открой для себя новые возможности – работай в Intel!*

Неформальный тон задается использованием формы единственного числа («открой») вместо множественного («откройте»), которая более типична в русском языке при обращении к незнакомому взрослому человеку. Вербальный фокус на индивиду усиливается благодаря визуальной составляющей – изображению улыбающегося, оптимистичного молодого человека, которое коннотирует идеи саморазвития и социальной состоятельности.

Сходные процессы имеют место и в других типах дискурсивных практик. Показателен в этом отношении я-центричный дискурс студенческих форумов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Согласно коммуникативным нормам русского языка, референция к группе лиц осуществляется с помощью местоимения множественного числа «мы». В названиях форума студентов ННГУ, под влиянием PR-практик английского языка, используется местоимение «Я» («Я поступил в ННГУ»). Аналогичный формат принят и в названии группы Вконтакте («Я студент ННГУ»).

Представляется, что наблюдаемый в приведенных примерах лингвистический сдвиг связан с мировоззренческим сдвигом, который можно считать следствием языковой и культурной глобализации.

Выводы

Под влиянием глобализации английский язык вошел в русскоязычное коммуникативное пространство на правах самостоятельного ресурса смыслопорождения. Данная функция реализуется эксплицитно и имплицитно. В первом случае англицизмы фактически присутствуют в коммуникации, индексируя дополнительные социокультурные смыслы. Во втором случае формально англоязычные фрагменты в коммуникации не присутствуют, однако нужные ассоциации создаются благодаря процессам калькирования грамматических форм, синтаксических структур, типов синтаксической связи, путем «присвоения» англоязычных коммуникативных норм и т.п.

Индексальный потенциал английского языка связан с языковыми идеологиями, циркулирующими в современной России. В различных нишах коммуникативного пространства актуализируется свой набор символических смыслов. В профессиональной среде английский язык индексирует профессиональную компетентность и выступает средством конструирования профессиональной идентичности. В дискурсах науки и образования он используется как средство продвижения, коннотируя инновационность, прогресс, высокое качество исследований и образовательных программ. В нарративных практиках сферы досуга англоязычные вкрапления индексируют современность, креативность, престиж и выступают символом глобальной культуры потребления. Русскоязычный «фон» и коммуникативный контекст задают противоположный по смыслу вектор, акцентируя национальные ценности и традиции.

В русскоязычном коммуникативном пространстве глобальный английский опосредует трансляцию идей неолиберального индивидуализма. Данная функция реализуется имплицитивно и требует дальнейшего изучения.

Литература

Алешинская Е.В., Гриценко Е.С. Английский язык как средство конструирования глобальной и локальной идентичности в российской популярной музыке // Вестник Нижегородского государственного университета им. Лобачевского. 2014, № 6. С. 189–193.

Аликина А.В., Гриценко Е.С. Английский язык как смыслопорождающий ресурс в российском дискурсе трудоустройства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 6(717). С. 52– 61.

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. Москва: Логос, 2003. 304 с.

Голомидова М.В. Вербальные символы СССР в современной коммерческой номинации / Советское прошлое и культура настоящего: монография в 2 т. / отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 2. С.332–347.

Гриценко Е.С. Английский язык как семиотический ресурс в современной российской повседневности // Социальные и гуманитарные науки на дальнем Востоке. 2014, № 2 (42). С. 27–31.

Гриценко Е.С. Глобализация и маркетизация: рыночная метафора в различных видах дискурсивных практик // Политическая лингвистика. 2013. № 4(46). С. 184 – 191.

Гриценко Е.С. Глобальное и локальное в речевых практиках молодежных субкультур // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012, № 2. С. 87 – 93.

Гриценко Е.С., Лалетина А.О. Многоязычие в профессиональной коммуникации // Вопросы психолингвистики. 2012. № 15. С. 46–55.

Казкенова А.К. Онтология заимствованного слова. Москва: Флинта. Наука, 2013. 248 с.

Кирилина А.В. Глобализация и судьбы языков // Вопросы психолингвистики. 2013а. № 17. С. 136 – 142.

Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. 2013б. № 24. Вып. 5. С. 159 – 167.

Кирилина А.В. Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) // Вопросы психолингвистики. 2011. № 13.– С. 30 – 40.

Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. / Москва: Corpus, 2017. 512 с.

Кузнецова А.О, Гриценко Е.С. Языковая игра и «игра языков» как средство конструирования идентичности в названиях команд алтимат фрисби // Жизнь языка в культуре и социуме– 3: Материалы Международной научной конференции, 20–21 апреля 2012. Москва: Институт иностранных языков РУДН / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин. М.: Издательство «Эй-док», 2012. С. 411– 412.

Кузьмина Н.А., Абросимова Е.А. Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени. Москва: Изд-во Флинта. Наука, 2015. 256 с.

Ривлина А.А. Формирование глобального англо-местного билингвизма и усиление транслингвальной практики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. Т.50, № 2, С. 22 – 29.

Федоров А.А. Мининский университет как глобальный проект // Столица Нижний: <http://stolitsanmag.ru/?id=6770> (дата обращения 11.11.2013).

Alim, H.S., Ibrahim, A., Pennycook, A. (eds) Global Linguistic Flows: Hip Hop Cultures, Youth Identities, and the Politics of Language (eds.). Routledge, 2009.

Backhaus, P. Linguistic landscapes: A comparative study of urban multilingualism in Tokyo. Clevedon: Multilingual Matters. 2007.

Bhatia, T., Ritchie W.C. (eds.) Bilingualism and multilingualism in the global media and advertising // The handbook of bilingualism and multilingualism. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2013. P. 565 – 563.

Blommaert, J. Commentary: A sociolinguistics of globalization // Journal of Sociolinguistics. 2003. Vol. 7 (4). P. 607–623.

Blommaert, J. The sociolinguistics of globalization. Cambridge University Press, 2010.

Bolton K. World Englishes and international call centers // World Englishes, 2013. Vol. 32 (4). P. 495–502.

Brown, Vanessa. Cool Shades: The History and Meaning of Sunglasses. Bloomsbury, 2014. 192 p.

Canagarajah, S. Translingual practice: global Englishes and cosmopolitical relations / S. Canagarajah. Routledge 2013.

Dimova, S. English in Macedonian television commercials // World Englishes. 2012. Vol. 31(1). P. 15–29.

Eddy, A. English in the Russian context: A macrosociolinguistic study. PhD dissertation (publication no. AAI 3288961). Wayne State University, Michigan, 2007. <http://digitalcommons.wayne.edu/dissertations/AAI3288961/> (дата обращения 15.07. 2009).

Gritsenko, E., Laletina A. English in the international work place in Russia // World Englishes. 2016. Vol.35. Issue 3. P. 440 – 456.

Gritsenko, E.S., Aleshinskaya, E.V. Translanguaging in music: conceptualizing modes of interaction in global contact zones // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4 (45). С. 73 – 80.

Heller, M. The commodification of language // Annual Review of Anthropology. 2010. Vol. 39. P. 101 – 114.

Higgins, C. English as a local language: Post-colonial identities and multilingual practices. Bristol: Multilingual matters, 2009.

Irving, J. When talk isn't cheap: language and political economy // American Ethnologist. 1989. Vol. 16(2). P. 248 – 267.

Kachru, B. B. World Englishes and English-using communities // Annual Review of Applied Linguistics. 1997. Vol. 17. P. 66–87.

Martin, E. Language-mixing in French print advertizing // Journal of Creative Communications, 2008. Vol. 3(1). P. 49 – 76.

Martinez, F. English in advertizing in Columbia // World Englishes. 2015. Vol. 34(4). P. 600 – 619.

Maynard, S.K. Linguistic creativity in Japanese discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2007.

Pennycook, A. Popular cultures, popular languages, and global identities // In Coupland, N. (Ed.), The Handbook of Language and Globalization. Wiley-Blackwell, 2010. P. 592– 607.

Proshina, Z.G, Ustinova, I.P. English and Asian flavor in Russian advertising of the Far East // Asian Englishes. 2012. Vol. 15 (2). P. 30.59.

Rivlina, A. Bilingual Creativity in Russia: English-Russian language play / A. Rivlina // World Englishes. 2015. Vol. 34(3). P. 436 – 455.

Sergeant, P., Tagg, C. English on the internet and a 'post-varieties' approach to language // World Englishes. 2011. Vol. 30 (4). P. 496 – 514.

Silverstein, M. Language structure and Linguistic ideology // In Clyne, P., Hanks, W., Hofbauer, C. (eds.). *The elements: a parasesion on linguistic units and levels*. Chicago: Chicago Linguistic Society University of Chicago, 1979. P. 193 –247.

Terkourafi, M. (ed.) *Languages of Global Hip Hop*. Continuum Press. 2010.

Ustinova, I., Bhatia, T. Convergence of English in Russian TV commercials // *World Englishes*. 2005. Vol. 24(4). P. 495 – 508.

Woolard, K., Shieffelin, B. Language ideology // *Annual Review of Anthropology*. 1994. Vol. 23. P. 55 – 82.

INDEXICAL CAPACITIES OF ENGLISH IN RUSSIAN-BASED COMMUNICATION

Elena S. Gritsenko

Doctor of Philology, Professor,
Department of English Philology
Linguistic University of Nizhny Novgorod
31a Minin St., Nizhny Novgorod 603155
elena.s.gritsenko@gmail.com

Tatiana A. Nenasheva,

Candidate of Philology, Associate Professor,
Department of Applied Linguistics and Foreign Languages
National Research University High School of Economics»
603005, Nizhny Novgorod, B.Pecherskaya St., 25/12
tnenasheva@hse.ru

Under the influence of globalization, the status and functions of English in non-English-speaking countries (the so-called «Expanding Circle» countries) is changing. English has become part of the local communicative space and is increasingly used as an effective means of meaning-making. The aim of this study is to describe the perception of English and reveal its indexical capacities in three different “niches” of the Russian communicative space: professional communication, the area of education and science, and the sphere of leisure/entertainment. An overall methodological approach taken in the study is that of the sociolinguistics of globalization: we rely on the concept of language as a translocal mobile resource and the notion of indexicality, and explore the role of ideology in the process of meaning-making. We use a complex methodology which combines the methods of sociolinguistics, semantic interpretation and ethnography. The findings of earlier studies have also been used. We argue that the indexical potential of English in contemporary Russia is realized differently in different areas of communication. In the professional sphere, English connotes professional competence and serves as a means of constructing a professional identity. In the academic environment, it indexes progress and innovation, and is used as a “brand” and an instrument of project “promotion”. In the sphere of entertainment, anglicisms connote modernity, creativity and symbolize the global consumerist culture. This meaning-making function is performed explicitly (when English words are actually used in communication) and implicitly (in case of calquing

and “appropriating” the global communicative norms). Along with this, English serves as a mediator of ideological transformations and changes in the traditional worldview, which can be seen as a consequence of linguistic and cultural globalization.

Keywords: English, Russian, communication, language ideology, indexicality, identity construction.

References

Aleshinskaya E.V., Gricenko E.S. Anglijskij yazyk kak sredstvo konstruirovaniya global'noj i lokal'noj identichnosti v rossijskoj populyarnoj muzyke [English as a means of global and local identity construction in the Russian popular music] // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Lobachevskogo. 2014, № 6. S. 189–193.

Alikina A.V., Gricenko E.S. Anglijskij yazyk kak smysloporozhdayushchij resurs v rossijskom diskurse trudoustrojstva [English as a resource of meaning construction in Russian employment discourse] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. № 6(717). S. 52–61.

Valgina N.S. Aktivnye processy v sovremennom rusском yazyke. [Active processes in modern Russian]. Moskva: Logos, 2003. 304 s.

Golomidova M.V. Verbal'nye simvol'y SSSR v sovremennoj kommercheskoj nominacii / Sovetskoe proshloe i kul'tura nastoyashchego [Verbal symbols of the USSR in the contemporary commercial nomination/The soviet past and the culture of the present]: monografiya v 2 t. / otv. red. N. A. Kupina, O. A. Mihajlova. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2009. T. 2. S.332– 347.

Gricenko E.S. Anglijskij yazyk kak semioticheskij resurs v sovremennoj rossijskoj povsednevnosti [English as a semiotic resource in everyday Russian communication] // Social'nye i gumanitarnye nauki na dal'nem Vostoke. 2014, № 2 (42). S. 27–31.

Gricenko E.S. Globalizaciya i marketizaciya: rynochnaya metafora v razlichnyh vidah diskursivnyh praktik [Globalisation and marketisation: market metaphor in different discourses] // Politicheskaya lingvistika. 2013. № 4(46). S. 184 – 191.

Gricenko E.S. Global'noe i lokal'noe v rechevyh praktikah molodezhnyh subkul'tur [Global and local in communication practices of youth subcultures] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2012, № 2. S. 87 – 93.

Gricenko E.S., Laletina A.O. Mnogoyazychie v professional'noj kommunikacii [Multilingualism in professional communication] // Voprosy psiholingvistiki. 2012. № 15. S. 46–55.

Kazkenova A.K. Ontologiya zaimstvovannogo slova. [Ontology of a borrowed word]. Moskva: Flinta. Nauka, 2013. 248 s.

Kirilina A.V. Globalizaciya i sud'by yazykov [Globalisation and language fates] // Voprosy psiholingvistiki. 2013a. № 17. S. 136 – 142.

Kirilina A.V. Opisaniye lingvisticheskogo landshafta kak novyj metod issledovaniya yazyka v ehpohu globalizacii [The description of the linguistic landscape as a new method of language research in the age of globalization] // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. 2013b. № 24. Vyp. 5. S. 159 – 167.

Kirilina A.V. Perevod i yazykovoe soznanie v dinamicheskoy sinhronii: psichicheskie granicy yazyka (na materiale russkogo yazyka Moskvy) [Translation / Inter-

petation and the language consciousness in the dynamic synchrony: the mental boundaries of the languages (on the material of Russian in Moscow)] // *Voprosy psiholingvistiki*. 2011. № 13.– S. 30 – 40.

Krongauz M. A. Russkij yazyk na grani nervnogo sryva [The Russian language on the verge of a nervous breakdown] / Moskva: Corpus, 2017. 512 s.

Kuznecova A.O., Gricenko E.S. Yazykovaya igra i «igra yazykov» kak sredstvo konstruirovaniya identichnosti v nazvaniyah komand altimat frisbi [Language play and “play of signs” as a means of identity construction in names of national ultimate frisbee teams] // *Zhizn' yazyka v kul'ture i sociume–3: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 20–21 aprelya 2012.* Moskva: Institut inostrannyh yazykov RUDN / Red. kollegiya: E.F. Tarasov (otv. red.), N.V. Ufimceva, V.P. Sinyachkin. M.: Izdatel'stvo «EHj-dok», 2012. S. 411–412.

Kuz'mina N.A., Abrosimova E.A. Aktivnye processy v russkom yazyke i kommunikacii novejshego vremeni [Active processes in the Russian language and communication of the recent period]. Moskva: Izd-vo Flinta. Nauka, 2015. 256 s.

Rivlina A.A. Formirovanie global'nogo anglo-mestnogo bilingvizma i usilenie translingval'noj praktiki [The formation of global and anglo-local bilingualism and translingual practice development] // *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 2016. T.50, № 2, S. 22 – 29.

Fedorov A.A. Mininskij universitet kak global'nyj proekt [Minin university as a global project] // *Stolica Nizhnij*: <http://stolitsanmag.ru/?id=6770> (data obrashcheniya 11.11.2013).

Alim, H.S., Ibrahim, A., Pennycook, A. (eds) *Global Linguistic Flows: Hip Hop Cultures, Youth Identities, and the Politics of Language* (eds.). Routledge, 2009.

Backhaus, P. *Linguistic landscapes: A comparative study of urban multilingualism in Tokyo.* Clevedon: Multilingual Matters. 2007.

Bhatia, T., Ritchie W.C. (eds.) *Bilingualism and multilingualism in the global media and advertising* // *The handbook of bilingualism and multilingualism.* Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2013. P. 565 – 563.

Blommaert, J. *Commentary: A sociolinguistics of globalization* // *Journal of Sociolinguistics*. 2003. Vol. 7 (4). P. 607–623.

Blommaert, J. *The sociolinguistics of globalization.* Cambridge University Press, 2010.

Bolton K. *World Englishes and international call centers* // *World Englishes*, 2013. Vol. 32 (4). P. 495–502.

Brown, Vanessa. *Cool Shades: The History and Meaning of Sunglasses.* Bloomsbury, 2014. 192 p.

Canagarajah, S. *Translingual practice: global Englishes and cosmopolital relations* / S. Canagarajah. Routledge 2013.

Dimova, S. *English in Macedonian television commercials* // *World Englishes*. 2012. Vol. 31(1). P. 15–29.

Eddy, A. *English in the Russian context: A macrosociolinguistic study.* PhD dissertation (publication no. AAI 3288961). Wayne State University, Michigan, 2007. <http://digitalcommons.wayne.edu/dissertations/AAI3288961/> (data obrashcheniya 15.07. 2009).

- Gritsenko, E., Laletina A.* English in the international work place in Russia // World Englishes. 2016. Vol.35. Issue 3. P. 440 – 456.
- Gritsenko, E.S., Aleshinskaya, E.V.* Translanguaging in music: conceptualizing modes of interaction in global contact zones // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4 (45). С. 73 – 80.
- Heller, M.* The commodification of language // Annual Review of Anthropology. 2010. Vol. 39. P. 101 – 114.
- Higgins, C.* English as a local language: Post-colonial identities and multilingual practices. Bristol: Multilingual matters, 2009.
- Irving, J.* When talk isn't cheap: language and political economy // American Ethnologist. 1989. Vol. 16(2). P. 248 – 267.
- Kachru, B. B.* World Englishes and English-using communities // Annual Review of Applied Linguistics. 1997. Vol. 17. P. 66–87.
- Martin, E.* Language-mixing in French print advertizing // Journal of Creative Communications, 2008. Vol. 3(1). P. 49 – 76.
- Martinez, F.* English in advertizing in Columbia // World Englishes. 2015. Vol. 34(4). P. 600 – 619.
- Maynard, S.K.* Linguistic creativity in Japanese discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2007.
- Pennycook, A.* Popular cultures, popular languages, and global identities // In Coupland, N. (Ed.), The Handbook of Language and Globalization. Wiley-Blackwell, 2010. P. 592– 607.
- Proshina, Z.G., Ustinova, I.P.* English and Asian flavor in Russian advertising of the Far East // Asian Englishes. 2012. Vol. 15 (2). P. 30.59.
- Rivlina, A.* Bilingual Creativity in Russia: English-Russian language play / A. Rivlina // World Englishes. 2015. Vol. 34(3). P. 436 – 455.
- Seargeant, P., Tagg, C.* English on the internet and a 'post-varieties' approach to language // World Englishes. 2011. Vol. 30 (4). P. 496 – 514.
- Silverstein, M.* Language structure and Linguistic ideology // In Clyne, P., Hanks, W., Hofbauer, C. (eds.). The elements: a parasession on linguistic units and levels. Chicago: Chicago Linguistic Society University of Chicago, 1979. P. 193 –247.
- Terkourafi, M.* (ed.) Languages of Global Hip Hop. Continuum Press. 2010.
- Ustinova, I., Bhatia, T.* Convergence of English in Russian TV commercials // World Englishes. 2005. Vol. 24(4). P. 495 – 508.
- Woolard, K., Shieffelin, B.* Language ideology //Annual Review of Anthropology. 1994. Vol. 23. P. 55 – 82.

УДК 81'13; 167.7

**К ПОСТРОЕНИЮ КОММУНИКАТИВНОЙ МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО
ПРОЦЕССА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 17-18-01642
«Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях
кризиса языковой модели», в Институте языкознания РАН

Журавлев Игнатий Владимирович

старший научный сотрудник ИЯз РАН
125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1
semiotik@yandex.ru

Журавлева Юлия Валерьевна

научный сотрудник ИЯз РАН
125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1
jv.clinic@yandex.ru

В статье обсуждаются теоретико-методологические проблемы, связанные с разработкой коммуникативной модели естественного речевого процесса. Основная характеристика данной модели связана с признанием вербального действия частным случаем коммуникативного действия, которое, в свою очередь, трактуется как частный случай осознанного действия человека. В качестве центральной проблемы рассматривается вопрос о порождении смысла, в связи с чем коммуникативная модель смыслопорождения сопоставляется с теорией французской школы анализа дискурса. Методологическое различие между языковой и коммуникативной моделями естественного речевого процесса рассматривается как отражение оппозиции онтоцентризма и антропоцентризма, характерной для современной европейской науки. Демонстрируется связь проблемы порождения смысла с проблемой активности субъекта. Основным из возникающих здесь методологических вопросов заключается в том, обладает ли субъект коммуникации полномочиями порождения смысла и управления собственными коммуникативными действиями. В связи с этим описывается антиномия присвоения-отчуждения и анализируется онтологический статус говорящего субъекта. Главный вывод заключается в демонстрации методологических ограничений позиции психологизма, приравнивающей говорящего субъекта к индивиду. В качестве альтернативной позиции рассматривается подход отечественной психологии общения, в ключевых понятиях которой отражается диалектическое единство социального и индивидуального.

Ключевые слова: коммуникация, речь, естественный речевой процесс, смысл, субъект, говорящий субъект, присвоение, отчуждение.

1. Коммуникативная модель речевого процесса

В данной работе мы будем обсуждать ряд теоретико-методологических проблем, связанных с формированием *коммуникативной модели* речевого процес-

са. Эта модель, представляемая как альтернатива (а лучше сказать — модель более высокого уровня) по отношению к традиционной для лингвистического дискурса *языковой модели*, основывается на принципиальном положении, согласно которому *в процессе естественного говорения/письма говорящий/пишущий совершает осмысленные (воз)действия*. Соответственно, смыслообразование в естественном речевом процессе предстает как коммуникативный феномен; при этом в качестве источника смысла рассматриваются не элементы речевого процесса, а коммуникативные действия [Вдовиченко 2017]. «Сказанные сами по себе слова не имеют смысла ни по отдельности, ни в совокупности... коммуникативные параметры смыслообразования всегда мыслимы индивидуальным сознанием, которое определяет адресанта и адресата, объекты внимания и обсуждения, а также отношения между ними, позицию в возможной интеракции, обстоятельства совершения действия, фрейм отношений между коммуникантами и пр.» [Вдовиченко 2016: 166].

Эта позиция, если ее рассмотреть подробнее, основывается на трех тезисах:

1) В естественном речевом процессе *«производятся и понимаются целостные коммуникативные действия, а не отдельные слова»;*

2) Слово как таковое *«невозможно рассматривать как единицу смыслообразования, ввиду того что у самой единицы нет основания, на котором зиждется здание смысла»;*

3) На фоне естественного коммуникативного процесса язык следует рассматривать как *мнемотехническую схему*; «он принципиально безличен, а следовательно, лишен источника мысли, чувства и вообще всякого содержания» [Вдовиченко 2016: 167-169].

Принципиальными особенностями данной модели являются признание смысловой нетождественности вербальной формы вне личного коммуникативного действия (семиотического поступка), перенос фокуса исследования на смыслообразующее коммуникативное действие во всех без исключения случаях использования вербального канала, последовательный отказ от концепции языка как методологического принципа, признание мнемотехнической и вспомогательной функции теоретического конструкта «язык» [Вдовиченко 2017].

Отметим, что близкие аргументы высказывались в истории науки и ранее. Так, в традиции *социальной феноменологии* различаются объективный и субъективный контексты значения и вводится понятие *ситуативной детерминации значения*. Ситуативная детерминация значения состоит в том, что в различных речевых практиках слово «обрастает» эмерджентными смыслами, которые содержат следы прошлого опыта коммуниканта и нагружены лексически невыразимыми и рациональными импликациями (указания на невербальную коммуникацию и т.д.). «Значение знака определяется как взаимным отношением знаков, так и тем, как их используют» [Garfinkel 1986: 114]. Как Гумбольдт считал, что человек присваивает язык целиком в акте высказывания, так А. Шюц пришел к утверждению, что язык каждый раз рождается заново в процессе его употребления [Schutz 1979; Шюц 2004; Смирнова 2014].

Представители Оксфордской лингвистической школы рассматривали значения высказывания и слова в неразрывной связи с условиями их употребления (контекстом, ситуацией, участниками коммуникации, ее целями). Г.П. Грайс, форму-

лируя известный «принцип кооперации», трактовал диалог как совместную деятельность участников, соответствующую общей цели: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Грайс 1985]. Данная проблематика детально исследуется в современных работах по феноменологии разговора [Улановский 2016].

В психологически ориентированных лингвистических теориях присутствует различие ближайшего и дальнейшего значений (А. Потебня) и др. В общепсихологической теории деятельности и в отечественной психолингвистике присутствует понимание того, что смысл (действия или предмета, а также высказывания или знака) порождается мотивом. Мотив деятельности человека практически всегда является неречевым, соответственно, и смысл высказывания, строго говоря, порождается мотивом деятельности человека, а отнюдь не речевыми процессами.

Однако для обоснования коммуникативной модели вербального процесса важно не столько найти близкие научные позиции и обозначить место данной модели среди них (это может быть темой отдельной публикации), сколько — в первую очередь — проблематизировать ее исходные положения вопреки их кажущейся очевидности.

2. Антиномия присвоения-отчуждения

В качестве центрального вопроса, возникающего при сопоставлении языковой и коммуникативной моделей речевого процесса, предстает именно *вопрос об источнике смысла* — вопрос, являвшийся камнем преткновения для целого ряда лингвистических, психологических и философских учений, имеющих своим предметом речевой процесс. Но при более глубоком рассмотрении вопрос этот оказывается тесно связан с проблемой активности субъекта и, как следствие, с *проблемой субъективности*, пути формулировки и решения которой создавали и создают облик европейской гуманитарной мысли начиная с эпохи Просвещения и до настоящих дней.

Проблема субъективности имеет длинную историю. Однако при любом способе ее постановки и решения неизбежно обнаруживается странное противоречие, которое можно представить как *антиномию присвоения-отчуждения*. Акт конституирования субъективности всегда есть акт индивидуализации, присвоения, выстраивания перспективы, организующей мир. Но в то же время это неизбежно акт отчуждения, деиндивидуализации, совершающийся по закону наиндивидуальной формы — языка, культуры, истории, бессознательного. По словам Э. Кассирера, «здесь каждое начинающееся проявление есть начало отчуждения. В этом судьба и, в некотором смысле, имманентная трагедия каждой духовной формы, которая не может преодолеть это внутреннее напряжение» [Кассирер 1998: 63]. Указанная антиномия, демонстрируя себя то с одной, то с другой стороны, проявлялась в развитии современной науки в двух взаимоисключающих и в то же время дополняющих друг друга формах — «срезании» индивидуального (в качестве примера можно привести аргумент Л. Витгенштейна о невозможности «личного языка») и «срезании» общезначимого, высвечивании индивидуального, неповторимого, личного (вспомним, хотя бы, формулу «моё не-алиби в бытии» М. Бахтина).

Является ли субъект «хозяином» своих действий и источником их смысла? Или, напротив, субъект предстает лишь как точка индивидуации, «место» вопло-

щения смыслов, порождаемых культурой (языком, историей)? Гуманистическая и антропоцентрическая позиция противостоит здесь антигуманистической и онтоцентрической. Методологическое различие между языковой и коммуникативной моделями вербального процесса, ставшее предметом настоящего исследования, мы можем теперь представить как отражение оппозиции «*онтоцентризм—антропоцентризм*», пронизывающей методологию современных гуманитарных наук и конкретизируемой, в частности, в таких оппозициях, как «язык—речь», «коллектив/социум—индивид». Оппозиция онтоцентризма и антропоцентризма, в свою очередь, может мыслиться как *форма* европейского научного мышления как такового, в наиболее строгом виде эксплицированная в классической немецкой философии, а в языкознании — в работах В. фон Гумбольдта (антиномии субъективности и объективности, свободы и необходимости, индивида и народа, божественного и человеческого, присвоения и отчуждения). Однако прояснение теоретических оснований коммуникативной модели речевого процесса мы начнем с упоминания проблемы сугубо методологической — *проблемы психологизма*, которая является методологической постольку, поскольку связана с вопросом о *статусе* тех или иных утверждений, моделей, теорий как научных или ненаучных.

3. Психологизм vs антипсихологизм

В истории науки позиция психологизма связывается с утверждением производности закономерностей, выявляемых в той или иной объектной области, по отношению к закономерностям человеческого мышления. Одна из наиболее убедительных программ преодоления психологизма была предложена в «Логических исследованиях» Э. Гуссерля (ставших, в частности, настольной книгой для молодого Р. Якобсона). Анализ самостоятельных и несамостоятельных значений, различий между законами, позволяющими избежать отсутствия смысла (*круглый квадрат*), и законами, позволяющими избежать бессмыслицы (*король но или подобно*), привел Гуссерля к строгому различению между эмпирическими и априорными универсалиями и обоснованию идеи чисто логической грамматики. Вот, в частности, что он пишет: «Все соединения вообще подчиняются чистым законам... Ни в одной области мы не можем объединить произвольные единичности посредством произвольных форм, но определенная область единичностей ограничивает *a priori* число возможных форм и определяет закономерности их наполнения. <...> язык имеет не только свои физиологические, психологические и культурно-исторические, но также свои априорные основания. Последнее касается сущностных форм значений и априорных законов их комплексов, соответственно, модификаций, и нельзя помыслить язык, который не был бы сущностно определен посредством этого *A priori*. ...внутри чистой логики отделяется чистое учение о формах значений как некоторая рассматриваемая в себе первая и основополагающая сфера. Рассматриваемая с точки зрения грамматики, она дает просто идеальный каркас, который различным образом наполняется эмпирическим материалом и облачается в иные одеяния каждым фактическим языком, который следует частью общечеловеческим, частью случайно изменяющимся эмпирическим мотивам» [Гуссерль 2001: 297, 316]. В отечественной науке позиции антипсихологизма придерживались Г.Г. Шпет, Г.П. Щедровицкий, Э.В. Ильенков и др.

Именно преодоление психологизма позволило в XX веке ряду гуманитарных наук (таких, как социология, лингвистика, история, антропология) обрести подлинно научный статус. Социология изучает *социальные факты* (для описания которых любая ссылка на происходящее «в головах» членов социума оказывается излишней), лингвистика — *языковые сущности и процессы*, не сводимые к физиологии или психологии, и т.д. Если вернуться к проблеме субъективности, то проявлением психологизма было бы отождествление субъекта с субстанцией — индивидом, психикой, мозгом (чем грешат многие современные научные работы). Говоря о субъекте (деятельности, речи, коммуникации), следует поэтому прежде всего избавиться от иллюзии его индивидуальности. Так, у Шпета *реальным* оказывается коллектив как субъект совокупного действия, у П. Рикера субъект речевого акта предстает как пара собеседников, и т.д. Позиция антипсихологизма, как мы видим, напрямую связана с *проблематизацией статуса субъекта как индивида*. Тем самым, и вопрос о том, является ли говорящий источником/носителем смысла говоримого, становится еще более сложным в связи с принципиальной возможностью усомниться в статусе *говорящего субъекта* в качестве индивида. Иллюзия профанного сознания, побуждающая нас мыслить себя «владельцами» «наших» коммуникативных намерений, не может служить отправной точной научного исследования коммуникации.

4. О расщепленности «говорящего субъекта»

В XX веке в различных гуманитарных дисциплинах (философия, психология, лингвистика, психоанализ) была продемонстрирована возможность определения субъективности как процесса или актов репрезентации-присвоения, осуществляемых в языке и средствами языка. Этому были посвящены, в частности, работы Э. Бенвениста и исследования французской *школы анализа дискурса*. Несколько ранее Э. Кассирер в своей «Философии символических форм» и параллельных ей работах отмечал, что посредством языка «субъекты не сообщают друг другу то, чем уже владеют, но лишь здесь вступают в это владение» [Кассирер 1998: 61].

В работах о субъективности в языке Э. Бенвенист отводил центральное место анализу того, как проявляет себя субъект в том, что он говорит. Показатели этого проявления (например, такие слова, как «я», «здесь», «сейчас», «обещаю») Бенвенист называет показателями дейксиса, «прицепляющими» высказывание-результат к обстоятельствам акта высказывания. Говорящий «присваивает» язык целиком, соотнося языковые формы с собственным лицом, т.е. определяя самого себя как *я*, а собеседника — как *ты*. Соотношение между *я* и *ты* как участниками коммуникации и составляет, как считал Бенвенист, языковую основу субъективности, а сама языковая коммуникация, исходя из этого, определяется только как проявление основного свойства языка — свойства формирования субъекта высказывания.

Субъект высказывания приобретает существование только потому и только тогда, когда он говорит: «именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект... “субъективность”, рассматривать ли ее с точки зрения феноменологии или психологии, как угодно, есть не что иное, как проявление в человеке фундаментального свойства языка. Тот есть “ego”, кто говорит “ego”» [Бенвенист 1974: 293]. Субъект способен обнаружить себя лишь в ситуации порождения высказывания, обращаясь к *другому* и обретая (присваивая) язык как место встречи с *другим*.

Но субъект, *проявляющий* себя в языке, и субъект, который в языке *появляется*, — это не одно и то же. Дело в том, что сам «говорящий субъект» может показаться фигурой без лица: если мы, используя для коммуникации *язык*, что-либо произносим, то владеем ли мы в этот момент языком, и вкладываем ли мы сами смысл в говоримое нами? Кто бы ни *говорил*, вопрос в том, *кто* это делает. Мы ведь достаточно часто произносим не совсем то или совсем не то, что «хотели» сказать... Стоит нам попытаться что-то произнести — и за нас говорит *язык*. Но нам при этом всегда кажется, что именно мы сказали то или иное слово, а потому и ответственны за него — иначе бы нам не приходилось краснеть за слова, которые «сказались сами». Значит, хотя любой акт конституирования субъективности и происходит «между» Я и *другим* (например, любой акт высказывания «вытягивается» *другим*), тем не менее он осуществим лишь как акт встраивания в форму, изначально внешнюю по отношению к индивиду.

Итак, говорящий субъект лишен полного владения своим языком и своими коммуникативными намерениями — поскольку в смысл, который он хочет придать своим словам, «история и бессознательное вносят свою непрозрачность» [Серио 1999: 16]. Так обнаруживает себя расщепленность говорящего субъекта: сквозь произносимую им наивную речь всегда проступает «другая речь» как форма неполноты, постоянно создающей субъект путем «забвения» того, что его определяет [Бенвенист 1974: 116; Пешё 1999: 268]. Для того, чтобы «вскрыть невскрытое в самом тексте», надо «соотнести его с *другим текстом*, присутствующим в нем через необходимое отсутствие», т.е. под невинностью говорения раскрыть скрытую глубинность иного дискурса — дискурса бессознательного [Althusser 1976: 34].

Концепция дискурса, «пронизанного» бессознательным, основывается на концепции субъекта, «который является не однородной сущностью, внешней по отношению к речевой деятельности, но комплексной структурой, порождаемой ею: субъект децентрализован, разделен — неважно, какой термин мы употребим, лишь бы подчеркнуть структурный, конституирующий характер этой разделенности и исключить мысль о том, что раздвоение, или разделенность, субъекта — всего лишь следствие его столкновения с внешним миром, ибо такую разделенность можно было бы попытаться преодолеть в ходе работы по восстановлению единства личности» [Отье-Ревю 1999: 81].

Мы продемонстрируем указанную расщепленность субъекта на простом примере. Когда говорящий произносит одно слово вместо другого слова, совершая тем самым *lapsus linguae*, возникает своеобразный «эффект смысла» (Ж. Лакан): означаемое явного означающего, сменившего собой скрытое (вытесненное) означающее, само не является скрытым означаемым, но представляет собой *новый смысл*, высвобожденный в результате замены одного означающего на другое [см.: Декомб 2000: 95]. Вследствие этого высказывание становится высказыванием о том, о чем нельзя говорить, т.е. высказыванием о смысле желания. «Именно в замещении означающего на означаемое и осуществляется воздействие значения...» [Lacan 1966: 515]. Говорящий субъект подчинен *закону означающего*, поскольку произносимые им слова не наделяют смыслом довербальный опыт, а, напротив, сам смысл рождается вместе с означающим, т.е. является «смыслом, который опыт может *получить* в дискурсе» [Декомб 2000: 96]. Поэтому вопрос о том, «кто го-

ворит», не такой уж праздный [Лакан 2014: 52-61]. Иллюзию того, что субъект и есть источник смысла, М. Пешё назвал «эффектом Мюнхгаузена» — в память о бессмертном бароне, который «поднимался в воздух, таща самого себя за волосы» [Пешё 1999: 264].

По словам Ж. Лакана, «речь представляет собой матрицу той части субъекта, которую он игнорирует: именно это и есть уровень аналитического симптома как такового — уровень, эксцентричный по отношению к индивидуальному опыту, ибо это уровень того исторического текста, в который субъект вписывается» [Лакан 1999: 65]. Тем самым, любая речь в момент своего появления уже как бы «есть заранее»: субъект, начинающий говорить, всегда «уже есть» в том месте, которое определено ему для его самообнаружения в определенном символическом порядке, в сети означающих. Для иллюстрации этого Лакан приводит историю о мальчике и девочке, сидящих в купе поезда друг напротив друга и видящих поэтому разные надписи на туалетных комнатах у перрона. «Смотри, — говорит мальчик, — мы приехали в Дамы». «Дурень, — отвечает сестренка, — ты что, не видишь, что мы приехали в Господа?» [Лакан 1997: 60].

Чтобы пояснить сказанное, рассмотрим предложенную М. Пешё теорию «двух забвений» (под «забвением» здесь понимается «сокрытие причины субъекта внутри его эффекта»).

«Забвение №1» есть «затемнение» (по аналогии с «вытеснением») того факта, что «говорящий субъект не может, по определению, находиться вне дискурсной формации, которая над ним господствует» [Пешё 1999: 277]. Говорящий всегда «уже» занимает определенное место «в купе», как в лакановском примере. Это «забвение» относится одновременно и к дискурсному процессу, и к интердискурсу (т.е. специфическому «окружению», определяющему данный дискурсный процесс). Оно имеет место всегда, когда «процесс, в результате которого порождается или воспринимается как осмысленная некоторая конкретная дискурсная цепочка, скрывается от глаз субъекта» [Пешё, Фукс 1999: 109]. Иными словами, говорящий как бы «забывает», что *смысл того, что он говорит, формируется в процессе, являющемся для него внешним*. Зона «забвения №1» абсолютно недоступна субъекту (т.е. аналогична зоне *бессознательного*), но именно поэтому это «забвение» является составляющей субъективности в языке [Пешё, Фукс 1999: 118].

«Забвение №2» — это «частичное затемнение», которое относится к процессу порождения высказывания, представляющему собой серию последовательных операций, устанавливающих границу между тем, что сказано (т.е. отобрано), и тем, что не сказано (т.е. отброшено). «Таким образом, примерно вырисовывается область того, «что для субъекта было бы возможно сказать (но что он не сказал)», или «что противостоит тому, что он сказал». Эта сфера «отбрасываемого» может ощущаться более или менее сознательно, и случается, что вопросы собеседника, направленные на уточнение у говорящего того, «что он хотел сказать», заставляют его переформулировать границы и пересмотреть эту зону» [Пешё, Фукс 1999: 116-117]. «Забвение №2», тем самым, оказывается источником впечатления доступности смысла для самого говорящего. При этом говорящий может сознательно проникать в зону «забвения №2» (аналогичную зоне *подсознательного/сознательного*): дискурс постоянно возвращается к самому себе, предвосхищая производимое воз-

действие и учитывая несогласованности, которые вносятся в него дискурсом собеседника [Пешё, Фукс 1999: 117].

Отношение между этими двумя типами «забвения» сводятся к отношению между *условиями* существования субъективной «иллюзии» и субъективными формами ее реализации. Парадоксальность рассматриваемого с этой точки зрения процесса порождения высказывания заключается в сопровождающей его иллюзии субъективности: говорящий субъект как будто появляется из продуцируемой речевой цепочки, чтобы быть застигнутым в качестве причины сказанного [Пешё 1999: 263].

Безусловно, у представленной позиции есть свои ограничения. Но, так или иначе, она демонстрирует тот факт, что с субъектом высказывания не всё так просто, как нам хотелось бы, если мы стремимся наделить его полномочиями порождения смысла и управления коммуникацией. Если мы, вслед за представителями Оксфордской школы философии языка, утверждаем, что референцию совершают не слова и даже не фразы, а говорящие, то мы рискуем нарваться на аргументированное возражение: «...фраза, сказанная по-французски, служит референцией независимо от намерений автора высказывания. Это не он решает. *Никто* не решает, решает только язык» [Декомб 2011: 147]. Если бы мы в полной мере владели языком, видимо, не было бы ни поэзии, ни философии, ни науки, ибо, как сказал в Нобелевской лекции Иосиф Бродский, «Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку. ...Это и есть тот момент, когда будущее языка вмешивается в его настоящее». Автор, не обремененный иллюзией произвольности, лишь фиксирует то, что диктует ему язык. Но не вмешивается ли будущее языка в его настоящее и в обычном повседневном общении, т.е. даже там, где мы ощущаем произвольность процесса говорения? Не транслируем ли мы в ходе общения всевозможные мифы, не отдавая себе отчета в том, что смысл говоримого *произведен* где-то в других местах, произведен, если точнее, самой социальной системой и нашим (случайным для нас, но закономерным для системы) положением в ней?

5. Возможное диалектическое решение

Указанные проблемы, слишком серьезные, чтобы не обращать на них внимания при разработке научной модели коммуникации, во многом обусловлены взглядом на коммуникацию (а также и любую другую социальную активность) как на нечто внешнее по отношению к индивидам, в коммуникацию вступающим (или не вступающим) по собственному произволению. Антиномия присвоения-отчуждения может трансформироваться в оппозицию (индивид – коллектив, речь – язык), как это произошло, к примеру, во французской социологической школе, но оппозицию «снять» существенно сложнее, чем антиномию, мыслимую как диалектическое противоречие. Диалектическое противоречие подразумевает возможность взаимопереходов и даже тождества рассматриваемых сущностей, в то время как оппозиция эту возможность исключает.

Как продемонстрировала отечественная психология, можно не выносить процесс порождения смысла за «предел» субъекта, но и не рассматривать при этом субъекта как индивида. В формуле А.Н. Леонтьева «личность ≠ индивид» заложено больше, чем просто указание на уровень организации. Личность социальна

как «внутренний момент деятельности» и «ансамбль социальных отношений», но индивидуальна («пристрастна») как носитель потребностей. «В отличие от индивида личность человека ни в каком смысле не является предсущствующей по отношению к его деятельности, как и его сознание, она ею *порождается*» [Леонтьев А.Н. 1975: 173]. И если для индивида социальные отношения неизбежно являются внешними, то для личности они являются столь же внешними, сколь и внутренними. Здесь уместно привести следующее рассуждение А.А. Леонтьева: «...особенно важным представляется не ограничивать понимание социальности языковых явлений... пониманием, сводящим социальное начало в речевой деятельности к разного рода *социальным взаимоотношениям* говорящих индивидов, каждый из которых берется как *внесоциальная* реальность. ...мы должны искать социальное начало прежде всего не *вне*, а *внутри* личности говорящего человека. ...коммуникация (общение) есть не столько процесс *внешнего взаимодействия изолированных личностей*, сколько способ *внутренней организации и внутренней эволюции общества как целого*» [Леонтьев А.А. 2008: 19-21].

Если коммуникацию (общение¹) рассматривать как способ (или процесс) внутренней организации общества, то в каком процессе порождается смысл самой коммуникации? Где *локализован* этот процесс? Опять-таки, отечественная психология (в т.ч. психология общения) предлагает диалектическое решение данной проблемы.

С одной стороны, как только начинается коммуникация, происходят уже такие процессы и действуют такие закономерности, которые не выводимы из состояния коммуникантов (более того: участники коммуникативного процесса становятся коммуникантами только в самом этом процессе, они «лишь здесь», как писал в приведенной выше цитате Э. Кассирер, вступают во владение тем, чем делятся друг с другом). С другой стороны, коммуникация служит внутренней организации общества, а если точнее — она организует совместную деятельность людей. Деятельность (всегда совместная, социальная, даже если выполняется от начала и до конца одним-единственным субъектом) побуждается *мотивом*, который имеет двоякую природу: это одновременно предмет совместной деятельности и предмет индивидуальной потребности. *Мотив деятельности как раз и выполняет функцию порождения смысла действий субъекта* (в т.ч. коммуникативных). Как это происходит?

Мотив как предмет деятельности придает ей направленность; «деятельности без мотива не бывает» [Леонтьев А.Н. 1974: 12]. Появление у деятельности внутренней структуры связано с возникновением таких процессов, мотив которых не совпадает с их предметом — что возможно только в рамках совместной деятельности людей, ибо требует от человека взгляда на предмет не только своими глазами, но и глазами других (человек должен субъективно отражать связь своих действий с достижением общего результата). Если понятие деятельности соотносительно с понятием мотива, то понятие *действия* — с понятием *цели*. Действие и представляет собой целенаправленный процесс, мотив которого не совпадает с его предметом. Смыслом действия является, поэтому, отношение мотива (побудителя деятель-

¹ В данном контексте мы употребляем термины «коммуникация» и «общение» как синонимы.

ности) к цели. «Сознание смысла действия и совершается в форме отражения его предмета как сознательной цели» [Леонтьев А.Н. 1999: 224-225].

Таким образом, отношения между человеком и предметом всегда являются отношениями между предметом и обществом. Соответственно, и понятия, в которых описываются деятельность и общение («мотив», «действие», «личность», «смысл» и т.д.), всегда в своем содержании обнаруживают диалектическое единство индивидуального и социального. Отсюда можно переходить к анализу процесса воплощения смысла в значениях и т.д.

Эти рассуждения и рассматриваемая проблема имеют отношение не только к феномену коммуникации, но и к феномену сознания, ибо при анализе явлений сознания часто обнаруживают себя те же антиномии, о которых мы говорили выше. Современные ученые и философы, занимающиеся сознанием, порой не могут устоять от соблазна «заключить» его в индивидуальную голову или представить как эпифеномен деятельности мозга. Тем самым совершается ошибка индивидуализации и субстанциализации, о которой предупреждал еще Г.Г. Шпет [Шпет 2010: 10-12]. При исследовании сознания, деятельности, общения необходимо отказаться от наивного психологизма, но в то же время сохранить *положительное* содержание понятия субъекта.

Литература

- Althusser L.* Freud et Lacan // Althusser L. Positions. Paris, 1976.
- Garfinkel H.* Ethnomethodological Studies of Work. Studies in Ethnomethodology. London, 1986.
- Lacan J.* Ecrits. Paris, 1966.
- Schutz A.* On Phenomenology and Social Relations. The University of Chicago Press, 1979.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
- Вдовиченко А.В.* О несамостоятельности языкового знака. Причины и следствия «лингвистического имяславия» // Вопросы философии. 2016. №6. С. 164-175.
- Вдовиченко А.В.* «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели»: проект, смыслообразование, общение // Вопросы психолингвистики. 2017. № 2 (32). С. 50-61.
- Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
- Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Т. III (1). Логические исследования: Исследования по феноменологии и теории познания. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 584 с.
- Декомб В.* Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 576 с.
- Декомб В.* Современная французская философия. М., 2000. 344 с.
- Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998. 784 с.
- Лакан Ж.* «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинары. Книга II). М.: Гнозис, Логос, 1999. 520 с.

Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или судьба разума после Фрейда. М., 1997.

Лакан Ж. Психозы (Семинары, Книга III). М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2014. 432 с.

Леонтьев А.А. Психология общения. 5-е изд., стер. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2008. 368 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 303 с.

Леонтьев А.Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. С. 5-20.

Леонтьев А.Н. Эволюция психики. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999.

Отье-Ревю Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 54-94.

Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 225-290.

Пешё М., Фукс К. Итоги и перспективы по поводу автоматического анализа дискурса // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 105-123.

Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. С. 12-53.

Смирнова Н.М. Интерсубъективность речевых коммуникаций // Интерсубъективность в науке и философии / Под ред. Н.М. Смирновой. М.: «Канон+» «РООИ Реабилитация», 2014. С. 226-248.

Улановский А.М. Феноменология разговора: метод конверсационного анализа // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1(27). С. 218-237.

Шнет Г.Г. Введение в этническую психологию. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 160 с.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.

BUILDING A COMMUNICATIVE MODEL OF VERBAL PROCESS: METHODOLOGICAL PROBLEMS

Ignaty V. Zhuravlev

Senior researcher
Sector of psycholinguistics
Institute of linguistics, Russian academy of Sciences
Moscow, B. Kislovskiy lane, 1
semiotik@yandex.ru

Julia V. Zhuravleva

Researcher
Sector of psycholinguistics
Institute of linguistics, Russian academy of Sciences
Moscow, B. Kislovskiy lane, 1
jv.clinic@yandex.ru

The article deals with theoretical and methodological problems occurring with the development of a communicative model of a natural verbal process. The main characteristic of this model is considering verbal action as a special case of a communicative action which, in turn, is considered as a special case of person's conscious action. The main of the discussed problems is a question of sense (meaning) generation, which leads us to compare the communicative model of sense generation to the theory of French school of discourse analysis. We consider the methodological distinction between language and communicative models of natural speech process as a reflection of the ontocentrism-anthropocentrism opposition characteristic to modern European science. The problem of sense generation is connected to the problem of subject's activity. One of the main methodological questions which occur here is whether a subject of communication possesses powers to generate the sense and to control his/her communicative activities. Thereby we describe the antinomy of appropriation-alienation and analyze the ontology of a speaking subject. The main result is the demonstration of methodological weakness of psychology which equates speaking subject to an individual. As an alternative position we consider domestic psychology of communication which key concepts reflect dialectical unity of social and individual phenomena.

Keywords: communication, speech, natural speech process, sense, subject, speaking subject, appropriation, alienation.

References

- Althusser L.* Freud et Lacan // Althusser L. Positions. Paris, 1976.
Autier-Revuz J. Javnaja i konstitutivnaja neodnorodnost': k probleme drugogo v diskurse [Overt and constitutive heterogeneity: a problem of the other in discourse] // Kvadratura smysla: francuzskaja shkola analiza diskursa. M.: «Progress», 1999, pp. 54-94.
Benvenist E. Obshhaja lingvistika [General linguistics]. M.: Progress, 1974. 446 p.

Descombes V. Dopolnenie k sub'ektu: Issledovanie fenomena dejstvija ot sobstvennogo lica [An adjunct to the subject]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 576 p.

Descombes V. Sovremennaja francuzskaja filosofija [Modern French philosophy]. M., 2000. 344 p.

Garfinkel H. Ethnomethodological Studies of Work. Studies in Ethnomethodology. London, 1986.

Grice G.P. Logika i rechevoe obshhenie [Logic and conversation] // Novoe v zaru-bezhnoj lingvistike [Novelty in foreign linguistics]. № XVI. M., 1985.

Husserl E. Sobranie sochinenij. T. III (1). Logicheskie issledovanija: Issledovani-ja po fenomenologii i teorii poznaniya [Logic investigations]. M.: Dom intellektual'noj knigi, 2001. 584 p.

Kassirer E. Izbrannoe. Opyt o cheloveke [Selected works. Essay on a human be-ing]. M.: Gardarika, 1998. 784 p.

Lacan J. «Ja» v teorii Frejda i v tehnikе psihoanaliza (Seminary. Kniga II) [The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis (The Seminar. Book II)]. M.: Gnosis, Logos, 1999. 520 p.

Lacan J. Ecrits. Paris, 1966.

Lacan J. Instancija bukvy v bessoznatel'nom, ili sud'ba razuma posle Frejda [The instance of the letter in the unconsciousness, or destiny of reason after Freud]. M., 1997.

Lacan J. Psihozy (Seminary, Kniga III) [The Psychoses (The Seminar. Book III)]. M.: Izdatel'stvo «Gnozis», Izdatel'stvo «Logos», 2014. 432 p.

Leont'ev A.A. Psihologija obshhenija [Psychology of communication]. M.: Smysl; Izdatel'skij centr «Akademija», 2008. 368 p.

Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Per-sonality]. M.: Politizdat, 1975. 303 p.

Leont'ev A.N. Jevoljucija psihiki [Evolution of Psychics]. M.: Moskovskij psi- hologo-social'nyj institut; Voronezh: Izdatel'stvo NPO «MODEK», 1999.

Leont'ev A.N. Obshhee ponjatие o dejatel'nosti [General concept of activity] // Osnovy teorii rechevoj dejatel'nosti [Grounds of Speech activity theory]. M.: Nauka, 1974. Pp. 5-20.

Pecheaux M. Propisnye istiny. Lingvistika, semantika, filosofija [Copybook max-ims: Linguistics, semantics, philosophy] // Kvadratura smysla: francuzskaja shkola analiza diskursa. M.: OAO IG «Progress», 1999. Pp. 225-290.

Pecheaux M., Fuchs C. Itogi i perspektivy po povodu avtomaticheskogo analiza diskursa [Results and perspectives on automatic discourse analysis] // Kvadratura smysla: francuzskaja shkola analiza diskursa. M.: OAO IG «Progress», 1999. Pp. 105-123.

Schutz A. On Phenomenology and Social Relations. The University of Chicago Press, 1979.

Seriot P. Kak chitajut teksty vo Francii [How they read texts in France] // Kvadra- tura smysla: francuzskaja shkola analiza diskursa. M.: OAO IG «Progress», 1999. Pp. 12-53.

Shpet G.G. Vvedenie v jetnicheskiju psihologiju [Introduction to ethnic psychol- ogy]. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 160 p.

Shulz A. Izbrannoe: Mir, svetjashhij smyslom [Selected works]. M.: ROSSPEN, 2004. 1056 p.

Smirnova N.M. Intersub'ektivnost' rechevyh kommunikacij [Intersubjectivity of speech communications] // Intersub'ektivnost' v nauke i filosofii [Intersubjectivity in science and philosophy]. М.: «Канон+», 2014. Pp. 226-248.

Ulanovsky A.M. Fenomenologija razgovora: metod konversacionnogo analiza [Phenomenology of conversation: Method of conversation analysis] // Voprosy psiholingvistiki [Questions of psycholinguistics]. 2016, № 1(27), pp. 218-237.

Vdovichenko A.V. «Razrabotka kommunikativnoj modeli verbal'nogo processa v uslovijah krizisa jazykovej modeli»: proekt, smysloobrazovanie, obshhenie [“Development of the communicative model of verbal process in the conditions of the crisis of the language model”: project, sense-production, communication] // Voprosy psiholingvistiki [Questions of psycholinguistics]. 2017, № 2(32), pp. 50-61.

Vdovichenko A.V. O nesamotozhdestvennosti jazykovogo znaka. Prichiny i sledstvija «lingvisticheskogo imjaslavija» [Non-self-identity of a linguistic sign. Causes and effects of the “linguistic onomatodoxia”] // Voprosy filosofii [Problems of philosophy]. 2016, №6, pp. 164-175.

УДК 4Р-2

ББК 81.411.2-212

**НЕНАВИСТЬ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ,
проект «Структурированность нравственных понятий»
№ 16-04-00057

Нина Ивановна Колодина

Доктор филологических наук, профессор
Воронежский государственный педагогический университет
verteria@mail.ru

Настоящая статья посвящена исследованию нравственного понятия «ненависть» и определению уровня осознанности и уровня нравственной компетентности слышащих и слабослышащих подростков относительно указанного понятия. Описывается алгоритм определения уровней на материале проведенного анкетирования учащихся старших классов. Уровень осознанности рассчитывается по разработанной математической формуле, соответственно которой выявляются совпадения словарных сем дефиниции с семами в ответах респондентов. Уровень компетентности устанавливается по полученному количественному показателю выявленных сем в ответах учащихся и отнесение результата к одному из уровней процентной шкалы, которая включает три уровня: низкий, средний, высокий, а также интерпретацию каждого уровня. В основе интерпретации уровней лежит способность индивида объяснять понятие соответственно словарному толкованию и оценивать чей-либо поступок аналогичному понятию. Обсуждаются толкования исследуемого понятия в лингвистике и объяснения эквивалентной эмоции в психологии и приводится таблица соответствий толкования. Полученные результаты по анкетированию анализируются и сравниваются с опорой на таблицу соответствий. Делается вывод о среднем уровне нравственной осознанности понятия и о низком уровне компетентности слышащих учащихся, и о среднем уровне осознанности, и о невозможности установления уровня нравственной компетентности слабослышащих подростков. Указывается на подмену и смешение понятий учащимися.

Ключевые слова: слышащие и слабослышащие подростки; уровень нравственной осознанности; уровень нравственной компетентности; шкала уровней компетентности; таблица соответствий.

Введение. Исследования нравственных понятий, номинирующие эмоции, всегда сопряжены с проблемами, которые возникают на пересечении ряда наук, имеющих непосредственное отношение к изучению человека.

Если рассматривать эмоцию как психологическое явление, то можно обнаружить несовпадение объяснения эмоции в психологии с ее эквивалентным толкованием в лингвистике как нравственного понятия. В лингвистике, в свою очередь, вне зоны рассмотрения остаются вопросы понимания индивидом собственных эмоций, которые обозначены тем или иным словом, и не ставится задача «привязать» анало-

гичное нравственное понятие к ее эквивалентному психологическому объяснению. Для исследователя нравственных понятий обнаруженные противоречия ставят ряд задач, которые выходят за рамки одной науки и требуют междисциплинарного подхода.

Актуальной проблемой в изучении и эмоциональной сферы личности, и нравственных понятий является осознание индивидом своих переживаний. На вопрос «Есть ли необходимость осознавать свои переживания, эмоции?» могут быть даны как утвердительные, так и отрицательные ответы. Однако если возникает злость, то она протекает быстро и может затихнуть, или стать гневом или агрессией, а те, в свою очередь, переходят в агрессивный поступок, который направлен на устранение раздражителя и на причинение вреда объекту раздражения. Не осознавая этого, индивид часто называет злостью любое негативное состояние и не задумывается над тем, что есть порог, у которого надо остановиться. Видимо, осознанию своих эмоций, и аналогичных им нравственных понятий надо учить, и подобный процесс обучения включить в школьный образовательный цикл.

Цель исследования – выявление уровня осознанности нравственного понятия «ненависть», номинирующего эквивалентную эмоцию, а также выявление уровня нравственной компетентности слышащих и слабослышащих подростков относительно исследуемого понятия.

Задачи исследования:

- выявить основные семы словарной дефиниции «ненависть»;
- провести анкетирование слышащих и слабослышащих старшеклассников по исследуемому понятию и выявить основные семы в ответах респондентов;
- выявить совпадения словарных сем с семами в ответах подростков и установить уровень осознанности понятия подростками и уровень нравственной компетентности соответственно разработанной математической формуле и процентной шкале;
- определить соответствие осознанности исследуемого понятия респондентами психологическому толкованию эмоции, объективированной словом «ненависть».

Описание исследования. Исследование проводилось соответственно разработанному алгоритму на материале анкетирования учащихся старших классов (10 и 11 классов) в учебных заведениях МБОУ СОШ №9 г. Воронежа, МБОУ СОШ № 16 г. Воронежа, школа-интернат для слабослышащих детей №6 г. Воронежа; ТОГБОУ «Центр психолого-педагогического сопровождения и коррекции «Гармония» г. Рассказово, Тамбовской области; КОУВО «Бобровская специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат 1-2 вида для обучающихся, воспитанников с ограниченными возможностями здоровья» г. Бобров Воронежской области, КОУ ВО «Павловская школа-интернат № 1 для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья», г. Павловск Воронежской области. Общее количество анкетированных подростков старших классов составило 122 человека (слышащих – 65 человека и слабослышащих – 57 человек).

Участие слабослышащих учащихся в анкетировании было направлено, с одной стороны, на получение данных о способности детей с патологией слуха объяснять нравственное понятие, номинирующее эмоцию, а с другой стороны, на

выявление совпадений и разницы в уровнях осознанности понятия слышащими и слабослышащими подростками.

Шаг 1. Первый Шаг алгоритма был направлен на выявление основных сем исследуемого нравственного понятия «ненависть» с применением компонентного анализа словарной дефиниции. Соответственно словарям понятие «ненависть» толкуется следующим образом: «Чувство сильнейшей вражды, неприязни» [Ефремова] или как: «Чувство сильной вражды, злобы» [Ожегов 1999: 408]. Д.Н. Ушаков объясняет ненависть также как «Чувство сильнейшей вражды» [Ушаков]. Таким образом, основными семами данного понятия являются *чувство сильной вражды, неприязни, злобы*.

Шаг 2. На втором шаге алгоритма проводилось анкетирование слышащих и слабослышащих учащихся по двум вопросам.

Что Вы понимаете под словом «ненависть»?

Опишите ситуацию, когда Вы чувствовали ненависть к кому-нибудь.

Первый вопрос был направлен на выявление уровня осознанности понятия, а второй вопрос – на выявление уровня нравственной компетентности.

Уровень нравственной осознанности проявляется в способности индивида объяснять понятие близко к словарной дефиниции.

Уровень нравственной компетентности – это способность индивида оценить чей-либо поступок соответственно аналогичному нравственному понятию.

Шаг 3. Полученные ответы респондентов обрабатывались лексическим, статистическим методами, а также методом компонентного анализа. Выявлялись такие семы в ответах учащихся по первому и второму вопросам, которые совпали с семами словарной дефиниции.

На первый вопрос слышащие подростки написали, что ненависть является ужасным, отрицательным чувством к кому-то, возникающим как агрессия или на фоне раздражения, когда хочется нанести физический урон и думаешь, какими способами ты хочешь его убить. Однако в выборке преобладали такие ответы, как:

- агрессивное чувство к другому человеку;
- чувство злости, когда хочется нанести физический урон другому человеку;
- чувство злобы на кого-то;
- неприязнь к кому-то;
- агрессия к человеку, когда хочется ударить, унижить человека;
- враждебность к человеку, когда возникает желание убить или покалечить человека.

(Прим. Приведены примеры при сохранении стиля изложения учащихся).

В результате анализа в ответах шестидесяти пяти слышащих подростков были выявлены следующие семы с представленными здесь количественными показателями: злость – 27; агрессия – 16, враждебность – 8; неприязнь – 5. В остальных случаях семы, совпадающие с семами словарной дефиниции, не были выявлены. Соответственно семам словарной дефиниции в ответах учащихся данной группы выделены три семы злость, враждебность и неприязнь.

Слабослышащие подростки при ответе на вопрос «Что Вы понимаете под словом «ненависть»? написали либо одно слово, либо короткое простое

предложение, что обусловлено психофизиологическими особенностями учащихся данной группы. В ранжированном виде все ответы респондентов могут быть представлены следующим образом:

- злость;
- неприязнь;
- обида;
- это человек не хочет видеть другого;
- недоброе, грубое отношение;
- не хотел смотреть, говорить;
- беседа, унижать, враг, ссора, ислам;
- нелюбовь. (Прим. Приведены примеры при сохранении стиля изложения учащихся).

Анализ полученных данных позволил выявить такие семы с последующими количественными показателями в ответах пятидесяти семи слабослышащих подростков, которые совпали с семой словарной дефиниции «ненависть»: *злость* – 27; *неприязнь* – 3. В остальных ответах респондентов семы, совпадающие с семой словарного толкования, выявлены не были.

На второй вопрос «Опишите ситуацию, когда Вы чувствовали ненависть к кому-нибудь» слышащие подростки дали короткие ситуации, указывая те случаи, в которых, по их мнению, они испытывали чувство ненависти, например, «он меня использовал, а потом чаша терпения переполнилась и вся ненависть и злость вылилась наружу», «она распускала слухи и я поняла, что ненавижу ее и злилась каждый раз, когда встречала ее», «я приходил в класс, они меня дразнили и, я возненавидел их». Все ответы слышащих респондентов были поделены на следующие смысловые группы:

- когда меня обманули;
- когда меня оболгали;
- когда меня дразнили;
- когда начинали лезть в личную жизнь;
- когда заставляли делать то, что я не хочу.

В процессе анализа ответов подростков удалось выявить сему *злость*, совпадающую с семой словарной дефиниции «ненависть» только в 17 ответах учащихся.

Слабослышащие подростки ответы на второй вопрос написали короткими предложениями или словосочетаниями, которые были преобразованы в следующие смысловые группы:

- когда меня обижают;
- когда меня дразнят;
- когда ревную;
- когда ссоримся;
- когда лезут в мою жизнь.

Если сравнить данные, полученные от слабослышащих и слышащих подростков, то обнаруживаются совпадения в описаниях случаев, когда учащиеся испытывают отрицательные эмоции, которые они называют ненавистью. Однако, в описаниях, предоставленных слабослышащими учащимися, сем словарной

дефиниции «ненависть» обнаружить не удалось. Тем не менее, психологи полагают, что чувство ненависти близко к чувству ревности и в этом ракурсе у слабослышащих подростков присутствует описание ситуаций, когда они испытывают ревность.

Шаг 4. На данном шаге исследования рассчитывались количественные показатели уровня осознанности нравственного понятия и уровня нравственной компетентности учащимися обеих групп по разработанным математической формуле и процентной шкале [Колодина 2016].

Математическая формула на начальном этапе приобрела следующий вид:

$$y_i = \frac{z_i * 100\%}{x}$$
, где x – это общее количество анкетированных учащихся (например, слышащих подростков было 65 человек);

z_i – количество человек, в ответах которых была выявлена сема, соответствующая семе словарной дефиниции (например, в ответах 27 учащихся обнаружена сема словарной дефиниции *злость*);

все семы словарной дефиниции *чувство сильной вражды, неприязни, злобы* принимаются за 100%;

y_i – является процентным выражением количества совпавших сем в ответах респондентов с семами словарной дефиниции. В итоге получаем следующее: $(27*100)/65 = 41,54$.

Далее проводим такой же подсчет на каждую сему в ответах учащихся, совпавшую с семой словарной дефиниции, и суммируем полученные проценты.

Получим $\sum y_i = y_1 + y_2 + y_3 + \dots + y_n$, где сумма количества совпавших сем в процентах.

Приведем полученные формулы к одному общему виду:

$$\sum y_i = \sum \left(\frac{z_i * 100\%}{x} \right)$$

Проводим подсчет на каждую сему, т.е. *злость* = 27; *враждебность* = 8; *неприязнь* = 5. Получаем в цифровом виде следующее: $(27*100)/65 = 41,54\%$, $(8*100)/65=12,30\%$ и $(5*100)/65=7,7\%$.

Суммируем полученные проценты каждой семы $41,54\% + 12,30\% + 7,7\%$ и получаем **61, 54%**. Полученный процент показывает уровень нравственной осознанности понятия слышащими подростками.

Такой же расчет проводим по полученным данным от группы слабослышащих подростков, у которых было выявлено две семы: *злость* с количественным показателем 19; *неприязнь* – с показателем 3.

$$(19*100)/57=33,3\%$$

$$(3*100)/57=5,7\%$$

Суммируем данные $33,3\% + 5,7\% = 39\%$. Таким образом, уровень нравственной осознанности слабослышащих подростков равен 39%.

Поскольку в процессе анализа ответов слышащих подростков, полученных на второй вопрос, удалось выявить только одну сему *злость* с количественным показателем 17, совпавшую с семой словарной дефиниции, то соответственно

приведенной формуле расчет нравственной компетентности учащихся относительно исследуемого понятия равен **26,16%**.

В ответах слабослышащих подростков не удалось обнаружить ни одной семы, совпавшей с семой словарной дефиниции. Следовательно, произвести расчет по приведенной формуле не представляется возможным.

Шаг 5. Чтобы определить уровень осознанности нравственного понятия и уровень нравственной компетентности соотнесем полученные процентные данные на Шаге 4 с уровнями, указанными в процентной шкале, которая дана ниже в Таблице 1 [Колодина 2016].

Таблица № 1

Шкала определения уровня осознанности нравственного понятия и уровня нравственной компетентности

Уровни Осознанности понятия	% выражение уровня	Интерпретация уровня осознанности нравственного понятия	Интерпретация уровня нравственной компетентности
Высокий	100%-75%	Имеет четкое представление о нравственном понятии, может дать определение, близкое словарной дефиниции.	Может оценить поступок или поведение соответственно нравственному понятию.
Средний	74%-35%	Имеет близкое представление о нравственном понятии, но не может идентифицировать относительно других синонимичных понятий.	Может оценить поступок или поведение соответственно синонимичному нравственному понятию.
Низкий	34%-1%	Не осознает нравственное понятие, подменяет нравственное понятие другими понятиями.	Не может оценить поступок или поведение соответственно данному или синонимичному понятию.

По ответам, полученным на первый вопрос, определяем уровень осознанности нравственного понятия. Ответы на второй вопрос определяют уровень нравственной компетентности. Таким образом, полученный процент **61, 54%** в процессе анализа ответов слышащих подростков по первому вопросу соответствует среднему уровню, т.е. учащиеся имеют близкое представление об исследуемом нравственном понятии, но не могут идентифицировать его относительно других синонимичных

понятий. Что касается уровня нравственной компетентности, то лишь в 17 ответах слышащих учащихся из 65 удалось выявить сему, совпадающую с семой словарной дефиниции, что составило **26, 16%** и показывает низкий уровень, который интерпретируется, как неспособность индивида оценить поступок или поведение кого-либо аналогичному или синонимичному нравственному понятию.

Уровень осознанности нравственного понятия слабослышащими подростками равен также среднему уровню при количественном показателе **39%**. Однако слабослышащие подростки не смогли описать ситуацию, в которой проявляется чувство ненависти в соответствии с выявленными семами словарного толкования понятия.

Определение соответствия осознанности понятия респондентами его эквиваленту в виде эмоции

Для определения соответствия осознанности понятия его эквиваленту в виде эмоции необходимо создать таблицу, в которой, с одной стороны, должны быть представлены данные толковых словарей исследуемого понятия, а, с другой стороны, объяснения аналогичной эмоции с психологической точки зрения. Подобное представление нравственного понятия и его эквивалента в виде эмоции даст возможность установить, какие именно чувства описывали респонденты, и где произошла подмена одного понятия другим.

Таблица №2

Таблица соответствий толкования понятия и его эквивалента в виде эмоции

Толкование термина, объективирующего эмоции/ чувства, в лингвистике	Толкование эмоции/чувства в психологии	Проявления эмоции/ чувства в поступке
Злость – злое, раздраженно-враждебное чувство, боевое настроение	Это чувство выступает результатом выражения какого-либо неудовлетворения: своих ожиданий, желаний или действий. Часто, когда человек не может выплеснуть злость, у него возникает обида, под которой понимается острая отрицательная эмоция, вызываемая переживаниями.	Злость короткое чувство, которое вспыхивает и проходит в ответ на неполучение желаемого. Злость не имеет цели причинить вред тому, источником которого она является. Человек может повысить голос, сказать что-то неприятное в ответ, но, как правило, люди подавляют злость. Основной причиной этого подавления является страх быть отвергнутым теми, на кого направлена эта эмоция

<p>Агрессивность – открытая неприязнь, вызывающая враждебность</p>	<p>Агрессивность поведение, ориентированное на нанесение вреда объектам, в качестве которых могут выступать живые существа или неодушевленные предметы. Агрессивное поведение служит формой реагирования на физический или психический дискомфорт, стресс, от которых человек хочет освободиться.</p>	<p>В поступке могут быть проявлены разные виды агрессии: 1) <i>физическая</i> – использование физической силы против другого лица или объекта с целью нанесения вреда; 2) <i>вербальная</i> – ссора до крика с визгом, угрозой, проклятьем и пожеланием самого худшего человеку.</p>
<p>Ненависть – чувство сильной вражды, злобы</p>	<p>Ненависть - интенсивная, длительная и нередко необоснованная враждебность, озлобленность по отношению к кому- или чему-либо. Характеризуется следующими основными признаками: а) страстным желанием и упорными попытками причинять как можно больший вред, ущерб объекту ненависти; б) злорадством, удовольствием от неудач, страдания или разрушения объекта ненависти; в) мстительностью, неспособностью прощать, проявлять снисходительность, великодушие. Ненависть, наряду с другими эмоциями, входит также в состав чувства ревности.</p>	<p>Человек, охваченный ненавистью, способен на любые поступки, так как его разум перестает контролировать чувства. В худшем случае человек становится одержимым ненавистью. Ненавидящий может спровоцировать драку, ссору, пытаясь унижить объект ненависти, продемонстрировать неуважение, оскорбить, попытаться показать свое превосходство.</p>

<p>Гнев – чувство сильного негодования, возмущения, раздражения, недовольства</p>	<p>Гнев выражается как чувство сильного негодования или возмущения, состояние крайнего раздражения или недовольства кем-либо, чем-либо (обычно бурно проявляющееся) и является более сильным (интенсивным) вариантом злости.</p>	<p>Гнев часто идентифицируется совокупностью физических, реакций, включая определенную мимику, жесты, позы. Хочется что-то быстро сделать или сказать что-то грубое, чтобы выплеснуть эмоцию гнева. Гнев сложнее контролируется, чем злость и человек в состоянии гнева высказывает больше негатива.</p>
<p>Враждебность-вражда – отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью</p>	<p>Враждебность – длительное, устойчивое негативное отношение или система оценок, применяемая к окружающим людям, предметам и явлениям. Может проявляться как в гнев, так и в постоянном отрицательном отношении к окружающему миру. Немотивированная враждебность проявляется в виде навязчивых мыслей и суждений. Она не поддается контролю или воспитанию и в таких случаях говорят о заболевании, и требуется участие врача-психиатра.</p>	<p>Проявлениям враждебности характерно: вспышки гнева; крики, швыряние вещами; импульсы причинять телесные повреждения, боль; импульсы ломать или крушить. Враждебность может протекать вяло и тогда отрицательное отношение к окружающим проявляется в постоянном осуждении окружающих, в распространении нелюбимых сплетен.</p>

<p>Раздражение – озлобленное возбуждение, гнев, досада, недовольство</p>	<p>Раздражение – недовольное состояние, когда что-то злит, вызывает сильную болезненную реакцию, вплоть до скандала. Из-за раздражения любая мелочь превращается в конфликт, раздражение мешает пониманию и чувствованию окружающих, снижает ясность мышления, разумность решений.</p>	<p>Раздражение провоцируется действиями или общением, когда постоянно задевают что-то болезненное: болезненные точки в душе, болезненные темы в общении. Раздражение возникает на неудавшиеся шутки, подшучивания, неприятные «комплименты», когда кто-то пристает с разными глупостями, а мы этого не хотим, когда делаем ошибки. В таком состоянии хочется ответить резко или уйти от общения.</p>
--	--	--

(Примечание автора. Для составления таблицы использовались материалы, указанные в списке литературы)

Обсуждение соответствий. В приведенной Таблице соответствий словарное толкование понятия «гнев» совпадает с психологическим объяснением аналогичной эмоции, а словарное толкование понятия «раздражение» в психологических описаниях присутствует лишь частично, например, в слове *недовольство*. Также есть совпадения психологических описаний эмоции ненависти с толкованием аналогичного нравственного понятия, которые подтверждаются семантикой *вражда, злоба*. Словарное толкование понятия «злость» не имеет общих сем с психологическим описанием эмоции злости, а толкование понятия «враждебность» находит лишь косвенное соприкосновение с психологическим описанием эмоции враждебности лишь в указании, что данная эмоция проявляется в отношении к окружающим. Таким образом, полагаем, что в процессе сравнения и анализа ответов подростков необходимо выделять те семы, которые совпадают и со словарным толкованием нравственного понятия «ненависть», и с психологическим описанием аналогичной эмоции. Если же в ответах учащихся не удастся найти семы, обнаруженные и в словарном толковании, и психологическом описании, то такой ответ может соотноситься с описаниями какой-либо другой эмоции и аналогичного нравственного понятия.

Анализ ответов слышащих учащихся с опорой на Таблицу соответствий позволяет утверждать, что подростки не дифференцируют отрицательные эмоции соответственно понятиям. Так, при описании слышащими старшеклассниками чувств, которые они испытывали в различных ситуациях, выяснилось, что под понятием «ненависть» подростки понимают несколько отрицательных чувств. Например, ученик указал: «когда учитель поступил несправедливо со мной

или другим, я чувствовал ненависть». Если же посмотреть словарное толкование понятия, то ненависть проявляется в чувстве сильной вражды и злобы. Однако в описании респондента не прослеживается присутствие этих чувств. Если же посмотреть психологическое объяснение эмоции ненависти, то последняя характеризуется длительным течением и желанием причинить вред тому, кого ненавидишь. В ответе подростка подобного процесса также не прослеживается. Но, если посмотреть в Таблице соответствий описание той эмоции, которая проявляется одноразово как реакция на неполучение желаемого, то необходимо признать, что ученик испытывал злость, поскольку не получил то, что хотел и оценил ситуацию, как несправедливость по отношению к нему. В другом ответе подростка «она распускала слухи, и я поняла, что ненавижу ее, и злилась каждый раз, когда встречала ее» представлено многократно повторяющееся действие, при котором ученица испытывала негативное чувство. Поскольку ненависть в психологическом толковании описывается, как длительное отрицательное чувство и характеризуется желанием причинить зло объекту ненависти вплоть до уничтожения, то нельзя признать, что подросток действительно осознает чувство ненависти. Если найти в Таблице соответствий описание чувства, возникающее каждый раз при встрече с объектом, то обнаруживается, что ученица испытывала чувство раздражения. Такое же чувство представлено в ряде ответов, в которых подростки назвали ненавистью негативное чувство в ситуациях, когда их дразнят или «лезут в личную жизнь». В предложении «когда дедушка погиб из-за врачебной халатности, хотелось убить всех этих врачей» описано чувство агрессивности, возникающее как ответная реакция на стресс, который в данный момент был очевиден.

Сравнение психологических объяснений эмоции ненависти и толкования последней в лингвистических словарях с полученными ответами слышащих подростков позволяет сделать вывод, что учащиеся не дифференцируют такие отрицательные нравственные понятия и эмоции, как: злость, раздражение, ненависть, гнев, агрессивность.

Некоторые ответы слабослышащих учащихся совпали с ответами слышащих респондентов, например, «когда меня дразнят» и «когда лезут в мою жизнь». Следовательно, подростки данной группы также подменяют нравственное понятие «ненависть» и эмоцию ненависти на другие нравственные понятия и эмоции. Слабослышащие девочки в 12 случаях указали, что испытывают ненависть, когда ревнуют. Если сравнивать чувства ненависти и ревности с психологической точки зрения, то часто эти чувства взаимозаменяемы. Словарное толкование понятия «ненависть» не содержит сему *ревность*, следовательно, с лингвистической точки зрения осознание ненависти у респондентов отсутствует, но с психологической – они действительно испытывали ненависть, когда ревновали.

Слабослышащие подростки указали, что испытывают ненависть, когда их обижают, однако в психологическом описании обида возникает, если человек не может выплеснуть злость. Значит, подростки подменяют понятие «ненависть» понятием «злость».

Таким образом, слабослышащие подростки также как и их сверстники не дифференцируют нравственные понятия «злость», «ненависть», «раздражение» и им аналогичные эмоции.

Выводы. Полученные результаты анкетирования позволили сделать вывод, что современные подростки не осознают свои эмоциональные состояния и объясняют аналогичные им нравственные понятия рядом либо синонимичных понятий, либо словами, не имеющими общих семантических признаков со словарным толкованием дефиниции. У слышащих подростков и их сверстников с патологией слуха был установлен средний уровень осознанности нравственного понятия «ненависть» и низкий уровень компетентности у слышащих подростков и невозможность определения уровня нравственной компетентности у слабослышащих детей. Анализ ответов учащихся на второй вопрос, предполагающий выявление способности детей соотносить поступок с понятием, показал, что слышащие подростки в большей степени, чем слабослышащие учащиеся, подменяют понятие «ненависть» другими отрицательными понятиями и часто оправдывают неосознаваемый агрессивный поступок тем, что их доводят до такого состояния. Слабослышащие подростки в силу их психофизиологической особенности не смогли описать ситуацию, в которой они чувствовали ненависть. Такой результат не показывает, что подросткам не знакомо такое отрицательное чувство, а является показателем того, что учащиеся старших классов не имеют четкого представления о нравственных понятиях и не могут дифференцировать эквивалентные им эмоции. Тем не менее, закончив общеобразовательное учреждение, молодой человек считается нравственно-сформированной личностью, готовой к самостоятельной жизни и способной нести ответственность за свои поступки. В этом ракурсе возникает необходимость обучения подростков осознанию нравственных понятий и эквивалентных им эмоций. Можно полагать, что подобное обучение является ступенью к грамотности несколько другого уровня, чем правильное написание слов.

Литература

Злость. Психология и психиатрия. [Электронный ресурс] URL: <http://psihomed.com/zlost/> (дата обращения: 9.02.2017).

Колодина Н.И. Методика определения уровня осознанности понятия и уровня нравственной компетентности (на материале анкетирования слабослышащих и слышащих подростков по понятию «уважение») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Изд-во. ГРАМОТА, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч.1, 2016. С. 87-92. Адрес статьи: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/31.html>

Ненависть. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный Ефремовой Т.Ф. [Электронный ресурс] URL: <http://www.efremova.info/word/nenavist.html> (дата обращения: 25.01.2017)

Ненависть. Толковый словарь Дмитрия Ушакова. [Электронный ресурс] URL: <http://ushakova-slovar.ru/description/nenavist/35318> (дата обращения: 25.01.2017).

Ненависть. Психология и психиатрия. [Электронный ресурс] URL: <http://psihomed.com/nenavist/> (дата обращения: 9.02.2017).

Ненависть. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс] URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/ (дата обращения: 10.02.2017).

Ненависть. Ее виды и причины. Психология человека. PSIMAN.RU [Электронный ресурс] <https://psiman.ru/nenavist-ee-vidy-i-prichiny/> (дата обращения: 14.02.2017).

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

Приступы агрессии: в чем корень зла. ПСИХОЛОГИЯ. [Электронный ресурс] URL: <http://www.jlady.ru/psixologiya-lichnosti/prichiny-agressii.html> (дата обращения: 10.02.2017).

7 способов подавления злости. [Электронный ресурс] URL: <https://psiman.ru/7-sposobov-podavleniya-zlosti/> (дата обращения: 10.02.2017).

Ястребов В.С., Солохина Т.А. Анохина В.В. Словарь терминов для пользователей психиатрической помощи «от А до Я» / Под редакцией проф. В.С. Ястребова. М.: МАКС Пресс, 2008. 32 с.

HATRED AS LINGUISTIC AND PSYCHOLOGICAL NOTION

Nina I. Kolodina

Doctor of philological Sciences, Professor
Voronezh state pedagogical University
verteria@mail.ru

The present article is devoted to the study of moral notion «hatred» and determination of the levels of awareness and moral competence of hearing and hearing impaired adolescents with respect to the given notion. The algorithm for determining levels on the material of the adolescents' survey in high school is being described. The level of awareness is calculated with a mathematical formula, according to it coincidences of dictionary definition semes with semes of students' responses are being revealed. The level of competence is established based on the obtained quantitative semes indicator received in the students' responses and correlating of the result with one of the scale interest levels, which includes three levels: low, average, high, with interpretation of each level is being conducted. The individual's ability to explain the notion accordingly to the dictionary definition and the person's ability to estimate somebody's act relatively to the notion are in the core of interpretation. The interpretations of the notion under research in linguistics and the explanation of equivalent emotions in psychology are discussed and the correspondences table is being given. The results obtained by the questionnaire survey are analyzed and compared based on the correspondences table. The conclusion about the average level of moral awareness of the notion and the low level of hearing students' competence and about the average level of awareness of the notion, and the lack of hard of hearing students' moral competence is made. The substitution and confusion of moral notions and emotions by respondents are discussed.

Keywords: hearing and hard-of-hearing teenagers; the level of moral awareness; the level of moral competence; the scale of competence levels; the correspondences table.

References

Zlost'. Psikhologiya i Psikhiatriya [Anger. Psychology and psychiatry] [Electronic resource] URL: <http://psihomed.com/zlost/> (accessed: 9.02.2017).

Kolodina N.I. Metod opredeleniya urovnya osoznannosti ponyatiya i urovnya moral'noi kompetentsii (na osnove anketirovaniya slaboslyshaschih i slyshaschih podrostkov po ponyatiyu "uvazhenie") [The method of determining the level of awareness of the notion and the level of moral competence (based on the questionnaire survey of hearing-impaired and hearing adolescents on the notion «respect»)] // *Filologicheskie Nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological Sciences. Issues of theory and practice]. Tambov: Publishing house. GRAMOTA, No. 10(64): in 3 ps. P.1. 2016. Pp.87-92. Address: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/31.html>

Nenavivist'. Novyi Slovar' Russkogo yazyka. Efremova T.F. [Hatred. New dictionary of the Russian language. Ephremova T. F.] [Electronic resource] URL: <http://www.efremova.info/word/nenavist.html> (date accessed: 25.01.2017)

Nenavivist' Slovar' Dmitriya Ushakova [Hatred. Dictionary of Dmitry Ushakov]. [Electronic resource] URL: <http://ushakova-slovar.ru/description/nenavist/35318> (date accessed: 25.01.2017).

Nenavivist'. Psikhologiya i Psikhiatria [Hatred. Psychology and psychiatry]. [Electronic resource] URL: <http://psihomed.com/nenavist/> (accessed: 9.02.2017).

Nenavivist'. Entsiklopedicheskii slovar' po psikhologii i pedagogike [Hatred. Encyclopedic dictionary of psychology and pedagogy. Dictionaries and encyclopedias on the Academician]. [Electronic resource] URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/ (accessed: 10.02.2017).

Nenavivist'. Vidy i prichiny. Psikhologiya lichnosti [Hatred. Its types and causes. The psychology of a person. PSIMAN.RU] [Electronic resource] <https://psiman.ru/nenavist-ee-vidy-i-prichiny/> (accessed: 14.02.2017).

Ozchegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovui slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. M.: Azbukovnik, 1999. 944 p.

Pristupy agressii: v chem. Koren' zla. Psikhologiya [Attacks of aggression: what is the root of all evil. PSYCHOLOGY]. [Electronic resource] URL: <http://www.jlady.ru/psixologiya-lichnosti/prichiny-agressii.html> (date accessed: 10.02.2017).

Sem' sposobov podavleniya zlosti [7 ways to suppress the anger] [Electronic resource] URL: [psiman.EN\https://psiman.EN/7-sposobov-podavleniya-zlosti/](https://psiman.EN/7-sposobov-podavleniya-zlosti/) (accessed: 10.02.2017).

Yastrebov V.S., Solokhina, T.A., Anokhina V.V. Slovar' dlya pol'zovatelya psikhiaticheskoi pomoschi ot A do Ya [Dictionary of terms for users of mental health care from «A to z»] /Pod redaktsiei prof. V.S. Yastrebov [Under the editorship of Professor V. S. Yastrebov]. M.: MAKS Press, 2008. 32 p.

УДК 81'23

«СВОЕ – ЧУЖОЕ» В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ РУССКИХ
КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

Никитина Серафима Евгеньевна

главный научный сотрудник

Институт языкознания РАН

125009 Россия, Москва, Большой Кисловский пер.1/1,

seniki38@mail.ru

Статья посвящена семантике и функционированию оппозиции «свой–чужой» в языке и культурах трех русских конфессиональных групп: старообрядцев (православие), духоборцев и молокан (русский народный протестантизм). Материалом служат фольклорные тексты и полевые материалы автора. Показано, что оппозиция «свой–чужой» в общерусских фольклорных текстах подчинена доминантной оппозиции «норма – не-норма». В конфессиональных текстах доминантой является оппозиция «добро (от Бога) – зло (от дьявола)», и ей подчинен ряд других оппозиций, прежде всего, «своя вера – чужая вера». Исследование семантики оппозиции «свое – чужое» сосредоточено на значении слова *свое* – 'особое, отличное от остального'. Так, в старообрядчестве *своя вера* – это старая, истинная вера, противопоставленная никонианской, ложной, которая иногда называется *чужой*. Такие словосочетания, как *свои книги*, *своя посуда* и др., могут обозначать принадлежность вере, то есть области сакрального, и противопоставлены не «чужому», а «профанному». Сходная, но не тождественная картина – в культурах духоборцев и молокан: *своя вера* как *истинная вера в живого Бога* противопоставлена православной *чужой вере*; чаще всего она появляется в текстах как оппозиция «верных» и «неверных». Как особое, сакральное предстает в текстах трех указанных групп *свое пение* и *свой народ*. Итак, «свое» 'особое' в конфессиональных текстах указывает на *особую* суть конфессиональных культур.

Ключевые слова: конфессиональные группы, вера, культура, фольклорные тексты, полевые материалы, оппозиция «свой–чужой», доминирующая оппозиция, свое 'особое', сакральное, *своя вера*.

Введение

Универсальная и древнейшая оппозиция «свое – чужое» по своему происхождению связана с возникновением самосознания, основанного на противопоставлении Я–не Я, затем Я–Ты, Мы–Вы–Они, Наш(и)–не Наш(и), наконец, на осознании принадлежности чего-то себе (свое как противопоставленное не своему – чужому или другому). Эта оппозиция является обязательным признаком культуры любой группы, какой

большой или малой она ни была. Она указывает на пространство самоидентификации социума и индивида, определяя границы между своим и чужим, что необходимо при описании всех видов общения, особенно в ситуации контактов с другими культурами [Свой или чужой? 2003; Белова 2005]. Тем самым оппозиция «свое – чужое» является предметом исследования многих дисциплин

гуманитарной сферы [«Свое и Чужое» в культуре 2017] и, конечно, лингвистики – ведь слова, номинирующие эту оппозицию, многозначны, имеют множество синонимов и открывают входы в глубины сознания и самосознания любой культуры, см., например, [Балясникова 2016]. Я постараюсь показать функционирование этой оппозиции в фольклорных текстах (этно)конфессиональных групп старообрядцев (православных), молокан и духоборцев (русских народных протестантов) и на своем полевом материале бесед с представителями этих групп. Напомню, что этноконфессиональными группами называются общности, определяющие себя как этносы через свою конфессиональную принадлежность. Молокане и духоборцы через эти принятые ими конфессионимы в недавнем прошлом противопоставляли себя русским – и православным, и неверующим – как другому этносу, тогда как русские старообрядцы подчеркивали свою «русскость», называя свою веру *русской древлеправославной* и противопоставляя себя другим русским именно по вере (ср. два высказывания: духоборческое *дочь вышла замуж за русского* и старообрядческое *дочь вышла замуж за никонианина* (ЭМА). Далее все три группы я буду называть просто конфессиональными, имея в виду, что они, разными путями отделившись от господствующего вероисповедания, объединены общими признаками, из которых главный – **слияние веры с культурой** (веру и культуру я понимаю как онтологически разные сущности [Никитина 2014]). Установки веры проникают в самые разные глубинные элементы конфессиональной культуры, как это было в средние века христианства. Вера подобна кровеносной системе, разносящей кровь по всем органам тела. Слияние веры с культурой определяет содержание и характер функционирования других признаков – таких, например, как самодостаточность, обостренное самосознание, убежденность в своей избранности Богом. Когда вера утрачивается и вероисповедание с присущими ему обрядами перестает действовать, культура иссыхает и перестает быть конфессиональной.

Конфессиональные идентичности схожи по структуре с идентичностями этническими. После работ норвежского этнолога Фредрика Барта и его последователей в 60-ые годы XX века наши отечественные этнографы и социологи отошли от привычного определения этноса и обратились к понятию этнического стереотипа поведения, понятию границы, акцентируя динамический аспект в описании жизни этноса (компактный и глубокий обзор см. [Степанов 1997]). Те же понятия можно применить к описанию конфессиональной идентичности. Так, вслед за Ф. Бартом знаки конфессиональной самоидентификации можно разделить на внешние и внутренние, описать для каждой конфессиональной группы вполне осознаваемые, специально построенные *свои* границы-барьеры, недоступные для *чужого*, и зафиксировать динамику, происходящую в группе при сохранении или изменении идентичности. Отмечу, что **содержание оппозиции «свое – чужое» наименее предсказуемо из всей совокупности известных оппозиций**. Если, например, можно заранее, исходя из общих соображений, хотя бы отчасти, предположить, в чем может заключаться противопоставление «чистого – нечистого», «левого – правого», «сакрального – профанного», то два пустых контейнера «свой» и «чужой» заполняются смыслами, или признаками, только по разумению носителей культуры. Границы своего сообщества, по возможности, не меняются, но признаки на этих границах могут изменяться в зависимости от

разных обстоятельств. Как утверждает Ф. Барт, «никто не может сказать, какие признаки будут выбраны актерами как организационно релевантные» [Барт 2003: 15]. Эти слова относятся к этническим группам, но их можно применить и к конфессиональным сообществам.

Предварительные замечания я закончу указанием на то, что оппозиция «свой – чужой» очень хорошо осознается носителями культуры и ими самими номинируется именно так. То же происходит с самой общей оценочной оппозицией «хорошее – плохое», которая не всегда, но весьма часто и согласно работает с оппозицией «свой – чужой».

«Свое – чужое» в общерусском мирском и религиозном фольклоре

В традиционном фольклоре любой конфессиональной народной культуры есть два слоя текстов – мирской/профанный и религиозный/сакральный. Кратко остановлюсь на сравнительном описании функционирования «своего» и «чужого» в этих двух типах текстов.

В традиционном мирском фольклоре есть доминантная оппозиция, а именно, оппозиция «норма – не-норма». Действительно, фольклорный мир является воплощением нормы, идеального устройства, что в первую очередь очевидно в его языке, а именно, в семантике постоянных эпитетов. В ней существует два слоя: непосредственное значение прилагательного – эпитета, коих множество при разных существительных, и общее для всех постоянных эпитетов значение нормы, или правильности, указывающей, каким должен быть предмет, обозначаемый существительным в данном словосочетании, по своей природе и назначению: таковым он и является в стабильном идеальном мире фольклора. Так, *крутой* берег, *красная* девица и *добрый* молодец, *синее* море, *чистое* поле и *темный* лес своими прилагательными указывают не только на конкретный признак предмета, но и на норму, ему присущую. Норма – это правильно и, значит, хорошо. Однако норма в идеальном мире может временно нарушаться, что происходит, например, в переходных обрядах. Затем она восстанавливается. В пространстве мирского фольклора норма – это свое и хорошее одновременно, не-норма – чужое и плохое или свое, но подвергающееся разрушению вследствие вторжения чужого. уские северные свадебные причитания очень ярко демонстрируют противопоставление мира невесты миру жениха посредством соединения оппозиций «свое-чужое», и «хорошее – плохое» при доминирующей оппозиции «норма – не-норма/аномалия». Эта пара оппозиций конкретизируется указанием на все, что может быть связано с нормальным благополучием дома невесты и непригодностью, ненормальностью жизни в доме будущего мужа. Она реализуется в более конкретных «ближкое – далекое», «богатый – бедный», «чистый – грязный», «человек – не-человек» и др. Однако в свадебном обряде после венчания и отъезда в дом жениха наступает перелом, когда все *чужое* становится *своим*. Происходит возвращение к норме, но уже в другом доме, в другой семье, инорма, как всегда, оценивается как хорошее.

Сходна ситуация и в былинах, где русские богатыри, живущие в мире фольклорной нормы, встречаются и сражаются с *чужими*, с врагами, которые иногда имеют зооморфные черты (оппозиция «человек – не-человек»), как, например, Соловей-разбойник или Идолище поганое, а *чужая сторона* (не-

норма) предстает незнаемой, неструктурированной, безграничной и полной угроз [Пеньковский 1989]. *Чужой*, связанный с «не-нормой», возникает также в текстах жанра хороводных или плясовых песен. Им становится неровня по возрасту (оппозиция «молодой – старый», реализующая «норму – не-норму»). И везде «свое – чужое» соединяясь с общефольклорной оппозицией «норма – не-норма» и общей оценочной оппозицией «хорошее – плохое», образуют единый стержень, объединяющий сложную совокупность частных оппозиций.

Если мы перейдем в мир фольклора религиозного, то перед нами откроется другой мир, определяемый разновидностями христианской веры. Эта вера может быть народным православием, в частности, старообрядчеством, или народным протестантизмом (молокане и духоборцы как *духовные христиане*). В русском религиозном фольклоре такого совпадения «своего» с «хорошим», «чужого» с «плохим» нет, так как здесь иная доминирующая оппозиция. Главным противопоставлением становится «благо/добро (от Бога) и зло (от дьявола)». Эта оппозиция может быть представлена как «добродетель – грех», «чистота – нечистота», еще более конкретно как «милосердие – жестокость» и т.п. Борьба этих начал происходит в социальных сферах, а также в человеческой душе (противостояние греха и добродетели), а потому *своя душа* далеко не всегда хороша (ср. *свой грех, своя воля*). Что значит *своя воля*? *Своя воля* может быть противопоставлена *чужой воле*, которая, например, может быть дурной волей *чужого* земного властителя, но главным противопоставлением *своей воли* является *воля Божья*, которой истинно верующий следует, добровольно отказываясь от своеволия. Бог дал человеку свободу воли, и в русских духовных стихах люди чаще живут не на *белом свете*, а на *вольном свету*, и по *своей воле* выбирают зло:

И жили мы, грешницы, на *вольном свету*.

И пили, и ели, утешались,

На *свою душу грехов много накладывали* (ЭМА).

Итак, *свое* далеко не всегда хорошее, а *чужое* не обязательно дальнейшее, как во многих текстах традиционного общерусского фольклора.

Связующим звеном между мирским и религиозным фольклором могут служить заговоры, живущие в конфессиональной среде и называемые молитвами/*малитвами*, как и в общерусской православной среде. И как болезни или порчу отсылают в *чужие* места, где *люди не ходят, птицы не летают*, так и нечистый дух в конфессиональных культурах отсылается на *свое*, соответствующее ему место, для человека *чужое*:

От скотины ли ты пришел – возвратись в *свое место*, от зверя ли ты возвратись опять к зверю, с перекрестка ли ты – возвратись на *место свое*; вихрем ли ты нанесен – возвратись, от птиц ли ты нанесен, нечистый дух, – возвратись к птицам тем, от леса ли ты пришел – возвратись в леса, от ветвей ли ты дубовых, или с листа дерева – возвратись в *свое место*, или от трав пришел, или от воды – возвратись в *места свои*, или из бездны – возвратись в *места свои в бездну*, откуда, кем, когда ты послан – возвратись дух нечистый, изыди, не прикасайся к рабу божию.

(ЭМА, Армения, пос. Лермонтово, 2003г. из молоканской тетради с

молитвами).

«Свое – чужое» в мире старообрядчества

Доминирующая оппозиция христианского добра и зла в конфессиональном мире старообрядцев, молокан и духоборцев определяет места оппозиции «свое – чужое» (иная точка зрения представлена в [Иванова 2014]). Главной оппозицией, в которой она участвует в конфессиональных культурах, является противопоставление вер. Эта оппозиция имеет свою долгую историю. В общерусских эпических стихах, близких к былинам и до сих пор живущих в старообрядческой среде, христианские святые – Егорий храбрый, он же Георгий Победоносец (весьма сходный с былинным богатырем), а также *младый человек двенадцати лет* Федор Тирон идут на борьбу с *чужой* верой, которая названа *басурманской, жидовской, иногда латынской*, побеждают врагов, очищают землю *святорусскую*. Герои – страдальцы, в том числе Улита и ее сын *младенец Кирик трех лет без трех месяцев*, святая двойца Галактион и Епистимия, а также святая Варвара претерпевают мучения от нечестивых языческих царей, требующих от них отречения от *своей веры*. но остаются верными христианами под любыми пытками.

Своя вера

Своя вера – это словосочетание, смысл которого уточняется в зависимости от контекста: это может быть любая вера, которую исповедует индивид или сообщество; вера, отличная о веры говорящего: *у них там была какая-то своя вера* (то есть другая, *не наша*); наконец, вера особая, отличная от всех остальных вер: *у нас своя вера* – говорят старообрядцы и представители народного протестантизма, имея в виду именно этот смысл.

Слово *свой* многозначно: в толковых словарях оно имеет минимум пять значений [Словарь русского языка 1984: 55–56] и входит во множество фразеологизмов. Оно встречается в конфессиональных текстах, как и в любых русских текстах, во всех своих значениях принадлежности (о семантике «своего» см. [Балясникова 2016]). Главный интерес для выбранной темы представляет значение 'особый, отличный от других' (значение 3 в Словаре русского языка), и оно связано с противопоставлением вер, с предметами и ситуациями, от веры зависимыми.

В старообрядческих стихах, возникших вскоре после раскола, возрождается идея борьбы за веру или твердого противостояния господствующей церкви; теперь это противопоставление *своей веры – старой, истинной, и новой веры – никонианской, ложной*. Можно ли последнюю назвать *чужой*? Ведь догматика новообрядцев и старообрядцев – одна и та же, и грамотные старообрядцы это понимали. Однако обрядность несколько изменилась, а в сознании большей части русского народа она была спаяна с догматикой. Кроме того – как написано в старых книгах – ничего нельзя менять – *не убавь, не прибавь*, а патриархом Никоном были внесены изменения в соответствии с греческими книгами, напечатанными в Венеции, где царила *латынская вера*. И *Исус* стал писаться с двумя И, и в Символе веры, где сказано о Христе: *сына – рожденна, а не сотворенна* – никониане убрали *А*, поставили запятую – так *умрем за единый Аз!* Еще несколько обрядовых нововведений и особенно запрещение знаменоваться двумя перстами, которое искони существовало (отцы и деды так молились!), введение троеперстной

щепоти – все это окончательно расколело русский народ на долгие века. Саму веру трудно было назвать *чужой*: она не была незнамой, неизвестной, то есть тем, на что указывало слово *чужой* в мифологическом сознании русского народа, но измененной, испорченной богопротивными людьми и потому прежде всего – *ложной*.

Своя вера называется у старообрядцев *старой* верой, и в этой номинации присутствует почитание старины. *Старая вера – истинная, древняя, чистая и правая*. и она – на грани гибели:

Не стало веры истинныя,

Не стало стены каменныя (ЭМА 1975, Верхокамье).

В «Стихе о разорении Соловецкого монастыря» – практически последнего оплота старообрядчества – говорится о противостоянии монахов монастыря царским войскам. Старая женщина в поморском селе вспомнила только маленький фрагмент стиха, но именно в нем говорилось о преданности *старой* вере:

— Уж вы милые мои дети,

Уж вы стойте, не сдавайтесь,

Старой веры вы не бросайте.

— Уж мы головы положим,

Вечно Богу слуги будем

(ЭМА, Зимний берег Белого моря, 1998 г.)

Как уже упоминалось, старообрядцы называют свою веру *древлеправославной*. Доминирующую церковь современные староверы довольно часто называют *православной*, а *также новообрядческой или никонианской церковью*. Степень неприятия ее до сих пор у многих староверов очень велика: мне приходилось несколько раз слышать: «лучше вообще в Бога не верить, чем ходить в никонианскую церковь».

То старое, которое *свое*, (например, беспоповцы часовенного согласия Тувы называют свою веру *стариковишынной*) с разной степенью остроты – в зависимости от разновидности старообрядчества – противопоставлено новому и уже потому чужому. *Чужое* у беспоповцев поморской веры, например, – все технические новшества, что возникли с приходом Никона и после него.

Свое старое старообрядцы стараются хранить и воспроизводить. Обратимся к краткому рассмотрению жизни нескольких конкретных элементов старообрядческой культуры, которые они называют *своими*.

Свои книги

Книга – необходимая составляющая жизни старообрядца. Конечно, в старообрядческих домах есть *свои книги*, им принадлежащие, их собственность, так называемые, *светские*, или *мирские*. Но другие, тоже *свои книги*, их собственностью могут быть или не быть – это *книги своей веры*, или *старые книги*, рукописные или напечатанные до начала никоновской реформы, то есть до середины XVII века, или переизданные в старообрядческих типографиях с сохранением всех особенностей старого текста.

Именно по *своим*, *старым дониконианским книгам* они молятся, их читают в *моленных* и дома; во время вынужденных переселений старообрядцы везли их как свою главную драгоценность. Эти *свои книги* принадлежат *старой вере*, в них вы-

ражено ее содержание, ее смысл, это область сакрального, и они становятся *своими* для тех, кто этот смысл и его старое письменное выражение носит в своей душе.

Свои книги являются наиболее ясными знаками старообрядческой идентичности, идентификаторами как внутренними, так и внешними. Внешние идентификаторы – видимые, слышимые, осязаемые, то есть наружные, знаки, и книги – вполне видимые предметы; внутренние идентификаторы – ментальные образования, обычно скрытые от глаз и ушей *чужих*, это содержание книг.

Именно старые книги, по мнению многих старообрядцев, вызвали ненависть обитателей ада, и новообрядческих деятелей, возглавляемых главным врагом старообрядцев – патриархом Никоном. В одном из стихов о Никоне кривой бес, посланный к патриарху из ада сатаной, приказывает :

Вот важнейший наказ назначается от нас:

Старую веру отмени, ее ложной назови,
Древние книги собирай, их сожжешь предавай,
Напечатай книги новы и издай приказ суровый,
Чтоб по старым не служили и по солнцу не ходили,
И для знамения креста чтоб слагали три перста. (ЭМА 1975).

В упомянутом выше стихе об осаде Соловецкого монастыря войска царя расправляются со старыми книгами, как и с монастырскими иноками – *трудниками*, самым жестоким образом:

Всех трудничков полонили,
В лед живыми погрузили,
Книги стары перервали
И в огонь все пометали (ЭМА, 1988, Тува).

В экспедициях приходилось слышать, как в тяжкие репрессивные 30-е годы *свои* богослужебные старинные книги – печатные и рукописные, прятали от властей, закапывая в землю в нескольких *оболочках* из самодельного холста – до лучших времен. Еще несколько десятков лет назад в Сибири были в старообрядческих скитах скриптории, где переписывались старинные рукописные книги, которые тем самым становились *своими* вдвойне – как книги *своей веры* и *свои собственные*.

Свое пение

Значительную часть старообрядческих библиотек составляют певческие книги, тоже *свои*, особые: старообрядцы хранят в книгах и своей памяти *старое пение по крюкам* или *по солям*, которое по всей Руси было распространено раньше, до Никона, еще раньше пришло от греков, а теперь, как сами староверы считают, осталось только у них. Такое пение – принадлежность *своей веры*. Это и учебники, и богослужебные певческие книги, и стихарники /стиховники, в которых над словесными строчками стиха стоят певческие знаки – крюки. Певческая грамотность была среди старообрядцев очень престижна и в России почти исчезла к концу XX века; в США в среде старообрядцев-эмигрантов, как мне сообщили, письменной крюковой грамоте учат только избранных мальчиков.

Можно перечислить еще много *своего* особого, старинного – в укладе жизни, именах, летоисчислении, многочисленных бытовых запретах – в одежде, в пище, в поведении. Все это – *свое по вере* и потому входит в область сакрального, как, например,

Своя посуда

Своя посуда у старообрядцев–беспоповцев поморского и часовенного согласия особая. Конечно, посуда, имеющая владельца – *своя*, это обычное отношение принадлежности как собственности. Но есть другая *своя посуда/чашка*. Она может быть купленной, подаренной или доставшейся в наследство от своих родственников – это все не имеет значения: она должна быть *своей по вере*. Иначе, семиотика *своей посуды* включена в одну из главных оппозиций конфессиональной, в данном случае, старообрядческой культуры – оппозицию «чистое – нечистое», ставящую границы между «сакральным» и «профанным». *Своя посуда* определяется как *добрая, чистая*, она может принадлежать индивиду или сообществу верующих, участвующих в совместных молениях и принявших на себя совокупность определенных запретов, необходимых для чистой, по возможности, праведной жизни. *Своя посуда* как только собственность противопоставлена *чужой посуде*; *своя посуда* как свидетельство «чистоты» владельца, его приобщенности к сакральному, – *мирской/профанной посуде*. Последняя тоже должна быть в каждом старообрядческом доме для приходящих *мирских* гостей и *своих* (по родству) *мирских* членов семьи. Староверы, для которых разделение в посуде является важным жизненным и религиозным принципом, называются *чашечниками*.

Каждая старообрядка поморского согласия, живущая в верховьях Камы и идущая в другую деревню на соборное моление, несет с собой на общую трапезу бережно завернутую в платок *свою* чашку и ложку. Нож с собой брать не надо: как я узнала, *к ножу не льнет* (имеется в виду *нечистое*), и можно использовать общий нож. Дома *своя*, тщательно оберегаемая посуда, хранится отдельно от *мирской*. Существует *своя дорожная* посуда, которую обычно берут в дальнюю дорогу мужчины и которая по разным причинам легко может стать *нечистой*, после чего она становится *мирской*. Есть еще и *поганая* посуда для домашних кошек, собак и скотины. Один из записанных мной текстов от тувинских старообрядцев часовенного согласия, посвященный *своей* посуде, неожиданно вывел на проблему соотношения ценностных статусов конфессиональной и этнической принадлежности:

– У нас как-то был случай.<...>. Закон такой был <...>– придет тувинец, обязательно накорми его. Дай хлеба. Вот на табуретку подстели тряпочку – на голу не ставь – погана шшытается она, постели тряпочку ли, бумажку ли, хлеб положи, что там есть – квасу налей, то супу налей, то молока – что есть – накорми. Ну, и у нас тувинец пришел. Теперь мама (так называют свекровь – С.Н.) говорит: «ты покорми тувинца-то». А у нас чашек (для мирских – С.Н.) нет. «Мама, – говорю, – а посуды-то нет лишней!» Она говорит: «Ну, у Авдотьи, у золовки». А я пошла, а у их на замке. Я пришла да говорю: «Ее нету дома, изба на замке». А тут как-то было: я чашечку в шайку уронила, мама говорит: «Вымой, поставь ее кошке». Теперь она говорит: «Ты ко'шачью вымой пушке, да протри и накорми». А свекор на печке лежит. Он говорит: «Чё вы говорите?» – «А вот Авдотья взяла, чашек нету-ка, а кормить надо его.» – «Ну и чё? – «Дак ведь чашек-то нет». Он говорит: «А чем хотите кормить?» – «Ну вот чашка-то у кошки стоит, вымыть ее». – «А ты чё думаешь, Агафья, ты хочешь осквернить его?» <...> А они (тувинцы – С.Н.) и конину пропашшу, и коров пропашших (то есть умерших своей смертью – С.Н.)

ели — это у них закон был. Она (свекровь — С.Н.) говорит: «Про'пасть они едят». Он гырьт :»Не нужно. Пусть пропасть ест, а ты не скверни. Ты его осквернишь, он с кем наестся (тоже будет скверный — С.Н.), а ты за всех ответишь. Чё у вас, посуды нет накормить его?» Грамотный же был... Сколько, гырьт, народу он осквернит потом, а ты за всех ответишь. Ведь если ты меня накормишь из поганой посуды, а я потом с кем поем, сколько народу я оскверню, а я не отвечаю. Это ты ответишь. Вот так у нас

(ЭМА, 1982 г, д. Ильинка, Тува).

На мой вопрос: «А если бы русский пришел чужой, вы подумали бы ему ко/шачью миску дать?», информантка неуверенно ответила: «Ну не знаю, тут все-таки своя кровь...»

В этом не до конца определенном ответе присутствует этнический фактор: по мнению информантки, в отношении к человеку, чужому по вере, но своему по крови (по этносу), границу между человеком и скотиной нарушать не следует. В отношении же этнически и конфессионально чуждого, хотя и знакомого (тувинца) в крайних случаях границу можно перейти. Для свекра, живущего по старым правилам старообрядческой этики, нарушение границы «человек — не-человек» в любой ситуации (в данном случае, в ситуации с посудой) является абсолютным запретом, ослабевшим у молодого поколения.

Свое и чужое в русском народном протестантизме (духоборцы и молокане)

Можно считать, что доминантной оппозицией в духоборческой и молоканской культурах является оппозиция «Бог/божественное — дьявол/сатана, дьявольское», или, как и в православии, «добро — зло». Но если в православии эта оппозиция противопоставляет сущности, не равные по силе (дьявол много может, но всемогущ только Бог), то в народном протестантизме, склонном к дуализму, она может быть обозначена как практически (в человеческой жизни) равносторонняя. Особенно очевидным это становится в беседах с молоканами-прыгунами, или *духовными*, которые отмечают, что *левый* (дьявол) всегда рядом и легко овладевает человеком. По отношению к человеческой душе мне приходилось иногда слышать от молокан: *дьявол-то, враг, пожалуй, посильнее Бога будет*. В любом случае, в человеческом мире и человеческой душе идет борьба добра и зла.

Своя вера противопоставлена любой *чужой* по главной цели человеческого существования — служению *живому Богу* и надежде на спасение своей души, а также по минимальной степени внешней обрядности (особенно в молоканстве). В духовных песнях молокан — функциональном аналоге духовных стихов — четко представлены основные признаки своей веры, которые вызывали репрессию властей и православной церкви:

Тут дозналися попы / Что кресты нам не нужны.
Не едим свиное мясо / И икона нам не Бог
Стали бить их истязать / В свою веру возвращать
Кто живого Бога принял / И икону кто отверг
Ими тюрьмы наполняли / И по свету разгоняли.
Тут Господь нас за раз / Перевел всех на Кавказ
Деды наши, прадеды / В кандалах сюда пришли

Цепи ноженки постёрли / До костей и до крови
Скованы были попарно / По рукам и по ногам
Цепями они звенели / Не жалели плоть и кровь.
Шли за Бога за живого / И за истину Христову
Детям своим завещали / Что назад возврата нет.
Главное назидание заключено в последних строках песни:
Не ищите *чужой* веры: / Там нигде спасенья нет
(СП: 1103)¹

Духоборцев и молокан сближает значимость двух нагруженных оппозиций: «внешнее/наружное/видимое – внутреннее/сердечное/невидимое» и «истинное – ложное». Эти оппозиции присутствуют и в православии – в его культуре и в словесных текстах, однако «работают» в народном протестантизме на большем объеме смыслов. Прежде всего отметим, что в народном протестантизме священство отсутствует принципиально, догматически (в отличие от старообрядцев–беспоповцев, ощущающих это отсутствие как духовную драму), а значит, нет обрядов, связанных с большим количеством различных богослужений и имеющих видимую внешнюю сторону. Решительно отвергается Предание, которое ведет к поклонению святым; водное крещение; также такой атрибут веры, как иконы, которые духоборцы называли «крашеными досками». Кроме того, нужно вспомнить, что духоборцы и молокане в царской России подвергались репрессиям, их называли «особо вредными сектами» и до отмены крепостного права насильно – иногда в массовом порядке – их обращали в православную веру. *Своя* вера, которую нужно было прятать, уходила глубоко внутрь, когда *наружно* приходилось принимать водное крещение и ходить в православный храм, где, как говорили духоборцы, надлежало производить *махание руками* (то есть креститься), а это *ручное моление*, по их убеждению, *к спасению не приводит*. Что касается оппозиции *истинное–ложное*, то здесь нетрудно увидеть близость к старообрядчеству: *своя вера истинная*, а доминирующая православная вера *ложная* для всех трех групп. Для духоборцев и молокан с самого начала отхода от православия она стала безусловно *чужой*, или *чуждой*, от которой хотелось отойти как можно дальше, хотя не всегда это удавалось. Духоборцы до недавних времен называли православных язычниками за оставление *Бога живого* и поклонение иконам. В духоборческих псалмах говорится:

Еретики, неправильные христиане, они же именем Христовым нарекаются от самого Христа *отчуждаются* от церкви Христовой и верующих во Христа мучают и убивают. Злые суть боги языческие и душам вредные; возбранено почитать иконы их злые... (ЖК: пс.64,с. 88-89)².

Им вторят молокане:

Пусть умножаются скорби только у тех,
Которые текут к *богу чужому*. (СП: 680).

¹ В цитатах здесь и далее сохраняются орфография и пунктуация источника.

² Для духоборческих псалмов указываются номера псалмов и страницы; для молоканских песен только номера песен.

Чужая вера – принадлежность *неверных*. Слово *верные*, противостоящее *неверным* – одно из самых частотных в духовборческих псалмах и особенно молоканских духовных песнях. Так, духовборцы спрашивают в своих вопросно-ответных псалмах, составляющих значительную часть их сборника псалмов –»Животной книги«:

{В.} Для чего Иисус Христос явился? – {О.} Для оправдания *верных* (ЖК: пс. 17, с 73).

или:

... праведен Господь с человеками, *с верными, с избранными, с мира народов повыбранными*, шли они к Богу *своей* волей охотой.

Живому Богу поруки дали, на сырой земле слезы пролили;
собирались все *верные* и праведные во тою церкву соборную,
богомольную (ЖК: пс. 162, с. 161).

Итак, *верные* образуют *свою*, особую церковь, *со своей* особой верой .

Молокане описывают *верных* сходным образом:

Прибываешь ты премудрость в сердцах *верных* всех,

В людях неученных в простодушных.

Они в мире жили, в страхе Господу служили

Сердцем сокрушенным и духом смиренным.

Бог возрил на них, на всех *верных своих*;

Дал им очи ясные, все сердечные (СП: 383).

Заметим, что прилагательные *чужой* и *неверный* не всегда синонимичны.

Чужой народ или народы – как *чужая сторона* – неведомая, далекая; туда ссылают к *чужому* народу *с непонятной речью*, там приходится жить *вдали* от близких; вера *чужого народа* обычно не обсуждается. *Неверный народ* или *неверные люди* – это люди *неправильной, чужой веры, неверные* также могут быть бывшие *свои*, изменившие своей вере; так считают молокане:

Я сошлю к вам на землю, грозную тучу;

Как ударят грозные тучи, семью громами;

Тогда мать, сырая земля потрясется;

А грешные да *неверные*, устроятся;

Станут праведные со грешными прощаться;

Вы прощайте грешные да *неверные*.

Вы почто же *свою веру* потеряли;

Вы почто же, ее под ноги затоптали;

Вы послушайте что Дух святой вам скажет;

Он вам грешным да *неверным*,

Прочь откажет (СП: 71).

Свой народ

Верный народ, верные люди – это *свои* люди и *свой* народ, *избранный* Богом.

Свои люди, Свой народ, также *Твой* – в обращении к Богу и *Мой* в обращении Бога к людям – библейское ветхозаветное выражение, применяемое в описании отношений Бога с народом Израиля, перешло в тексты молоканских духовных песен, а также в тексты духовборческих псалмов, многие из которых имеют источником Библию. У них это выражение относится не только к Богу – Отцу, но и к Богу – Сыну, то есть

к Христу, и к Святому Духу.

Идея своей избранности Богом, пронизывающая тексты духоборцев и молокан–прыгунов, в меньшей степени характерна для духовных стихов старообрядцев, и избранность, по-видимому, может пониматься каждой группой по-своему. У молокан–прыгунов главная мечта – при звуке последней трубы устремиться в поход в тысячелетнее царство Христа, упомянутое в Откровении Иоанна:

Господи, Господи Отче святыи!
Прими молитву *праведных людей Твоих*.
Господь ожидает *людей Своих избранных*;
Посреди *людей избранных*, воссияет един Господь (СП: 211).

Старообрядцы объясняют, что такое *избранные*, описывая, как ими можно стать:

Это *люди избранны*,
Кои в вере и житии постоянны,
Кои в мятеж мирский не прельстились
И антихристу не поклонились (ЭМА).

Идея Е.Л. Березович о перемещающейся – наружной и внутренней точке зрения в прагматике слова *люди* [Березович 2007: 89-111] – получает свое подтверждение в текстах молоканских песен. Если у слова *люди* нет определений, показывающих разделение на *своих* и *чужих*, то оно задается более широким контекстом: так, в предложении *Теперь видно всем нам стало, / Что в людях Бога не стало* выражена «наружная» точка зрения по отношению к людям: *люди* – это не Я и не Мы, *избранные*. Когда же Господь *людей собирает*, то собирает он *своих людей*, к которым относится и субъект высказывания, тогда *мы* и *свои люди* – одно. Народ как бы разделен на две группы: избранная совокупность людей, которых ведет Бог к спасению (*Божий народ, верные*) и все остальные, которым суждена погибель. Однако песни показывают и динамическую картину мира, когда формируется Божий народ из народа обыкновенного: «близок день Господень, да пробудится *народ*»; поэтому в текстах представлен народ, который по воле Святого Духа преобразуется в новую общность и становится другим, *свободным и спасенным, своим*, то есть *Божьим* народом.

Фольклорные тексты, мной цитируемые, возникли давно. Многие с тех пор изменилось в сознании людей конфессиональной культуры, с которыми я общалась в экспедициях. Многие молокане теперь считают, что спасутся люди любой веры, если соблюдают заповеди своей веры. Однако очень уважаемый пророк молокан–прыгунов, живущих в Армении, сообщил мне: «Вчера было возвешение (Бог возвестил через пророка – С.Н.), что гнев идет на землю. Но было сказано – верьте, Бог *свой народ* защитит, не оставит». Тот же пророк сказал: «Вот римское папство: из их церкви выйдет поп, и все должны ему покориться. От этого Бог *свой народ* уведет». Так что понятие *своего народа* как избранного Богом живо до сих пор.

Свое пение

Последнее, на чем я кратко остановлюсь – употребление слова *свой* в высказываниях молокан о пении псалмов. Прежде чем перейти к текстам самих молокан, нужно отметить, что в русской протестантской культуре, где нет

визуальных атрибутов православного обряда, то есть в культуре слуховой, слово в пении становится властелином богослужения; именно пение, считают молокане, подготавливает душу к молению – центральной его части. Псалмы поются на праздниках, похоронах, на воскресных молениях, при проводах в солдаты — словом, во всех торжественных случаях. Традиционное псалмопение составляет сердцевину духовоборческой и молоканской культур во всех их территориальных вариантах, включая Канаду и США, куда часть духовоборцев и молокан впервые эмигрировала немногим более ста лет назад. *Певцы* у молокан и *певчие* у духовоборцев – весьма почитаемые люди в духовоборческой и молоканской общинах. Недаром молокане склонны определять себя как *христиан, поющих псалмы*.

У нас свое пение – скажет любой молоканин, имея в виду, что молоканское псалмопение – это особое, отличное от всего, что можно услышать. Что значит *свое*, или *наше*, пение, *свои*, или *наши*, псалмы, поясняют молоканские певцы, размышляющие о задачах, средствах и технической сложности молоканского пения, но прежде всего – о его связи с верой:

– Псалмы – это исключительное искусство. Почему вот я именно борюсь за каждый оборотец, за каждую посадку, чтобы не потерять *свой* корень пения... А в псалмах это нужно понять – когда человек поет *внутренно*... Псалмы — не песня. Перед этим пением надо благоговеть. Нужно *петь душой* – тогда пение получится. Если человек не возрожденный, не верующий в Бога — он не научится *нашим* псалмам (Ставропольский край, пос. Юца, 1999 г. певец В.И. Богданов).

Псалмы – и тексты, и напевы, и исполнение – широко обсуждаются и оцениваются, поскольку представляют одну из главных ценностей культуры. Два эпитета – *красивый* и *прекрасный* – относятся к разным родам оценок – эстетической (*красивый*) и этической (*прекрасный*), причем второй эпитет оценивает сам факт существования псалма как лучшего образца пения, обращенного к Богу. Это этическая оценка, включающая в себя подчиненную ей эстетическую компоненту. Певцы объясняли мне, что *прекрасным* правильное *красивое* пение делает вера.

Тексты псалмов имеют своим источником самые разные книги Библии; каждый хороший певец знает более сотни псалмов; как говорят, *у каждого псалма свой порядок* и *каждому псалму свой мотив положен*. Добавлю, что в связи с традиционным устным существованием напевов и наличием их территориальных, субконфессиональных (поскольку современные молокане делятся на так называемых *постоянных* и *духовных*), а также индивидуальных певческих вариантов – таких *своих* мотивов в молоканстве, по-видимому, много сотен.

Интересно, что мне много раз приходилось слышать: *наше пение нельзя переложить на ноты, не получается*. Часто это произносилось с гордостью: вот какая сложность и в напеве, и в исполнении!

В настоящее время накоплено много записей молоканских псалмов, сделана масса нотных расшифровок, весьма сложных по структуре; обнаружены нити, связывающие напевы псалмов с протяжными русскими народными песнями [Савельева 2015]. Однако ответы на многие вопросы о происхождении и развитии этого оригинального, *своего* молоканского жанра еще не найдены. То же самое можно сказать о чрезвычайно

сложных и ни на что не похожих духовоборческих псалмах (подробнее см. [Никитина 2013]).

Заключение

Итак, на материале текстов конфессиональных культур в бинарной оппозиции «свое – чужое» рассмотрено только одно из значений слова *свое*, а именно, *свое* как '*особое*'. Оно непосредственно, либо опосредованно связано с идеей Бога и веры и в своих словосочетаниях с существительными выражает суть конфессиональной культуры, в которой слиты вера и религия. Оппозиция «свой – чужой» со значением *своего* '*особого*' оказывается при своей абсолютной универсальности семантически зависимой и подчиненной как стержневой оппозиции «добро от Бога – зло от дьявола», так и более специфическим оппозициям, которые образуют смысловой костяк конфессиональной культуры.

В сущности, оппозиция «свой – чужой» не бинарная, а тернарная. «Другой», заполняющий пространство между «своим» и «чужим», необходим: через него осуществляется смысловая динамика от «своего» к «чужому» и обратно. Однако описание «другого» в конфессиональной культуре и анализ тернарной оппозиции «свой – другой – чужой» представляет собой отдельную задачу

Литература

Балясникова О.В. «Свой – чужой»: психолингвистические аспекты исследования (на материале русского языка). Москва: издательство «Канцлер», 2016. 202с.

Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М.: Новое издательство 2006. С. 9–48.

Белова О.В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М.: Индрик, 2005. 288с.

Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. С. 82–111.

Иванова Н.В. Лексические репрезентации оппозиции «свой–чужой» в духовных старообрядческих стихах // Научный диалог, выпуск № 12 (36) / 2014. Филология. Екатеринбург, 2014. С. 24–36.

Никитина С.Е. Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах (проблемы синхронного описания). М.: Институт наследия, 2013. С. 273–283.

Никитина С.Е. О взаимодействии веры, культуры и языка в конфессиональных сообществах // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 50 – М. МАКС Пресс, 2014. С. 237–244.

Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987гг. М.: Наука, 1989. С. 54–83.

«Свое» и «Чужое» в культуре = Our and Alien in culture: Материалы XI Международной научной конференции (г. Петрозаводск: 22–24 июня 2017 года). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2017. 262 с.

Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга. Сборник статей. Академическая серия. Выпуск 11. М.: 2003. 504 с.

Словарь русского языка. Том IV. С – Я. – Москва: «Русский язык» 1984. 792 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: «Языки русской культуры», 1997. С. 472–487.

Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Под редакцией Фредрика Барта М.: Новое издательство. 2006. 201 с.

Источники

ЖК – «Животная книга» духоборцев // Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / под ред. Владимира Бонч-Бруевича. Вып. 2. Виннипег: 1954. 316 с.

СП – Сионский песенник столетнего периода христианской религии Молокан Духовных прыгунов по всему миру. Первое издание. Los Angeles: 2004. 1042 с.

ЭМА – Экспедиционные материалы автора

**«OUR – ALIEN» IN LANGUAGE AND CULTURE
OF RUSSIAN CONFESSIONAL GROUPS**

Serafima E. Nikitina

Chief researcher

Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences

1 str. 1 Bolshoj Kislovskij per. Moscow.125009

seniki38@mail.ru

The paper is devoted to the semantics and functioning of the universal opposition «our – alien» in the language and cultures of the three Russian confessional groups: Old Believers (Orthodoxy), Doukhobors and Molokans (Russian folk Protestantism). The material is folklore texts and field notes of the author. It is shown that the opposition «our – alien» on the Russian folklore texts depends on the dominant opposition «norm – not-norm». On the religious texts the dominant opposition is the «good (from God) – evil (from the devil)». It subordinates number of other oppositions, first of all ‘our faith – alien faith’. The research is concentrated on one meaning of the word *svojo* (our) as ‘a special, different from everything else’. So, Old Believers’ *our faith* is a *old, true faith*, is opposed the *Niconian, the false faith*, which is sometimes called a *stranger*. Such phrases as *our books, our singing, our cup*, etc. can denote belonging to the faith, sacred and are opposed not to «stranger/alien», but to «profane». A similar, but not identical picture is in the cultures of the Doukhobors and Molokans: their faith as a true belief in the *living God* is opposed primarily to the Orthodox faith as a stranger’s faith with *other gods* (icons). The opposition of the kinds of faithes is most often represented in the language as the opposition of the «faithful – unfaithful». Phrases *our singing* and *our people* have in this texts sacred meanings. So, phrases with *our* ‘special’ in confessional texts express the essence of the confessional culture.

Keywords: confessional groups, faith, culture, folk texts, field materials, «our – alien» opposition, dominant opposition, *our* ‘special’, sacred, *our faith*.

References

Baljasnikova O.V. «Svoj – chuzhoj»: psiholingvističeskie aspekty issledovanija (na materiale russkogo jazyka).[«Our – Alien»: psycholinguistic aspects of investigation (Russian language as material)]. Moskva: izdatel’stvo «Kanceler», 2016. – 202s.

Bart F. Vvedenie // Jetnicheskie gruppy i social’nye granicy. Social’naja organizacija kul’turnyh razlichij. [Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference] M., Novoe izdatel’stvo 2006. S. 9–48.

Belova O.V. Jetnokul'turnye stereotipy v slavjanskoj narodnoj tradicii. [Ethnocultural stereotypes in Slav folk tradition] M., Indrik, 2005. – 288с.

Berezovich E.L. Yazyk i tradicionnaya kul'tura. Jetnolingvisticheskie issledovaniya. [Language and traditional culture. Ethnolinguistic investigations]. M.: Indrik, 2007. S. 82–111.

Ivanova N.V. Leksicheskie reprezentacii oppozicii «svoj – chuzhoj» v duhovnyh staroobryadcheskih stihah [Lexical representations of the opposition «our – alien» in spirit verses of Old Believers]. // Nauchnyj dialog, vypusk № 12 (36) / 2014. Filologija. Ekaterinburg – 2014. S. 24–36.

Nikitina S.E. Konfessional'nye kul'tury v ih territorial'nyh variantah (problemy sinhronnogo opisaniya). [Konfessional cultures in their territorial variants (problems of synchronic description)] M.: Institut naslediya, 2013. S. 273–283.

Nikitina S.E. O vzaimodejstvii very, kul'tury i yazyka v konfessional'nyh soobshchestvah [The interaction of faith, culture and language in religious groups]. // Yazyk, soznanie, kommunikaciya: sb. statej. Vyp. 50 [Language – Mind – Communication. Collection of articles. Issue 50]. M. MAKS Press, 2014. S. 237-244.

Pen'kovskij A.B. O semanticheskoj kategorii «chuzhdosti» v russkom jazyke [On semantic category of «alieness» in Russian]. // Problemy strukturnoj lingvistiki 1985–1987gg. [Problems of structural linguistics 1985-1987]. M., Nauka 1989. S. 54–83.

«Svoe» i «Chuzhoe» v kul'ture. [Our and Alien in culture] / Materialy XI Mezhdunarodnoj konferencii [Materials of XI International conference] (g. Petrozavodsk, 22–24 ijunya 2017 goda). – Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU, 2017

Svoj ili chuzhoj? Evrei i slavjane glazami drug druga. [Insiders or Aliens? Jews Seen by Slavs. Slavs Seen by Jews]. Sbornik statej. Akademicheskaja serija. Vypusk 11 [Collection of articles. Akademical series. issue 11]. M., 2003 504 p.

Slovar' russkogo jazyka. Tom IV. S –Ja. [Russian dictionary. V. IV. S – Ya.]. Moskva, «Russkij jazyk» 1984. – 792p.

Stepanov Ju.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya. [Contants. The dictionary of Russian Culture. The experience of investigation]. M. : «Jazyki russkoj kul'tury», 1997. S. 472–487.

Jetnicheskie grupy i social'nye granicy. Social'naja organizacija kul'turnyh razlichij. Pod redakciej Fredrika Barta [Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference. Edited by Fredrik Barth]. M., Novoe izdatel'stvo. 2006.201s.

Источники

ZhK — «Zhivotnaya kniga duhoborcev» // Materialy k istorii i izucheniyu russkogo sektantstva i raskola / pod red. Vladimira Bonch-Bruevicha [«The book of life of the Doukhobors» // Materials for the history and the study of Russian sectarianism and schizm. Edited by V. Bonch-Bruevich. 2nd edition. Vinnipeg: 1954. 316 p.

SP — Sionskij pesennik stoletnyago perioda hristianskoj religii Molokan Duhovnyh prygunov po vsemu miru [Songbook of sentennial period of Christian religion of Molokan–spirit jumpers in world]. First edition. Los Angeles: 2004. 1042 p.

EMA — Ekspedicionnye materialy avtora [Field materials of Author].

УДК 81'23

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КОММЕРЧЕСКОГО ИМЕНИ

Перфильева Наталия Владимировна

доцент кафедры общего и русского языкознания
филологического факультета Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198
NPerfilieva@yandex.ru

Новоспасская Наталья Викторовна

доцент кафедры общего и русского языкознания
филологического факультета Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198
novospasskaya72@mail.ru

Лазарева Олеся Викторовна

старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания
филологического факультета Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198
0lesikk@mail.ru

В статье рассматривается эффективность коммерческого имени и предлагается шкала эффективности эргонимов, которая построена на основе критерия узнаваемости носителями русского языка коммерческого объекта по его имени. Узнаваемость выявлялась путем ассоциативного эксперимента, в качестве слов-стимулов которого выступали названия эргонимов – салонов свадебной моды. Оценивалось количество реакций, в которых денотат был прямо номинирован либо имплицитно подразумевался, а также ассоциаты, в которых отсутствовала связь между денотатом и коммерческим именем.

В статье приводится анализ слов-стимулов, выбранных нами из 477 эргонимов города Москвы по их принадлежности к разным типам названий салонов свадебной моды. Кроме того, в статье дана оценка полученных ассоциатов по их отнесенности к когнитивному и лингвистическому аспектам, что представляет определенный интерес в нейминговой стратегии.

Экспериментальные данные показали, что слова-стимулы, содержащие единицы лексико-семантической группы *свадьба* и их дериваты, четко фиксируются в синтагматике и парадигматике через свои ассоциаты, что свидетельствует о легко восстанавливаемой связи с номинируемым объектом. У эргонимов на европейских языках, как правило, представлены ассоциаты когнитивного аспекта, в котором связь между словом-стимулом, номинируемым объектом и ассоциатом не фиксируется или выстраивается в другой системе вербальных координат.

В статье подробно рассматривается зависимость эффективности коммерческого имени от определенного типа эргонима.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ассоциаты, эргонимы, стратегия нейминга, модель эффективности имени.

Введение

Последнее время актуальной для лингвистики темой стало исследование языка современного города. Анализ тенденций нейминга, описание ошибок и прагматически удачной номинации городских объектов рассматривается в большинстве работ, посвященных неймингу, однако анализ номинации салонов свадебной моды Москвы в лингвистической литературе не представлен. Задачей исследования было предложить модель эффективности онима, построенную на основе результатов ассоциативного эксперимента.

Для исследования были собраны все названия салонов свадебной моды, зарегистрированные в Москве, в количестве 477 единиц. Предметом настоящего исследования является характер связи денотата и названия салона свадебной моды. Цель данной работы – построить модель эффективности коммерческого имени, критерием построения которой является *узнаваемость* денотата в эргониме, т.е. фиксируются ассоциаты, связанные со свадебной церемонией, ее участниками и аксессуарами.

Гипотеза нашего исследования состоит в следующем – эффективность коммерческого имени связана с количеством ассоциатов непосредственно называющих свадьбу и/или опосредованно на нее указывающих.

Термин *эргоним* в современной лингвистике

Эргонимы (эргонеологизмы) в современной лексической системе любого языка – это достаточно многочисленная, постоянно пополняемая группа слов, представляющая собой собственные наименования предприятий различного функционального профиля. Эргонимы, образующие особую группу урбанонимов, представляют собой результат нейминга, заметно активизировавшегося в последние годы в связи с социально-экономическими переменами, происходящими в обществе, и, прежде всего, в связи с взаимодействием российской и западных экономик, а также с явлениями интерференции в сфере языка и культуры и другими экстралингвистическими факторами.

Лексикографические источники по-разному трактуют само понятие эргонима. Словарь лингвистических терминов Л.А. Брусенской определяет эргонимы как «названия магазинов и фирм» [Брусенская 2005: 156]. В словаре русской ономастической терминологии Н.В. Подольской эргоним описывается как разряд онима, собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка (например, ООН, АН, МГУ, спортивное общество «Спартак», Собрание рыцарей Круглого стола и т.п.) [Подольская 1988: 165]. И.В. Крюкова предлагает заменить эргоурбоним термином *рекламное имя*, к которому относит «не только словесные товарные знаки (прагматонимы), но и названия предприятий (эргонимы), средств массовой информации (гемеронимы), фестивалей, конкурсов концертов (геортонимы), транспортных средств (порейонимы)» [Крюкова 2004: 5]. По мнению В.Д. Бондалетова, их объединяет прагматическая направленность и принадлежность к языку рекламы [Бондалетов 1983: 156]. В работах Н.Д. Голева [1974], А.М. Емельяновой [2007] термин «эргоним» обозначает родовое понятие, служащее названием различного рода городских объектов, – фирм, магазинов,

салонов красоты, парикмахерских, кафе, ресторанов, служб быта и т.п. В нашей работе под эргонимом понимается коммерческое имя-название салона свадебной моды как одного из городских коммерческих объектов. Анализ эффективности эргонимов г. Москвы является актуальным, т.к. 1) они недостаточно изучены; 2) квалифицируют языковой облик современного города; 3) показывают культурные предпочтения жителей мегаполиса.

Свободный ассоциативный эксперимент для описания эргонимов

Для анализа функциональной и прагматической целесообразности номинаций магазинов свадебной моды нами был проведен письменно-письменный свободный ассоциативный эксперимент. В качестве стимулов было предложено 477 эргонимов. Целью эксперимента было выявление ассоциативного потенциала эргонимов, называющих салоны свадебной моды г. Москвы. Эргонимы как класс искусственно созданных онимов обладают специфическим определенным набором ассоциаций. По мнению Ю.Н. Караулова, «взаимную информацию стимула и реакции можно интерпретировать как результат рефлексии носителя языка. Рефлективный акт может быть вызван самыми различными параметрами стимула – и языковыми его характеристиками, и денотативной отнесенностью, и стандартным для речевой общности отношением к обозначаемому им явлению или факту, и другими его особенностями» [Цит. по: Уфимцева 2015: 84]. Задача эксперимента – описать спектр ассоциаций, вызываемых определенным стимулом-эргонимом, при этом, как показали результаты эксперимента, ассоциации легко могут быть спрогнозированы с большой точностью.

Н.В. Уфимцева в работе «Языковое сознание как отражение этнокультурной реальности» пишет что, ассоциативный эксперимент является одним из способов овнешнения языкового сознания... Поскольку языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих, оно может быть исследовано только как продукт бывшей деятельности или, иными словами, может стать объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих, в своих превращенных, отчужденных от субъекта сознания формах (культурных предметах и квазипредметах) [Уфимцева 2003: 102].

В эксперименте приняли участие 100 человек в возрасте от 17 до 24 лет, студенты-филологи и лингвисты РУДН. Данная группа представляет интерес для исследования, т.к. возраст участников соответствует пороговым значениям возраста вступления в брак, см., например, рисунок №1 [Захаров 2015: электрон. ресурс]. По официальной статистике обозначена следующая тенденция по возрасту для вступающих в брак в РФ: первая активная волна 18–24 года, вторая – 25–35 лет. В среднем, брачный возраст для мужского населения держится на отметке 27 лет. Для женщин максимально устойчивый брачный порог составляет 22–24 года. Таким образом, можно предположить, что модель эффективности была построена на максимально достоверных данных, т.к. участники эксперимента являются активными покупателями в салонах свадебной моды [Захаров 2015: электрон. ресурс].

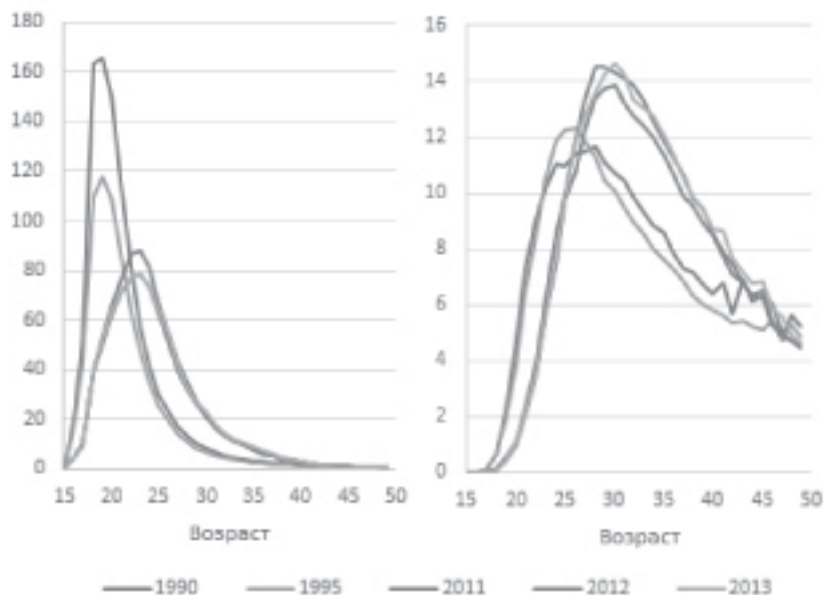

Рисунок №1

Возрастные коэффициенты вступления в брак для женщин: первые браки (слева) и повторные браки (справа), на 1000 лиц указанного возраста

Перейдем к описанию результатов эксперимента.

К эргонимам первой группы мы отнесли названия салонов свадебной моды на русском языке (82 примера) и на европейских языках (45 примеров), в которых идея свадьбы выражена эксплицитно (*Свадебный Дисконт; Свадьба-Опт; I happy bride; Sposabella*) или имплицитно (*Сердца Двух; Идеальная пара*).

Эксплицитные эргонимы первой группы репрезентируются следующими типами:

- 1) односложное название *Свадебный; Mariage; Wedea; Italsposa*;
- 2) словосочетание *Свадебный союз; Just Married*;
- 3) синтаксическая конструкция *Я на свадьбу; To be Bride* (11);
- 4) домены *Женимся.ру*.

Имплицитные примеры первой группы представлены

односложным названием *Soon; Amantes*;

словосочетаниями *Два сердца; Love Birds*;

предложениями *Да; Я согласна; To Angel* (2); *I DO; Je t'aime*.

Вторую группу представляют эргонимы-имена собственные (93 номинации на русском и 53 на европейских языках), в которой могут быть выделены следующие подгруппы:

- 1) традиционные для русского языка женские имена собственные на кириллице *Ирина; Любава; Людмила* и латинице *Alevtina; Aniya; OLGA; Svetlana Lyalina*;

2) европейские женские имена на кириллице *Николь; Скарлет; Соланж; Софи* и латинице *Jasmin; JOVANI; Katrin;*

3) 9 мужских имен: *Алла & Костя; Ютлин; ДомНика; Ромео и Джульета; Фабьен Фэшин; Амур* и на латинице *Alean;*

4) имена богов *Афина; Венера.*

Большинство имен-эргонимов – это женские имена. Отметим, что среди них есть неблагозвучные для носителей русского языка эргонимы-имена собственные, например, *Мадам Похель.*

В третью группу (99 номинаций на русском языке и 67 на европейских языках) мы объединили нарицательные по разряду имена, которые также прямо не указывают на свадьбу, ее участников и свадебные аксессуары, например, *Звездная пыль; ИталРусСервис; Конфетка; Праздниктут; Эльф; Онести; Магия; Свитдрим; Текстиль проф; Уют; Витприс; Олматекс; Союзком; Fatin; Felicita; Fiesta; Gala collection (2); Neformat; Gelato.* В данную группу включены и названия цветов, например, *Белая Орхидея; Белая хризантема; Камелия.* Во всех эргонимах-названиях цветов может быть выделена сема «белый цвет»; европейских номинаций не найдено.

Четвертая группа эргонимов-названий салонов свадебной моды (21 пример на русском языке и 7 на европейских языках) представлена лексическими единицами, номинующими место: *Салон вечерних и свадебных платьев на Луховицкой; Свадебный салон на ул. Адасько; Bride in Moscow (2); Casablahka; Chivita.ru; Diagonal; Frel; Moscow-wedding.ru.*

Количественную распределенность эргонимов по группам представим на графике №1.

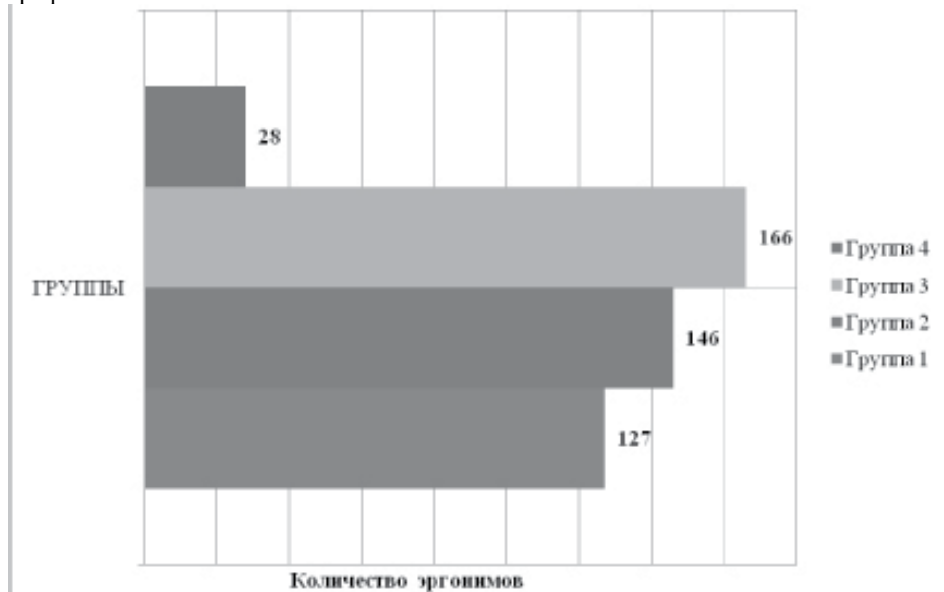

График №1

Распределение эргонимов по группам

Среди ответов можно условно выделить два типа ассоциаций: лингвистические и когнитивные.

К ассоциациям так называемого лингвистического аспекта мы относим дериваты лексемы *свадьба*; ассоциаты, которые обнаруживали синтагматические и парадигматические отношения со словом-стимулом, в которых связь между денотатом и онимом легко восстанавливается, т.е. слово в его ближайшем окружении в синтагматике и парадигматике.

К ассоциациям так называемого когнитивного аспекта мы относили метафорические, метонимические ассоциаты; а также все другие ассоциации.

Результаты эксперимента были систематизированы в таблицах.

Таблица №1

Матрица стимула-эргонима *Моя свадьба*. Первая группа эргонимов нет ответа 14

аспект	ассоциаты	всего	связь с денотатом
Лингвистические ассоциации (синтагматические и парадигматические (различного рода ассоциации, паронимия, паронимазия, аллюзия) отношения)	не моя (1), идеальна (1), неудачно! (1), вряд ли (1), невеста (1), мальчишник (1), жена (1), кольца (1), банкет (1), белое платье (3), платье (1), белые голуби (1), «тюрьма» (1), фата (1), муж (1), праздник (1), счастье (1), мечта (1), свадебный салон (21), свадебный магазин (1), агентство свадьбы (9), подготовка торжеств (1), салон платьев (1), свадебное бюро (1), сайт (1), магазин платьев (1), свадебное ателье (3), фотостудия свадьбы (1), магазин свадебных аксессуаров (1), бутик свадебной одежды (1), организация свадеб (4), сайт свадьба.ru (1), свадьба в 30 лет (1)	68	54
Когнитивные ассоциации (метафора, метонимия, ассоциаты любого типа)	ателье (1), смерть (1) финал (1), РФ (1), Москва (1), магазин декора (1), книжка (1), лес (1), роскошь (1), парикмахерская (1), роскошь (1), суматоха (1), траурное агентство (1), женский форум (1), картина (1), одно из самых завидных мест (1), моя семья (1), хэштег (1)	18	1

Матрица стимула-эргонима *Crazy невеста*. Первая группа эргонимов
нет ответа 2

аспект	ассоциаты	всего	связь с денотатом
<p>Лингвистические ассоциации (синтагматические и парадигматические (различного рода ассоциации, паронимия, паронимазия, аллюзия) отношения)</p>	<p>агентство по устройству девичника (3), бедный жених (1), безумие (1), бешенство (3), девушка (2), дурусть (1), кафе для девичников (1), магазин свадебной одежды (2), магазин свадебных платьев (2), невеста (3), необычные платья (5), оторва (1), побег со свадьбы (1), психбольница (1), пьяная невеста (1), свадебное агентство (3), свадебный салон (17), свадьба (8), снимаем на камеру свадьбу (1), сумасшествие (3), телевизионный проект (1), ужасы (1), фата (1), хэштег (1)</p>	<p>64</p>	<p>44</p>
<p>Когнитивные ассоциации (метафора, метонимия, ассоциаты любого типа)</p>	<p>бар (6), ателье (3), билеты (1), Бони (1), Глюкоза (2), дешевое (1), клуб (2), коктейль (1), кровопролитие (1), магазин (1), магазин алкоголя (1), магазин обуви (1), мотоциклы (1), не встречал (1), прическа (1), ресторан (1), салон (1), салон красоты (1), стриптиз (1), стриптиз-клуб (1), фотосалон (1), хорошо (1), центр реабилитации населения (1), шоу (1), эскорт услуги (1)</p>	<p>34</p>	<p>0</p>

Таблица №3

Матрица стимула-эргонима *Афродита*¹. Вторая группа эргонимов
нет ответа 6

аспект	ассоциаты	всего	связь с денотатом
Лингвистические ассоциации (синтагматические и парадигматические (различного рода ассоциации, паронимия, паронимазия, аллюзия) отношения)	афра (1), богиня (18), горячая женщина (3), богиня любви (4), Греция (1), Джонс (1), женщина (1), женский салон (1), Зевс (1), красивая (1), красота (8), мать (1), мифы (1), море (1), нежность (1), отель для влюбленных (1), салон красоты (15), скульптура (1)	61	1
Когнитивные ассоциации (метафора, метонимия, ассоциаты любого типа)	SPA (1), агентство (2), бордель (1), Жанна (1), кафе (1), магазин вечерних платьев (1), магазин для взрослых (1), магазин косметики (2), магазин нижнего белья (2), магазин обуви (1), магазин одежды (2), магазин свадебных платьев (3), парикмахерская (1), парфюмерия (3), пафос (1), песня (1), плохое (1), ресторан (2), салон (1), сила (1), студия загара (1), тамада (1), тц (1), эскорт (1)	33	4

¹ Подробнее о прецедентных именах собственных см. статью Новоспасская Н.В., Перфильева Н.В., Лазарева О.В., Никашина Н.В. Эргонимы-названия свадебных салонов на материале русского и английского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2. Ч. 2. С. 158–162.

Матрица стимула-эргонима *Коровин и К.* Вторая группа эргонимов
нет ответа 8

аспект	ассоциаты	всего	связь с денотатом
Лингвистические ассоциации (синтагматические и парадигматические (различного рода ассоциации, паронимия, паронимазия, аллюзия) отношения)	ветлечебница (1), ферма (11), фермерский магазин (1), скотобойня (3), мясной магазин (3), магазин молочных продуктов (16), с/х ферма (1), ветфирма (1), фермерское агентство (1), фирма, производящая коровяк (1), молочный завод (4), коровник (6), корова (3), фермер (1), скот (1), конфета «коровка» (1), колхоз (1), частная ферма (1), творог (1), сельпо (1)	59	0
Когнитивные ассоциации (метафора, метонимия, ассоциаты любого типа)	продуктовый (3), строительное предприятие (1), ЖКХ (1), кондитерская (4), бордель (1), похоронное бюро (1), завод (4), фонд защиты животных (1), предприятие (1), компания (1), финансы (1), кровь (1), ООО больше не существует (1), фотостудия (1), ЗАО (1), компания (3), ИП (1), фирма (1), цех (1), кооп (1), кантата (1), здание (1), помет (1)	33	0

Таблица №5

Матрица стимула-эргонима *Красная горка*. Третья группа эргонимов
нет ответа 18

аспект	ассоциаты	всего	связь с денотатом
Лингвистические ассоциации (синтагматические и парадигматические (различного рода ассоциации, паронимия, паронимазия, аллюзия) отношения)	бугор (1), конус (1), Красногорск (1), Гора (1)	4	0
Когнитивные ассоциации (метафора, метонимия, ассоциаты любого типа)	Подольск (1), песок (1), Москва (1), СССР (1), Апрелька (1), веселье (1), почтение памяти своих близких (1), магазин (1), отель (1), церковная лавка (1), дорожка к жатве (1), казино (1), магазин оружия (1), кафе (1), остановка (1), общественное место (1), гипермаркет (1), лес (1), парк (3), торговый центр (1), автозаправка (1), детская площадка (3), магазин детских игрушек (1), спортивный магазин (3), развлекательный комплекс (1), район (1), похоронное агентство (1), продуктовый магазин (1), алкомаркет (1), винный магазин (4), сноуборд (1), детский центр (1), охрана природы (1), еда (1), горнолыжный курорт (1), поселение (1), промышленные товары (1), коммунистическая организация (1), магазин лыжных товаров (1), лыжный центр (1), совхоз (1), молочный завод (1), конфеты (4), табачная лавка (1), революция (1), магазин парфюмерии (1), дети (3), праздник (4), зима (1), строительная компания (1), аквапарк (1), детство (1), торт (1), история (1), специя (1), отдых дом (2), магазин косметики (1), детский сад (1)	78	4

Таблица №6

Матрица стимула-эргонима *Белая хризантема*. Третья группа эргонимов
нет ответа 17

аспект	ассоциаты	всего	связь с денотатом
Лингвистические ассоциации (синтагматические и парадигматические (различного рода ассоциации, паронимия, паронимазия, аллюзия) отношения)	белоснежное одеяло (1), ваза (1), дача (1), деревня (1), магазин цветов (43), магазин свадебного платья (5), одуванчик (1), сад (1), христианство (1), черная хризантема (1), шипы (1)	57	5
Когнитивные ассоциации (метафора, метонимия, ассоциаты любого типа)	банально (1), бордель (1), брачное агентство (1), девственность (1), кафе (1), кровь (1), магазин (1), магазин алкогольной продукции (1), магазин нижнего белья (1), невинность (1), мама (1), песня (1), похоронное бюро (3), салон красоты (4), смерть (2), счастье (1), траур (2), утро (1), ювелирный (1)	26	1

Таблица №7

Матрица стимула-эргонима *Онести*. Третья группа эргонимов
нет ответа 34

аспект	ассоциаты	всего	связь с денотатом
Лингвистические ассоциации (синтагматические и парадигматические (различного рода ассоциации, паронимия, паронимазия, аллюзия) отношения)	honesty (6), глагол (1), калька с англ.яз. (1), огниво (1), Онегин (5), отнести (1), честность (5), честь (1), юридические услуги (1), ошибка (4), передача (1), правда (3), эзотерика (1)	31	0

<p>Когнитивные ассоциации (метафора, метонимия, ассоциаты любого типа)</p>	<p>бакалея (1), больница (1), высоко (1), кафе (4), клуб (1), круг (1), магазин алкогольной продукции (1), магазин мужских костюмов (3), магазин одежды (6), магазин продуктов (3), магазин цветов (1), магазин чая (1), необъяснимые факты (1), песня (1), продюсерский центр (1), ресторан(1), сайт (1), салон красоты (1), салон связи (1), свадебный салон (2), сеть (1), Сандро Боттичелли (1)</p>	<p>35</p>	<p>2</p>
---	---	-----------	----------

Модель эффективности эргонимов на основе результатов ассоциативного эксперимента

Представим результаты эксперимента на графике № 2, где условные названия групп, описанных в статье (*Онести*, *Белая хризантема* и др.), классифицируют ассоциаты и позволяют сделать вывод об эффективности коммерческого имени.

График №2

Обзор результатов эксперимента

Результатом анализа данных, полученных в ходе свободного ассоциативного письменно-письменного эксперимента, можно считать некоторые выводы:

Ассоциации участников эксперимента чаще отражают языковые, а не понятийные связи лексических единиц. Отметим, что разделение слов на группы

по когнитивным и лингвистическим ассоциациям со словом-стимулом носит некий формальный характер, т.к. любая языковая единица обязательно содержит в себе когнитивный компонент. К лингвистическим ассоциациям мы отнесли переводные единицы, любые толкования, ассоциаты, связанные синтагматически и парадигматически со словом-стимулом. К когнитивным ассоциациям – метафорический и метонимический переносы и ассоциации, не относящиеся к легко восстанавливаемым синтагматическим и парадигматическим связям, а также примеры языковой игры. Для этого применялся компонентный анализ и метод понятийной реконструкции, который заключается в вычленении и восстановлении связей объектов.

Проведенный анализ показал следующие результаты: чаще всего участники эксперимента ассоциативно связывают эргоним с денотатом лингвистически, т.е. на слова-стимулы 1-4 группы, как правило, мы видим ассоциации-синонимы (*Красная горка* – бугор); антонимы (*Белая хризантема* – черная хризантема; *Crazy невеста* – бедный жених); переводы (*Crazy невеста* – оторва); транслитерации (*Онести* – honesty); гиперо-гипонимические отношения (согипонимы (белое) платье, фата, (белые) голуби к гиперониму (моя) свадьба); лексические единицы, которые могут образовывать словосочетания с подчинительной связью, например, согласованные определения (*Афродита* – красивая). Исключением стали примеры названий салонов, которые являются прецедентными феноменами, и реакции на них отражают фоновые знания носителя языка. В качестве иллюстрации приведем две реакции на слово-стимул *Онести* – *Сандро Боттичелли* и *Онегин*. *Сандро Боттичелли* – ассоциация к картине «История Настаджо дельи Онести», выполненной Сандро Боттичелли к «Декамерону» Боккаччо, написанной по случаю брака Джаноццо Пуччи и Лукреции Бини в 1483 году. Реакция *Онегин* возникает по паронимической связи: *Онести* – *Онегин*. Также реализацией фонового знания в процессе декодирования названия магазина является слово-стимул *Афродита* – богиня красоты и любви, плодородия, жизни, брака и родов в древнегреческой мифологии.

3) В каждой группе мы выделили русскоязычные названия эргонимы на английском (*Dream Bride*), французском (*Mon Amour*), итальянском (*Donnasposa*) и испанском языках (*Casablahka*). Эргонимы на русском и европейских языках демонстрируют различную соотнесенность ассоциатов и денотата. Английская лексическая единица на кириллице *Онести* крайне бедно представлена лингвистическими ассоциациями, что может быть объяснено тем, что подобная языковая единица вырвана из русской языковой системы: участники предложили перевод, не всегда точный, или аллюзии по фонетическому соответствию, а когнитивные ассоциации малочисленны по сравнению с реакциями на русскоязычные слова-стимулы этой же группы. Система любого языка позволяет легко восстанавливать лингвистическую связь между стимулом и реакцией, что подтверждается данными проведенного эксперимента. Когнитивные ассоциации индивидуальны, что, объясняется субъективным восприятием окружающего мира участниками эксперимента. Отмечено также, что многословные эргонимы, взятые из европейских языков, имплицитно предполагают появление однословных ассоциатов у носителей русского языка.

Большая часть респондентов дала ответы, относящиеся к лингвистической сфере: соотношение реакций лингвистической и когнитивной сферы 1,5 : 1.

4) Когнитивные реакции количественно представлены меньше, что объясняется следующими причинами: у носителя языка сформирована своя система координат,

в которой находит преломление окружающая действительность; знак – это всегда намек на понятийную сферу, так, каждый индивид видит свою составляющую часть понятия; даже при одинаковом слове-стимуле возможны разные ассоциации. Среди реакций обоих типов большая часть ответов – это конкретные лексические единицы. Очевидно, что для носителей языка является более удобным определение неясной или абстрактной единицы через цепочку денотатов, что вполне объяснимо стремлением определить себя и свое место в окружающем пространстве.

Стоит отметить специфику эргонимов-имен собственных, например, *Коровин и К*, которое вызывает ассоциативные переключения в плоскость, где, например, дифференциальная сема «имя собственное конкретного человека» становится архисемой для следующей группы слов: *корова, коровник, коровяк* и дифференциальными семами в следующих группах слов: *скотобойня, ферма, ветлечебница; молоко, творог; компания, предприятие, фирма, цех* и т.д. Таким образом, общее количество ассоциатов, не связанных с эргонимом свадебного салона, достигает своего максимума. Наблюдается декодирование онима в других семиотических координатах, не *свадьба-праздник*, а *корова-ферма-предприятие*.

Подгруппа эргонимов, представляющая собой названия цветов, также неэффективна. Так, слово-стимул *Белая хризантема* имплицитно вызывает появление пяти ассоциатов, связанных непосредственно со свадебной церемонией, а именно *магазин свадебного платья*. Однако большинство ассоциатов (45) связано с выращиванием и продажей растений: *магазин цветов, одуванчик, черная хризантема*.

5) Полное замещение слова-стимула ассоциатами, не связанными с тематикой свадьбы и свадебной церемонией, было выявлено нами во всех номинативных кириллических единицах, в которых прямо или косвенно не представлены лексемы, называющие участников, этапы и аксессуары свадебной церемонии. Представляется важным отметить, что ассоциаты на слова-стимулы вышеописанных типов вызывают, как правило, понятийные ассоциации, что не дает ожидаемой эффективности коммерческого имени.

Заключение

1) Успешность функционирования предприятия в коммерческой сфере во многом зависит от эффективности его имени, которое, с одной стороны, служит для выделения коммерческого объекта из ряда подобных, с другой – служит для привлечения потенциальных покупателей, т.е. необходим синтез двух функций онима – номинативной и аффективной. Интуитивно понимая это, владельцы салонов свадебной моды по-разному реализуют аффективную функцию в названии своего предприятия.

2) Наиболее эффективными являются названия салонов свадебной моды, в само название которых включен предмет продажи (свадьба), выраженный эксплицитно или имплицитно, но в языковом сознании носителя языка вызывающий лингвистические ассоциации.

3) На наш взгляд, не является эффективным название на европейских языках.

4) Наименьшую эффективность демонстрируют названия салонов, представленные именами собственными.

Литература

- Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 259 с.
Брусенская Л.А., Гаврилова Г.Ф., Малычева Н.В. Учебный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2005. 256 с.

Голев Н.Д. Естественная номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики. Свердловск: Изд-во Урал ун-та имени А.М. Горького, 1974. №8–9. С. 88–97.

Емельянова А.М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтничного города: на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы. Уфа, 2007. 170 с.

Захаров С.В. Браки и разводы современной России // Демоскоп Weekly. 2015. № 625–626 [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0625/tema02.php> (дата обращения: 2.04.2017).

Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2004. 40 с.

Новоспасская Н.В., Перфильева Н.В., Лазарева О.В., Никашина Н.В. Эргонимы-названия свадебных салонов на материале русского и английского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2. Ч. 2. С. 158–162.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 200 с.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отражение этнокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 102–111.

Уфимцева Н.В. Значение слова как отражение социокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3 (25). С. 83–93.

EFFECT OF THE COMMERCIAL NAME

Natalia V. Perfilieva

RUDN University

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198

NPerfilieva@yandex.ru

Natalya V. Novospasskaya

RUDN University

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198

novospasskaya72@mail.ru

Olesya V. Lazareva

RUDN University

Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198

Olesikk@mail.ru

The article deals with the topic of the efficiency of commercial name and it suggests a scale of efficiency of ergonyms, which is made on the basis of the recognition criteria by Russian native speakers of commercial object by its name. The recognition was detected through the associative experiment with stimulus words which were ergonyms represented in bridal boutiques naming. The number of reactions in which denotate was directly named has been estimated, as well as associates which had no connection to denotate and commercial name.

The article shows the analysis of the stimulus words selected out of 477 ergonyms of Moscow in accordance with their belonging to different types of bridal boutiques names. Furthermore, evaluation of obtained associates has been showed in the article by their cognitive and linguistical aspects relatedness which represents certain interest in the strategy of naming.

The experimental data showed that the stimulus words which contain lexico-semantic units of the group *Wedding* and its derivates are firmly fixed in syntagmatic and paradigmatic studies through their associates which demonstrates an easy connection restoration with the nominative object. The ergonyms of European languages usually has the associates of cognitive aspect and has the connection with the stimulus word; the nominative object and the associate are not fixed in another system's verbal coordinate.

The article considers in detail the dependence of the commercial name efficiency from the certain type of ergonyms.

Keywords: associative experiment, associates, ergonyms, strategy of naming, name efficiency model.

References

Bondaletov V.D. Russkaja onomastika [Russian onomastics]. Moscow: Prosveshhenie, 1983. 259 p.

Brusenskaja L.A., Gavrilova G.F., Malycheva N.V. Uchebnyj slovar' lingvisticheskikh terminov [Educational dictionary of linguistic terms]. Rostov n/D.: Feniks, 2005. 256 p.

Golev N.D. Estestvennaja nominacija obektov prirody sobstvennymi i naricatel'nymi imenami [Natural nomination of objects of the nature own and common nouns] // *Voprosy onomastiki*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural un-ta imeni A.M. Gor'kogo, 1974, no 8–9, pp. 88–97.

Emel'janova A.M. Jergonimy v lingvisticheskom landshafte polijetnicheskogo goroda: na primere nazvanij delovyh, kommercheskih, kul'turnyh, sportivnyh obektov g. Ufy [Ergonims in a linguistic landscape of the multiethnic city: on the example of names of business, commercial, cultural, sporting venues of Ufa]. Ufa, 2007. 170 p.

Zaharov S.V. Braki i razvody sovremennoj Rossii [Marriages and stains of modern Russia] // *Demoskop Weekly*, 2015, no 625–626 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0625/tema02.php> (data obrashhenija: 2.04.2017).

Krjukova I.V. Reklamnoe imja: ot izobretenija do precedentnosti [Advertizing name: from the invention to a precedentness]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Volgograd: Volgogradskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2004. 40 p.

Novospasskaja N.V., Perfil'eva N.V., Lazareva O.V., Nikashina N.V. Jergonimy-nazvanija svadebnyh salonov na materiale russkogo i anglijskogo jazykov [Ergonims-names wedding salons on material of the Russian and English languages] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2017, no 2, ch. 2, pp. 158–162.

Podol'skaja N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii [Dictionary of the Russian onomastichesky terminology]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Nauka, 1988. 200 p.

Ufimceva N.V. Jazykovoe soznanie kak otrazhenie jetnokul'turnoj real'nosti [Language consciousness as reflection of ethnocultural reality] // *Voprosy psiholingvistiki*, 2003, no 1, pp. 102–111.

Ufimceva N.V. Znachenie slova kak otrazhenie sociokul'turnoj real'nosti [Word meaning as reflection of sociocultural reality] // *Voprosy psiholingvistiki*, 2015, no 3 (25), pp. 83–93.

УДК 81'23
**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ГОРОДА:
ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ**

Пешкова Наталья Петровна

заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов
факультета романо-германской филологии, доктор филологических наук,
профессор Башкирского государственного университета
Россия, Уфа, ул. Заки Валиди, 32
peshkovanp@rambler.ru

Статья посвящена исследованию воздействующего потенциала лингвистического ландшафта в полиэтничном городе. Рассматриваются некоторые вопросы теории речевого воздействия, представляющие интерес с точки зрения изучения специфики восприятия и понимания информации в форме «текста города». Высказывается предположение о том, что главными задачами городского текста, продуманного и спланированного в условиях полиэтнической среды с целью воздействия на адресата, являются: привлечение и удержание внимания адресата; формирование установки на успешное восприятие; обеспечение ориентации адресата в ситуации поликультурной среды как внеязыковой, так и языковой.

Автор статьи в своем исследовании опирается на представление об «активном» адресате, на идею о том, что понимание текста любого типа есть активный процесс построения в сознании реципиента «встречного текста», а, возможно, и «контр текста» как реакции на воздействие автора сообщения. Представленные в статье экспериментальные данные в форме вербальных реакций испытуемых подтверждают высказанные гипотезы.

Выявленные и описанные в статье особенности исследуемого лингвистического ландшафта позволяют автору сделать вывод о значительном диапазоне его воздействия на полиэтнический городской социум, результатом которого могут стать серьезные конфликты неязыкового характера, требующие, в свою очередь, поиска инструментов для их предотвращения.

Ключевые слова: речевое воздействие, текст города, лингвистический ландшафт, метод «встречного текста», «контр текст», вербальные реакции, языковое сознание, зона потенциального конфликта.

Вводные замечания

Современные исследования лингвистического ландшафта полиэтнического города выявляют разнообразные аспекты обсуждаемой проблемы. По словам А.В. Кирилиной, сфера применения метода лингвистического ландшафта достаточно широка – от изучения языковой ситуации с точки зрения социологии и социолингвистики до наблюдения «смены моральных установок, изменения функционирования языка, его семантики и прагматики» [Кирилина 2013: 164]. Наши исследования позволили прийти к выводу о том, что изучение «текста города» в русле психолингвистики дает дополнительные возможности проследить динамику процессов, происходящих в вербальном сознании носителей различных языков

полиэтнического региона, принадлежащих разным поколениям, и, одновременно, выявляет тенденцию к определенной стабильности базовых этнокультурных ценностей [Пешкова 2016: 237].

В настоящей статье нам хотелось бы привлечь внимание к еще одному аспекту в исследованиях лингвистического ландшафта, связанному с проблемами вербального воздействия. В связи с этим необходимо остановиться на некоторых вопросах теории речевого воздействия, представляющих интерес с точки зрения изучения восприятия и понимания информации в форме текста любого типа, в том числе «текста города».

Теоретические принципы и метод исследования

Исследования речевого воздействия в процессах социально ориентированного общения в психолингвистике включают в круг своих проблем вопросы влияния языковых и речевых особенностей текста на восприятие и понимание информации.

Характеризуя роль текста в процессах речевого воздействия, необходимо отметить, что в большинстве форм социально-ориентированного общения, к письменным видам которых можно отнести и городской лингвистический ландшафт, текст выступает «как воздействующее начало ... во всей полноте своих языковых и содержательных характеристик» [Леонтьев 2005: 258].

Напомним, что А.А. Леонтьев любое общение рассматривал как речевое воздействие. Выделяя основные формы общения, такие как предметно ориентированное, личностно ориентированное и социально ориентированное, он подчеркивал, что предмет и содержание первого составляют взаимодействие участников коммуникации в процессе совместной деятельности; второго – различные изменения в их психологических отношениях; и третьего – изменения в социально-психологической или социальной структуре общества, «стимуляция прямых социальных действий через воздействие на психику членов данной социальной группы или общества в целом» [Там же: 258].

Говоря о концептуальных принципах отечественной психолингвистики речевого воздействия, основоположник московской психолингвистической школы дает определение речевому воздействию как преднамеренной перестройке смысловой сферы личности. При этом он отмечает, что «текст социально ориентированного общения решает три основные психологические задачи. Это, во-первых, привлечение внимания к тексту, во-вторых, оптимизация его восприятия, в-третьих, принятие его содержания реципиентом» [Там же: 259].

Все эти задачи, стоящие перед текстом социально ориентированного общения, по нашему мнению, имеют непосредственное отношение и к лингвистическому ландшафту города. Среди главных задач продуманного и спланированного в условиях полиэтнической среды городского текста мы бы назвали следующие: привлечение и удержание внимания адресата; формирование установки на успешное восприятие; обеспечение ориентации адресата в ситуации поликультурной среды как внеязыковой, так и языковой. Реализация обозначенных выше задач может обеспечить успешную «организацию общения» с целью воздействия на адресата [Надеина 2004].

Обсудим некоторые особенности речевого воздействия, общие для всех видов общения и имеющие отношение к восприятию лингвистического ландшафта полиэтнического города.

Следует упомянуть о том, что в общей лингвистической теории воздействия под коммуникативным воздействием принято понимать спланированное влияние на адресата в нужном для автора сообщения направлении. Воздействие осуществляется на знания адресата, что влечет за собой изменение его когнитивного уровня; на отношения, что связано с изменениями на аффективном уровне; и на его намерения, что предполагает прагматический уровень [Пирогова 2002: 209].

Отметим также, что в исследованиях проблем воздействия информации в форме текста на его реципиента с позиции междисциплинарного подхода выделяются два важных аспекта. Один из них связан с изучением принципов речевого воздействия, общих для всех коммуникативных процессов, о чем мы уже упомянули выше; второй с выявлением конкретных условий реализации воздействующих функций текста, присущих его различным видам.

В лингвистических исследованиях речевого воздействия акцент делается на выявлении и изучении всех разнообразных средств и особенностей естественного языка для создания такого сообщения, в котором будет заложен максимальный потенциал воздействия на сознание адресата сообщения, реализуемый при соблюдении определенных условий.

Как можно видеть, во всех случаях проблема исследуется с позиции автора воздействия, исходя из идеи его сознательно планируемого влияния на адресата, при этом самому адресату воздействия уделяется гораздо меньше внимания. В связи с этим наиболее изученными оказались различные формы, способы и средства достижения намеренного воздействия автора сообщения на его реципиента.

Сегодня хорошо известны сферы коммуникации, в которых используются разнообразные средства речевого воздействия на членов социума, среди них политика и медийная коммуникация, воспитание и образование, судебное производство и т.п., а соответственно, и типы текстов, функционирующих в данных сферах. Если мы говорим о городском лингвистическом ландшафте, это, безусловно, реклама, коммерческая и социальная.

Находясь в информационной среде воздействующего типа, участники коммуникации зачастую пытаются защитить себя от «ненужной» информации, от «чужого влияния», от нежелательного «вторжения» в индивидуальное сознание. Иначе говоря, коммуниканты могут осознанно «включать» механизмы защиты от поступающей информации.

Нельзя не отметить, что исследователей проблем речевого воздействия все больше привлекает изучение таких условий и ситуаций, в которых адресат не осознает, что он представляет собой объект речевого воздействия со стороны партнера по коммуникации. Исследуя проблему опять-таки с позиции «автора воздействия», стремящегося «отключить» защитные механизмы адресата этого воздействия, лингвисты выявили и описали множество инструментов, способствующих достижению коммуникативной цели автора.

Если начать с внешней формы, известно, что в устном общении большую роль играют фоносемантические и ритмические особенности звуковой формы сообщения, при восприятии письменного текста подобную роль выполняет метаграфемика, связанная с выбором шрифтовых гарнитур и применением шрифтового выделения, а также с разными способами размещения печатного текста на плоско-

сти. Безусловно, все известные средства метаграфемки привлекаются к использованию и в городском лингвистическом ландшафте.

Важнейшим языковым инструментом воздействия считается, как известно, использование особой лексики, включающей специальные слова, необычные словосочетания, фразеологизмы. Большая роль в текстах воздействующего типа обычно отводится эмоционально окрашенным словам, экспрессивной лексике, метафоре и метонимии, жаргонизмам. Воздействующий потенциал лексики в полной мере реализуется и в городской рекламе. Дополнительно можно отметить использование в уличных вывесках города англицизмов и контаминаций, например, в названиях ресторанов и кафе («*Brewkva*» и т.п.).

Как мы отмечали, использование англицизмов, ставшее обычным для уличных вывесок нашего города, сочетается с тенденцией отражения в них дореволюционного губернского прошлого Уфы и истории, связанной с советской культурой. В лингвистическом ландшафте города широко используется стилистический прием интертекста. На вывесках с названиями улиц можно встретить не только ссылки на их дореволюционное прошлое в форме старинных названий, но и лозунги советского периода, и популярные цитаты из стихов известного советского и российского поэта Мустая Карима.

По мнению исследователей, среди инструментов речевого воздействия текста значительную роль играют неоднозначность лексических единиц и явление имплицитности текста [Пирогова 2002]. Они «приглашают» адресата к выгодному для автора пониманию. При этом ответственность за интерпретацию адресатом неоднозначной и имплицитной информации автор не несет [Электронная энциклопедия «Кругосвет» http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika]. Такого рода приемы хорошо известны авторам рекламных текстов, и городская реклама не является исключением.

Приведенный перечень средств, используемых с целью речевого воздействия, безусловно, включает лишь наиболее распространенные и при этом имеющие отношение к лингвистическому ландшафту, он не исчерпывает всех собственно лингвистических средств речевого воздействия и ни в коем случае не претендует на полноту.

В то же время мы полагаем, что практически любые языковые средства и текстовые характеристики могут оказаться полезными для достижения цели речевого воздействия. Объясняется это отчасти и тем, что «использование значимого варьирования языковых структур, при котором различия между ними, иногда очень тонкие, а иногда и весьма значительные, игнорируются адресатом сообщения в рамках “коммуникативного компромисса”, и в результате ему навязывается одна из нескольких возможных интерпретаций окружающей действительности» [Там же].

Следует еще раз подчеркнуть тот факт, что в современных исследованиях речевого воздействия достаточно традиционно недооценивается активная роль реципиента в процессе восприятия информации, не уделяется достаточного внимания общим закономерностям понимания и индивидуальным особенностям восприятия информации. В то время как изучение этой стороны проблемы может стать полезным и автору, с точки зрения разработки эффективных инструментов влияния, например, в педагогике и образовании, и адресату для успешной защиты от информации.

Что касается ситуации продуцирования и восприятия лингвистического ландшафта участниками «городской коммуникации», здесь можно говорить также о необходимости изучения механизмов создания желательных ассоциаций и установок и блокировки нежелательных, а возможно, и приносящих ущерб как той, так и другой стороне. Несколько перефразируя известное высказывание Е.Ф. Тарасова о речевом воздействии, можно сказать, что в условиях жизни лингвистического ландшафта города «продукт» субъекта речевого воздействия должен стать и средством организации восприятия, и «средством побуждения объекта речевого воздействия к посткоммуникативной деятельности» [Тарасов 1986: 4-9].

Как мы упоминали выше, ссылаясь на А.А. Леонтьева, «нейтральная» коммуникация и нейтральная передача информации от автора адресату невозможна, в какой бы области человеческой деятельности она не осуществлялась. Все формы устного или письменного общения предполагают такое взаимодействие его участников, которое связано с взаимным или односторонним воздействием на сознание партнера по коммуникации, т.е. со стремлением, сознательным или неосознанным, осуществить перестройку категориальной структуры его индивидуального сознания, ввести в нее новые конструкты [Петренко 1990], изменить сложившуюся картину мира.

Для нас всегда представляла интерес модель «запуска» в сознании реципиента механизмов защиты от речевого воздействия в ситуации восприятия текстов не только активизирующего типа, каковыми являются сообщения рекламного и политического характера или тексты СМИ, но и информирующего типа по определению, например, научных, научно-популярных сообщений, а в данном исследовании обычных городских вывесок.

Следует оговорить, что во всех наших исследованиях процессов понимания различных видов письменного текста мы опираемся на представления о том, что понимание сообщения любого типа есть активный процесс построения в сознании адресата «встречного текста» в ответ на воздействие воспринимаемой им информации.

Мы также полагаем, что понимание информации не всегда связано с ее «принятием», с согласием, с одобрением того «порядка вещей» в мире, который представил автор в своем тексте. Мы полностью разделяем мнение относительно того, что зачастую «понять – не значит принять» [Панасюк 1992]. Таким образом, «встречный текст» не всегда означает добровольное движение адресата навстречу автору, он может обернуться и «контр текстом» частичного или полного несогласия.

Напомним, что в основе гипотезы «встречного текста» лежит представление об активной роли реципиента. Адресат это не просто «экран», на который проецируется содержание текста, он сам «строит» «встречный текст», или «контр текст» [Новиков 2003: 65]. Как показывают все исследования с использованием экспериментальной методики «встречного текста», адресат никогда не реагирует на информацию в целом пассивно. В вербальном сознании реципиента возникают ассоциации, визуализации, эмоциональные и рациональные оценки тех или иных фрагментов содержания, все свои реакции, в соответствии с процедурой методики, он сам регистрирует в письменной форме.

Интерпретируя информацию, реципиент ведет диалог с текстом, с его автором и, одновременно, с самим собой. Как мы отмечали ранее, в процессе такого диалога он обращается и к информации, только что полученной в процессе чтения, и к своим старым знаниям, к практическому опыту, воспоминаниям и т.п. На основе этих знаний, опыта, переживаний и эмоций формируется внутренний «встречный текст», главную сущность которого составляет эмоционально-смысловая доминанта, получившая у А.И. Новикова сравнение с физиологической доминантой А.А. Ухтомского.

Мы хотели бы еще раз обратить внимание на то, что преимущество методики А.И. Новикова, используемой нами в целой серии исследований, заключается в том, что «встречные тексты» реципиентов эксплицируют в письменной форме внутренний процесс решения той задачи, которую автор метода называл «задачей на понимание» [Там же].

Если проанализировать всю совокупность реакций, составляющих «встречный текст», с точки зрения интересующей нас проблемы воздействия текста на адресата, становится очевидным, что их можно классифицировать не только по признаку принадлежности содержанию или смыслу, выделяя «содержательный» и «релятивный» или смысловой тип реакций. Среди них явно прослеживается деление еще на два типа. К первому относятся реакции, связанные с принятием, одобрением, позитивной оценкой воспринимаемой информации, иными словами, с согласием, ко второй – реакции несогласия, негативной оценки, неприятия сообщения в целом или его отдельных фрагментов. Таким образом, внутри «встречных текстов» реципиентов мы практически всегда обнаруживаем «контр тексты» несогласия, примеры которых мы уже описывали в более ранних работах [Пешкова 2011; Peshkova 2013].

Мы полагаем, что метод «встречного текста», отражая общие и частные закономерности понимания, проявляющиеся в индивидуальных реакциях испытуемых, одновременно дает представление и о механизмах противодействия. При этом, как мы отмечали ранее, одни и те же языковые средства воздействия, используемые автором, вызывают у разных реципиентов различные реакции, представляющие собой материальное проявление их внутреннего взаимодействия или противодействия со стороны адресата [Там же].

Итак, «контр текст», формирующийся внутри общего «встречного текста», мы считаем формой выражения несогласия адресата с автором и формой его защиты от информации, неприемлемой, неинтересной, нежелательной и, возможно, враждебной сознанию реципиента.

Наши наблюдения подтверждают слова А.А. Леонтьева, которой полагал, что, вопреки стремлению автора замаскировать желаемые и планируемые им изменения в смысловом поле реципиента, последний, получая информацию, извлекает из нее только значимые для его личности и деятельности факты [Леонтьев 2005].

«Контр тексты» служат также иллюстрацией «запуска» тех самых механизмов или «сигналов тревоги», о которых упоминает в своем исследовании А.А. Котов [2003].

Иными словами, «контр тексты» представляют собой результат работы своеобразного «часового» в нашем сознании. Нам представляется очень верной эта

метафора П.Б. Паршина, по словам которого человек обычно окружает свое сознание барьером, защищающим его от чужого воздействия. При этом сам же человек является «часовым», охраняющим свой защитный барьер и контролирующим прохождение через него информации [Электронная энциклопедия «Кругосвет» http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika].

Вербализованные реципиентом реакции, составляющие такие внутренние тексты, эксплицируют действие внутреннего барьера, имеющего, безусловно, разную степень защиты у разных адресатов, в том числе в зависимости от индивидуальных особенностей личности и ее психологического типа.

Обсуждение результатов исследования

Результаты статистической обработки данных предшествующих исследований показывают, что реакции открытого несогласия и отторжения информации, а также имплицитного несогласия в форме оценок, мнений, аргументации, «подгонки» или «замещения» смысла достигают при восприятии текстов различных типов от 25% до 40% от общего числа реакций «встречных текстов» [Пешкова 2011].

Коротко напомним, что участниками обсуждаемого в настоящей статье эксперимента и последующего анкетирования на предмет лингвистического ландшафта Уфы, включающего названия улиц, магазинов, ресторанов, кафе и коммерческую рекламу, стали студенты, магистранты и аспиранты Башкирского государственного университета в возрасте от 18 до 23 лет. Старшую группу испытуемых составили преподаватели и технические сотрудники университета более широкого возрастного диапазона – от 25 до 65 лет. В анкетировании также участвовала небольшая группа гостей Уфы. В целом мы опросили более ста респондентов, принадлежащих разным возрастным и социальным группам. Экспериментальное исследование проходило в компьютерном классе и предполагало просмотр короткого видеofilmа, состоящего из десяти кадров-изображений различных городских вывесок; затем знакомство с пятнадцатью фотографиями, отображающими языковой ландшафт Уфы; все это сопровождалось анонимным письменным комментированием увиденного.

Результатом осуществления данного этапа эксперимента стали «встречные тексты» испытуемых, представляющие собой наборы их вербальных реакций на оригинальный текст города, в количестве более ста.

Что касается общих результатов исследования восприятия лингвистического ландшафта с выявлением зон его конфликтогенности на основе принципов «встречного текста», качественный и количественный анализ полученных данных позволил разработать такую модель восприятия, ядро которой составляют реакции оценки (48%), мнения (20%) и ассоциации (14%). За ними следует реакция, обозначенная нами как «коррекция известного и мотивация к получению нового знания» (12%) [Пешкова 2016; Пешкова 2017].

Остальные виды реакций характеризуются значительным отрывом от обозначенного выше ядра. 5% составляет реакция инфиксации и 1% приходится на другие 10 видов (по оригинальной методике).

Оценка и мнение негативного и позитивного характера, преобладающие в модели восприятия лингвистического ландшафта города, составляют ядро «контр текста» адресата и представляются отражением того воздействия, которое ежеднев-

но испытывают в реальной жизни участники «городской коммуникации».

Несогласие и согласие, как мы отмечали ранее, выражаются, преимущественно, кратко и красноречиво, эмотивно-оценочной лексикой, с использованием восклицательных знаков, передающих эмоциональное состояние реципиентов текста города: «Безобразно!», «Пошло!», «Фу!!», «Терпеть не могу!», «Глаза бы не глядели», «Чудо, как хорошо!», «Здоровски!», «Матур!» (по-башкирски «Красиво»).

Встречаются и развернутые оценочные реакции несогласия с аргументацией своей позиции:

«Не хочу, чтобы детям промывали мозги лозунгами, как нам в советском детстве. «Башкортостан – край дружбы и согласия». А партия была ум, честь и совесть. Лозунги отталкивают. Если мы живем дружно, зачем внушать то, что очевидно. Тем более, что молодым иногда хочется сделать наоборот».

Выражение мнений согласия и несогласия также в большинстве реакций имеет краткую и категоричную форму: «Думаю, два языка нужны везде», «Считаю, чужой язык навязывают» (об использовании английского), «Хватит уже советской риторики».

Мы отмечали ранее особое отношение молодежной аудитории, участвующей в эксперименте, к качеству перевода с башкирского языка на русский [Там же]. В большинстве из них выражалась критика в отношении перевода и переводчиков: «Бестолковый переводчик!», «Плохой перевод», «Где таких переводчиков учат?!», «Перевод тупой». Плохое качество перевода и искажения смысла, как выяснилось, стало болевой точкой в восприятии лингвистического ландшафта носителями башкирского языка молодежной группы. Старшая группа испытуемых в своем большинстве к проблеме качества перевода проявила равнодушие, оставив его без комментариев.

Безусловно, использование двух языков, русского и башкирского, а также порядок их следования в уличных вывесках являются подтверждением их государственного статуса и роли в культурной жизни города. Постоянное присутствие этих двух языков в лингвистическом ландшафте Уфы представляется мощным фактором языкового воздействия. С одной стороны, жители города, живущие с самого рождения в двуязычной лингвистической среде, воспринимают ее на уровне фонового автоматизма, как привычный и неотъемлемый компонент языкового ландшафта. Именно об этом свидетельствуют результаты анкетирования наших испытуемых. С другой стороны, как отмечают некоторые из гостей Уфы, постоянно проживающие в моноэтнических регионах, присутствие «еще одного языка», «двух языков» необычно и дезориентирует. По словам гостей, «другой язык» активно «вмешивается» в восприятие окружающей действительности, «требует дополнительных усилий», «концентрации внимания».

Присутствие английского языка как символа процессов глобализации в лингвистическом ландшафте центра города также можно оценить как важный инструмент воздействия на вербальное сознание, прежде всего, молодого поколения жителей Уфы, в большинстве своем (до 90% участников эксперимента) воспринимающих этот язык и «принимающих» его в лингвистический ландшафт своего города. Они составляют оппозицию возрастным испытуемым, отвергающим «чужой» язык в городской лингвистической среде. Преобладающими реакциями в этой части

старшей группы были высказывания достаточно агрессивного характера: «*Не знаю и не хочу знать*», «*Для чего это?*», «*Чужой язык*», «*Язык врагов*», «*Не нужен!*».

В формировании «контр текстов» испытуемых этой группы можно наблюдать использование «языка вражды» [Хроменков 2017], или «hate speech».

Анализируя вопрос о порядке следования языков в уличных вывесках ранее [Пешкова 2016], мы отмечали различное отношение испытуемых к «проблеме» – от безразличия: «*Какая разница?*», «*Не важно вообще*» до желания видеть первым только «свой» язык: «*Это Республика Башкортостан!*», «*Мы живем в России*».

Привлечение к анализу дополнительного материала показало, что полное одобрение у большинства респондентов получили двойные вывески на дверях офисов, организаций, некоторых магазинов и кафе, расположенные слева и справа от входа, каждая на одном языке (например, слева на русском, справа на башкирском языке).

Можно привести следующие комментарии, высказанные участниками анкетирования: «*Хорошо, что на отдельных табличках нет предмета для спора, кто первый*», «*Две вывески на двух языках это как бы равноправие*», «*Для каждого языка своя табличка, наверное, правильно. Отпадает вопрос, первый – второй*».

В приведенных выше комментариях, с одной стороны, прослеживается стремление к мирному сосуществованию и языков, и, как следствие в данной ситуации, их носителей. С другой стороны, в них можно усмотреть стремление к разумному компромиссу, что тоже представляется позитивным, поскольку устраняет предмет ненужного соперничества, основу которого всегда составляет потенциальный конфликт, имеющий тенденцию к переходу в реальный конфликт.

Подобное решение проблемы «лидерства» того или иного языка, достаточно простое и эффективное, можно рассматривать в качестве способа блокировки нежелательных ассоциаций и даже «установок на вражду» и формирования желательных ассоциаций и установок, о чем мы писали выше, обсуждая некоторые аспекты теории речевого воздействия.

Выводы

Итак, можно утверждать, что эмпирические и статистические данные, полученные с использованием метода «встречного текста», служат подтверждением гипотезы о том, что «часовой» в нашем сознании находится в активном состоянии всегда, независимо от наличия или отсутствия у реципиента ожиданий открытого воздействия на него со стороны автора информации.

Следует также отметить, что ряд особенностей, обнаруженных в «контр текстах» участников экспериментального исследования восприятия лингвистического ландшафта в условиях полиэтнической среды, требуют дальнейшего обдумывания и анализа в русле междисциплинарного подхода.

Эти особенности обусловлены некоторыми составляющими лингвистического ландшафта, обсуждаемыми выше, такими как присутствие в нем двух языков, общего государственного и национального, порядок следования этих языков, введение третьего, английского, языка и смысловые проблемы перевода с одного языка на другой. Специфика этих составляющих заключается в том, что в зависимости от принципов их организации и формы их представления в лингвистическом ландшафте поликультурной среды, они могут и создавать, и блокировать зоны потенциальных конфликтов в полиэтническом социуме.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что как присутствие того или иного языка в лингвистическом ландшафте города, так и его место в названиях улиц (первый – второй) связывают с его «лидерством», утверждением и продвижением в поликультурной среде. Позицию языка считают отражением реализации национальной политики правительства республики и языковой политики как ее составной части; выражением стремления к национальной самоидентификации, уживающегося в республике с тенденциями глобализации.

В любом случае такие составляющие лингвистического ландшафта города, выявленные на основе анализа данных, отражающих «коллективное» вербальное сознание жителей Уфы, подтверждают значительное воздействие «текста города» на полиэтничный социум, а также дают представление о диапазоне подобного речевого воздействия, ведущего к конфликтам отнюдь неязыкового характера, и побуждают к поискам инструментов для их предотвращения.

В задачи настоящей статьи не входило проведение в полном смысле социолингвистического анализа полученных данных, но, как нам представляется, материалы осуществленного нами психолингвистического исследования дают повод для размышления над проблемами региональной языковой ситуации не только социолингвистам, но и социологам.

Литература

Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2013. – № 24. – Выпуск 5. – С. 159-167.

Котов А.А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ: автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2003. – 24 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 2005. – 288 с.

Надеина Т.М. Просодическая организация речи как фактор речевого воздействия: автореф. дис. д-ра филол. наук. – М., 2004. – 50 с.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 64-76.

Панасюк А.Ю. Психологические основы убеждающего воздействия в профессиональной деятельности: теория и технология: автореф. дис. д-ра психол. наук. – М., 1992. – 68 с.

Паршин П.Б. Речевое воздействие // Электронная энциклопедия «Кругосвет». – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/html, свободный (дата обращения: 19.09.2015).

Петренко В.Ф. Проблемы эффективного речевого воздействия в аспекте психолингвистики // Оптимизация речевого воздействия. – М.: Наука, 1990. – С. 18-31.

Пешкова Н.П. «Контр текст» реципиента при понимании сообщений информирующего типа // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. – Материалы международной школы-семинара. VII Березинские чтения. – М.: Академия социального управления; ИНИОН РАН, 2011. – С. 165-171.

Пешкова Н.П. Исследование городского лингвистического ландшафта как способ межкультурного взаимодействия в полиэтническом социуме // Вопросы

психолингвистики. – 2016. – № 3 (29)– С. 229-240.

Пешкова Н.П. Исследование конфликтогенности лингвистического ландшафта в полиэтнической среде // Жизнь языка в культуре и социуме-6. Материалы 6-й Международной научной конференции. Москва, 26-27 мая 2017 г. – М: Институт Языкознания РАН, РУДН, 2017. – С. 30-31.

Пирогова Ю.К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики – 2001. – Сб. научн. статей под ред. А.И. Новикова. – М.: Азбуковник, 2002. – С. 209-227.

Тарасов Е.Ф. Психологические и психолингвистические аспекты речевого воздействия // Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1986. – С. 4-9.

Хроменков П.Н. Лингвопрагматика конфликта (исследование методом количественного контент-анализа): дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2017. – 405 с.

Peshkova, N.P. (2013) Verbal Impact: Psycholinguistic and Pragmatic Aspects of the Problem. Journal of International Scientific Publications: Language, Individual & Society. Vol. 7. Part 1. 266-274. – <http://www.scientific-publications.net>.

LINGUISTIC LANDSCAPE OF A POLY-ETHNIC CITY: SPECIFIC FEATURES OF VERBAL IMPACT

Natalia P. Peshkova

Head of Foreign Languages Department (for Natural Sciences Faculties),
Romanic and German Languages Faculty
Doctor of Philology, Professor of the Bashkir State University
32, Zaki Validi Str, Ufa, Russia
peshkovanp@rambler.ru

The article is devoted to the investigation of verbal impact of linguistic landscape in a poly-ethnic city. Some problems of the verbal impact theory, which present interest from the viewpoint of studying specific features of perception and comprehension of the information in the form of the “urban text”, are considered. The assumption is made concerning the challenges of the “urban text”, thought-out and planned under the conditions of the poly-ethnic environment. Among them there are drawing and keeping the addressee attention; modeling the addressee’s aim at successful perception; directing the addressee in the situations of the poly-ethnic environment, both verbal and non-verbal.

The present investigation is based on the notion of the “active” addressee and the idea about the comprehension of any type of texts as an active process of generating an “internal text” and “counter text” in the recipient’s consciousness. The “counter text” is considered as addressee responses to the verbal impact of the author. The experimental data presented in the article in the form of verbal reactions demonstrated by the participants of the experiment have proved the hypothesis proposed by the author.

The specific features of the linguistic landscape under study revealed and described in the article make it possible to arrive at the conclusion concerning its considerable range of influence on the poly-ethnic urban society. This influence may result in serious conflicts of non-verbal nature which, in their turn, demand searching special instruments to prevent such situations.

Keywords: verbal impact, urban text, linguistic landscape, “internal text” method, “counter text”, verbal responses/reactions, language consciousness, zone of potential conflict.

References

Kirilina A.V. Opisaniye lingvisticheskogo landshafta kak novyij metod issledovaniya yazyka v epokhu globalizatsii [Description of linguistic landscape as a new research method in the epoch of globalization]. *Vestnik TvGU. “Filologiya”*– [Tver’ State University Bulletin. “Philology”], 2013, no. 5(24), pp. 159-167.

Kotov A.A. Mekhanizmy rechevogo vozdeistviya v publitzysticheskikh tekstah SMI: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Verbal impact mechanisms in journalistic texts of mass media: abstract of candidate dissertation in philology]. Moscow, 2003. 24.

Leont’ev A.A. Osnovy psikholingvistiki [The basis of psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ., 2005. 288.

Nadeina T.M. Prosodicheskaya organizatsiya rechi kak faktor rechevogo vozdeistviya: avtoref. dis.d-ra. filol. nauk [Prosodic speech structure as a factor of verbal impact: abstract of doctor dissertation in philology]. Moscow, 2004. 50.

Novikov A.I. "Tekst i "kontr-tekst": dve storony protzessa ponimaniya" [Text and "counter-text": two aspects of comprehension process] *Voprosy Psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2003, no 1, pp. 64-76.

Panasyyuk A.Yu. Psikhologicheskiye osnovy ubehzdayush'ego vozdeistviya v professional'noi deyatel'nosti: teoriya i tekhnologiya: avtoref. dis.d-ra. psikhol. Nauk [Psychological basis of persuasive impact in professional activities: theory and technology: abstract of doctor dissertation in psychology]. Moscow, 1992. 68.

Parshin P.B. Rechevoye vozdeistviye [Verbal impact]. *Elektronnaya entzyklopediya "Krugosvet"* – [Electronic encyclopedia "Krugosvet"], http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika.html, free (date of access: 19.09.2015).

Petrenko V.F. Problemy effektivnogo rechevogo vozdeistviya v aspekte psikholingvistiki [Problems of effective verbal impact in the aspect of psycholinguistics]. *Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya* – [Optimization of verbal impact], Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 18-31.

Peshkova N.P. "Kontr tekst retzipienta pri ponimanii soobsh'eniya informiruyush'ego tipa [Recipient's "counter text" in the process of comprehending texts of informative type]. *Yazykovoye bytiye cheloveka i etnosa: kognitivnyy i psikholingvisticheskiy aspekty. Materialy mezhhdunarodnoi shkoly-seminara. VII Berezinskiye chteniya.* – [Language existence of an individual and an ethnos: cognitive and psycholinguistic aspects. Proceedings of the international school-seminar. VII readings devoted to Berezin], Moscow, Academy of Social Management, INION RAN Publ., 2011, pp. 165-171.

Peshkova, N.P. (2013) Verbal Impact: Psycholinguistic and Pragmatic Aspects of the Problem. *Journal of International Scientific Publications: Language, Individual & Society*. Vol. 7. Part 1. 266-274. – <http://www.scientific-publications.net>.

Peshkova N.P. Issledovaniye gorodskogo lingvisticheskogo landshafta kak sposob mezhkulturnogo vzaimodeistviya v polietnicheskom sotzyume [Investigation of urban linguistic landscape as an instrument of cross-cultural interaction in poly-ethnic society] *Voprosy Psikholingvistiki* – [Journal of Psycholinguistics], 2016, no 3 (29), pp. 229-240.

Peshkova N.P. Issledovaniye konfliktogennosti lingvisticheskogo landshafta v polietnicheskoi srede [Investigation of linguistic landscape conflict potential in polyethnic environment] *Zhizn' yazyka v kul'ture i sotzyume -6. Materialy 6-oi mezhhdunarodnoi nauchnoi konferentsyi. Moscow, 26-27 maya, 2017.* – [Language life in culture and society-6. Proceedings of the 6-th international scientific conference. Moscow, May, 26-27, 2017], Moscow, Institute of Linguistics RAN, RUDN Publ., 2017, pp.30-31.

Pirogova Yu.K. Implitsitnaya informatziya kak sredstvo kommunikativnogo vozdeistviya i manipulirovaniya (na materiale reklamnykh i PR-soobsh'eniya) [Implicit information as a means of communicative impact and manipulation (based on the material of advertisement and PR-texts)] *Problemy prikladnoi lingvistiki-2001. Sbornik nauchn. statei pod red. A.I. Novokova.* [Problems of applied linguistics-2001. Collected articles. Ed. by A.I. Novikov], Moscow, Azbukovnik Publ., 2002, pp. 209-227.

Tarasov Ye.F. Psicholingvisticheskiye i psikhologicheskiye aspekty rechevogo vozdeistviya [Psycholinguistic and psychological aspects of verbal impact] *Rechevoye vozdeistviye: psikhologicheskiye i psikhologicheskiye problemy – [Verbal impact: psychological and psycholinguistic problems]*, Moscow, Institute of linguistics, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1986, pp. 4-9.

Khromenkov P.N. Lingvopragmatica konflikta (issledovaniye metodom kolichestvennogo kontent-analiza): diss. ... d-ra filol. nauk [Linguistic and pragmatic aspects of conflict (investigation based on content-analysis method): doctor dissertation in philology]. Moscow, 2017. 405 p.

П Л

УДК 81'23

**РЕЧЕВЫЕ КЛИШЕ АРМЕЙСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ США
В КОНТЕКСТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ**

Романов Александр Сергеевич

к.ф.н., докторант 32 кафедры английского языка (основного)

Военного университета МО РФ

ул. Волочаевская, д. 3/4, г. Москва, Россия, 111033

biyalka@mail.ru

Цель нашего исследования - выявление корреляционной зависимости между феноменами «культура», «язык», «социум», «социально-профессиональная группа». В статье освещены вопросы, касающиеся роли социально-психологического механизма стереотипизации как средства распространения культуры посредством диахронической и синхронической трансляции духовных ценностей. В качестве объекта научных изысканий выступают распространенные в массовом языковом сознании носителей американской лингвокультуры стереотипные представления о социальном институте вооруженных сил, профессионально обусловленных константах и аксиологических доминантах армейской субкультуры, а о также речевом портрете референтного образа военнослужащего армии США. Предметом научного исследования выступает армейское клише как продуктивное языковое средство экспликации этнических стереотипов армейской субкультуры. Наряду с единицами фразеологического массива единицами социокультурного диалекта, армейскими вербовочными слоганами, текстами прецедентного жанра, армейскими строевыми песнями и т.д., к языковым средствам экспликации этностереотипов армейской субкультуры США, бесспорно, относятся и армейские клише.

Ключевые слова: ВС США, армейская субкультура, стереотипизация, стереотип, языковые средства экспликации этнических стереотипов, армейское клише.

В рамках настоящего исследования нами была предпринята попытка дальнейшего осмысления природы феномена стереотипизации на ином языковом материале применительно к армейскому языковому коллективу ВС США. В качестве объекта научных изысканий выступают циркулирующие в массовом языковом сознании носителей американской лингвокультуры стереотипные представления о социальном институте вооруженных сил, профессионально обусловленных константах и аксиологических доминантах армейской субкультуры, а также речевом портрете референтного образа военнослужащего армии США. В этой связи необходимо отметить, что важнейшим элементом языковой картины мира социально-профессиональной группы военнослужащих выступает стереотип. Стереотип неразрывно связан с культурой определенной этнической общности и мыслится как некий фрагмент концептуальной картины мира. Этим, однако, не исчерпывается функциональное назначение социально-психологического механизма стереотипизации. Наряду с *когнитивной, ценностно-защитной, регулятивной, прогнозирующей* (связанной с выявлением поведенческих экспектаций коммуникантов),

аффективной (соотносимой с противопоставлением двух начал межгруппового взаимодействия: «своего» и «чужого»), *компенсаторной* и *коммуникативной* функциями [Романов 59-64], стереотипы выполняют функцию *аксиологической ретрансляции*. Нами выдвигается тезис о существовании корреляционной зависимости между этническими стереотипами и межпоколенной трансляцией культурно значимой информации, обеспечивающей преемственность и стабильность этнических систем во времени. В контексте армейской языковой стихии феномен стереотипизации выступает, таким образом, средством экспансии духовных ценностей армейской субкультуры в диахроническом и синхроническом разрезе.

Предметом наших научных изысканий выступает армейское клише как продуктивное языковое средство экспликации этнических стереотипов армейской субкультуры. Наряду с единицами фразеологического массива, единицами социокультурного диалекта, армейскими вербовочными слоганами, текстами прецедентного жанра, армейскими строевыми песнями и т.д. [Романов 2015], к языковым средствам экспликации этностереотипов армейской субкультуры США, бесспорно, относятся и армейские клише. Под термином «экспликация» (от лат. *explicatio* истолкование, объяснение) в понятийных категориях лингвокультурологии понимается интерпретация семантики стереотипа, определение его истоков, выявление диапазона значений и вариантов употребления. Экспликация отражает процесс преобразования имплицитной, понятной и адекватно воспринимаемой носителем языка информации, в эксплицитную, доступную рефлексии не носителя языка. Языковые средства экспликации этнических стереотипов составляют значительную часть мозаики армейского идиома и позволяют запечатлеть:

- транслируемые в пространственно-временном континууме аксиологические доминанты армейской субкультуры, составляющие ядро этоса американского военнослужащего;
- основополагающие принципы взаимоотношений между членами воинского коллектива, передаваемые от поколения к поколению социальные образцы общезжития американских военных;
- реалии армейской субкультуры;
- особенности речевого портрета собирательного образа американского военнослужащего.

Т.Г. Винокур определяет клише, или речевой штамп (от итал. *stampa* печать) как стилистически окрашенное средство речи, отложившееся в коллективном сознании носителей определенной лингвокультурной общности как «готовый к употреблению» знак для выражения определенного языкового содержания, имеющего экспрессивную или образную нагрузку. При условии частого и регулярного употребления штампом может стать любая структурная и содержательно-смысловая единица языка (речи) слово и словосочетание, предложение или целостное высказывание (афоризм, поговорка, частое высказывание), лозунг, профессиональный речевой оборот, троп или фигура речи и т.п. Термины «штамп», «шаблон» имеют негативно-оценочное значение и относятся главным образом к бездумному и безвкусному употреблению экспрессивных возможностей языка. В отличие от штампа нейтральные понятия «стандарт» и «стереотип» (клише) носят информативно-необходимый характер и относятся к целесообразному приме-

нению готовых речевых формул, отвечающих коммуникативным требованиям той или иной речевой сферы [БЭЯ, Винокур 1998: 588-589]. Так, например, армейский язык канцелярии немислим без широкого употребления привычных и экономных формул, отражающих ситуативную специфику повседневного общения военнослужащих: «рядовой Иванов по вашему приказу прибыл», «прошу Вашего ходатайства перед вышестоящим командованием», «прошу считать меня приступившим к исполнению служебных обязанностей» и т.д. Образная же экспрессия, сила которой состоит в индивидуальной неповторимости, неизбежно переходит в разряд штампа при условии массового воспроизводства. В армейской среде широко распространены такие псевдоэкспрессивные обороты речи, как «Родина вас не забудет, но и не вспомнит», «кто в армии служил, тот в цирке не смеется», «каждый курсант должен быть либо поощрен, либо наказан», «не делайте умное лицо вы же офицер!» и многие др.

Т.В. Матвеева интерпретирует клише как речевые обороты, часто воспроизводимые в типичных условиях речевого употребления. Клише или речевые стереотипы обладают свойством *воспроизводимости* и, как правило, *не характеризуются экспрессивностью*. Клише возникает как отражение часто повторяющихся обстоятельств общения, использование стереотипов речевого поведения облегчает и ускоряет процесс коммуникативного взаимодействия, поскольку клишированные обороты речи воспринимаются механически, без мыслительных усилий. Следовательно, речевые стереотипы выступают средством экономии когнитивных ресурсов [Матвеева 2010: 144-145]. Под штампом, отмечает Т.В. Матвеева, понимается стилистически окрашенное речевое средство, которое за счет высокой употребительности превратилось в тривиальную, лишенную экспрессивного потенциала лексическую единицу. Штампом обозначаются лишь те устойчивые словосочетания, которые утратили основные признаки выразительности, а именно *неожиданность* и *свежесть*. Наличие штампов свидетельствует о бедности языкового выражения, а также о бедности самой мысли [Матвеева 2010: 536-537].

Под армейскими клише мы понимаем ригидные языковые формулы, характеризующиеся высокой воспроизводимостью в типичных условиях речевого общения членов армейской среды. Армейские клише, равно как и единицы социокультурного диалекта, обнаруживают важное качество служить средством социально-маркированной коммуникации. Благодаря клише военнослужащие демонстрируют свою принадлежность к социально-профессиональной группе. Клишированные обороты речи выступают не только средством удовлетворения потребностей внутригруппового общения, но и служат своеобразным вербальным индикатором, признаком кастовой принадлежности к армейской субкультуре. Социальная сущность функционирования армейского клише как важного структурного звена армейского идиома, заключена в реализации ряда функций: *коммуникативной*, *символической* (интегрирующей/дифференцирующей), *репрезентативной*, *криптолитической* [Бойко 2008: 15, 40]. В английском языке за речевыми клише закрепились такие наименования, как *military catch phrases*, *military set expressions*, *military clichés*.

Принадлежащая национально-культурному полю проблема языковых средств экспликации стереотипных репрезентаций коллективного сознания нераз-

ривно связана с такой ключевой для нашего исследования лингвокультурологической категорией, как фоновые знания. Исследование речевых клише армейской субкультуры обнаруживает тесную взаимосвязь с фоновыми знаниями о социально-профессиональной общности военнослужащих. Актуальность исследования фоновых знаний как экстралингвистического компонента коммуникативного процесса подчеркивается в трудах специалистов в сфере межкультурной коммуникации, этнографии, лингвострановедения, социолингвистики. Рассуждая о важности постижения языковедами экстралингвистической стороны языковых сущностей, Э. Сепир постулирует следующее: «Чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют и обвиняют справедливо в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще. Нравится им это или нет, но они должны будут все больше и больше заниматься различными антропологическими, социолингвистическими и психолингвистическими проблемами, которые вторгаются в область языка» [Сепир 1960: 181].

Под фоновыми знаниями (англ. *background knowledge*), согласно О.С. Ахмановой, понимается обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, составляющее основу речевого общения [Ахманова 498]. Т.В. Жеребило определяет фоновые знания как обоюдное знание участниками коммуникативного акта реалий материальной жизни, ситуативных и коннотативных реалий, обозначаемых языковыми знаками, необходимое для интерпретации высказываний. Фоновые знания являются основой национально-культурного владения языком и играют важнейшую роль в межкультурной коммуникации [Жеребило 2010: 434]. В терминологии Э.Д. Хирша, под фоновыми знаниями понимается этнографическая, историческая, культурологическая и иная подверженная динамике информация о некоем культурном пространстве, которая выступает в качестве контекста коммуникации или «разделенного знания» [Hirsch 1988].

По мнению Е.Д. Поливанова, понимание семантики речевого высказывания не сводится к декодированию формальных значений лексем, составляющих тот или иной речевой отрезок. «Если бы все, что мы желаем высказать, заключалось в формальных значениях употребляемых нами слов, то нужно было бы употребить для высказывания каждой отдельной мысли гораздо более слов, чем это делается в действительности. Мы говорим только намеками: раз они вызывают в слушателе нужную нам мысль, цель достигается и говорить иначе было бы безрассудной расточительностью» [Поливанов 1968: 296]. Так, например, корректная интерпретация заимствованной нами из устава бронетанковых войск США фразы “*Armor is an arm of speed and violence*” возможна лишь в том случае, если багаж фоновых знаний переводчика содержит необходимые сведения о специфике текстов военного и военно-технического характера: «Бронетанковые войска представляют собой род войск, способный вести высокоманевренные и решительные боевые действия». Приведенный пример служит наглядным подтверждением тезиса о том, что даже минимальный языковой отрезок способен содержать в себе «максимальный экстралингвистический» контекст [Крюков 1988: 21-22].

В процессе коммуникации, отмечает О.А. Леонтович, адресант зачастую передает лишь наиболее существенную информацию, оставляя за кадром все то,

что может быть домыслено адресатом. Элиминирование семантических лагун происходит на основе имеющихся у партнеров по коммуникации пресуппозиций и фоновых знаний. Пресуппозиции (этимологически от лат. *prae-suppositio*, т.е. «предшествующее суждение или предположение») представляют собой имплицитные семантические компоненты речевого высказывания, которые не вербализованы, поскольку предполагается их общеизвестность или известность для адресата. Пресуппозиция предварительное знание, способствующее корректной интерпретации текстовых произведений. В связной речи пресуппозиция выявляется на основе общего опыта коммуникантов или с помощью предшествующего речевого ряда [Матвеева 2010: 336]. Принимая во внимание то обстоятельство, что процессы порождения и восприятия речевого высказывания предполагают взаимодействие объемов лингвокультурных компетенций участников межкультурного диалога, дифференциация фоновых знаний может служить причиной коммуникативных сбоев [Леонтович 2003: 28]. «Смыслы, существующие в редуцированном виде в сознании говорящего/слушающего, разворачиваются, причем степень развернутости зависит от контекста, требований коммуникативной ситуации и уровня культурно-языковой компетенции коммуникантов. Для неносителя лингвокультуры требуется большая степень смысловой развернутости и эксплицитности при использовании концептов, нежели для носителя» [Леонтович 2003: 125]. Поясним сказанное на примере. Накануне и в разгар Второй мировой войны населению Японии демонстрировались фильмы, в которых содержались сцены ужасов войны, мученическая смерть военнослужащих японской армии. В контексте европейской цивилизации эти произведения кинематографа воспринимались как антивоенные и противоречащие внешнеполитическому милитаристскому курсу страны восходящего солнца. Именно поэтому западные военные аналитики пришли к ошибочному умозаключению о скором выходе Японии из военных действий. В действительности же военные фильмы пропагандировали и воспевали войну, поскольку в сознании японского солдата готовность принять свой последний бой во славу императора была высшей честью и пределом наслаждений [Генц 1972: 31].

Вопрос о лингвистической релевантности фоновых знаний в контексте армейской субкультуры отнюдь не праздный, поскольку именно знание культурно-исторического и социального фона данного культурного окружения позволяет добиваться корректной интерпретации и передачи стилистических нюансов речевого высказывания. Доступ к общему для участников коммуникации языковому коду далеко не всегда становятся залогом успеха диалога культур, что в значительной степени повышает важность фоновых социокультурных знаний. Тому подтверждением языковые клише, распространенные в армейской речевой среде США. Анализ значения устойчивых клишированных оборотов позволяет выделить следующие семантические группы: **Soldier's Morale clichés**, **Soldier's Code of Behavior clichés**, **Soldier's Wisdom clichés**, **Soldier's Routine clichés**, **Soldier's Humor clichés**.

Семантическая группа **Soldier's Morale clichés** отражает систему морально-нравственных ориентиров социально-профессионального коллектива военнослужащих, разделяемых членами воинского братства и передаваемых от поколения к поколению. Клише подчеркивают императивность формирования у военнослужащих таких личностных качеств, как *стойкость, несгибаемость характера, сила воли,*

упорство, целеустремленность. Эти качества находят свое отражение в морально-этической концепции *The Army Values*, закрепляющей в массовом сознании ключевые профессионально обусловленные доминанты армейской субкультуры (*Loyalty, Duty, Respect, Selfless Service, Honor, Integrity and Personal Courage*) [<http://www.army.mil.com>]; это американского военнослужащего (*I will always place the mission first. I will never accept defeat. I will never quit. I will never leave a fallen comrade*), текстовых произведениях офицоза. Армейские клише *adapt and overcome* приспосабливайся и преодолевай, *suffer in silence* преодолевай страдания мужественно, *all this and a pay check too!* не только денежное довольствие, но и все это (тяготы и лишения военной службы. Комментарий и перевод зд. и далее по тексту наш. А.Р.), *you don't have to like it, you just have to do it* нравится-не нравится, вперед и с песней! (до сл. тебе не должно нравиться то, что ты делаешь, но ты должен это делать), *best job in the world!* лучшая в мире работа, *rise and shine!* проснись и пой! и др. могут быть сведены к известной максиме, предписывающей стойко переносить трудности военной службы [Ingersoll 2014], [<http://www.sgtbrandi.com>]. Приведенные выше устойчивые речевые обороты имплицитно транслируют пресуппозицию элитарности военной службы, неизменными атрибутами которой выступают испытания морально-волевой сферы военнослужащих. Возникает резонный вопрос: о какой элитарности идет речь, если служба в вооруженных силах сопряжена с опасностью и всевозможными испытаниями человеческого характера на прочность? Дело в том, что походный образ жизни удел избранных, морально устойчивых, физически подготовленных и дисциплинированных. Красноречивой иллюстрацией изречения *best job in the world!* послужит следующий пояснительный комментарий. "*Calling your particular field in the military "the best job in the world" usually happens during the times when you would never think it's the best time in the world. These times include freezing cold on patrol in Afghanistan, running out of water while training in Thailand, and/or not showering for a month-and-a-half*" [<http://www.wired.com>].

Группа устойчивых речевых оборотов **Soldier's Code of Behavior clichés** вербализует неписанные правила, регламентирующие взаимоотношения между военнослужащими на внутригрупповом и межличностном уровнях. В качестве наглядной иллюстрации послужат такие изречения, как *never be first, never be last and never volunteer for anything* не будь первым, не плетись в хвосте и помни, что инициатива в армии наказуема, *gear adrift is a gift* в армии нет понятия «украли», есть понятие «проморгал», «прошляпил».

Идея взаимовыручки прослеживается на примере таких максим, как *a good soldier never leaves a man behind and defines brotherhood among other kind* хороший солдат никогда не оставит товарища в беде и помнит о своей принадлежности к воинскому братству, *all to the last man* один за всех и все за одного, *two is one and one is none* один в поле не воин и др. [Романов 2015: 151-152].

Протекание жизнедеятельности всякой социальной общности ограничивается рамками определенных табу: религиозных, морально-нравственных, поведенческих и др. Нарушение запрета свидетельствует о девиантном поведении члена коллектива или группы лиц и провоцирует ответную реакцию социума. В случае нарушения военнослужащими установленных норм, функционирующих в армейской среде, следуют санкции, которые могут варьировать от дисциплинарных

мер воздействия до употребления инвективных (бранных) лексических единиц в отношении «нарушителя». Каждая национальная культура содержит разнообразные способы инвективно-эмоционального воздействия на оппонента коммуникации, «от язвительных замечаний в его адрес до вульгарных поношений» [Жельвис 1988: 98]. Так, например, инвективный оборот *semper I fuck the other guy* поступать эгоистично, думать только «о себе любимом»; содержит аллюзию, восходящую к девизу Корпуса морской пехоты *Semper Fidelis (Always Faithful)* всегда верны. Приведенная инвектива отражает крайне негативное отношение военнослужащих к проявлениям эгоцентризма. Устойчивое изречение *fuck you Jack, I am ok* содержит аналогичное семантическое наполнение. В довольно вульгарной форме порицается необдуманное поведение сослуживца: *try to carry ten pounds of shit in a five-pound bag* брать не себя неподъемную ношу, выполнять непосильную работу.

Следующая семантическая группа армейских устойчивых оборотов **Soldier's Wisdom clichés** затрагивает экзистенциальные вопросы жизни и смерти, правила поведения военнослужащих в условиях боевых действий. Идея перманентной угрозы жизни и здоровью военнослужащего транслируется через клишированные изречения *complacency kills* самоуверенность убивает и *keep your head on a swivel* держи ухо востро, никогда не теряй бдительности (досл. держи голову на шарнирах). Военнослужащий всегда должен быть начеку, даже в тот момент, когда его жизни ничто не угрожает. Приведенные выше клишированные формулы фиксируют стереотипное суждение о мужестве американских военных, ежечасно рискующих своей жизнью в условиях боевых действий. *"You'll find this phrase spray-painted to every other Hesco barrier on the forward operating base, on a sign outside the chow hall, and on the lips of every sergeant major in a half-mile radius. Troops need to stay alert while they are out in combat, and this one gets drilled into the dirt"* [<http://www.wired.com>].

Профессионально ориентированные знания, умения и навыки выступают ключевым критерием, предопределяющим исход боя: *Train hard, fight easy and win or train easy, fight hard and die* тяжело в учении легко в бою и *let no soldier's soul cry out: if only I had been properly trained!* сделай все возможное для того, чтобы ни один солдат не пожалел о том, что не был обучен должным образом!

Стереотипогенные речевые клише группы **Soldier's Routine clichés** отражают образ повседневной жизнедеятельности войск, подчиненный таким императивам армейской службы, как иерархичность, регламент служебного времени и распорядок дня. Клише данной группы позволяют запечатлеть согласованные представления о надлежащем исполнении служебных обязанностей, дисциплинированности и пунктуальности членов армейского коллектива. Распространенное в армейской среде США изречение *if you're on time, you are late!* отражает специфику отношения военнослужащих к априорной величине мироздания, выступающей мериллом протекания всего сущего философской категории времени. Можно ли предположить, что для человека непосвященного, незнакомого с реалиями военной субкультуры, приведенное выше изречение соотносится с семантикой «ефрейторского зазора»? Полагаем, что нет. Дословный перевод устойчивого оборота *if you're on time, you are late!* если ты прибыл вовремя, то ты опоздал, не отражает в полной мере той совокупности сем, которая возникает в сознании представителя воору-

женных сил в момент порождения или перцепции данного речевого высказывания. Речевой стереотип о *пунктуальности* и *дисциплинированности* как существенных свойствах собирательного образа американского военнослужащего разворачивает в сознании интерпретатора ряд ассоциаций, перекликающихся с реалиями российской военной службы. Вот, каким образом, следует понимать данное устойчивое изречение. “*Military members are well aware of the unwritten rule of arriving 15 minutes prior to the time they are supposed to be somewhere. Of course, if there’s a senior officer involved, that might even mean 15 minutes prior to 15 minutes prior*” [http://www.wired.com]. Интересны, на наш взгляд, и другие семантически противоположные армейские клише, апеллирующее к тезису о том, что нескончаемая погоня за временем зачастую лишена всякого смысла: *to hurry up to wait* прибывать заблаговременно (досл. торопиться для того, чтобы ждать) и *standby to standby* находиться в режиме ожидания.

Проанализируем другой пример типичного для армейского языкового узуса устойчивого изречения: *we get more done before 6 a.m. than most people do all day* к 6 часам утра мы (военнослужащие. Прим. наше. *A.P.*) успеваем сделать больше, чем большинство людей успевает сделать за целый день. “*Military members across the world are usually waking up way earlier than most, and as the saying goes, it probably means they have done personal hygiene, conducted an insane workout, ate breakfast, and started training before average Joe hit the snooze button on the alarm clock*” [Там же]. Дихотомическая импликация «мы-они»/«свой-чужие» акцентирует внимание реципиента на самобытности армейской субкультуры. Отметим, что между собирательным образом среднестатистического американца *average Joe* и собирательным протагонистом солдатского фольклора *Jody* прослеживается параллель. Приведенный выше пример демонстрирует реализацию *символической* и *репрезентативной* функций армейского клише. Таким образом, устойчивые речевые обороты группы **Soldier’s Routine clichés** высвечивают такие положительные качества американских военнослужащих, как *дисциплинированность*, *пунктуальность*, *обязательность*. В семантике клише подчеркивается убежденность в том, что американские военные не только *дисциплинированы*, но и *подтянуты в физическом отношении*, *трудолюбивы* и *настойчивы* в освоении военной профессии.

Группа устойчивых речевых формул **Soldier’s Humor clichés** эксплицирует чувство юмора, присущее военнослужащим. *If it ain’t raining, we ain’t training* не будет дождя, не будет и занятий (по боевой, строевой или физической подготовке. Ком. наш. *A.P.*). Обратимся за соответствующими разъяснениями к комментарию. “*No matter what the weather, the U.S. military is guaranteed to be training or conducting some sort of exercise. But this cliché phrase is guaranteed to come out when a torrential downpour hits your unit*” [http://wired.com]. Приведенное изречение перекликается с известной российским военнослужащим фразой «не сахарные, не растаете». Как правило, изречение звучит в тот момент, когда погодные условия не благоприятствуют проведению занятий по строевой или физической выучке личного состава.

Клише *to put another dog and pony show* «устраивать очередное цирковое представление» примечательно своей метафорической составляющей. Зооморфная метафора *dog and pony show* в эксплицитной форме указывает на то, что определенные моменты повседневной жизнедеятельности американских военнослужащих

ассоциируются с неким шоу, цирковым представлением. Приведенное клише способствует закреплению в языковом сознании реципиента метафорической модели ***US Army is Show***, источником метафорической экспансии в которой выступает досуговая сфера. “*We’ve never actually been to a real dog and pony show, but we have put on plenty of them in the military. A military “dog and pony show” is usually some sort of ceremony or traditional event for troops to show off their weaponry and other stuff. For example, Marines may put one on by standing around and answering questions about their machine-guns, rocket launchers, and other gear for civilians who are visiting the base for an event*” [Там же]. Попытка переноса данного клишированного оборота на почву реалий современной российской армии может дать следующий идиоматический эквивалент: *to put another dog and pony show* заниматься «показухой», имитировать бурную деятельность.

Принимая во внимание такую отличительную особенность армейской социально-профессиональной среды, как коллективизм, сопряженный, в свою очередь, с разделением обязанностей между членами воинского сообщества, можно привести следующие армейские клише: *everybody has to take a bite of a shitsandwich* «мы заварили эту кашу, нам ее и расхлебывать». Приведенные выше примеры характеризуются семантической амбивалентностью: с одной стороны, клише свидетельствуют о грубости, инвективности солдатского языка (*GI language*), с другой стороны - отражают метафоричность и юмор, свойственные речевому обиходу военнослужащего.

Другим примером армейского юмора послужат устойчивые речевые обороты *mandatory fun day (mandofun)* и *voluntarily told (voluntold)* делать что-либо добровольно-принудительно: в обязательном порядке принимать участие в тех или иных «культурных мероприятиях» (совместных празднованиях, встречах с ветеранами боевых действий и т.п.), выполнять не в приказном порядке, а по настоятельной просьбе командования (что в сущности одно и то же) какое-либо поручение [[http:// www.urbandictionary.com](http://www.urbandictionary.com)].

В языке отражаются окружающая человека действительность, общественное самосознание этноса, его национальный характер, традиции, мировосприятие. Объективно существующая реальность, представляющая собой сочетание материальных и духовных феноменов и процессов, осмысливается в индивидуальном сознании на основе культурных традиций говорящей на данном лингвокультурном коде этнической общности. Языковая картина мира вбирает в себя присущие всему человечеству универсальные черты, единую для всех членов социальной группы или общности «культурную сердцевину» [Леонтьев 1997: 273], ее индивидуальные черты. Восприятие мира происходит на основе «философских воззрений, религиозных верований, культурных традиций, нравственных ценностей, убеждений, предубеждений и стереотипов» [Леонтович 2003: 131].

Проведенное нами лингвокультурологическое исследование устойчивых речевых оборотов социально-профессиональной среды американских военнослужащих позволяет сделать следующие выводы:

- клише обнаруживает родовые признаки по отношению к таким содержательно-смысловым единицам языка, как слово и словосочетание, предложение или целостное высказывание (афоризм, поговорка, пословица, частое выска-

- зывание), лозунг, профессиональный речевой оборот, троп или фигура речи и т.п.;
- клише выполняют ряд функций: коммуникативную, символическую (интегрирующую/дифференцирующую), репрезентативную, криптолалическую. Отличительной приметой армейских клише выступает стереотипогенность;
 - под армейскими клише мы понимаем ригидные языковые формулы, характеризующиеся высокой воспроизводимостью в типичных условиях речевого общения членов армейской языковой среды;
 - армейские клише выступают продуктивным языковым средством экспликации этностереотипов речевой стихии военного коллектива;
 - в рамках проведенного исследования нами были выделены следующие семантические группы клише: **Soldier's Morale clichés, Soldier's Code of Behavior clichés, Soldier's Wisdom clichés, Soldier's Routine clichés, Soldier's Humor clichés.**
- Семантические группы позволяют запечатлеть следующие положительные репрезентации собирательного образа американского военнослужащего: *сила духа, дисциплинированность, трудолюбие, выносливость, настойчивость в освоении профессии, чувство долга, исполнительность, надежность, обязательность, готовность к самопожертвованию и оказанию помощи. GI language* американского военнослужащего характеризуется *образностью, экспрессивностью, лаконичностью*. Речевой акцент армейского идиома зачастую отмечен *грубостью, вульгарностью, примитивизмом, наличием инвективных лексических единиц, юмористической компонентой.*

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
- Бойко Б.Л. Основы теории социально-групповых диалектов: монография / Б.Л. Бойко. М.: Воен. ун-т, 2008. 184 с.
- Винокур Т.Г. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская Энциклопедия, 1990. С. 588-589.
- Генц И.Ю. Меч и Хиросима (тема войны в японском киноискусстве) / И.Ю. Генц. М., 1972. 201 с.
- Жельвис В.И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика / В.И. Жельвис // Этнопсихоллингвистика / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А. Н. Крюков и др. М.: Наука, 1988. С. 98-108.
- Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
- Крюков А.Н. Фоновые знания и языковая коммуникация. Этнопсихоллингвистика / А. Н. Крюков // Этнопсихоллингвистика / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А. Н. Крюков и др. М.: Наука, 1988. С. 19-34.
- Леонтович О.А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие / О.А. Леонтович. Волгоград: Перемена, 2003. 399 с.
- Леонтьев А.А. Основы психоллингвистики / А.А. Леонтьев. М.: Смысл, 1997. 287 с.
- Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.

Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию / Е.Д. Поливанов. Гл. редакция восточной литературы. М., 1968. 373 с.

Романов А.С. Языковые средства экспликации этнических стереотипов в картине мира американских военнослужащих: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.С. Романов. М., 2015. 215 с.

Сетур Э. Положение лингвистики как науки // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 2.

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина // Этнопсихолингвистика / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А. Н. Крюков и др. М.: Наука, 1988. С. 5-19.

Ярцева В.Н. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2 изд. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. 685 с.

Army.mil.com. The Army Values [Электронный ресурс]. URL: <http://www.army.mil/values/> (дата обращения: 21.06.17).

Hirsch E.D., Jr. Cultural Literacy / E.D., Jr. Hirsch. NY: First Vintage Books Edition, 1988. 253 p.

Ingersoll G. 31 Phrases That Only People In The Military Will Understand. [Электронный ресурс] / G. Ingersoll // [businessinsider.com](http://www.businessinsider.com/military-phrases-2013-12). 2014. URL: <http://www.businessinsider.com/military-phrases-2013-12> (дата обращения: 21.10.17).

Sgtbrandi.com. Updated Glossary of Military Speak and Catchy Sayings [Электронный ресурс]. URL: http://sgtbrandi.com/?page_id=2260 (дата обращения: 15.10.17).

Wired.com. US. Military Clichés. URL: <http://www.wired.com/beyond-the-beyond/2015/08/us-military-cliches/> (дата обращения: 18.10.17).

SPEECH CLICHÉS OF THE US ARMY SUBCULTURE WITHIN THE CONTEXT OF ETHNOCULTURAL STEREOTYPING

Alexander S. Romanov

PhD in philology, doctoral degree candidate
of the 32nd English Language Department
of the Russian Federation Defense Ministry Military University
Volochnaevskaya str., bld. 3/4, Moscow, Russia, 111033
biyalka@mail.ru

The purpose of this study is to identify the correlation between the phenomena of „culture“, „language“, „society“ and „socio-professional group“. This paper focuses on the role of the socio-psychological mechanism of stereotyping as a means of cultural disseminating through diachronic and synchronic translation of spiritual values. The study's object embraces stereotypical perceptions of the social institution of the armed forces, professionally conditioned constants and axiological dominants of the army subculture, as well as the speech portrait of the reference image of the US Army service member, which are widespread in the collective linguistic consciousness of the American linguistic culture. The subject of scientific research is the military cliché regarded as a productive language mechanism for explicating ethnic stereotypes of the army subculture. It concludes that along with phraseological units, sociocultural dialect, army recruitment slogans, texts of the precedent genre, cadence calls etc., army clichés beyond reasonable doubt serve as one of linguistic means of explicating of ethnic stereotypes of the US army subculture.

Keywords: US Armed Forces, military subculture, stereotyping, stereotype, linguistic means of explicating of ethnic stereotypes of the US army subculture, army clichés.

References

- Ahmanova O.S.* Slovar' lingvisticheskikh terminov [Linguistic Terms Dictionary] / O.S. Ahmanova. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1969. 608 s.
- Bojko B.L.* Osnovy teorii social'no-grupповых dialektov: monografija [Basics of the Social-Group Dialects Theory: Monograph] / B.L. Bojko. M.: Voen. un-t, 2008. 184 s.
- Vinokur T.G.* Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / gl. red. V.N. Jarceva. M.: Sovetskaja Jenciklopedija, 1990. S. 588–589.
- Genc I.Ju.* Mech i Hirosima (tema vojny v japonskom kinoiskusstve) [The Sword and Hiroshima (the theme of war in Japanese art of cinema)] / I.Ju. Genc. M., 1972. 201 s.
- Zhel'vis V.I.* Invektivnaja strategija kak nacional'no-spezificheskaja harakteristika [The Invective Strategy as a National Specific Feature] / V.I. Zhel'vis // Jetnopsiholingvistika / Ju.A. Sorokin, I.Ju. Markovina, A. N. Krjukov i dr. M.: Nauka, 1988. C. 98–108.
- Zherebilo T.V.* Slovar' lingvisticheskikh terminov [Linguistic Terms Dictionary] / T.V. Zherebilo. Izd. 5-e, ispr. i dop. Nazran': Pilgrim, 2010. 486 s.
- Krjukov A.N.* Fonovye znaniya i jazykovaja kommunikacija. Jetnopsiholingvistika [Background Knowledge and Verbal Communication. Ethnopsycholinguistics] / A. N.

Krjukov // *Jetnopsiholingvistika* / Ju.A. Sorokin, I.Ju. Markovina, A. N. Krjukov i dr. M.: Nauka, 1988. C. 19–34.

Leontovich O.A. Rossiija i SShA: Vvedenie v mezhkul'turnuju kommunikaciju: ucheb. Posobie [Russia and the USA: Introduction to Cross-Cultural Communication: educational book] / O.A. Leontovich. Volgograd: Peremena, 2003. 399 s.

Leont'ev A.A. Osnovy psiholingvistiki [Russia and the USA: Introduction to Cross-Cultural Communication: educational book] / A.A. Leont'ev. M.: Smysl, 1997. 287 s.

Matveeva T.V. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov [Linguistic Terms Comprehensive Dictionary] / T.V. Matveeva. Rostov n/D: Feniks, 2010. 562 s.

Polivanov E.D. Stat'i po obshhemu jazykoznanija [General Study of Language Articles] / E.D. Polivanov. Gl. redakcija vostochnoj literatury. M., 1968. 373 s.

Romanov A.S. Jazykovye sredstva jeksplikacii jetnicheskikh stereotipov v kartine mira amerikanskih voennosluzhashhih: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 [Linguistic Means of Explication of Ethnic Stereotypes in the US Service members' Worldview: ... PhD in philology thesis: 10.02.19] / A.S. Romanov. M., 2015. 215 s.

Sepir Je. Polozhenie lingvistiki kak nauki [The Status of Linguistics as a Science] // Zvegincev V.A. Istorija jazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkah i izvlechenijah. M., 1960. Ch. 2.

Sorokin Ju.A., Markovina I.Ju. Kul'tura i ee jetnopsiholingvisticheskaja cennost' / Ju.A. Sorokin, I.Ju. Markovina [Culture and its Significance for Ethnopsycholinguistics] // *Jetnopsiholingvistika* / Ju.A. Sorokin, I.Ju. Markovina, A. N. Krjukov i dr. M.: Nauka, 1988. C. 5–19.

Jarceva V.N. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'. Jazykoznanie [Comprehensive Encyclopedic Dictionary. Study of Language] / gl. red. V. N. Jarceva. 2 izd.M.: Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija, 1998. 685 s.

Army.mil.com. The Army Values [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.army.mil/values/> (data obrashhenija: 21.06.17).

Hirsch E.D., Jr. Cultural Literacy / E.D., Jr. Hirsch. NY: First Vintage Books Edition, 1988. 253 p.

Ingersoll G. 31 Phrases That Only People In The Military Will Understand. [Jelektronnyj resurs] / G. Ingersoll // [businessinsider.com](http://www.businessinsider.com/military-phrases-2013-12). 2014. URL: <http://www.businessinsider.com/military-phrases-2013-12> (data obrashhenija: 21.10.17).

Sgtbrandi.com. Updated Glossary of Military Speak and Catchy Sayings [Jelektronnyj resurs]. URL: http://sgtbrandi.com/?page_id=2260 (data obrashhenija: 15.10.17).

Wired.com. US. Military Clichés. URL: <http://www.wired.com/beyond-the-beyond/2015/08/us-military-cliches/> (data obrashhenija: 18.10.17).

УДК 81'23

**РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ ОБЩЕНИЯ ПРИ ПОМОЩИ
РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Исследование выполнено при поддержке гранта РФ
(проект № 17-18-01642 «Разработка коммуникативной модели вербального
процесса в условиях кризиса языковой модели») в Институте языкознания РАН

Степанова Анна Александровна

Научный сотрудник Института языкознания РАН
Москва, Большой Кисловский пер., 1/1
st.anna@bk.ru

Проблема единицы речевого общения в то или иной степени возникает еще до официального формирования психолингвистики, а понятие речевое действие появляется в трудах ученых уже в начале XX века. Эти идеи получили дальнейшее развитие в рамках психолингвистики, или теории речевой деятельности, а также в теории речевого общения, которая складывается также в русле Московской психолингвистической школы. Общение создает речевой контекст, в котором реализуются речевые действия. Теория речевой деятельности сначала была ориентирована на изучение речевого общения только со стороны процессов восприятия и производства речи, в дальнейшем интересы психолингвистов распространились в сторону других аспектов общения. Цель данной статьи – показать на примере ситуаций общения, взятых из произведений художественной литературы, каким образом речевые действия работают для решения задач речевого общения и совместной деятельности. Одни задачи общения могут решаться мгновенно, другие требуют большого количества речевых действий. Образы ситуаций общения могут не совпадать у собеседников в силу отсутствия актуализации настоящих потребностей и мотивов в процессе общения, а также задач по организации совместной деятельности.

Ключевые слова: речевое общение, речевое действие, задача общения, теория речевой деятельности.

Внимание ученых к речевой деятельности возрастает еще до официального появления направления психолингвистики уже в начале XX века. Ф. де Соссюр разграничивал собственно язык как абстрактную систему, языковую способность как функцию индивида и речь, реализующую языковую способность через посредство языка [Соссюр 1933].

Развитие идей Ф. де Соссюра находим в трудах Л.В. Щербы, который в качестве предмета языкознания рассматривал три аспекта языка: речевую деятельность, языковую систему и языковой материал [Щерба 2004]. Речевая деятельность понималась как процессы говорения и понимания. Словарь и грамматика, согласно Л.В. Щербе, это языковая система, а под языковым материалом ученый понимал все то, что говорится и понимается в определенной обстановке в той или иной эпохе определенной общественной группой [Щерба 2004]. Речевая деятельность про-

дуцирует языковой материал, из которого учеными-языковедами выводится языковая система. Так Л.В. Щерба объяснял взаимосвязь этих аспектов языка.

Проблема единицы речи наряду с единицей языка поднималась учеными-психологами уже и в те годы. Интересны высказывания О. Дитриха, который еще в 1913 г. отмечал необходимость развития особой дисциплины, психологии языка: «Не только язык, но и каждый отдельный акт речи и понимания речи не простая, но, напротив, крайне сложная психофизиологическая функция, и отсюда следует расчленение не только языка в целом, но прежде всего именно этих актов на различные слои, каждый из которых имеет свою относительную ценность в рамках каждого рассматриваемого случая» [Дитрих 1925].

Речевое действие как единица общения рассматривается в работах многих ученых. Так, например, единицей диалога как речевого общения стала в концепции Л.П. Якубинского реплика. Ученый четко разграничивал условия, формы и цели общения. Он разделял речевое общение в привычной и непривычной среде, а также типы общения в зависимости от цели общения. Идеи Л.П. Якубинского предвосхитили предложенное Дж. Остином понятие иллокутивной цели, которое лежит в основе современной теории речевых актов.

Интересны, на наш взгляд, идеи К. Бюлера, который не предложил какой-либо одной единой теории, а представил свою концепцию в виде четырех аксиом, одна из которых посвящена разграничению языка и речи. В рамках этой аксиомы К. Бюлер выделил четыре понятия: речевое действие и языковое произведение, межличностные по своей сути, и речевой акт и языковую структуру, связанные с субъектом и имеющую большую степень абстракции. Ученый подчеркивает важность речевых действий, так как они служат для решения актуальных задач при помощи речи в определенных ситуациях [Бюлер 1993].

С самого начала отечественная психолингвистика развивается как теория речевой деятельности, но, согласно А.А. Леонтьеву, речевая деятельность не сопоставима с другими видами деятельности, она специфична, несмотря на то, что «в форме отдельных речевых действий обслуживает все виды деятельности, входя в состав актов трудовой, игровой, познавательной деятельности. Речевая деятельность как таковая имеет место лишь тогда, когда речь самоценна, когда лежащий в ее основе побуждающий ее мотив не может быть удовлетворен другим способом, кроме речевого» [Леонтьев 2003: 63].

А.А. Леонтьев разделяет речевую активность на отдельные действия в зависимости от цели высказывания. Речевое действие представляет собой цепочку, которая может состоять из одного или нескольких предложений, производство этого речевого фрагмента нацелено на решение одной из задач общения. Таким образом, рассматривая теорию речевого общения, можно говорить о речевом действии как об его единице [Леонтьев 2003].

А.А. Леонтьев показал, что речевое общение состоит в решении ряда задач, то есть общение в целом представляет собой переход от решения одной задачи к решению другой для достижения конечной цели коммуникации, которая заключается в регуляции коммуникативного и посткоммуникативного поведения общающихся. Сначала в процессе общения направляется само общение, а в итоге – совместная деятельность, главная цель общения. Цели общения разделяются на две группы:

цели по организации собственно общения и для организации совместной деятельности [Леонтьев 2003].

Е.Ф. Тарасов представляет список целей таким образом: привлечение непроизвольного внимания, привлечение произвольного внимания с последующим удержанием интереса, ориентирование собеседника в себе, установление социальных статусов и создание атмосферы общения [Тарасов 2005].

Цели второй группы, цели организации совместной деятельности, не столь многочисленны, но объемны по своему содержанию: ориентирование собеседника в планируемой совместной деятельности, мотивирование участника в этой деятельности путем актуализации у него имеющихся потребностей и наконец обозначение цели совместной деятельности [Тарасов 2005].

Решение задач речевого общения мы предлагаем проиллюстрировать примерами эпизодов из романа «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, чтобы показать, что теория работает на практике.

Диалог Остапа Бендера с бывшим архивариусом Старкомхоза Коробейниковым, к которому молодой человек пришел в поисках документов, наиболее показателен в плане реализации задач общения с помощью речевых действий. Здесь хорошо представлено решение задачи ориентации в себе собеседника.

Попадая к архивариусу Бендер сразу же после привлечения к себе внимания фразой «Где здесь гражданин Коробейников?», приступает к реализации решения задач ориентирования в собеседнике при помощи следующих реплик: «Я к вам по делу. Вы служите в архиве Старкомхоза?»; «А раньше служили в жилотделе?»; «Даже в канцелярии градоначальства?».

Бендер задает целый ряд вопросов, не смущаясь, что собеседник несколько уступает под его напором. Но эти действия удерживают внимание Коробейникова: «Спина старичка пришла в движение и утвердительно выгнулась»; «Я всюду служил, – сказал старик весело». Мы видим, что старик заинтересован, хоть и не многословен.

Далее приводим речевые действия Остапа в ответ на вопросы собеседника, которые призваны для решения задачи ориентирования собеседника в себе. Разумеется, эта заготовка Бендера, собеседнику приходится довольствоваться той информацией о молодом человеке, которую он решил предъявить:

- А позвольте все-таки узнать, чем обязан? – спросил хозяин, с интересом глядя на гостя.

- Позволю, – ответил гость. – Я – Воробьянинова сын.

- Это какого же? Предводителя?

- Его.

- А он что, жив?

- Умер, гражданин Коробейников. Почил.

- Да, – без особой грусти сказал старик, – печальное событие. Но ведь, кажется, у него детей не было?

- Не было, – любезно подтвердил Остап.

- Как же?..

- Ничего. Я от морганатического брака.

- Не Елены ли Станиславовны будете сынок?

- Да. Именно.
- А она в каком здоровье?
- Маман давно в могиле.
- Так, так, ах, как грустно!

Реплики Остапа о покойных родителях устанавливают сентиментальную атмосферу и заставляют старого архивариуса проникнуться чувством жалости к молодому человеку.

Остап актуализирует наконец свои потребности, уточняет цели, при помощи следующих речевых действий: *«Я хотел бы, – с невыразимой сыновней любовью закончил Остап, — найти что-нибудь из мебели папаши, чтобы сохранить о нем память. Не знаете ли вы, кому передана мебель из папашиного дома?»*. Но недоверчивый Коробейников продолжает расспрашивать Остапа, таким образом, мы видим, что один собеседник переходит к следующей задаче, в то время как другой, посчитав предыдущую задачу не завершённой, возвращает своего оппонента на шаг назад, к ориентированию собеседника в себе:

- А вы, простите, чем занимаетесь?
- Свободная профессия. Собственная мясохладобойня на артельных началах в Самаре.

Стоит отметить, что задача по ориентации собеседника в себя решается полностью в этой ситуации общения у обоих собеседников. Автор отмечает, что каждый вынес свой вердикт в отношении другого. Коробейников определил Остапа как *«прыткого молодого человека»*, а Бендер, в свою очередь, решил, что *«старик – типичная сволочь»*.

Обратимся к диалогу дворника и О. Бендера, который путешествует по миру в поиске богатых невест. Для привлечения непроизвольного внимания Остап здесь не пользуется речевыми действиями. В ход идет удобная для завязывания общения просьба прикурить, которая зачастую выражается не вербально. Далее идут речевые реплики, которые нацелены на актуализацию потребностей Остапа:

- А что, отец, - спросил молодой человек, затянувшись, - невесты у вас в городе есть?

- Кому и кобыла невеста, - ответил он, охотно вяжываясь в разговор.
- Больше вопросов не имею, - быстро проговорил молодой человек.

И сейчас же задал новый вопрос:

- В таком доме, да без невест?
- Наших невест, - возразил дворник, - давно на том свете с фонарями щрут.

У нас тут государственная богадельня, старухи живут на полном пенсионе.

- Понимаю. Это которые еще до исторического материализма родились?
- Уж это верно. Когда родились, тогда и родились.

Прощупав дворника на предмет интересующих его невест, Остап понимает, что реализовать первоначальные потребности не получится, удерживает внимание дворника при помощи следующих речевых действий, планируя между тем другую задачу общения:

- А в этом доме что было до исторического материализма?
- Когда было?
- Да тогда, при старом режиме?

- А при старом режиме барин мой жил.
- Буржуй?
- Сам ты буржуй! Он не буржуй был. Предводитель дворянства.
- Пролетарий, значит?
- Сам ты пролетарий! Сказано тебе - предводитель.

Наконец Бендер актуализирует новую потребность, которую можно назвать ложной, но которая хорошо мотивирует собеседника для участия в совместной деятельности.

- Вот что, дедушка, - молвил он, - неплохо бы вина выпить.
- Ну, угости.

На час оба исчезли, а когда вернулись назад, дворник был уже вернейшим другом молодого человека.

Здесь уже осуществляются цели по организации совместной деятельности собеседников, которая призвана для осуществления истинной потребности Остапа в месте для ночлега, которую он актуализуют сразу же по окончании совместной деятельности.

- Так я у тебя переночую, - говорил он.
- По мне хоть всю жизнь живи, раз хороший человек.

Стоит отметить, что анализируя этот диалог мы не выделили задачи установления социальных статусов, которая часто решается сиюминутно, без привлечения речевых действий.

Атмосфера общения, которую можно охарактеризовать как насмешливо-покровительственную, задается при помощи сложных для понимания дворника вопросов.

Приведем также анализ разговора Остапа с переводчиком из произведения тех же авторов «Золотой теленок». Этот диалог интересен тем, что потребности собеседника не актуализуются, а мотивы скрыты. В отличие от разговора с Коробейниковым, когда Остапу пришлось полностью сориентировать собеседника относительно своей личности, в этом случае Остап остается в тени, задачу по ориентации в себе собеседника полностью выполняет переводчик при помощи следующих речевых действий.

- Скажите, – перебил он, – эти двое не из Рио-де-Жанейро?
- Нет, – ответил соотечественник, – они из Чикаго. А я – переводчик из «Интуриста»

Чего же они здесь делают, на распутье... Не понимаю! Зачем вы их сюда завезли?

- А ну их к черту! – со скорбью сказал переводчик. – Третий день уже носимся по деревьям, как угорелые. Замучили меня совсем. Много я имел дела с иностранцами, но таких еще не видел, – и он махнул рукой в сторону своих румяных спутников. – Все туристы как туристы, бегают по Москве, покупают в кустарных магазинах деревянные братины. А эти двое отбились. Стали по деревьям ездить.

Атмосфера ситуации общения меняется на протяжении всего разговора. Деликатное начало разговора, осуществленное при помощи невербального действия («деликатно прикоснувшись к резиновому плечу соотечественника») и реплики «Терпите бедствие?», которую Остап использует для привлечения непроизвольно-

го внимания предполагаемого собеседника, сменяется покровительственным тоном Бендера (см. реплики «Ну, да. Вы бы еще на трех автомобилях приехали! Ясно, что вас принимают за начальство. Вы и не достанете рецепта, смею вас уверить»). В конце разговора четко прослеживаются сочувственные нотки комбинатора («А вам очень хочется обратно в Москву? К маме?»).

Таким образом, на примере приведенных в данной статье ситуаций общения мы видим, как речевые действия могут быть использованы при решении задач общения, причем последние могут реализовываться мгновенно (как например, задачи по установлению социальных статусов или атмосферы общения) или требовать большого количества речевых действий для своего осуществления. Обратим внимание на то, что образы ситуаций общения могут не совпадать у собеседников в силу отсутствия актуализации настоящих потребностей и мотивов в процессе общения, а также задач по организации совместной деятельности.

Речевое общение в норме всегда целенаправленно, поэтому осуществляя его, мы решаем ту или иную его задачу. Исследуя речевые действия как единицы речевого общения, исследователь вскрывает внутренний потаенный смысл по его внешним, хотя и несколько упрощенным проявлениям.

Литература

- Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 1993. 501 с.
- Леонтьев А.А. Речевая деятельность // Основы теории речевой деятельности / Отв. ред. А.А. Леонтьев. М.: Наука, 1974. С. 21-28.
- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. Изд. 3-е. М., СПб., 2003. 288 с.
- Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1977. 107 с.
- Тарасов Е.Ф. Производство речи: большая программа // Язык. Сознание. Культура: Сб. ст./ Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.: Ин-т языкознания РАН, Калуга: Изд-во «Эйдос», 2005. С. 32-42.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М., 2004. 432 с.
- Якубинский Л.П. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Язык и его функционирование: Избр. работы. М., 1986. С. 17-59.
- Dittrich. O. Die Sprache als psychophysiologische Funktion. LeipzigWien, 1925.

SPEECH ACTIONS IN THE PROCESS OF SOLVING COMMUNICATIVE TASKS

Anna A. Stepanova

Researcher of the Institute of Linguistics of
the Russian Academy of Sciences
Moscow, Bolshoy Kislovsky per., 1/1
st.anna@bk.ru

The problem of the unit of speech communication to some extent arises before the official formation of psycholinguistics, and the concept of speech action appears in the writings of scientists as early as the beginning of the twentieth century. These ideas have been further developed in the framework of psycholinguistics, or the theory of speech activity, as well as in the theory of speech communication also formed in the mainstream of the Moscow psycholinguistic school. Communication creates a speech context where speech actions are realized. The theory of speech activity was first oriented to the study of speech communication only as the processes of perception and production of speech, later the interests of psycholinguists spread to other aspects of communication. The purpose of this article is to show (on the example of communicative situations taken from works of fiction) the way speech acts to solve tasks of speech communication. Some communicative tasks can be solved instantly, others require a large number of speech actions. Images of communicative situations sometimes do not coincide with the interlocutors due to the lack of actualization of these needs and motives in the process of communication.

Keywords: speech communication, speech action, communicative task, theory of speech activity.

References

- Bjuler K.* Teorija jazyka [Language theory]. M.: Progress, 1993. 501 p.
- Leont'ev A.A.* Rechevaja dejatel'nost' [Speech activity] // *Osnovy teorii rechevoj dejatel'nosti* [Basics of speech activity theory] / *Otv. red. A.A. Leont'ev.* M.: Nauka, 1974. P. 21-28.
- Leont'ev A.A.* *Osnovy psiholingvistiki* [Basics of psycholinguistics]. Izd. 3-e. M., SPb., 2003. 288 p.
- Sossjur F.* *Kurs obshhej lingvistiki* [Course of general linguistics]. M., 1977. 107 p.
- Tarasov E.F.* *Proizvodstvo rechi: bol'shaja programma* [Speech production: Big programm] // *Jazyk. Soznanie. Kul'tura* [Language. Consciousness. Culture]: *Sb. st. / Pod red. N.V. Ufimcevoj, T.N. Ushakovoj.* M.: In-t jazykoznanija RAN, Kaluga: Izd-vo «Jejdos», 2005. P. 32-42.
- Shherba L.V.* *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'* [Language system and speech activity]. M., 2004. 432 p.
- Jakubinskij L.P.* *O dialogicheskoj rechi* [On Dialogical Speech] // *Jakubinskij L.P. Jazyk i ego funkcionirovanie* [Language and its functioning]: *Izbr. raboty.* M., 1986. P. 17-59.
- Dittrich. O.* *Die Sprache als psychophysiologische Funktion.* LeipzigShhien, 1925.

УДК 81'27+81'23

**СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ
ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ УСТАНОВКИ
В АСПЕКТЕ ДВУЯЗЫЧИЯ**

Хилханова Эржен Владимировна

профессор,

Восточно-Сибирский государственный

институт культуры

670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой 1, к. 117

erzhen133@mail.ru

Статья посвящена социолингвистической концептуализации понятия «языковое сознание» в его соотношении с понятием «языковые установки» в ситуации выбора языка. Обосновывается необходимость изучения языковых установок как исходного субъективного фактора, направляющего речемыслительную деятельность на довербальном этапе в ситуации двуязычия. Автор более подробно останавливается на том, что же – мотив или установка – является первичным в производстве речи. Привлекая данные социальной психологии и теории установки Д.Н. Узнадзе и его последователей, автор аргументирует, почему именно первичная установка является предшествующим мотиву неосознаваемым драйвером речевого поведения. Дается трехкомпонентная модель языкового сознания в соотношении с языковыми установками, состоящая из когнитивного, аффективно-оценочного и перформативного (конативного) компонентов. Для каждого компонента языкового сознания выведена измеримая форма его манифестации, описываются возможные вопросы и методики его изучения в рамках социолингвистического исследования. Таким образом, предлагаемая модель языкового сознания в соотношении с языковыми установками позволяет операционализировать данные понятия для исследования, ставящего себе целью выявление как метаязыковой рефлексии языковой личности, так и ее неосознаваемых языковых установок в ситуации выбора языка.

Ключевые слова: языковое сознание, (языковые) установки, социолингвистическое исследование, двуязычие, когнитивный компонент, аффективный компонент, конативный (перформативный) компонент.

Феномен языкового сознания изучается лингвистами в разных аспектах: в аспекте соотношения индивидуального и всеобщего, вербального и невербального, в структурном и уровневом аспектах и т.д. В рамках этой статьи мы будем рассматривать языковое сознание в определенном ракурсе: нас интересует его роль в организации речевой деятельности и поиск наиболее влиятельного субъективного фактора, который направляет речемыслительную деятельность на этапе формирования мысли и планирования речи в ситуации двуязычия, в ситуации выбора языка. Решения о том, говорить или не говорить, а если говорить, то на каком языке и т.д., большей частью принимаются без участия сознания, еще на довербальном этапе.

Несмотря на все достижения психолингвистики, когнитивной лингвистики, теории речевых актов и других современных направлений лингвистики, все еще

трудно делать какие-то умозаключения относительно именно этой фазы речевого поведения. Однако практически все, кто занимался этим вопросом [Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, Т.В. Ахутина, А.Р. Лурия, Н.В. Уфимцева, С.Д. Кацнельсон, Ч.Осгуд, Е.С. Кубрякова, Т.Н. Ушакова и др.], едины в том, что в основе порождения речи лежит *мотив* – причина или совокупность причин, побуждающих человека к общению с данным человеком в данной ситуации.

Избранный нами ракурс изучения языкового сознания (далее - ЯС) привел нас, однако же, не к мотиву, которому, как полагают многие лингвисты, принадлежит основополагающая, исходная роль в речепроизводстве, а к *установке*. Соответственно, необходимо аргументировать нашу точку зрения, остановившись более подробно на том, что такое установка и что же – мотив или установка – является первичным в производстве речи.

В западной социальной психологии, где берет начало исследование (социальных) установок («attitudes», «social attitudes»), с помощью этого понятия описываются относительно стабильные тенденции восприятия, оценки и действия по отношению к социальным объектам. Приобретается установка в ходе первичной и вторичной социализации. Установки, следовательно, социально детерминированы и поэтому изменчивы. В современной социальной психологии преобладает менталистский подход, примером которого может служить часто цитируемое и актуальное по сей день определение понятия *установка*, принадлежащее Гордону У. Олпорту. Он описывает установку индивида как психическую и нервную готовность к реакции, которая структурируется его опытом и руководит поведением индивида по отношению к предмету *установки* [Allport 1935: 810]. Другими словами, менталистский подход подразумевает, что установки являются внутренним ментальным состоянием, которое может вызвать определенные формы поведения, «an intervening variable between a stimulus affecting a person and that person's response» [Fasold 1984: 147].

Еще более целенаправленно и глубоко установка разрабатывалась в школе классика грузинской и в целом отечественной психологии Д.Н. Узнадзе. Не имея возможности остановиться подробно на теории Узнадзе и его учеников, подчеркнем лишь некоторые существенные для целей нашей статьи моменты¹. Суть концепции Д.Н. Узнадзе в том, что всякое поведение (= деятельность) определяется воздействием окружающей действительности на индивида не непосредственно, а прежде всего опосредованно, через целостное отражение этой последней в субъекте деятельности. Выстраивается цепочка: **стимул - установка - реакция**. Установка – это промежуточная переменная, определяющая реакции индивида на стимул, опосредующая их [Узнадзе 2004]. В теории Узнадзе и его последователей выделяются такие типы установок, как *первичная*, *фиксированная*, *диффузная*. Первичная и фиксированная установки выполняют разные функции в деятельности человека. Первичная установка – не то же самое, что и социальная установка. Первичная установка направляет поисковую активность на предмет потребности и существует до тех пор, пока не произойдет «встреча» с предметом потребности. Она представляет не что иное, как момент в формировании фиксированной установки. Предмет

¹ Подробнее о (языковых) установках см.: [Языковое сознание и языковые установки... 2016].

же потребности – материальный или идеальный, чувственно воспринимаемый или данный только в представлениях, в мысленном плане – есть мотив деятельности. Тогда функциональную схему акта развертывания деятельности можно представить следующим образом: **потребность → направленность поисковой активности на предмет потребности (первичная установка) → предмет потребности (мотив)** [Асмолов, Ковальчук 1977].

Согласно теории деятельности А.Н. Леонтьева, для человеческой общественно опосредствованной деятельности является генетически исходным несопадением мотивов и целей. Если же целеобразование по каким-либо объективным условиям невозможно, «ни одно звено деятельности, адекватной мотиву, не может реализоваться, то данный мотив остается лишь потенциальным – существующим в форме готовности, в форме *установки*» [курсив мой – Э.Х.] [Леонтьев 1971: 19].

Проблема разграничения мотива и установки, выяснения того, что первично – установка или деятельность, носит отнюдь не только теоретический характер для (социо)лингвистики и теории речевой деятельности. Что должно в первую очередь стать объектом исследования социолингвистов, психологов, социологов, задающихся вопросами об истоках и факторах регуляции социального, в том числе речевого поведения личности или какого-либо сообщества?

Данные (социальной) психологии и, в особенности, теория Узнадзе и его последователей, свидетельствуют о том, что именно первичная установка оказывается предшествующей мотиву. Это происходит потому, что установка относится к сфере бессознательного, а мотив – это уже осознанная потребность. Помимо этого, потребность – это субъективный фактор установки, и эта потребность становится мотивом только при условии ее осознания. Следовательно, установка первична, а мотив – вторичен. Если сослаться опять же на Узнадзе, «смысл мотивации заключается именно в этом: отыскивается и находится именно такое действие, которое соответствует основной, закреплённой в жизни установке личности» [Узнадзе 2001: 358].

Совершенно в духе Узнадзе интерпретирует понятие установки Т.М. Дридзе – как «сложившееся в предшествующем опыте определенное функциональное состояние организма, которое и направляет последующую его активность, создавая определенную “преднастроенность”, предрасположенность (готовность) индивида действовать определенным образом. <...> Соответственно “установка включает в себя как момент мотивации, так и момент направленности” [курсив мой – Э.Х.]. При этом “установка не принимает форм, характерных для содержания сознания как системная особенность... ее нельзя непосредственно обнаружить как факт сознания...”. Это предвосхищающее деятельность “целостное состояние индивида”, выполняющее по отношению к деятельности “побуждающую”, “регуляторную”, “селективную” и т.п. функции, которые в предлагаемой в нашей работе трактовке практически совпадают с функциями мотивационной сферы сознания, актуализирующей конкретные потребности индивида в конкретных ситуациях [Дридзе 1984: 109-110].

Установка – это только часть структуры ЯС, поэтому исследование установок – только один из возможных путей выявления истоков того или иного речевого поведения и селективных механизмов в ситуации выбора идиома. Установки

формируются там, где знания и эмоции, сливаясь, порождают оценку и предрасположенность к определенному действию. Изучение языковых установок (далее – ЯУ) позволит пролить свет только на этот – «принципиально неосознаваемый» [Имедадзе 1978: 222] – драйвер речевого поведения. Чтобы получить более информативные результаты об истоках того или иного речевого поведения и селективных механизмов в ситуации выбора идиома, необходимо обратиться к ЯС. В отличие от языковых установок, ЯС функционирует в перманентном взаимодействии осознанных и неосознанных процессов, автоматизма и контроля. ЯУ вербализуются в ЯС – процесс, который Е. Циглер называет «оязыковлением» - *Versprachlichung* [Ziegler 1996: 15]. Изучение ЯС позволит задействовать данные метаязыкового, рефлексивного уровня, а именно мнения, оценки и суждения лингвосообщества о языке и языковой сфере в целом.

Практически все исследования ЯУ, как известно, базируются на трехкомпонентной модели У. Ламберта, включающей в себя *когнитивный* (знание), *аффективный* (оценки и эмоциональные реакции) и *конативный* (готовность к действию) уровни, или компоненты [Lambert 1960]. Когнитивный компонент включает выраженное знание о языке, классифицирующие представления, концепты. Оценки языка и сопровождающие их эмоциональные реакции, такие, как чувство симпатии или антипатии к языку / варианту языка, сохраняются в аффективном, или оценочном компоненте. Когнитивный и аффективный компоненты сливаются в конативном компоненте в форму готовности к определенному поведению, такому, как, выбор какого-либо языка, социолекта и т.д.

Во многих исследованиях ЯС также используются три измерения, почти идентичные структуре ЯУ: *когнитивное*, *аффективное* и *социальное* [Abendbroth-Timmer 2004: 3; Luchtenberg 2001: 131]. По С. Лухтенберг, языковое сознание включает в себя: а) когнитивные представления о языковой норме, знание языковых правил, б) аффективные языковые установки, к чему относятся и радость от языкового общения (*Freude am Umgang mit Sprache*), языковая игра и т.п. и 3) язык в социальном взаимодействии, куда С. Лухтенберг относит и языковую критику, и языковые манипуляции в общественной сфере [там же].

В концепции Джеймса и Гаррета [James & Garret 1992: 12] уже не три, а пять измерений / уровней / сфер² языкового сознания: 1) аффективное, 2) социальное, 3) властное (the 'power' domain), 4) когнитивное и 5) поведенческое (performance). На аффективном уровне языкового сознания речь идет об эмоциональной стороне изучения языка. Здесь, согласно теории Джеймса и Гаррета, учащийся должен заинтересоваться языком/языками, т.е. речь идет о сенсбилизации учеников к языку/языкам. Социальный уровень имеет дело с речевым поведением, интеракцией между говорящим и слушающим. В центре внимания здесь стоит воспитание у учащихся лингвистической и социальной толерантности по отношению к языковым меньшинствам, что особенно важно в многоязычных классах. На властном уровне ставятся вопросы контроля над языком со стороны власти и индивидуальных членов общества. На когнитивном уровне речь идет о понимании и осознании языковых единиц, противоречий и закономерностей на различных языковых уровнях, а

² Авторы используют эти термины синонимически.

также о функциональной стороне пользования языком. На поведенческом / перформативном уровне осуществляется речевое поведение.

На наш взгляд, деление ЯС на пять измерений слишком дробное; второе, третье и пятое уровни вполне можно слить в один, что, фактически, делает эту концепцию идентичной концепции С. Лухтенберг. Сомнение вызывает термин *социальное измерение* языкового сознания. Введение термина *социальное* в триаду *когнитивное, аффективное и социальное* нарушает единство основания классификации, ведь оппозицией к *социальному* является *индивидуальное*. Помимо этого, особенно для социолингвистики актуальным является деление языкового сознания не только на индивидуальное и социальное (общественное), но и на групповое [см.: Вепрева 2005: 51]. Далее, как когнитивное, так и аффективное измерения имеют как социальную, так и индивидуальную ипостаси. Поэтому адекватным дополнением к когнитивному и аффективному измерениям должно стать не социальное, а перформативное измерение. Тогда когнитивный компонент языкового сознания охватывает информацию и знание о языковом объекте, аффективный компонент относится к субъективной оценке объекта, а при перформативном компоненте речь идет о намерении вести себя определенным образом по отношению к объекту.

Таким образом мы получаем трехкомпонентную модель ЯС, почти идентичную структуре ЯУ. Но разница между ними есть; как уже говорилось, она заключается в том, что ЯУ изначально не осознаются, располагаясь на неосознаваемых уровнях ЯС, в то время как ЯС функционирует во взаимодействии осознанных и неосознанных процессов. При этом ЯУ выводимы на уровень сознания, т.е. на метаязыковой уровень: «... операции, являющиеся по происхождению бессознательными, могут в дальнейшем (обязательно через ступень актуального сознания!) подвергаться сознательному контролю» [Леонтьев 1965: 123]. Схематически это можно представить так:

Рисунок №5
Структура языкового сознания в соотношении с языковыми установками

Прокомментируем некоторые части схемы. Волнистая линия обозначает границу между осознаваемым и неосознаваемым, и волнистость показывает, что эта граница зыбка и проницаема. Прямо на границе располагаются концепты, которые, согласно многим определениям, рассматриваются как «некая ментальная единица, оперативная единица сознания, определенным образом структурированная, обладающая набором признаков и объективированная в языковой форме» [Кравченко]. Как известно, концепт шире, чем понятие и, помимо понятийного компонента, имеет также образный и ценностный компоненты [Карасик 2001: 3-16]. Поэтому на схеме он присутствует не только в когнитивном, но и в аффективном измерении ЯС.

Следует отметить, что деление на структурные компоненты – дань аналитической рефлексии на тему ЯС и ЯУ; в реальности все измерения функционируют симультанно: знания порой неотделимы от эмоций, оценок и речевого поведения. Творческий уровень ЯС, выделяемый некоторыми исследователями [Шумарина 2011], не включен в нашу схему; мы рассматриваем его как особое состояние сознания и предмет отдельного разговора. Также за пределами схемы остается невербальное поведение; оно, конечно, играет не меньшую, а порой и бóльшую роль в коммуникации, но наша работа не коммуникативного плана.

Эта трехкомпонентная модель ЯС может стать основой для концептуализации и операционализации ЯС для целей социолингвистического исследования, где важно разработать такую процедуру исследования, которая позволяла бы выявить как метаязыковую рефлекссию языковой личности, так и ее ЯУ. Для операционализации понятия ЯС необходимо рассмотреть его структурные уровни более подробно.

Безусловно, самый важный компонент в структуре ЯС, определяющий во многом структуру сознания личности – это *знание (competence)*. Знание, в отличие от остальных компонентов, всегда находилось в центре внимания традиционной социолингвистики, занимавшейся выявлением уровня владения языком / вариантами языка, лингвистической и коммуникативной компетенции носителей языка с момента своего появления. В последнее время в научный оборот вводится не только «объективное», верифицируемое знание, но и донаучное, наивное знание, включающее знание обычных людей о грамматике³ и социальных правилах использования языка. Это – та часть повседневного знания, которая имеет отношение к языку и вообще к языковой сфере. «Наряду с вербальной коммуникацией, - говорит П. Шерфер, – существует способность и практика восприятия, описания и оценки определенных аспектов вербальной коммуникации. Другими словами, это значит, что члены языкового сообщества располагают *наивным знанием* [курсив мой – Э.Х.] относительно своей языковой ситуации и о говорящих» [Scherfer 1983: 20]. ЯС – это далеко не всегда рефлексированное, осознаваемое знание, оно содержит неотрефлексированные коллективные знания и идеологические интерпретации реальности, которые могут и противоречить личному опыту. ЯС формируется в значительной степени посредством языковой политики, в первую очередь в образовании, зависит

³ Под грамматикой в данном случае понимается совокупность системно-структурных правил построения речи.

от распределения власти и может подвергаться манипуляциям.

Мы не будем углубляться в сугубо психо- и нейролингвистические вопросы организации и хранения знаний в голове человека. Отметим только, что знания – от научных, теоретических до практических (умений и навыков) помогают нам не только ориентироваться в мире, но и соответствующим образом *действовать*. Поэтому, говоря о функциях знания, сосредоточенного в нашей памяти, можно сказать, что именно оно предопределяет наше поведение и помогает интерпретировать новый опыт через накопленный старый [Кубрякова 2004: 358].

Когда мы выявляем знание языка и знание о языке исследуемой группы – это когнитивное измерение их ЯУ и ЯС. В социалингвистическом исследовании вопросы, касающиеся когнитивного компонента, могут запрашивать мысли и убеждения об объекте установок, которые, в свою очередь, могут быть результатом как собственного, так и чужого опыта. Вопросы исследователя (при прямом методе исследования) побуждают респондентов вывести эти установки на уровень метаязыкового сознания. Применение косвенных методов повышает достоверность полученных результатов, т.к. позволяет обойти барьер сознания, которое может попытаться скорректировать истинные установки индивида на пути к их вербализации в зависимости от тех или иных «фильтров» - правил политкорректности, правил вежливости и т.д.

Однако, при всей важности знания им, конечно, не исчерпывается феномен ЯС. Учеными не раз подчеркивалась важность *эмоционального, оценочного* компонента в ЯС, определяемого и формируемого индивидуально для каждого носителя языка: «Базовый элемент языкового сознания – смысловая единица, включающая индивидуально-пропорционально представленные у каждого человека знаковый, образный и эмоциональный компоненты. Так, помимо знаков естественного языка (звуков, слов, фраз), существуют ментальные знаки – репрезентации знаков естественного языка в индивидуальном сознании. При этом естественный знак обладает значением, стабильным, устойчивым, понятным всем носителям этого языка, *соответствующий же ментальный знак обладает индивидуальным смыслом, имеющим пристрастную природу и связанным с отношением, оценкой, индивидуальной трансформацией. Этот индивидуальный смысл определяется связью ментального знака с определенным образом и определенными эмоциями в сознании отдельного человека в рамках одной смысловой единицы*» (курсив мой – Э.Х.) [Уланович 2010].

Эмоции и оценки в ЯС неотделимы от знаний. ЯС становится центральной управляющей инстанцией речевого поведения посредством того, что оно перерабатывает не только состояния знаний, опыт, но и оценки и эмоциональные установки в своеобразные «инструкции по речевому поведению» и в лингвистические суждения. *Мнения и суждения*, как уже говорилось, – это продукт рациональной рефлексии «на заданную тему», в нашем случае о запрашиваемых языках, языковой ситуации. Как и вся область осознанного, они представляют собой только «верхушку айсберга». В глубине же «айсберга» лежат эмоции: «С позиции говорящего процесс порождения речи имеет эмоциональную основу, и субъективно высказывание не может не быть соотношенным с неким эмоциональным состоянием, т.е. являться нейтральным» [Величкова 2007: 20]. Это, *аффективно-оценочное измерение ЯС* и

ЯУ можно выявить и измерить как прямыми, так и косвенными методами. К примеру, при использовании прямой методики это могут быть вопросы, затрагивающие чувства, настроения, оценки, которые также выводимы на уровень метаязыкового сознания.

Наибольшую сложность для выявления и измерения представляет собой *коннативный / перформативный* компонент ЯУ и ЯС, охватывающий поведенческие интенции (готовность к определенному речевому поведению) и речевое поведение, соответственно. Как уже говорилось, установки и реальное поведение могут не совпадать, и то, что сообщают информанты о своем речевом поведении, может противоречить реальной языковой ситуации. Например, информант может иметь позитивные установки по отношению к языку А, но не использовать язык А в ситуации Х под давлением внешних обстоятельств. Или под влиянием позитивных установок по отношению к языку А он может неадекватно оценивать свое знание языка А. Соня Вандермеерен приводит пример, что с одной стороны, информант может иметь сильную позитивную установку по отношению к использованию языка А в ситуации Х, но с другой стороны, заявлять, что он в ситуации Х преимущественно говорит на языке Б [Vandermeeren 1993: 34-38]. Она объясняет несоответствие между сведениями самих информантов о ЯУ или речевом поведении, с одной стороны, и их действительным поведением, с другой стороны, тем, что установки имеют различные формы проявления, которые могут отличаться друг от друга, несмотря на это, быть частями одной и той же установки [Vandermeeren 1996: 699-700].

Мы полагаем, что во всех таких случаях мы имеем дело с конфликтом либо между МЯС и ЯУ, либо между компонентами ЯС или ЯУ; так, если объектом ЯУ является миноритарный язык, то у его носителей может иметь место несоответствие аффективного компонента ЯУ когнитивному, или когнитивного коннативному.

Но что же все-таки должно стать измеримым способом манифестации коннативного / перформативного компонента ЯУ и ЯС?

Здесь мы хотели бы сослаться на работу В. Вёлька [Wölck 2006], где им сформулированы девять универсалий языковых контактов, одной из которых является следующая: «Spracheinstellungen (Attitüden) und eigene Angaben zum Sprachgebrauch stehen in fast vollkommener Korrelation zueinander, d.h. sie entsprechen einander in hohem Masse»⁴ [там же: 328]. На первый взгляд, эта универсалия противоречит несоответствиям, о которых говорилось в предыдущих абзацах. Но, поскольку здесь речь идет о сведениях *самих* информантов об их речевом поведении, то можно ожидать, что они будут соответствовать их же ЯУ, если не полностью, то в значительной степени. Проверить, соответствуют ли эти сведения действительности, можно, только выйдя из поля субъективного, посредством привлечения данных о языковой ситуации, собранных не посредством опросов, т.е. опять же апелляции к ЯС, а, например, лингвистических тестов, дающих более объективную картину знания языка.

⁴ Перевод: «Языковые установки и собственные сведения об использовании языка почти полностью коррелируют друг с другом, т.е. они соответствуют друг другу в высокой степени».

Если исследователь ставит себе целью изучение именно ЯС, то, основываясь на вышесказанном, он должен исходить из теоретической предпосылки, что измеримой формой манифестации перформативного компонента ЯС являются *сведения информантов об их речевом поведении, т.е. об использовании языка в определенных ситуациях (сообщенное речевое поведение)*. Здесь, однако, больше обращения к метаязыковому уровню ЯС говорящих (хотя контроль сознания не всегда ведет к недостоверности сведений). Если же мы хотим привлечь данные о конативном компоненте ЯУ, тогда мы должны задействовать *сообщенные информантами установки* не столько по отношению к языкам, сколько *по отношению к речевому поведению*⁵, т.е., напр., высказывания информантов о желании или нежелании использовать / учить тот или иной идиом.

Итак, *измеримой формой манифестации перформативного / конативного компонента ЯС и ЯУ являются сообщенное речевое поведение и сообщенные языковые установки по отношению к речевому поведению*, соответственно. Другими словами, *перформативное измерение ЯС – это сообщенное речевое поведение как «овнешнение» ЯС и результат действия ЯУ*. В более далекой перспективе «овнешнением» ЯС и ЯУ можно считать и языковую ситуацию в целом, поскольку она складывается не сама по себе, а как результат действия разнообразных акторов – от политиков, принимающих законы о языке, до «обычных людей», своим действием и бездействием определяющих судьбу языка.

Литература

Асмолов А.Г., Ковальчук М.А. О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 143-163.

Величкова Л.В. Психолингвистическая основа исследования эмоциональности звучащей речи // Вопросы психолингвистики, 2007. № 5. С. 20-27.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: Олма-пресс, 2005. 377 с.

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984. 268 с.

Имедадзе Н.В. Экспериментально-психологическое исследование овладения и владения вторым языком. Тбилиси: Мецниереба, 1978. 229 с.

Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С. 3-16

Кравченко А.В. Концепт, концепта, концепту: модный дискурс на незаданную тему [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/Концепт_концепта_концепту_модный_дискурс_на_незаданную_тему_Concept-Nom_concept-Gen_concept-Dat_fashionable_discourse_on_an_unspecified_theme.pdf (дата обращения: 07.08.2016).

⁵ Подчеркиваем, что это относится только к конативному компоненту ЯУ; для измерения аффективно-оценочного компонента объектом измерения должны стать именно установки по отношению к языкам.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. М., 1965. 245 с.

Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 40 с.

Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 416 с.

Узнадзе Д.Н. Общая психология / пер. с груз. Е.Ш. Чомахидзе: под ред. И.В. Имедадзе. М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. 413 с.

Уланович О.И. Языковое сознание: особенности структуры в условиях двуязычия // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск, 2010. № 1(9). С. 44-51.

Шумарина М.Р. Язык в зеркале художественного текста. (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М.: Флинта; Наука, 2011. 325 с.

Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных регионов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края) / Э.В. Хилханова, Г.А. Дырхеева, Л.М. Любимова, Д.Б. Сундуева; Вост.-Сиб. гос. ин-т культуры; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. М.: Наука; Вост. лит., 2016. 174 с.

Abendbroth-Timmer, D. Evaluation bilingualer Module aus Schülerperspektive: zur Lernbewusstheit und ihrer motivationalen Wirkung / Abendbroth-Timmer D. // Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht. 2004. № 9(2). 27 S. URL: <http://zif.spz.tu-darmstadt.de/jg-09-2/beitrag/Abendroth2.htm> (accessed: 10.01.2016).

Allport, G.W. (1935). Attitudes // Handbook of social psychology / Murchison C. (Hrsg.). Worcester, Mass: Clark University Press. P. 798–844.

Fasold, R. (1984). The Sociolinguistics of Society. Oxford: Blackwell. 352 p.

James, C., Garret, P. (1992). Language Awareness in the Classroom. London [et al.]: Longman.

Lambert, W.E. (1960). Evaluation Reactions to Spoken Languages // Journal of Abnormal and Social Psychology. № 60. P. 44–51.

Luchtenberg, S. (2001). Language(s) and Cultural Awareness: Ein Thema für die Fremdsprachenlehrerausbildung? // Neusprachliche Mitteilungen 54. № 3. S. 130–138.

Rosenberg, M. J. & Hovland, C. I. (1960). Cognitive, affective and behavioral components of attitudes. In: Rosenberg, Milton J./Hovland, Carl I. (Hg.): Attitude Organization and Change: An Analysis of Consistency Among Attitude Components. New Haven: Yale University Press. P. 1 -14.

Scherfer P. (1983). Untersuchungen zum Sprachbewusstsein der Patois-Sprecher in der Franche-Comptè. Tübingen.

Vandermeeren, S. (1993). Spracheinstellungen links und rechts der Sprachgrenze. Eine kontaktlinguistische Umfrage im Vurgebiet und in Altbelgien Nord (Plurilingua XIV). Bonn: Dümmler.

Vandermeeren, S. (1996). Sprachattitüde // Goebel, H. et al. (Hrsg.). Kontaktlinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. 2 Bd., Berlin: New York. S. 692–702.

Wölck, W. (2006). Kontaktlinguistische Universalienforschung und Sprachplanung: eine kritische Betrachtung // Alpes Europa. Sociolinguistica Europaea. № 2. P. 319–329.

Ziegler, E. (1996). Sprachgebrauch, Sprachvariation, Sprachwissen. Frankfurt am Main: Lang. 292 S.

**SOCIOLINGUISTIC CONCEPTUALIZATION OF NOTIONS
LANGUAGE CONSCIOUSNESS AND LANGUAGE ATTITUDES IN THE
ASPECT OF BILINGUALISM**

Erzhen V. Khilkhanova

Professor,

East Siberian State Institute of Culture

670031, Ulan-Ude, Tereshkovoij-str. 1, Room 117

erzhen133@mail.ru

The article is devoted to sociolinguistic conceptualization of the «language consciousness» concept in its relationship with the concept of «language attitude» in a language choice situation. The author substantiates the necessity of studying language attitudes as the underlying subjective factor, which directs the speech and thinking activity at the preverbal stage in a bilingual situation. The author dwells on the idea what is primary in the speech production, motive or attitude. Attracting social psychological data and the theory of attitudes by D.N. Uznadze and his followers, the author argues why a primary attitude is the unconscious driver of verbal behavior preceding motive. E. Khilkhanova gives the three-component model of language consciousness in relation to language attitudes consisting of cognitive, affective-evaluative and performative (conative) components. For each component of language consciousness, the measurable form of its manifestation is derived, and possible research questions and methods of study within the framework of a sociolinguistic research are described. Thus, the proposed model of linguistic consciousness in relation to language attitudes allows operationalizing of these concepts for the study aimed at identifying both the speakers' metalinguistic reflection and their unconscious language attitudes in a language choice situation.

Keywords: language consciousness, (language) attitudes, sociolinguistic research, bilingualism, cognitive component, affective component, conative (performative) component.

References

Asmolov A.G., Koval'chuk M.A. O sootnoshenii ponyatija ustanovki v obshhej i sotsial'noj psikhologii [On correlation of an attitude notion in general and social psychology] // Teoreticheskije i metodologicheskije problemy sotsial'noj psikhologii. [Theoretical and methodological problems of social psychology] / pod red. G.M. Andreevoj, N.N. Bogomolovoj. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1977. P. 143-163.

Velichkova L.V. Psicholingvističeskaja osnova issledovanija emotsional'nosti zvuchashhej rechi [Psycholinguistic foundation of studying emotionality of sounding speech] // Voprosy psicholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 2007. № 5. P. 20-27.

Vepreva, I.T. Jazykovaja refleksija v postsovetSKUju epokhu [Linguistic reflexion in the post-Soviet epoch]. M.: Olma-press, 2005. 377 p.

Dridze T.M. Textovaja dejatel'nost' v strukture sotsial'noj kommunikatsii [Text activity in the structure of social communication]. M.: Nauka, 1984. 268 p.

Imedadze N.V. Experimental'no-psykhologicheskoye issledovaniye ovladeniya i vladenija vtorym jazykom [Experimental-psychological study of second-language acquisition and proficiency]. Tbilisi: Metsniereba, 1978. 229 p.

Karasik, V.I. O kategorijakh linguokulturologii [About categories of linguistic culturology] // Jazykovaja lichnost': problemy kommunikativnoj dejatel'nosti [Linguistic personality: issues of communicative activity]. Volgograd, 2001. P. 3-16.

Kravchenko A.V. Konzept, koncepta, konzeptu: modnyj diskurs na zadannuju temu [Concept-Nom, Concept-Gen, concept-Dat: fashionable discourse on an unspecified theme]. URL: https://www.academia.edu/Концепт_концепта_концепту_модный_курс_на_незаданную_тему_Concept-Nom_concept-Gen_concept-Dat_fashionable_discourse_on_an_unspecified_theme.pdf (data obrashcheniya: 07.08.2016).

Kubryakova E.S. Jazyk i znaniye: na puti poluchenija znaniy o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira [Language and knowledge: On the way to receive knowledge about language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the world cognition] / Ros. akademija nauk. In-t jazykoznanija. M.: Jazyki slavyanskoj kultury, 2004. 560 p. (Jazyk. Semiotika. Kultura).

Leontjev A.A. Slovo v rechevoj dejatel'nosti: Nekotorye problemy obshej teorii rechevoj dejatel'nosti [The word in speech activity: Some problems of the general theory of speech activity]. M., 1965. 245 p.

Leontjev A.N. Potrebnosti, motivy i emotsii [Needs, motives and emotions]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1971. 40 p.

Uznadze D.N. Psikhologija ustanovki [Psychology of an attitude]. SPb.: Piter, 2001. 416 p.

Uznadze D.N. Obshhaja psikhologija [General psychology] / per. s gruz. E.Sh. Chomakhidze: pod red. I.V. Imedadze. M.: Smysl; SPb.: Piter. 2004. 413 p.

Ulanovich O.I. Jazykovoje soznanije: osobennosti struktury v uslovijakh dvujazychija [Language consciousness: peculiarities of structure in a bilingual situation] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologija. Tomsk, 2010. № 1(9). P. 44-51.

Shumarina M.P. Jazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta. (Metajazykovaja reflexija v proizvedenijakh russkoj prozy) [Language in the mirror of a literary text (metalinguistic reflexion in Russian prosaic works)]. M.: Flinta; Nauka, 2011. 325 p.

Jazykovoje soznanije i jazykovyje ustanovki zhitelej prigranichnykh regionov vostoka Rossii (na primere Respubliki Buryatija i Zabaikalskogo kraja) [Language consciousness and language attitudes of people in border regions in the East of Russia (on example of the Republic of Buryatia and the Transbaikalian region).] / E.V. Khilkhanova, G.A. Dyrkheeva, L.M. Lyubimova, D.B. Sundueva ; Vost.-Sib. gos. in-t kultury ; In-t mongolovedenija, buddologii i tibetologii SO RAN. M.: Nauka; Vost. lit., 2016. 174 p.

Abendbroth-Timmer, D. Evaluation bilingualer Module aus Schülerperspektive: zur Lernbewusstheit und ihrer motivationalen Wirkung / Abendbroth-Timmer D. // Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht. 2004. № 9(2). 27 S. URL: <http://zif.spz.tu-darmstadt.de/jg-09-2/beitrag/Abendbroth2.htm> (accessed: 10.01.2016).

Allport, G.W. (1935). Attitudes // Handbook of social psychology / Murchison C. (Hrsg.). Worcester, Mass: Clark University Press. P. 798-844.

- Fasold, R.* (1984). *The Sociolinguistics of Society*. Oxford: Blackwell. 352 p.
- James, C., Garret, P.* (1992). *Language Awareness in the Classroom*. London [et al.]: Longman.
- Lambert, W.E.* (1960). Evaluation Reactions to Spoken Languages // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. № 60. P. 44-51.
- Luchtenberg, S.* (2001). Language(s) and Cultural Awareness: Ein Thema für die Fremdsprachenlehrausbildung? // *Neusprachliche Mitteilungen* 54. № 3. S. 130-138.
- Rosenberg, M. J. & Hovland, C. I.* (1960). Cognitive, affective and behavioral components of attitudes. In: *Rosenberg, Milton J./Hovland, Carl I. (Hg.): Attitude Organization and Change: An Analysis of Consistency Among Attitude Components*. New Haven: Yale University Press. P. 1-14.
- Scherfer P.* (1983). *Untersuchungen zum Sprachbewusstsein der Patois-Sprecher in der Franche-Compté*. Tübingen.
- Vandermeeren, S.* (1993). *Spracheinstellungen links und rechts der Sprachgrenze. Eine kontaktlinguistische Umfrage im Vurgebiet und in Altbelgien Nord (Plurilingua XIV)*. Bonn: Dümmler.
- Vandermeeren, S.* (1996). Sprachattitüde // *Goebel, H. et al. (Hrsg.). Kontaktlinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung*. 2 Bd., Berlin: New York. S. 692-702.
- Wölck, W.* (2006). Kontaktlinguistische Universalienforschung und Sprachplanung: eine kritische Betrachtung // *Alpes Europa. Sociolinguistica Europæa*. № 2. P. 319-329.
- Ziegler, E.* (1996). *Sprachgebrauch, Sprachvariation, Sprachwissen*. Frankfurt am Main: Lang. 292 S.

УДК 81'37

УДОВОЛЬСТВИЕ: СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ В ЯЗЫКЕ

Иоанесян Евгения Рафаэлевна

ведущий научный сотрудник

Институт языкознания РАН

Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр.1

ioanevg@mail.ru

На материале нескольких языков рассматриваются способы номинации удовольствия, которые прослеживаются во внутренней форме слов и синхронной полисемии. Описание строится с помощью инвентаря семантических переходов. Уделяется внимание основным типам семантических переходов, которые лежат в основе таких номинаций. Исследование опирается на большой корпус толковых и этимологических словарей. Проведенное исследование показало, что в основе номинации удовольствия могут лежать следующие элементы: компоненты прототипической ситуации удовольствия; инцидентные следствия ситуации удовольствия. Предложенные в статье модели семантических переходов позволяют выявить как универсальные, так и специфические черты картины мира разных языков. Актуальность исследования определяется тем, что изучение внутренней формы слова является одним из способов изучения языковой картины мира, поскольку внутренняя форма отражает способ построения концепта. В статье подчеркивается, что в соответствии с современными разработками ведущих лингвистов изучение семантических переходов является основой при установлении путей семантической эволюции и построении типологии семантической деривации. Актуальность исследования определяется также тем, что полученные данные могут быть использованы при составлении «Каталога семантических переходов», разрабатываемого в настоящее время российскими лингвистами.

Ключевые слова: семантические переходы, семантическая типология, внутренняя форма слова, полисемия, языковая картина мира.

Данная статья посвящена описанию способов номинации удовольствия в нескольких языках, которые прослеживаются во внутренней форме слов и синхронной полисемии ¹. Исследование показало, что в основе номинации удовольствия или соответствующей полисемии могут лежать следующие элементы: 1) компоненты прототипической ситуации удовольствия; 2) инцидентные следствия ситуации удовольствия. Под инцидентными следствиями мы понимаем стандартные ассоциации, которые в сознании данного языкового коллектива связывают данную ситуацию с некоторой другой ². В качестве инструмента описания выбран аппарат семантических переходов, отражающих изменения значения слов, регулярно воспроизводимых в разных языках. Семантическими переходами мы, вслед за Ан-

¹ Данная статья продолжает серию наших исследований, посвященных способам номинации разных эмоций в языке, см. [Иоанесян 2015, 2016, 2017].

² Ср. не конвенциональные, инцидентные следствия в [Падучева 2004], а также импликации в [Black 1962; Кустова 2000].

ной А. Зализняк, называем семантические отношения вида 'а' → 'b', с указанием конкретных лексем (как минимум двух), в которых данный семантический переход представлен — синхронно или диахронически [Зализняк 2006: 401]. Исследование опирается на большой корпус толковых и этимологических словарей.

Удовольствие, по утверждению А. Ребера, это «эмоциональный опыт, который многие считают не поддающимся определению по сути» [БТП]. Впрочем, как пишет Д.Л. Вертлиб, и «гнев, радость, страх, смех, грусть, тревога, гордость, любовь, ненависть и т. д., несмотря на занимаемое ими центральное место в человеческом опыте, практически не получили должного объяснения в психологии» [Вертлиб 2006]. Иногда удовольствие толкуется через отсылку к радости, см., например, [БЭП]: «чувство радости, довольства от приятных ощущений, переживаний»³. Тем не менее, большее распространение получила другая точка зрения, согласно которой удовольствие и радость суть явления разного порядка. Радость относят к базовым эмоциям, среди которых признают эмоции интереса, печали, удивления, гнева, отвращения, презрения, страха, стыда, смущения, вины и любви. Удовольствие определяется как чувство, «несомое нам сенсорными ощущениями — такими, как тактильные и вкусовые» [Изард 1999]⁴.

Различие между радостью и удовольствием отражено в лексике разных языков, см., например, толкования соответствующих русских единиц в книге А.Б. Пеньковского: ««УДОВОЛЬСТВИЕ прежде всего и преимущественно чувственно-физиологическая реакция, тогда как РАДОСТЬ имеет более высокую чувственно-психическую природу» [Пеньковский 2004: 63]⁵, «с радостью — это знак положительной эмоциональной реакции, опосредованной мыслью» [Там же: 247]. При этом стимулом удовольствия могут быть не только «физиологически-телесные и физические действия», но и «высокие ментальные действия, если они имеют доступную физическую подоснову. Именно о таких действиях (*слушать музыку, смотреть картины Тарковского, беседовать с умным человеком, решать математические задачи* и т.п.) говорят, что они *доставляют истинно физическое удовольствие*» [Там же: 64]. Следует оговорить, однако, что в некоторых языковых единицах отмечается синкретичное значение 'удовольствие, радость' (см., например, ниже лат. *volup*, нем. *genießen*).

³ Связь удовольствия и радости в нашем сознании отражена и в ассоциативных экспериментах. Так, согласно «Русскому ассоциативному словарю» [РАС], наибольшее число реакций на стимул «удовольствие» у испытуемых пришлось именно на «радость».

⁴ Заметим, что различие с л о в «эмоция» и «чувство» в языке может основываться на совершенно иных основаниях (см., например, о русских чувство и эмоция в [Зализняк 2006: 294—297]). В частности, мы говорим чувство радости и чувство голода, хотя радость включается в ряд базовых эмоций, а голод представляет собой чисто физиологическое ощущение.

⁵ См., однако, его замечания о том, что «целостное семантическое поле 'удовольствие — радость' членилось именами удовольствие и радость (и некоторыми другими) иначе, чем в современном языке. Первое в этот период (конец XVIII сер. XIX в. — ЕИ) имело более широкое, чем сегодня, диффузно-размытое значение и, покрывая часть семантического комплекса радость, функционировало в качестве дублета последнего \sphericalangle Наследием и свидетельством указанного этапа семантической истории имени удовольствие в русском языке являются живые отношения дублетности в парах к моему (твоему, нашему, общему, всех присутствующих) удовольствию — к моей (твоей, нашей, общей, всех присутствующих) радости, а также случаи дублетного употребления наречных сочетаний с удовольствием — с радостью в некоторых контекстах» [Там же: 61].

Стимул

Итак, ситуация удовольствия включает в качестве обязательного компонента стимул. Удовольствие связано прежде всего с сенсорными ощущениями — зрительными, слуховыми, вкусовыми и т.п. Эти ощущения могут лежать в основе номинации удовольствия, о чем свидетельствует существование семантических переходов вида 'вкус' — 'получать удовольствие'; 'есть / пить' — 'получать удовольствие', 'смотреть' / 'слушать' — 'получать удовольствие' и т.д. Приведем несколько примеров.

(1) Русский глагол *смаковать*, производный от слова *смак* 'вкус', имеет значение «Есть, пить, наслаждаясь вкусом чего-нибудь» [Ефремова 2006], «есть или пить намеренно неторопливо, небольшими порциями, стараясь продлить получаемое удовольствие» [Пеньковский: 246].

(2) Итальянское существительное *gusto* имеет значения 'вкус (одно из пяти чувств)', 'вкус, вкусовое ощущение' и 'удовольствие' (физическое, в частности, от еды и напитков, и эстетическое, ментальное): «1. Senso con cui si percepiscono i sapori: cibo gradevole al g. 2. Sensazione gustativa data da una sostanza; SIN. sapore: g. amaro, dolce; gelato al g. di limone; 3. estens. Sensazione di piacere ricavata da cibi e bevande: *mangiare di g.*; anche in senso fig., piacere, godimento: *provar g. a fare qlco.*» [SCD]. Аналогичные значения отмечены у испанского когната *gusto*: «1. m. Sentido corporal con el que se perciben sustancias químicas disueltas, como las de los alimentos. 2. m. Sabor que tienen las cosas. 3. m. Placer o deleite que se experimenta con algún motivo, o se recibe de cualquier cosa» [DRAE]. Польский глагол *gustować* (тоже производный от лат. *gustus*) используется в значении 'любить, находить удовольствие в чём-л.'⁶: *Gustować*: «mieć upodobanie, lubować się w czym, smakować w czym, lubić co: Trzeba być bardzo niewybrednym, aby gustować w jego aforyzmach. Irzyk *Czyn 105*. Nie gustowałem w poezji *Asnyk Poezje I, 120*» [SJP].

(3) Русский глагол *упиваться* имеет значения 'напиваться до полного насыщения или допьяна' и 'наслаждаться чем-либо' [Ефремова 2006].

(4) Английский фразовый глагол *to drink in (to drink — 'пить')* имеет значение 'наслаждаться, упиваться чем-л.': (а) «to experience something with great enjoyment: *They sat out on the terrace and drank in the stunning view*» [MD]; (б) *LIZA (drinking in his emotion like nectar, and nagging him to provoke a further supply)* (Bernard Shaw. *Pygmalion* (1912)). ЭЛИЗА (она упивается его волнением, словно божественным нектаром, и готовит новую придирку, чтобы продлить удовольствие) [НКРЯ].

(5) Немецкий глагол *genießen* имеет значения 'есть, пить' и 'наслаждаться': «1. von einer Speise, einem Getränk etwas zu sich nehmen; 2. «mit Freude, Genuss, Wohlbehagen auf sich wirken lassen» [Duden]. Та же полисемия отмечена и у существительного *Genuss*.

(6) Английское существительное *treat*, образованное от глагола *to treat*, одно из значений которого — 'угощать', имеет значения 'угощение' и 'удовольствие, наслаждение': (а) «1. *a cold treat of roasted mutton and beef* — холодная закуска из жареной баранины и говядины; *the monkey got an extra treat* — обезьянка получила до-

⁶ См. ниже о вхождении смысла 'удовольствие' в значение глагола любить (любить читать, любить музыку).

полнительное угощение; 2. *the music was a real treat* — музыка доставила истинное наслаждение» [НБАРС]; (6) «1. Something, such as one's food or entertainment, that is paid for by someone else. 2. A source of a special delight or pleasure: *His trip abroad was a real treat*» [АНД].

(7) Русский глагол *заглядеться*, производный от *глядеть*, выступает синонимом глагола *любоваться*: «ЛЮБОВАТЬСЯ, ЗАГЛЯДЕТЬСЯ 2 'долго и с удовольствием смотреть на понравившийся объект'» [Апресян 2000 б: 185].

Существуют и обратные переходы 'удовольствие' → 'есть', например:

(8) Санскр. *valbh* 'enjoy' — 'to eat' и *bhuj-* 'enjoy' — 'eat' [DB].

(9) По-видимому, семантический переход от значения 'удовольствие' — к значению 'угощать' представлен в вышедшем из употребления русском глаголе *лакомить*⁷ и украинском *лакомити*: «русск. стар. *лакомить* 'кормить, угощать' (СлРЯ XVIII в. 11, 111),.. <> укр. *лакомити* 'кормить лакомствами' (Гринченко II, 342)» [ЭССЯ 32].

Стимулом удовольствия могут быть действия разной природы, в частности, например, чтение. Это объясняет переход 'читать' — 'читать (и перечитывать) с удовольствием'. Примером этого является русский глагол *зачитываться*, в котором источник—стимул (чтение) и реакция (удовольствие) так же, как А.Б. Пеньковский отметил это для русских *любоваться* и *смаковать*, «обозначаются слитно, в целостной семантической структуре» [Пеньковский 2004: 246]. В русских толковых словарях смысл 'удовольствие' у глагола *зачитываться* не выделяется, в отличие от польского *zacztywać się*, у которого это значение зафиксировано: «*zacztywać się: lubić coś czytać*» [SJP]. Наша точка зрения согласуется также с интуицией переводчиков, которые в качестве эквивалентов *зачитываться* часто используют предикатные единицы, содержащие сему 'удовольствие'. Например: (а) *В то время только начинали появляться Монтекристы и разные «Тайны», и я зачитывался романами Сю, Дюма и Поль де Кока* (Л.Н. Толстой. Юность (1856)). At that period Monte Cristo and Taine's works had just appeared, while I also revelled in stories by Sue, Dumas, and Paul de Kock [НКРЯ]. (б) *Wenn sie auch Schiller auf die Höhen seiner philosophischen Arbeiten nicht zu folgen vermochten, so erbauten sie sich um so mehr an seinen geschichtlichen Werken* (Gottfried Keller. Der grüne Heinrich (zweite Fassung) (1879-1880)). Высоты философских сочинений Шиллера были для них недоступны, но зато они зачитывались его историческими трудами [НКРЯ].

Инцидентные следствия

1. Одним из инцидентных следствий прототипической ситуации удовольствия является желание испытать это удовольствие еще раз: Удовольствие как **п о л о ж и т е л н а я** чувственная реакция предполагает возможность **ж е л а н и я** переживать его вновь и вновь. С другой стороны, желание осуществления какой-то ситуации Р может быть обусловлено оценкой субъектом этой ситуации как способной доставить ему удовольствие или радость⁸. Связь между желанием, с одной сто-

⁷ Лакомый — 'доставляющий вкусовое наслаждение'.

⁸ См., например, толкование глагола любить 2 в [Апресян 2000а: 180], в котором связь между желанием и удовольствием выражена эксплицитно: «Х любит <обожает> Р = 'Х имеет свойство хотеть Р, потому что всякий раз, когда Х делает Р, использует Р или находится в контакте с Р, он испытывает большое удовольствие'».

роны, и удовольствием и радостью, с другой, получила отражение в семантических переходах вида 'желание' — 'удовольствие' / 'радость'. Например:

(1) Русское слово *охота* имело значения 'желание' и 'удовольствие'. Выражение *в охоту* в русских диалектах использовалось в значении «с удовольствием, в охотку. *Голодному Федоту и репа в охоту*. Архив АН СССР» [СРНГ], *с охоткой* — в значении «с чувством удовольствия (главным образом о пище). Урал, 1930. *Щи с охоткой хлебали*» [Там же]. *Охотно* имело два круга значений: 1) значение «Приятно, весело. *Во Казани-то жить привольно, Жить привольно, гулять охотно, У нас денежек предовольно*. Арх., Соболевский, Моск. 1904. *Пойдем вместе, охотней будет*. Костром. Все будет охотней нам, все веселей. Ряз. 3» [Там же]; 2) «В знач. безл. сказ. Хочется, охота. *Жарко, а холодного-то охотно* (хочется). Твер. Твер., 1910» [Там же]. В русском литературном языке наречие *охотно* на протяжении всего XIX в. функционировало в качестве дублета выражения *с удовольствием* [Пеньковский 2004: 252], например: (а) *Гагин, наконец, решил, что он «сегодня не в ударе», лёг рядом со мной, и уж тут свободно потекли молодые наши речи, то горячие, то задумчивые, то восторженные, но почти всегда неясные речи, в которых так охотно разливается русский человек* (И.С. Тургенев. *Ася* (1858)) [НКРЯ]; (б) *Савелий тем охотнее начал сокрушаться о семействе, что ничто уже его не развлекало* (Д.В. Григорович. *Кошка и мышка* (1857)) [НКРЯ]. Однако в современном языке *охотно* принадлежит «волевой, а не чувственной сфере. *Охотно* сегодня ◊ — это знак положительной волевой реакции» [Пеньковский 2004: 253].

(2) Латинское *volup(e)*, производное от глагола *velle* 'хотеть, желать', использовалось в значении 'приятный, радостный'⁹: «adv. [volo II]: приятно, радостно» [ЛРС]; «chose agréable, plaisir: *ut mihi volupe est quia video...!* Plaut.: *qu'il m'est agréable de voir... (quel plaisir j'ai à voir...)*» [JWH]. От *volup* произошло существительное *voluptas* 'удовольствие, наслаждение' (франц. *volupté*, исп. *voluptuosidad* и т.п.), прилагательное *voluptificus* 'доставляющий (чувственное) наслаждение' (*voluptas + facio*) и т.д. В одном из толкований *volup(e)* эксплицируется связь между желанием и удовольствием, которая и определила образование слов со значением 'удовольствие' от дезидеративного глагола *velle*: «*volup, d'une manière conforme aux désirs, agréablement*» [DLFG]. См. также ит. *voluttà*, франц. *volupté* и т.д. (от лат. *voluptas*), ит. *voluttuosamente*, франц. *voluptueusement* и т.д. Например: «*Voluttà: Piacere intenso, vivo godimento fisico e spirituale: odori, sapori gustati con v.; bere con v.; la v. di una musica melodiosa; la dolce v. del bene; la v. della vendetta*» [GDH]; «*Voluttuosamente: Con voluttà*» [GDH].

(3) В словарной статье праслав. **olkomiti (se)* [ЭССЯ 32] отражено разное семантическое развитие соответствующих славянских глаголов: некоторые предикаты имеют волитивное значение, другие — значение удовольствия, например: «**olkomiti (se)*: цслав. *лакомити сѧ* *cupere* (Mikl. LP), ◊ макед. *лакоми се* 'зариться на что, жадно хотеть чего' (Макед.-русс.), сербохорв. *làkomiti se* 'жаждать, сильно желать', ◊ русск. *лакомиться* 'наслаждаться (сладостями, чем-н. особенно вкусным)', ◊ укр. *лакомитися* 'лакомиться' (Словн. укр. мови, IV, 433)».

⁹ В словаре [ЛРС] это слово получило статус наречия, другие словари определяют его как имя прилагательное, что представляется нам более правильным.

(4) Синонимия 'нравиться' — 'хотеть' отмечена в языке яравара: «Polysemy: Jarawara nofa 'to want' — 'to like, love'. Example for the meaning A: Iyawa hinita kabi on-ofarini 'I don't want to eat manioc meal by itself'; Example for the meaning B: Bahi kona ehene nofatere amaka. 'thunder doesn't like fishing with poison'» [DB].

Отметим, что переход 'любить' — 'хотеть' авторы Каталога семантических переходов [DB] усматривают и у англ. to love¹⁰: «Polysemy: English love 'to love' — 'to desire, to long for'. Example for the meaning B: I'd love to stay with you. 'Я бы с удовольствием остался с вами'» (см. выше о вхождении смысла 'удовольствие' в значение глагола *любить* 2 (*любить читать, любить музыку*)).

(5) Итальянское прилагательное *vago* имеет значения 'жаждущий, мечтающий' и 'приятный': «(fig., lett.) a. [che prova desiderio di qualcosa, con la prep. di: *Ancor non prendi a schivo, ancor sei vago Di mirar queste valli?* (G. Leopardi)] ≈ desideroso, voglioso. ↑ avido, (lett.) bramoso, (lett.) cupido, smanioso; b. [che ha aspetto piacevole e delicato, generalm. anteposto al sost.: *Tre vaghissime donne a cui le trecce Infiora di felici itale rose Giovinezza* (U. Foscolo)]» [SCT].

2. Семантические переходы вида 'удовольствие' — 'покой' свидетельствуют о том, что в картине мира разных языков удовольствие ассоциируется с состоянием внутреннего покоя (или радости). Указанный переход реализуется в двух вариантах: 1. 'человек находится в состоянии покоя / человек пришел в состояние покоя' — 'человек испытывает удовольствие / радость'; 2. 'объект находится в состоянии покоя' — 'объект вызывает удовольствие / радость человека'.

(1) Рус. *тешить*, *утешать*, *тихий*, укр. *тішити* восходят к праслав. **тихъ*: «тихий тих, тихá, тихо, укр. тiхий, др.-русск. тихъ, ст.-слав. тихъ γαληνός (Супр.), болг. тих, сербохорв. тиx, тиxа, словен. tíh, tíha ж., чеш., слвц. tichý, польск. cichy, в.-луж. śichi, н.-луж. śichy, полаб. taiche. Праслав. **тихъ* связано чередованием гласных с *тѣха*, *тѣšiti* (см. -*тѣха*, *тѣшить*)» [ФЭ]. Др.-русск. *тѣшити* имело значение 'успокаивать': «утѣшать, успокаивать: Тѣшаше, аки мати младенца. *Жит. Петр. Берк. Мин. чет. июн. 414; тѣшитисѧ* — 'радоваться': Вѣрьнии, сѣтымъ вѣгодимъ. ими же Бѣтѣшиьсѧ. *Io. екз. Бог. 299.*» [СР]. В словарях русского языка XVIII и XIX веков у слов *утешать*, *утешение*, *тешить* и т.п. отмечались значения, содержащие семы 'удовольствие' и 'радость'. Например: «утѣшаюсь: Нахожу, обрѣтаю удовольствие, отраду въ чемъ; или получаю облегчение въ печали, въ огорчении, въ злощастіи» [САР]; «утѣха: удовольствие, наслаждение, утѣшение, забава. Исполнился утѣхи. 2 Кор. VII.4.» [СЛЦСЯ]; «утешать: потешать, забавлять, тешить, услаждать, доставлять отраду, удовольствие. *Няня ребенка песенками утешает. Утешь, да поешь! Ну уж утешил он нас вѣчорась: со смеху поморил! Путные дети собою отца-мать утешают, радуют, покоят*» [Даль].

(2) Исп. *suave*, сочетает значения 'приятный' (т.е. вызывающий чувство удовольствия) и 'спокойный': «Blando, dulce, grato a los sentidos; Tranquilo, quieto, manso [DRAE]. Аналогичная полисемия отмечается у его португальского когната

¹⁰ «Love (n.) O.E. lufu "love, affection, friendliness", from P.Gmc. *lubo (O.H.G. liubi вЪъjoy, вЪкъ Ger. Liebe вЪъlove; вЪкъ O.N., O.Fris., Du. lof; Ger. Lob вЪъpraise; вЪкъ O.S. liof, O.Fris. liaf, Du. lief, O.H.G. liob, Ger. lieb, Goth. liufs вЪъdear, beloved вЪкъ), from PIE *leubh- "to care, desire, love" (Cf. L. lubet, later libet "pleases"; Skt. lubhyati "desires"; O.C.S. l'ubu "dear, beloved"; Lith. liaupse "song of praise")» [OED].

suave: «1. adj. Liso y blando al tacto, en contraposición a tosco y áspero. 2. Blando, dulce, grato a los sentidos. 3. Tranquilo, quieto, manso» [DA]. См. также итальянское *soave*: 1. «Gradito ai sensi, piacevole: *gusto, aroma s.*» [SCD]; 2. «Con valore di avv., ant. e poet., in modo dolcemente delicato e grato; placidamente, tranquillamente: *Cavalca tosto in piano, Soave nel montano* (Francesco da Barberino)» [VT].

(3) Латинский глагол *mulcere* сочетал значения 'гладить' / 'легко касаться', 'успокаивать' и 'доставлять удовольствие', например: «to stroke; to touch or move lightly; *manu mulcens barbam*, Ov. F. 1, 259; Transf., to make sweet or pleasant: *pocula succis Lyaei*, Sil. 7, 169; to soothe, soften, appease, allay: *aliquem dictis*, Verg.» [LSL]. 'Гладить' осмыслялось как успокаивающее действие руки: «stroke with the hand in a soothing manner» [EDLV]. Это, как представляется, послужило основой для перехода к значениям 'успокаивать' и 'доставлять удовольствие'.

3. Переходы вида 'X' — 'приятный', где X — название какого-л. качества, отражают имеющиеся в картине мира того или иного языка представление о том, с какими свойствами объекта ассоциируется у человека чувство удовольствия. Одним из таких свойств является свойство 'гладкий'. См., например, английское прилагательное *smooth*: «having an even or level surface; having no roughness or projections that can be seen or felt; pleasing to the taste; Slang: very pleasant, attractive, or enjoyable» [WNW]. В польском языке прилагательное *gladki* имеет значения 'гладкий' — 'красивый'¹¹ [SJP]. Полисемия 'гладкий, мягкий' — 'красивый, прекрасный' представлена выражением *łamąsmąs bälä* языка тигринья (семитская группа): «1998. smooth — beautiful. Polysemy: Tigrinya *łamąsmąs bälä* “to be soft, smooth” — “to look fine”» [DB].

4. Удовольствие оказывается связано еще с одним понятием — роскошью. Русское *роскошь*, польское *rozkosz*, словацкое *rozkoš*, чешское *rozkoš* и т.п. восходят к праслав. **orzkošъ* [ЭССЯ 33], являющемуся производным от **orzkoxati* (*sę*), к которому восходят славянские глаголы со значением 'любить', 'находить в чем-л. наслаждение', 'испытывать блаженство' Например: «польск. *rozkochac się* 'разгореться страстью, страстно полюбить, влюбиться', устар. 'познать блаженство, сильно обрадоваться, развеселиться, стать счастливым'» [Там же]. **Orzkoxati* представляет «сложение преф. *orz-* и гл. **koxati* (*sę*)» [Там же]. К **koxati* (*sę*) восходят чеш. *kochati* 'любить', 'ласкать', *kochati se* 'находить удовольствие, наслаждаться', польск. *kochać* 'любить', слвц. *kochat' sa* 'увлекаться, наслаждаться', русск. диал. *кохать* 'любить', *кохаться* 'любить' (смол.), 'предаваться неге, наслаждаться состоянием покоя, бездеятельности; нежиться' и др. [ЭССЯ 10]. См. также в [ФЭ]: «Роскошь. укр. рóскіш, род. -оши, блр. роскóша “невоздержанность”, болг. разкóш (Младенов 547), сербохорв. рáскош “наслаждение”, словен. razkôš “сладострастие”, др.-чеш., чеш., слвц. rozkoš “радость, наслаждение, блаженство”, польск. goskosz — то же. Связано с чеш. kochati “любить”, польск. kochać, далее, вероятно, с кохнуть». Таким образом, исходным пунктом семантической деривации для русского слова *роскошь* и его когнатов был смысл 'любить' / 'удовольствие'. Значение 'удовольствие' было у слова и в др.-русском языке: «др.-русск. *роскошь* ж.р. 'роскошь, наслаждение, удовольствие' (ср. польск. *rozkosz*) Курб. Ист., 245. XVII в. ~ XVI в.; Алф. 1, 197.

¹¹ Красивый — это «доставляющий удовольствие своим внешним видом» [Ефремова 2006].

XVII в.; (Росп. Троф.) Суб. Мат. IV, 290. 1666 г. (СлРЯ XI-XVII вв. 22, 214), *раскошь* (*разкошь*) ж.р. 'наслаждение' Курб. Пис., 449. XVII в. ~ XVI в.» [ЭССЯ 33].

Итак, мы попытались представить основные типы семантических переходов, которые лежат в основе разных способов номинации удовольствия. Проведенное исследование показало, что в основе номинации удовольствия или соответствующей полисемии могут лежать следующие элементы: 1. компоненты прототипической ситуации удовольствия; 2. инцидентные следствия ситуации удовольствия, т.е. ассоциативные связи ситуации удовольствия с другими ситуациями — такими как, например, покой или роскошь. Актуальность исследования определяется тем, что изучение внутренней формы слова, изучение семантических переходов является одним из эффективных способов изучения языковой картины мира [Руссо 2012], поскольку внутренняя форма отражает способ построения концепта. Изучение семантической деривации представляет интерес и для развития семантической типологии. Интерес к диахроническим исследованиям в области лексической семантики определяется также целями построения объяснительных моделей языка.

Литература

Апресян Ю.Д. Любить 2, Обождать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 180–185.

Апресян Ю.Д. Любоваться, заглядеться 2 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 185–187.

БТП: Большой толковый психологический словарь в 2-х т. /Ребер Артур /Пер. с англ. М.: Вече: АСТ, 2000. 560 с. [Электронный ресурс]. URL: // <http://vocabulary.ru> (дата обращения: 20.03.2017).

БЭП: Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии, 2-е изд. М.: Джангар, 2012. 864 с. [Электронный ресурс]. URL: // <http://vocabulary.ru> (дата обращения: 20.03.2017).

Вертлиб Д.Л. Аффективное развитие // Психологическая энциклопедия. Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. 1876 с. [Электронный ресурс]. URL: // <http://readbookonline.ru/read> (дата обращения: 20.03.2017).

Даль В.И. Словарь живого великорусского словаря. В 4-х т. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Универс», 1994.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3-х томах. М.: АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006 [Электронный ресурс] URL: // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova> (дата обращения: 20.03.2017).

Зализняк Анна А. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.

Изард К. Психология эмоций / Перев. с англ. СПб.: Питер, 1999. 464 с. [Электронный ресурс]. URL: // http://www.libok.net/writer/3949/kniga/11496/izard_kerrol_e/psihologiya_emotsiy (дата обращения: 20.03.2017).

Иоанесян Е.Р. Способы номинации страха в языке // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Вып. 7, 2015. М.: Институт языкознания РАН [Электронный ресурс] URL: // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2015_07/5.pdf. (дата обращения: 20.03.2017).

Иоанесян Е.Р. Семантические переходы в лексическом поле страха // Научный диалог, № 12 (48), 2015. С. 81–92.

Иоанесян Е.Р. Предикаты эмоционального состояния: прототипический сценарий и семантическая эволюция // Ученые записки Орловского государственного университета. № 3 (72), 2016. С. 160–166.

Иоанесян Е.Р. Модели семантической деривации в классе предикатов сожаления и раскаяния // Научный диалог, № 3, 2017 (в печати).

Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 85–109.

ЛРС: Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е, переработ. и доп. М.: Русский язык, 1976 [Электронный ресурс]. URL: //http://radugaslov.ru/latin1.htm (дата обращения: 20.03.2017).

НБАРС: Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. / Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1993–1994.

НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL://http://www.ruscorgo.ru (дата обращения: 20.03.2017).

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

Пеньковский А.Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.

ПЭ: Психологическая энциклопедия. Под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. 1876 с. [Электронный ресурс] // URL: http://readbookonline.ru/read (дата обращения: 20.03.2017).

РАС: Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: АСТ–Астрель, 2002 [Электронный ресурс] URL: // http://thesaurus.ru/dict/dict.php (дата обращения: 20.03.2017).

Руссо М.М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Вып. 4, 2012. М.: Институт языкознания РАН [Электронный ресурс] URL: // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012 (дата обращения: 20.03.2017).

САР: Словарь Академии Российской. В 6 частях. СПб., 1789-1794 [Электронный ресурс] URL: //http://etymolog.ruslang.ru (дата обращения: 20.03.2017).

СЛЦСЯ: Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. В 4-х т. СПб., 1847 [Электронный ресурс] / URL: http://etymolog.ruslang.ru (дата обращения: 20.03.2017).

СР: Материалы для словаря древнерусского языка. Труд И.И. Срезневского. В 4-х т. М.: Знак, 2003. [Электронный ресурс] URL:// http://etymolog.ruslang.ru/doc/sreznevskij (дата обращения: 05.03.2017).

СРНГ: Словарь русских народных говоров. Вып. 25. /под ред. Ф.П. Сороколетова. Ленинград: Наука, 1990 [Электронный ресурс] URL: // http://www.iling.spb.ru/vocabula/srng/srng_25.pdf (дата обращения: 20.03.2017).

ФЭ: Этимологический словарь русского языка. В 4-х т./ Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987.

ЭССЯ 10: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд // под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 10. М.: Наука, 1983 [Электронный ресурс] URL: // http://etymolog.ruslang.ru/doc/essja10 (дата обращения: 20.03.2017).

ЭССЯ 32: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд // под ред. О.Н. Трубочева и А.Ф. Журавлева. Вып. 32. М.: Наука, 2005 [Электронный ресурс] URL: // <http://etymolog.ruslang.ru/doc/essja32> (дата обращения: 20.03.2017).

ЭССЯ 33: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд // под ред. А.Ф. Журавлева. Вып. 33. М.: Наука, 2007 [Электронный ресурс] URL: // <http://etymolog.ruslang.ru/doc/essja33> (дата обращения: 20.03.2017).

AHD: American Heritage Dictionary of the English Language [Электронный ресурс] URL: // <https://www.ahdictionary.com>. (дата обращения: 20.03.2017).

Black, M. (1962). *Models and Metaphor: Studies in Language and Philosophy*. Ithaca – London: Cornell University Press. 267 p.

DA: Dicionário Aurélio (Dicionário da Língua Portuguesa, de Aurélio Buarque de Holanda Ferreira). Brasil, 2010 [Электронный ресурс] URL: // <http://dicionariodoaurelio.com> (дата обращения: 20.03.2017).

DB: DATABASE of semantic shifts in the languages of the world. © DatSemShifts, 2012-2013 [Электронный ресурс] URL: // <http://semshifts.iling-ran.ru> (дата обращения: 20.03.2017).

DLFG: Gaffiot F. Dictionnaire latin-français. Paris, 1934. On-line: [Электронный ресурс] URL: // <http://www.lexilogos.com>. (дата обращения: 20.03.2017).

DRAE: Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. Madrid, 2015 [Электронный ресурс] URL: // <http://dle.rae.es> (дата обращения: 20.03.2017).

Duden: Wörterbuchzugang Duden online [Электронный ресурс] URL: // <http://www.duden.de/woerterbuch> (дата обращения: 20.03.2017).

EDLV: An Etymological Dictionary of the Latin Language by F.E.J. Valpy. London, 1828 [Электронный ресурс] URL: // <http://www.lexilogos.com> (дата обращения: 20.03.2017).

GDH: Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli. Copyright © Hoepli 2011 [Электронный ресурс] URL: // <http://dizionari.repubblica.it> (дата обращения: 20.03.2017).

GDL: Grand dictionnaire de la langue latine par Napoléon Theil, d'après le dictionnaire de William Freund. Traduit en Français. Paris: Librairie de Firmin-Didot, 1929 [Электронный ресурс] URL: // http://www.lexilogos.com/latin_dictionnaire (дата обращения: 20.03.2017).

JWH: Jeanneau G., Woitrain J.-P., Hassid J.C. Dictionnaire Latin-Français [Электронный ресурс] URL: // <http://www.prima-elementa.fr> (дата обращения: 20.03.2017).

LSL: Lewis & Short. A Latin Dictionary (1879) [Электронный ресурс] URL: // http://short_latin_la_en.enacademic.com (дата обращения: 20.03.2017).

MD: Macmillan Dictionary [Электронный ресурс] URL: // <http://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 20.03.2017).

OED: Douglas Harper. Online Etymology Dictionary 2011–2015 [Electronic resource] / Douglas Harper. [Электронный ресурс] URL: // <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 20.03.2017).

SCD: Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiana. Milano, 2007 [Электронный ресурс] URL: // <http://dizionari.corriere.it>. (дата обращения: 20.03.2017).

SCT: Il Treccani, Dizionario dei Sinonimi e Contrari. Istituto dell'Enciclopedia Italiana [Электронный ресурс] URL: // <http://www.treccani.it/vocabolrio> (дата обращения: 20.03.2017).

SJP: Słownik języka polskiego, red. W. Doroszewski, Warszawa 1958–1969. t. I–XI. [Электронный ресурс] URL:// <http://sjp.pwn.pl/doroszewski> (дата обращения: 20.03.2017).

TR: Le Trésor de la langue française informatisé 2000 [Электронный ресурс] URL: // <http://atilf.atilf.fr> (дата обращения: 20.03.2017).

VT: Vocabolario Treccani. Istituto dell'Enciclopedia Italiana. 2013// [Электронный ресурс] URL: <http://www.treccani.it/vocabolario> (дата обращения: 20.03.2017).

WNW: Webster's New World College Dictionary. Fourth Edition [Электронный ресурс] URL: // <http://websters.yourdictionary.com>. (дата обращения: 20.03.2017).

NAMING OF PLEASURE IN LANGUAGE

Yevgeniya R. Ioanesyan

Leading researcher

Institute of linguistics, Russian academy of Sciences

Moscow 125009, B. Kislovski per. 1, str. 1

ioanevg@mail.ru

Covering the material of several languages, the paper considers different ways of naming pleasure that are reflected in the inner form of the word and synchronic polysemy. The description is constructed using the inventory of semantic shifts. Attention is paid to the major types of semantic transitions which lie at the basis of such nominations. The study is based on a large corpus of explanatory and etymological dictionaries. The study showed that the basis of the naming of pleasure may lie in the following elements: components of the prototypical situation of pleasure; inferences of the situation of pleasure. The proposed models of semantic transitions allow to reveal both universal and specific features of the picture of the world of different languages. The relevance of the study is determined by the fact that the study of inner forms of the word is one of the ways of studying the linguistic picture of the world because the inner form reflects the method of concept construction. The author emphasizes that in accordance with leading linguists' modern developments the study of the semantic transitions is the basis for establishing the ways of semantic evolution and the creation of a typology of semantic derivation. The relevance of research also derives from the fact that the data obtained can be used in the preparation of the "Catalogue of semantic Shifts", that is currently being developed by Russian linguists.

Keywords: semantic shifts; semantic typology; inner form of word; polysemy; language picture of the world.

References

Apresjan, Yu. D. Ljubit' 2, obozhat' [To love 2, to adore]. *Novyj objasnitelnyj slovar' sinonimov russkogo yazyka* [The New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms] / Pod obshhim ruk. Yu.D. Apresjana. Vtoroj vypusk. Moscow: Yazyki russkoj kultury, 2000, pp. 180–185.

Apresjan, Yu. D. Ljubovat'sja, zagljadet'sja [To admire, to stare] *Novyj objasnitelnyj slovar' sinonimow russkogo yazyka* [The New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms] / Pod obshhim ruk. Yu.D. Apresjana. Vtoroj vypusk. Moscow: Yazyki russkoj kultury, 2000, pp. 185–187.

BTP: Bolshoj tolkovyj psichologicheskij slovar' [Dictionary of psychology] / Per. s angl. / Reber A. In 2 vol. SPb.: Veche: AST, 2000 [Jelektronnyj resurs] URL: // <http://vocabulary.ru> (data obrashhenija: 05.03.2017).

BAP: Zhmurov V.A. Bolshaja entsiklopedija po psihiatrui [Encyclopedia of psychiatry]. 2–e izd. Moscow: Dzhangar, 2012. 864 p. [Jelektronnyj resurs] URL: // <http://vocabulary.ru> (data obrashhenija: 20.03.2017).

Vertlib D.L. Affektivnoje razvitije [Affective development] / Per. s angl. *Psihologicheskaja entsiklopedija* [Concise encyclopedia of psychology] / Pod. red. R.J. Corsini, A.J. Auerbach. 2–e izd. SPb.: Piter, 2006. 1876 p. [Jelektronnyj resurs] URL: // <http://readbookonline.ru/read> (data obrashhenija: 20.03.2017).

Dal' V.I. Slovar' zhivogo velikoruskogoazyka [The Dictionary of The Great Alive Russian language]. V 4 t. Moscow: Izdatel'skaja gruppa "Progress" — "Univers", 1994.

Efremova T.F. Sovremennyj tolkovyj slovar' ruskogoazyka [The Modern Explanatory Dictionary of Russian]. V 3 t. Moscow: Astrel', Harvest, Lingua, 2006 [Jelektronnyj resurs] URL: // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova> (data obrashhenija: 20.03.2017).

Zalznjak Anna A. Mnogoznachnost' vazyke i sposoby ejo predstavlenija [Polysemy and ways of its representation]. Moscow: Yazyki slavjanskih kultur. 672 p.

Izard K. Psihologija jemotsij [The Psychology of Emotions] / Per. s angl. SPb.: Piter, 1999. 464 p. [Jelektronnyj resurs] URL: // http://www.libok.net/writer/3949/kniga/11496/izard_kerrol_e/psihologiya.emotsiy (data obrashhenija: 20.03.2017).

Ioanesyan, E.R. Sposoby nominatsii straha vazyke [Naming of fear in language]. *Linguistika i metodika prepodavanija inostranyh yazykov* [Linguistics and methods of teaching foreign languages], 2015, no 7. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences [Jelektronnyj resurs] URL: // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2015_07/5.pdf (data obrashhenija: 20.03.2017).

Ioanesyan, E.R. Semanticheskije perehody v leksicheskom pole straha [Semantic Transitions in Lexical Field of Fear]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2015, no 12 (48), pp. 81–92.

Ioanesyan, E.R. Predikaty emotsional'nogo sostojanija: prototipicheskij stsenarij i semanticheskaja evoljutsija [Emotive predicates: prototypical scenario and semantic evolution]. *Uchenyje zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Orel State University], 2016, no 3 (72), pp. 160–166.

Ioanesyan, E.R. Modeli semanticheskoy derivatsii v klasse predikatov sozhalenija i raskajanija [Models of Semantic Derivation in Class of Predicates of Regret and Remorse] *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2017, no 3, 2017 (in press).

Kustova, G.I. Kognitivnyje modeli v semanticheskoy derivatsii i sistema proizvodnyh znachenij [Cognitive models in semantic Derivation and the System of derivative meanings]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 2000, no 4, pp. 85–109.

LRS: Dvoret'skij I.H.. Latinsko-russkij slovar' [The Latin–Russian Dictionary] Moscow: Russkij yazyk, 1976 [Jelektronnyj resurs] URL: // <http://radugaslov.ru/latin1.htm> (data obrashhenija: 20.03.2017).

NBARS: Novyj bolshoj anglo–russkij slovar' V 3 t. [New English – Russian Dictionary] / Apresjan, Yu. D., Mednikova E. M., Petrova i dr. Pod obshhim ruk. Yu. D. Apresjana. Moscow: Russkij Yazyk, 1993–1994.

NKRJA: Natsionalnyj korpus ruskogoazyka [Russian National Corpus] [Jelektronnyj resurs] URL: // <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashhenija: 20.03.2017).

Paducheva, E.V. Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki [Dynamic models in the semantics of the word] M: Yazyki slavyanskoj kultury, 2004. 608 p.

Pen'kovskij A.B. Oчерки po russkoj semantike [Essay on Russian Semantics]. Moscow: Yazyki slavjanskoj kultury, 2004. 464 p.

PE: Psichologicheskaja entsiklopedija [Concise encyclopedia of psychology] / Pod red. R.Korsini, A. Awerbach /Per. s angl. 2–e izd. SPb.: Piter, 2006. 1876 p. [Jelektronnyj resurs] URL: // <http://readbookonline.ru/read> (data obrashhenija: 20.03.2017).

RAS: Russkij assotsiativnyj slovar' [Russian Association Dictionary]. V 2 t. /Pod red. Ju.N. Karaulova, G.A. Cherkassovoj, Ju. A. Sorokina, N.V. Ufimtsevoj, Ye. F. Tarassova. Moscow: AST–Astrel, 2002 [Jelektronnyj resurs] URL: //<http://thesaurus.ru/dict/dict.php> (data obrashhenija: 20.03.2017).

Russo M.M. Neogumboldtianskaja lingvistika i ramki “yazykovoj kartiny mira” [Neo-Humboldtian linguistics and limits of the linguistic model of the world] *Linguistika i metodika prepodavanija inostranyh yazykov* [Linguistics and methods of teaching foreign languages], 2012, no 4. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences [Jelektronnyj resurs] URL: // http://www.iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2012 (data obrashhenija: 20.03.2017).

SAR: Slovar' Akademii Rossijskoj [The Dictionary of Russian Academy]. V 6 chastjah. SPb., 1789–1794. [Jelektronnyj resurs] URL: //<http://etymolog.ruslang.ru> (data obrashhenija: 20.03.2017).

SLTSSYA: Slovar' tserkovnoslavjanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyj Imperatorskoj Akademiej nauk [The Dictionary of the Church Slavonic and Russian language, composed by The Imperial Academy of Science]. V. 4 t. SPb., 1847 [Jelektronnyj resurs] URL: // <http://etymolog.ruslang.ru> (data obrashhenija: 20.03.2017).

SR: Materialy dlja slovarja drevnerusskogo yazyka [Materials for the Dictionary of the Old Russian language]. Trud I.I. Sreznevskogo. V 3 t. Moscow: Znak, 2003 [Jelektronnyj resurs] // <http://etymolog.ruslang.ru/doc/sreznevskij> (data obrashhenija: 20.03.2017).

SRNG: Slovar' russkih narodnyh govorov [The dictionary of Russian subdialects] / Pod red. F.P. Sorokoletova. Vyp. 25. Leningrad: Nauka, 1990 // [Jelektronnyj resurs] // http://www.iling.spb.ru/vocabula/srng/srng_25.pdf (data obrashhenija: 20.03.2017).

FJE: M. Fasmer. Jetimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of Russian] V 4 t. 2 izd., ster. Moscow: Progress, 1986–1987.

ESSYA 10: Jetimologicheskij slovar' slavjanskih yazykov. Praslavjanskij leksicheskij fond [The etymological Dictionary of Slavonic languages. The Common Slavonic Fund] // Pod red. O.N. Trubacheva. Vyp. 10. Moscow: Nauka, 1983 [Jelektronnyj resurs] // <http://etymolog.ruslang.ru/doc/essja10> (data obrashhenija: 20.03.2017).

ESSYA 32: Jetimologicheskij slovar' slavjanskih yazykov. Praslavjanskij leksicheskij fond [The etymological Dictionary of Slavonic languages. The Common Slavonic Fund] // Pod red. O.N. Trubacheva i A.F. Zhuravl'jova. Vyp. 32. Moscow: Nauka, 2005 [Jelektronnyj resurs] // <http://etymolog.ruslang.ru/doc/essja32> (data obrashhenija: 20.03.2017).

ESSYA 33: Jetimologicheskij slovar' slavjanskih yazykov. Praslavjanskiy leksicheskij fond // Pod red. A. Zhuravl'jova. Vyp. 33. Moscow: Nauka, 2007 [The etymological Dictionary of Slavonic languages. The Common Slavonic Fund] [Jelektronnyj resurs] URL: // <http://etymolog.ruslang.ru/doc/essja33> (data obrashhenija: 20.03.2017).

AHD: American Heritage Dictionary of the English Language [Jelektronnyj resurs] URL: // <https://www.ahdictionary.com>. (data obrashhenija: 20.03.2017).

Black, M. *Models and Metaphor: Studies in Language and Philosophy*. Ithaca – London: Cornell University Press, 1962. 267 p.

DA: Dicionário Aurélio (Dicionário da Língua Portuguesa, de Aurélio Buarque de Holanda Ferreira). Brasil, 2010 [Jelektronnyj resurs] URI: // <http://dicionariodoaurelio.com> (data obrashhenija: 20.03.2017).

DB: DATABASE of semantic shifts in the languages of the world. © DatSemShifts, 2012-2013 [Jelektronnyj resurs] URI: // <http://semshifts.iling-ran.ru> (data obrashhenija: 20.03.2017).

DLFG: Gaffiot F. *Dictionnaire latin-français*. Paris, 1934. On-line: [Jelektronnyj resurs] URI: // <http://www.lexilogos.com>. (data obrashhenija: 20.03.2017).

DRAE: Real Academia Española: Diccionario de la lengua española. Madrid, 2015 [Jelektronnyj resurs] URI: // <http://dle.rae.es> (data obrashhenija: 20.03.2017).

Duden: Wörterbuchzugang Duden online [Jelektronnyj resurs] URI: // <http://www.duden.de/woerterbuch> (data obrashhenija: 20.03.2017).

EDLV: An Etymological Dictionary of the Latin Language by F.E.J. Valpy. London, 1828 [Jelektronnyj resurs] URI: // <http://www.lexilogos.com> (data obrashhenija: 20.03.2017).

GDH: Grande Dizionario Hoepli Italiano di Aldo Gabrielli. Copyright © Hoepli 2011 [Jelektronnyj resurs] URI: // <http://dizionari.repubblica.it> (data obrashhenija: 20.03.2017).

GDL: Grand dictionnaire de la langue latine par Napoléon Theil, d'après le dictionnaire de William Freund. Traduit en Français. Paris: Librairie de Firmin-Didot, 1929 [Jelektronnyj resurs] URI: // http://www.lexilogos.com/latin_dictionnaire (data obrashhenija: 20.03.2017).

JWH: Jeanneau G., Woitrain J.-P., Hassid J.-C. *Dictionnaire Latin-Français* [Jelektronnyj resurs] URI: // <http://www.prima-elementa.fr> (data obrashhenija: 20.03.2017).

LSL: Lewis & Short. *A Latin Dictionary* (1879) [Jelektronnyj resurs] URI: // http://short_latin_la_en.enacademic.com (data obrashhenija: 20.03.2017).

MD: Macmillan Dictionary [Jelektronnyj resurs] URI: // <http://www.macmillandictionary.com> (data obrashhenija: 20.03.2017).

OED: Douglas Harper. *Online Etymology Dictionary 2011-2015* [Electronic resource] / Douglas Harper. [Jelektronnyj resurs] URI: // <http://www.etymonline.com> (data obrashhenija: 20.03.2017).

SCD: Il Sabatini Coletti. *Dizionario della Lingua Italiana*. Milano, 2007 [Jelektronnyj resurs] URI: // <http://dizionari.corriere.it>. (data obrashhenija: 20.03.2017).

SCT: Il Treccani, *Dizionario dei Sinonimi e Contrari*. Istituto dell'Enciclopedia Italiana [Jelektronnyj resurs] URI: // <http://www.treccani.it/vocabolrio> (data obrashhenija: 20.03.2017).

SJ: *Słownik języka polskiego*, red. W. Doroszewski, Warszawa 1958-1969. t. I–XI. [Jelektronnyj resurs] URI: // <http://sjp.pwn.pl/doroszewski> (data obrashhenija: 20.03.2017).

TR: *Le Trésor de la langue française informatisé 2000* [Jelektronnyj resurs] URI: // <http://atilf.atilf.fr> (data obrashhenija: 20.03.2017).

VT: *Vocabolario Treccani*. Istituto dell'Enciclopedia Italiana. 2013// [Jelektronnyj resurs] URI: <http://www.treccani.it/vocabolario> (data obrashhenija: 20.03.2017).

WNW: Webster's New World College Dictionary. Fourth Edition [Jelektronnyj resurs] URI: // <http://websters.yourdictionary.com>. (data obrashhenija: 20.03.2017).

УДК 81'23, 811.133.1

ОБРАЗ *ОСЛА* В НАИВНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Баттулга Гундэгмаа

аспирант

Новосибирский государственный университет

ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

bgundegmaa15@gmail.com

Статья посвящена описанию бионима *осёл* в наивном языковом сознании носителей монгольского языка, отраженное в реальном психологическом значении слова, которое выявляется путем интерпретации субъективных обыденных толкований, полученных в результате проведения направленного лингвистического эксперимента с носителями монгольского языка (по 200 человек). При изучении материалов использовались такие методы, как анализ данных, полученных на основе психолингвистического эксперимента, т.е. их изучение, сопоставление и обобщение. Для выявления наивного взгляда на значение слов были использованы не только ассоциации, спонтанные дефиниции и цитаты, содержащие эту лексему, но также сравнения, навеянные словом-стимулом у наивного пользователя. С помощью данного словаря обыденных толкований можно будет приблизиться к пониманию культуры носителей монгольского языка. В приложении представлен фрагмент словарной статьи *осёл*. Сравнение его с другими типами словарей создает серьезную возможность для исследований в области семасиологии и лексикографии, поскольку содержащаяся в нем информация позволяет внести дополнительные изменения, отражающие наивную картину мира, в традиционные толковые словари. В результате исследования были выявлены сходства и различия в интерпретации значений слова *осёл* в монгольских толковых словарях и этом словаре обыденных толкований.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковое сознание, языковая личность, картина мира, бионим, монгольский язык.

В современной лингвистике вопрос языкового сознания и составляющих его компонентов, равно как и изучение национально-культурной специфики, широко исследуются, в частности, когнитивной лингвистикой, лингвокультурологией, психолингвистикой. Такие исследования становятся особенно актуальными в контексте антропоцентрической парадигмы, обратившейся к человеку как субъекту познания, изучающей особенности представления языка в сознании человека и наоборот [Павленок 2013: 156].

Как отмечает Н. В. Уфимцева, в начале 90-х гг. XX в. в российской психолингвистике происходит методологический поворот исследований к рассмотрению языкового сознания в ракурсе этнокультурных сопоставлений [Уфимцева 2000:5]. Возникший интерес к исследованию данного феномена обусловил необходимость психолингвистического определения и описания такого объекта исследований, и такие попытки были предприняты.

Согласно Е.Ф. Тарасову, «чувственные образы или объясняющие их образы сознания оречевляются при помощи языковых знаков, и процессы восприятия речи, когда образы языкового сознания, формируемые реципиентом в процессе восприятия тел языковых знаков, позволяют сконструировать чувственные образы или образы сознания, отображающие в сознании реципиента реальное положение дел в мире» (Тарасов 2014:25, цит по [Шамина 2015:17]). Таким образом, неязыковое сознание формируется сенсорными признаками предметов и чувственными образами, а языковое – языковыми знаками и значениями, связанными с определенными чувственными образами. Е. Ф. Тарасов, опираясь на современную методологическую базу в исследовании сознания, приходит к выводу, что языковое сознание – «совокупность образов сознания, овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов, ассоциативных полей» [Тарасов 2004: 35].

В нашем исследовании мы используем психолингвистический подход, позволяющий привлекать психологические методы для лингвистического исследования различных фрагментов языкового сознания. Настоящее исследование проводится в рамках проекта создания разноязычного словаря обыденной семантики бионимов [Голев, Дебрэнн 2013], в нем будет также отражена языковая картина мира носителей монгольского языка. Данная проблематика еще недостаточно исследована в монголистике – словарь, который бы в полной мере отражал языковые представления носителей монгольского языка, находится только в процессе создания.

Поскольку задачей исследования было описать наивный образ *осла* именно носителей монгольского языка, для которых язык является единственным родным, на территории Монголии был проведен психолингвистический эксперимент. В нем приняло участие 205 носителей монгольского языка, среди которых большинство – студенты и магистранты Ховдского государственного университета (г. Ховд, Монголия) и сельские жители Ховдского аймака Монголии (20 человек). Число испытуемых не является случайным. В своих исследованиях Г. А. Черкасова утверждает, что при опросе 200 респондентов и более относительная частота встречаемости повторяющихся, «постоянных» реакций стабилизируется [Черкасова 2006]. Таким образом, можно сказать, что полученные в ходе ассоциативного эксперимента результаты смогут показать относительно стабильную картину мира, какой ее видит наивный респондент.

В ходе опроса носителям монгольского языка предлагалось ответить на следующие вопросы:

Для ассоциаций: назовите первое пришедшее Вам на ум слово, после того, как Вы услышали или прочитали слово *илжиг* (осёл).

Для дефиниций: задание представлялось в форме неполного предложения: «Илжиг – бол...» (Осёл, это...), где участник должен был дать собственную дефиницию слова.

Для сравнений: заполните пропуск в предложениях типа «Тэр ..., илжиг шиг» (Он ... как осёл).

Для словосочетаний и фраз: напишите фразу с данным словом, которая подходит Вам на ум.

В совокупности данные вопросы позволяют охватить разные слои обыденной семантики: чувственно-ассоциативной (она отражена в первом вопросе), понятийной (второй вопрос), концептной, получаемой в виде прецедентных фраз и типовых сравнений, представленной в третьем и четвертом вопросах [Голев, Дебрэнн 2013: 82].

Поскольку проект создания словаря обыденной семантики бионимов является международным, требуется единый язык метаописания данных, в качестве которого выбран русский язык.

Поскольку многие мотивы в реакциях повторялись, было решено составить стандартную схему представления и анализа, которая бы позволила классифицировать весь полученный материал и значительно облегчить его обработку в дальнейшем [Там же]. Она такова:

1. Классификационные признаки:
 - 1.1. Таксономические.
 - 1.2. Параметрические.
2. Внешние и физические характеристики.
3. Внутренние качества, черты характера и поведения.
4. Образ жизни.
5. Отношение человека.
6. Прецедентные феномены:
 - 6.1. Мифологические и религиозные представления и верования.
 - 6.2. Литературные образы и персонажи (сказки, басни, детские песни, фильмы, реклама, неопознанные цитаты).
7. Другие значения.
8. Не бионимы.

Подобная структура словарной статьи предполагает глубокий анализ полученных ответов информантов, их содержательную интерпретацию, отражающую разностороннее представление информантами предметов флоры и фауны в их языковом сознании. Вся информация, полученная в ходе психолингвистического эксперимента, представлена в виде таблиц, составленных согласно вышеописанной схеме. Отдельно в каждом пункте рассматривались ассоциации, сравнения, дефиниции и цитаты.

Далее предлагается словесное описание бионима *илжиг* (осёл), составленное на основе анализа результатов психолингвистического эксперимента и лексикографической обработки реакций, полученных от носителей монгольского языка.

Осёл (илжиг) – исчезающее травоядное млекопитающее животное, относящееся к семейству лошадиных, низкого роста, похожее на лошадь, крепко стоящее на ногах, издающее громкий крик. Бывают ослы дикие и домашние, худые и толстые. Родственные виды: мул, кобыла. Детёныш осла – ослёнок.

У осла тонкий с кисточкой хвост похожий на коровий, большие глаза, крупная голова, большие зубы, узкие и прочные копыта, длинные уши, окраска шерсти у ослов может быть серая, реже темно-коричневая.

С одной стороны, осёл упрямый, некрасивый, глупый, тупой, невзрачный, медлительный, с неприятным криком, с другой стороны, осёл – маленькая лошадь, выносливое, спокойное, общительное, безвредное, невзрачное, доброе, милое, до-

машнее животное. Он может долгое время обходиться без еды и воды. Продолжительность жизни осла -25-35 лет.

Особенности его поведения: неприятно кричит, легко привыкает к любимым животным, он – медлительный и мощный.

Дикие ослаы живут в горах, лесу и степи, а домашние – в сараях. Они питаются травой, хлебом и лепешками, а городские ослаы едят мусор. Ослаы живут во многих регионах мира, но в Монголии они встречаются очень редко.

Осёл – помощник и друг человека. Обычно ослаов используют на хозяйственных работах под вьюком, в упряжке, они способны работать без перерыва 8-10 часов в сутки, могут перевозить большой груз.

В буддизме осёл – символ аскетизма. В монгольской лингвокультуре образ осла ассоциируется с рассказом «Коллекция рассказов», стихотворениями «Детские сказки» и фильмом «Веселые братья». Он очень часто встречается в народных сказках, где всегда выступает в качестве неудачливого персонажа, а также ассоциируется с детскими песнями и играми, где играет главную роль. Большая часть ответов монгольских информантов связана с устойчивыми выражениями и пословицами: «Ослау не следует пробегать между мужем и женой», то есть не следует заниматься чужими делами; «Осёл любит свое деревянное седло» (о консервативном человеке); «Ослау в ухо что воду налей, что золото положи, все равно вытряхнет» (о непослушном человеке). Упрямого, ленивого и глупого человека сравнивают с осламом.

Сопоставление со статьями монгольских толковых словарей

Для того, чтобы показать уникальность и новизну полученной словарной статьи, мы провели ее сопоставление со статьями толковых словарей монгольского языка, выявив основные сходства и различия. Материал был взят из толкового словаря Б. Баярсайхана [Баярсайхан 2011] и Большого толкового словаря монгольского языка [МХИТТ 2015].

Таблица №1

Сопоставление статей слова *осёл* из толкового словаря Б. Баярсайхана, Большого толкового словаря монгольского языка и Словаря обыденных толкований

Словари	Толковый словарь монгольского языка Баярсайхана	Большой толковый словарь монгольского языка [онлайн]	Словарь обыденных толкований
Аспекты			
Таксономические	+	+	+
Параметрические	+	+	+
Родственные виды	–	–	+
Внешние и физические характеристики	+	+	+
Внутренние качества, черты характера и поведения	–	–	+

Образ жизни (где живет)	–	–	+
Питание	–	–	+
Детеныш осла	–	–	+
Грузовое животное	–	–	+
Отношение человека	–	–	+
Мифологические и религиозные представления и верования	–	–	+
Литературные образы	+	+	+
Сказка	–	–	+
Песни	–	–	+
Фильмы	–	–	+
Пословица (примеры из литературы)	+	+	+
Реклама	–	–	+
Растение и фрукт с подобным названием	+	+	+
Лепешка в виде ослиного уха	+	+	–
Грызун с подобным названием	+	+	–
Информация об устаревших реалиях, связанных с ослом: Название древних племен	+	–	–
Осёл с переносным значением	+	+	+

Как в статьях традиционных толковых словарей, так и в статье словаря обыденных толкований указываются таксономические и параметрические признаки, принадлежность к семейству, внешние и физические характеристики, перечисляются пословицы и поговорки, названия растения и фрукта, связанные с ослом. В статьях традиционных толковых словарей встречается меньше значений, чем в словаре обыденных толкований. В них также присутствует сравнение человека с ослом в примерах из литературы.

В статьях традиционных толковых словарей, в отличие от нашей словарной статьи, упоминается название древних племен VI-Vвв. до н.э., упоминается «ослиная мышь» (тушканчик), у которой большие уши, и особые лепешки (по-монгольски), которые делаются в виде ослиного уха.

В статье разрабатываемого Словаря обыденных толкований, в отличие от традиционных, в качестве дополнительной информации присутствуют подробные

описания внешнего вида, физических характеристик и поведения *осла*, мест его обитания, образа жизни, способов питания, есть информация о нраве *осла*, о его характере, о его родственных видах и привычках, отражено личное отношение человека к ослу и отношения между человеком и ослом, а также отмечены ассоциации с литературными произведениями, мифами и верованиями, в которых фигурирует осёл.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: если руководствоваться лишь той информацией, которая представлена в толковом словаре, невозможно будет увидеть тот образ *осла*, возникающий в представлении носителя монгольского языка, поскольку статья толкового словаря не раскрывает образ в полной мере, и соответственно, он будет являться неполным.

Словарь обыденных толкований, содержащий в себе статьи, лексикографическая информация для которых получена путем психолингвистического эксперимента с участием носителей языка, – это совершенно новый тип словарей, который «описывает» значение с позиции носителей языка. Важно то, что подобные словари показывают всю многоаспектность представленных в нем слов. Благодаря им открывается доступ к пониманию той или иной культуры, причем не с точки зрения каких-либо научных знаний или установившихся стереотипов толкования.

Данный словарь отражает языковые представления наших современников во всем богатстве и во всей полноте, позволяя получить ответ на вопрос о реальном психологическом значении слова. Сравнение его с другими типами словарей создает серьезную возможность для исследований в области семасиологии и лексикографии, поскольку содержащаяся в нем информация позволяет внести дополнительные изменения, отражающие наивную картину мира в традиционные толковые словари.

Литература

- Баярсайхан Б.* Монгол хэлний тайлбар толь // Монгол хэл, соёл. УБ, 2011.
- Голев Н.Д., Дебрэнн М.* Разноязычный сопоставительный словарь обыденной семантики бионимов: концепция, лексикографический проект и опыт его реализации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013, Том 11, вып. 2. С. 80-92.
- Павленок Д.В.* Психолингвистическое описание этнокультурных особенностей языкового сознания // Вестник ИГЛУ. 2013. С.156.
- Тарасов Е.Ф.* Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. М. : ИЯ РАН, 2004. №2. С. 34-47.
- Тарасов Е.Ф.* Прологомены к теории языкового сознания // Вопросы психолингвистики. М., 2014. № 4 (22). С. 24–35.
- Уфимцева Н.В.* Предисловие // Языковое сознание и образ мира. М. : ИЯ РАН, 2000. С. 5-6.
- Шамина Л.К.* Значимость нейрофизиологических исследований для понимания проблемы идентичности психолингвистическом аспекте // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Том 13, Вып 2. С.16-27.
- Черкасова Г.А.* Квантитативные исследования ассоциативных словарей // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. М., 2006, С. 129–134.
- <https://mongoltoli.mn/> Монгол хэлний их тайлбар толь [МХИТТ], / Отв. Ред Болд Л. УБ, 2015.

THE IMAGE OF DONKEY IN THE NAIVE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF MONGOLIAN NATIVE SPEAKERS

Battulga Gundegmaa

Novosibirsk State University

1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

bgundegmaa15@gmail.com

The article devoted to the description of bionym *donkey* in the naive language consciousness of the speakers of the Mongolian language, as reflected in a real psychological meaning of the word, which is revealed by interpreting the subjective ordinary interpretations obtained as a result of a directed linguistic experiment with native speakers of Mongolian (200 people in a group). In the study materials were used such methods as the analysis of the data obtained on the basis of a psycholinguistic experiment, that's, comparison and generalization. To reveal naive view of the meaning of the words was used not only of the association, spontaneous definitions and quotes containing the lexeme, but also comparisons, inspired by the word-stimulus in a naive user. By using the dictionary of ordinary interpretations can clearly reflect the language picture of studies of the world, which will help to approach the understanding of culture of the native speakers of the Mongolian language. In the appendix presents the dictionary article of *donkey* for the dictionary of ordinary interpretations. Comparing it with other types of dictionaries creates a serious opportunity for research in the field of semasiology and lexicography, since the information contained in it allows making additional changes reflecting the naive world picture into the traditional explanatory dictionaries. As a result of the research revealed the similarities and differences in the interpretation of the meanings of the word *donkey* in the Mongolian explanatory dictionaries and this dictionary of ordinary interpretations.

Keywords: linguoculturology, language consciousness, language personality, world picture, bioym, Mongolian language.

References

Bajarsajhan B. Mongol hjelnij tajlbar tol' [the Mongolian explanatory dictionary] // Mongol hjel, sojol [Mongolian, culture]. UB, 2011.

Golev N.D., Debrenn M. Raznojazychnyj sopostavitel'nyj slovar' obydennoj semantiki bionimov: koncepcija, leksikograficheskij proekt i opyt ego realizacii [A multilingual comparative dictionary of ordinary semantics of bionym: the concept, lexicographic project and the experience of its implementation] // Vestnik Novosibirsk State University: Linguistics and Intercultural communication. 2013. T. 11, № 2. P. 80-92.

Karaulov Ju.N., Krasil'nikova E.V. Russkaja jazykovaja lichnost' i zadachi ee izuchenija [Russian language personality and the tasks of its study] // Jazyk i lichnost' [Language and Personality]. M., 1989. P. 3–15.

Pavlenok D.V. Psiholingvisticheskoe opisanie jetnokul'turnyh osobennostej jazykovogo soznaniija [Psycholinguistic description of ethnocultural features of linguistic consciousness] // Vestnik Irkutsk State linguistic University, 2013. P.156

Tarasov E.F. Jazykovoe soznanie [Language consciousness] / E. F. Tarasov // Questions of psycholinguistics. M.: Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences. 2004. № 2. P. 34-47.

Tarasov E.F. Prolegomeny k teorii jazykovogo soznaniya [Prolegomena to the theory of linguistic consciousness] // Questions of psycholinguistics. M., 2014. № 4 (22). P. 24-35.

Ufimceva N.V. Predislovie / N. V. Ufimceva // Jazykovoe soznanie i obraz mira [Language consciousness and the image of the world]. M. : Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences. 2000. P. 5-6.

Shamina L.K. Znachimost' nefrofiziologicheskikh issledovanij dlja ponimaniya problemy identichnostiv psiholingvisticheskom aspekte [The importance of neurophysiological studies for understanding the problem of identity in the psycholinguistic aspect] // Vestnik Novosibirsk State University: Linguistics and intercultural communication. 2015. T. 13, Publ 2. P. 16-27.

Cherkasova G. A. Kvantitativnye issledovanija associativnyh slovaraj [Quantitative studies of associative dictionaries] // Jazykovaja lichnost': tekst, slovar', obraz mira [Language personality: text, vocabulary, image of the world]. M., 2006. P. 129-134.

<https://mongoltoli.mn/> Mongol hjelnij ih tajlbar tol' [the Mongolian explanatory dictionary], [МНИТТ] // Red Bold L. UB, 2015.

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

Результаты ассоциативного эксперимента на материале монгольского языка

1. Классификационные признаки:

1.1. Таксономические

Определения

Реакции носителей монгольского языка	Перевод реакций на русский язык
Илжиг бол амьтан 15 ¹	<i>Осёл -животное</i>
Илжиг тайван амьтан ² 3	<i>Осёл -спокойное животное</i>
Илжиг гэрийн тэжээвэр амьтан 2	<i>Осёл- домашнее животное</i>
Ассоциации	
Амьтан 9	<i>Животное</i>
Гэрийн тэжээвэр амьтан	<i>Домашнее животное</i>
Сравнения	
Илжиг шиг жижиг амьтан	<i>Маленькое животное, как осёл</i>
Фразы	
Илжиг хамгийн зөрүүд амьтан 18	<i>Осёл – самое упрямое животное</i>
Илжиг тэнэг амьтан 11	<i>Осёл – глупое животное</i>
Илжиг ачлаганд хүчтэй амьтан 10	<i>Осёл – мощное животное перевозки</i>
Илжиг удаан амьтан 10	<i>Осёл – медлительное животное</i>
Илжиг зөрүүд, муухай амьтан 3	<i>Осёл-упрямое, некрасивое животное</i>

¹ Цифрами указана частотности данной реакции.

² В случае если реакция содержит комбинированную дефиницию, которая может быть отнесена к разным категориям, она повторяется в них и отмечается полужирным шрифтом.

1.2. Параметрические Определения

Илжиг морины нэг төрөл 11	<i>Осёл – один вид семейства лошадиных</i>
Илжиг бол морь 10	<i>Осёл – это лошадь</i>
Өвсөн тэжээлтэн амьтан 2	<i>Травоядное животное</i>
Илжиг хөхтөн амьтан 2	<i>Осел – млекопитающее животное</i>
Зэрлэг ховордсон амьтан	<i>Дикое исчезающее животное</i>

Ассоциации

Морь 19	<i>Лошадь</i>
Луус 10	<i>Мул</i>
Мал 8	<i>Скот</i>
Илжиг шиг морь 2	<i>Осёл как лошадь</i>
Гүү	<i>Кобыла</i>

Фразы

Илжиг морины нэг төрөл 5	<i>Осёл – один вид семейства лошадиных</i>
Хөөрхөн, сүүн тэжээлтэн, саарал үстэй амьтан	<i>Милое млекопитающее животное с серой шерстью</i>

2. Внешние и физические характеристики

Определения

Илжиг бол хүчтэй амьтан 7	<i>Осёл – это мощное животное</i>
Илжиг урт чихтэй 7	<i>У осла длинные уши</i>
Илжиг саарал 4	<i>Осёл серый</i>
Илжиг нь морьтой адилхан, их дуу гаргадаг, хөл дээрээ тэвчээртэй зогсдог амьтан	<i>Осёл – это животное похожее на лошадь, издающее громкий рёв (шум) и крепко стоящее на ногах</i>
Жижигхэн морь	<i>Маленькая лошадь</i>

Ассоциации

Чих 6	<i>Уши</i>
Дуутай 3	<i>Крик</i>
Жижиг морь	<i>Маленькая лошадь</i>
Туранхай	<i>Худой</i>
Хар бор	<i>Темно - коричневый</i>

Сравнения

Илжиг шиг том чихтэй 10	<i>Большие уши как у осла</i>
Илжиг шиг дуутай 2	<i>Крик как у осла</i>

Фразы

Илжиг ачлаганд хүчтэй амьтан 10	<i>Осёл – сильное животное для перевозки</i>
Илжиг урт чихтэй морь 2	<i>Осёл – лошадь с большими ушами</i>
Илжиг морьтой адилхан 2	<i>Осёл похож на лошадь</i>
Илжиг үхэр шиг сүүлтэй	<i>У осла хвост как у коровы</i>
Морь илжигний нүд, хамар, ам, шүд, хөл адилхан	<i>У лошади и у осла глаза, нос, зубы и ноги одиноковые</i>

3. Внутренние качества, черты характера и поведения

Определения

Илжиг бол зөрүүд 22	<i>Осёл упрямый</i>
Илжиг бол ажилсаг 17	<i>Осёл трудолюбивый</i>
Илжиг бол удаан 14	<i>Осёл медлительный</i>
Илжиг бол залхуу 14	<i>Осёл ленивый</i>
Илжиг тэвчээртэй амьтан 6	<i>Осёл –выносливое животное</i>
Илжиг орилдог2	<i>Осёл кричит</i>

Ассоциации

Зөрүүд 18	<i>Упрямый</i>
Ажилсаг 9	<i>Трудолюбивый</i>
Удаан 6	<i>Медленный</i>
Тэсвэртэй 4	<i>Выносливый</i>

Сравнения

Илжиг шиг зөрүүд 68	<i>Упрямый как осёл</i>
Илжиг шиг удаан 17	<i>Медленный как осёл</i>
Илжиг шиг тэвчээртэй 17	<i>Выносливый как осёл</i>
Илжиг шиг ажилсаг 12	<i>Трудолюбивый как осёл</i>

Фразы

Илжиг хамгийн зөрүүд амьтан 18	<i>Осёл – самое упрямое животное</i>
Илжиг бол ажилсаг амьтан 14	<i>Осёл – трудолюбивое животное</i>
Илжиг удаан амьтан 10	<i>Осёл – медлительное животное</i>
Илжиг 25-35 жил амьдардаг 2	<i>Продолжительность жизни осла –25-35 лет</i>
Илжиг хоногт 8-10 цаг амралтгүйгээр ажиллах чадвартай, маш их ачааг өргөх чадалтай байдаг.	<i>Ослы способны работать без перерыва 8-10 часов в сутки, они обладают огромной грузоподъемностью</i>

4. Образ жизни

А. Где живет

Определения

Илжиг гэрийн тэжээвэр амьтан 2	<i>Осёл – домашнее животное</i>
Ууланд, ойд амьдардаг зэрлэг амьтан	<i>Дикое животное живёт в горах и в лесу</i>
Илжиг хашаандаа байдаг	<i>Осёл лежит в сарае</i>
Хотын илжиг хог иддэг	<i>Живущий в городе осёл ест мусор</i>

Ассоциации

Гэрийн тэжээвэр амьтан	<i>Домашнее животное</i>
Гэр	<i>Дом</i>
Ой мод	<i>Леса</i>
Аймаг, сум	<i>Аймак, самон [территориальная единица в пределах страны]³</i>
Уул	<i>Гора</i>

Фразы

Зарим оронд илжгийг морь шиг ашигладаг 2	<i>В некоторых странах осёл используется как лошадь</i>
Олон оронд илжиг байдаг	<i>Во многих странах есть ослы</i>

³ В квадратных скобках указаны наши комментарии.

Б. Питание осла, способ питания

Определения

Илжиг хөхтөн амьтан 2	<i>Осел – млекопитающее животное</i>
Илжиг өвс иддэг	<i>Осёл ест траву</i>
Илжиг талх, боорцог ⁴ иддэг	<i>Осёл ест хлеб и лепёшки</i>
Илжиг бараг бүх өвс, ургамал иддэг	<i>Ослы едят почти все травы и растения</i>
Өвсөн тэжээлтэн амьтан	<i>Травоядное животное</i>

Ассоциации

Өвс	<i>Трава</i>
Сүүн тэжээлтэн	<i>Млекопитающее</i>
Хог	<i>Мусор</i>

Фразы

Илжиг өвс иддэг	<i>Осёл ест траву</i>
Өвсөн тэжээлтэн амьтан	<i>Травоядное животное</i>
Хөөрхөн, сүүн тэжээлтэн, саарал үстэй амьтан	<i>Милое млекопитающее животное с серой шерстью</i>
Хүмүүс илжгийг тэжээдэг	<i>Народ кормит осла</i>

В. Детёныш осла

Определения

Илжиг дудран төрүүлдэг	<i>Ослица рождает ослёнка</i>
Илжиг нэг дудран төрүүлдэг	<i>Ослица рождает одного ослёнка</i>

Ассоциации

Дудран 18	<i>Ослёнок</i>
Тутраа	<i>Ослёнок [в диалектном наименовании]</i>

Фразы

Илжигний зулзагыг дудран гэнэ 14	<i>Детёныш осла – ослёнок</i>
Илжиг нэг дудран төрүүлдэг	<i>Ослица рождает одного ослёнка</i>

Г. Грузовое животное для телеги

Определения

Илжиг бол ачигч 13	<i>Осёл – это перевозчик</i>
Илжиг хөллөгөөний унаа 2	<i>Осёл в упряжке</i>
Илжиг өдөр тутмын ачигч	<i>Осёл – повседневный перевозчик</i>
Илжгийг унаж болно	<i>Можно ездить на осле</i>
Илжгийг уналага, ачлага, хөллөгөөнд ашигладаг	<i>Ослы используются под седлом, выюком и в упряжи</i>

Ассоциации

Тэрэг 18	<i>Повозка</i>
Ачаа 2	<i>Грузка</i>
Туслагч 2	<i>Помощник</i>
Хог зөөгч 2	<i>Мусоровозчик</i>
Худрага	<i>Седло</i>

Сравнения

Илжиг шиг хог ачигч	<i>Осёл как мусоровозчик</i>
---------------------	------------------------------

⁴ Боорцог – традиционная монгольская лепешка.

Илжиг шиг туслагч Фразы	<i>Осёл как помощник</i>
Илжиг ачлаганд хүчтэй амьтан 10	<i>Осёл сильный для грузов</i>
Илжиг бол хогны машин 9	<i>Осёл – это мусоровоз</i>
Илжгийг бид амьдрал ахуйдаа ашигладаг 4	<i>Ослы – животные, которых мы используем для жизни</i>
Зарим оронд илжгийг морь шиг ашигладаг	<i>В некоторых странах осёл используется как лошадь</i>
Илжгийг байнга хүнд ачаа зөөх ажилд ашигладаг	<i>Обычно ослы используют на работах, которые связаны с перевозкой тяжелых грузов</i>

5. Отношение человека

А. Положительное отношение

Определения

Илжиг бол ажилсаг 17	<i>Осёл трудолюбивый</i>
Илжиг хөөрхөн амьтан	<i>Осёл – милое животное</i>
Илжиг хөөрхөн , номхон амьтан	<i>Осёл – милое и доброе животное</i>
Илжиг гэмгүй амьтан	<i>Невредное животное</i>

Ассоциация

Туслагч 2	<i>Помощник</i>
Өрөвдөлтэй 2	<i>Жалкий</i>
Хөөрхөн	<i>Красивый</i>

Сравнения

Илжиг шиг туслагч	<i>Осёл как помощник</i>
Илжиг хөөрхөн	<i>Осёл милый</i>

Фразы

Илжиг үнэнч нөхөр 5	<i>Осёл – верный друг</i>
Илжиг ажилсаг гэвч зөрүүд 2	<i>Осёл трудолюбивый, но упрямый</i>
Илжиг бусдадаа амархан дасдаг, нийцтэй амьтан	<i>Осёл, легко привыкает к любым животным, общительное животное</i>
Хүний найз	<i>Друг человека</i>
Хөөрхөн , сүүн тэжээлтэн, саарал үстэй амьтан	<i>Милое млекопитающее животное с серой шерстью</i>

Б. Отрицательное отношение

Определения

Илжиг бол тэнэг 16	<i>Осёл глупый</i>
Илжиг муухай дуутай	<i>У осла неприятный крик</i>
Илжиг царай муутай	<i>Осёл некрасивый</i>
Илжиг бохир	<i>Осёл грязный</i>
Тарган, залхуу амьтан	<i>Толстое, ленивое животное</i>

Ассоциации

Тэнэг 19	<i>Глупый</i>
Бохир 3	<i>Грязный</i>
Мунхаг	<i>Тупой</i>

Сравнения

Илжиг шиг тэнэг 38	<i>Глупый как осёл</i>
Илжиг шиг бохир 4	<i>Грязный как осёл</i>

Илжиг шиг царай муутай 2	<i>Несимпатичный как осёл</i>
Илжиг шиг мунхаг	<i>Тупой как осёл</i>

Фразы

Илжиг тэнэг амьтан 11	<i>Осёл – глупое животное</i>
Илжиг зөрүүд, муухай амьтан 3	<i>Осёл – упрямое, некрасивое животное</i>
Илжиг муухай амьтан	<i>Осёл – некрасивое животное</i>
Илжиг муухай дуутай	<i>У осла неприятный крик</i>

6. Прецедентные феномены

А. Мифологические и религиозные представления и

Определения

Илжигний махыг идэж болохгүй	<i>Нельзя есть мясо осла</i>
Буддын шашинд илжиг тэвчээр хатуужлын бэлэгдэл болдог	<i>В буддизме осёл – символ аскетизма</i>

Б. Литературные образы и персонажи

Фразы

Нэгэн малчны илжиг худагт унажээ	<i>Осёл одного пастуха упал в колодец [Donkey in the well - английский рассказ]</i>
Тэнэг. Хүүе илжиг ээ!	<i>Дурак. Эй, осёл! [из рассказа Ши. Аюуш]</i>

В. Сказки

Фразы

Илжиг, чоно, үнэг хамт сарнай хайлаа 3	<i>Осёл, волк и лиса искали розу</i>
Илжигний тухай үлгэр олон 2	<i>Много сказок про осла</i>

Г. Детские песни

Фразы

Илжигний дудран ээждээ хөөрхөн	<i>Ослёнок для своей мамы красивый</i>
--------------------------------	--

Д. Фильмы

Ассоциации

Кино [заимствованное слово]	<i>Фильм</i>
“Сэргэлэн ахан дүүс”	<i>“Весёлые братья”</i>

Е. Пословица

Ассоциации

Алт	<i>Золото</i>
Ус	<i>Вода</i>

Фразы

Эр эмийн хооронд илжиг бүү жороол 16	<i>Ослу не следует пробегать между мужем и женой</i>
Илжиг модон хударгандаа дуртай	<i>Осёл любит свое деревянное седло</i>
Илжигний чихэнд ус хийсэн ч, алт хийсэн ч сэгсэрнэ	<i>Ослу в ухо что воду налей, что золото положи, все равно вытряхнет</i>
Илжиг туурайгаараа танигдан Үхэр эврээрээ танигдана	<i>Были бы у осла рога как у быка, – всем людям бы животы распорол</i>

Илжгэнд эвэр ургуулах	<i>У осла вырастут рога</i>
-----------------------	-----------------------------

Е. Реклама

Ассоциации

Модон илжиг 2	<i>Деревянный ослик [игра]</i>
---------------	--------------------------------

7. Другие значения

Илжиг шиг тэнэг хүн	<i>Человек глупый как осёл</i>
---------------------	--------------------------------

Зарим хүмүүс илжиг шиг зөрүүд 2	<i>Некоторые люди упрямые как ослы</i>
---------------------------------	--

Фразы

Илжиг шиг зөрүүд хүн 9	<i>Человек упрямый как осел</i>
------------------------	---------------------------------

Илжиг шиг залхуу хүн 4	<i>Человек ленивый как осёл</i>
------------------------	---------------------------------

Зөрүүд хүнийг илжиг гэнэ 3	<i>Упрямый человек называется ослом</i>
----------------------------	---

Илжиг шиг амьтан	<i>Животное, подобное ослу</i>
------------------	--------------------------------

Муу илжиг	<i>Осёл [о плохом человеке]</i>
-----------	---------------------------------

8. Не бионим

Ассоциации

Илжгэн чих	<i>Хурма [монгольское название переводится как “ослиное ухо”]</i>
------------	---

УДК 81'23
**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОРРЕКЦИИ
ДИСЛЕКСИИ И ДИСГРАФИИ:
ОПЫТ УСПЕШНОГО ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА**

Дорофеева Светлана Валентиновна

Аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Научно-учебная лаборатория нейролингвистики
Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
sdorofeeva@gmail.com

Язык и речь являются неотъемлемой частью мышления и общения человека, но в последнее время отмечается рост количества детей, испытывающих трудности в освоении речи. Работа посвящена опыту успешной коррекции дислексии и дисграфии смешанного типа у русскоязычного ребенка 10-летнего возраста. Программа коррекции состояла из двух этапов. Первый этап – трехнедельный курс интенсивных занятий, направленных на совершенствование и автоматизацию у ребенка языковых и моторных навыков, необходимых для успешной реализации чтения и письма. Второй этап – поддерживающие занятия на протяжении 12 месяцев. Особое внимание в данной работе уделяется лингвистическим аспектам программы: анализу ошибок с точки зрения теории языка и с учетом современных данных в области нейролингвистики; методам, с помощью которых определялись локусы дефицита; принципам, на основе которых подбирались упражнения для устранения дефицита. Примененный подход может быть интересен специалистам, работающим с детьми, страдающими дислексией или дисграфией (логопедам, учителям русского языка, преподавателям иностранного языка), а также специалистам, изучающим механизмы возникновения и коррекции языковых нарушений (лингвистам, нейролингвистам, нейропсихологам).

Ключевые слова: дислексия, дисграфия, нейролингвистика, коррекция нарушений чтения и письма.

Введение

В век развития компьютерных технологий и интернета, в частности, крайне важной составляющей общения становится грамотное владение именно письменной речью. При этом есть категория детей, испытывающих особые трудности при освоении чтения и письма. Таких детей много: по данным различных статистических исследований, трудности чтения испытывают от 4,8% до 22% всех учащихся [Лалаева 2007, Корнев 1997].

В специальной литературе для обозначения специфических нарушений в процессах освоения чтения и письма используются, в основном, следующие термины: «але́ксия» – для обозначения полного отсутствия чтения; «дислеќсия» – для обозначения частичного расстройства чтения; «дисгра́фия» – для обозначения частичного расстройства письма [Волкова, Шаховская 1998]. При детальном исследовании отдельных типов нарушений принято использовать отдельные термины («дислеќсия», «дисгра́фия»), но при переходе к практической работе с конкретны-

ми детьми приходится рассматривать комплексную картину и взаимосвязь множества факторов. Учитывая, что чтение и письмо относятся к высшим психическим функциям и обеспечиваются работой частично пересекающегося мозгового субстрата [Лурия 1969: 63], не всегда возможно говорить о наличии только дислексии или только дисграфии у отдельного ребенка. Часто эти расстройства развиваются параллельно, с той или иной степенью тяжести. Поэтому современные нейропсихологи используют также единый термин «трудности обучения» и подчеркивают необходимость синдромного анализа, т.е. выявления первичного дефекта, его вторичных следствий и вызванных ими третичных функциональных перестроек [Ахутина, Иншакова 2016]. В англоязычной традиции реже разделяют собственно нарушения чтения и сопутствующие когнитивные расстройства и чаще используют общий термин «дислексия развития» (англ. – developmental dyslexia) для обозначения специфического расстройства обучения [Lyon, Shaywitz 2003].

В случаях дисграфии у детей также отмечаются стойкие специфические ошибки при письме, которые могут сохраняться годами. Такие особенности развития являются серьезным препятствием к усвоению школьных навыков, адаптации ребёнка в коллективе, получению полноценного образования.

В западной традиции начало изучения нейроанатомических особенностей строения мозга людей с дислексией возводят к неврологическому исследованию XIX в. [Dejerine 1891, Dejerine 1892], но долгое время подобные работы оставались единичными. В последние десятилетия ситуация существенно изменилась, и исследования мозговых механизмов дислексии активно ведутся во многих странах, в том числе появляются крупные обзоры и метааналитические материалы [Eckert 2004, Menghini, Finzi 2010]. Современные исследования подтверждают, что у людей с дислексией отмечаются нарушения/особенности не в одном, а в нескольких участках мозга [Richlan, Kronbichler 2012, Krafnick 2014, Silani 2005], в том числе в различных элементах так называемой «языковой сети» (совокупности зон мозга, обеспечивающих человеку возможность пользоваться языком/речью).

В отечественной практике длительный период основная часть методических рекомендаций по работе с детьми, страдающими дислексией и дисграфией, опиралась на педагогический опыт, изучение характера ошибок и наблюдения поведенческих особенностей, прогноз возможности или невозможности развития тех или иных навыков с помощью тех или иных упражнений. Со второй половины XX века в России активно развивается, во многом благодаря школе Лурия А.Р., нейропсихологический подход к оценке нарушений обучения, создаются методики нейропсихологической диагностики детей [Ахутина, Матвеева, Романова 2008, Ахутина, Пылаева 2008, Глозман, Потанина, Соболева 2008]. Современные российские исследования в области нейролингвистики чаще связаны с такими нарушениями речи, как афазия. Но они также предоставляют ценную информацию о связи мозга и языка, в том числе помогают понять, как могут быть связаны те или иные трудности в процессе формирования навыков чтения или письма с особенностями мозга ребёнка, пытающегося язык освоить. Участие лингвистов в создании методик коррекции нарушений чтения и письма не только обосновано, но и желательно. Об опыте применения лингвистически обоснованной программы коррекции дислексии и дисграфии я и расскажу ниже.

Описание частного случая

Исходный статус

У мальчика, на момент коррекции достигшего 10 лет (начало 4-го класса), в 6-7 лет была диагностирована дизартрия, до 8 лет он получал соответствующую логопедическую помощь. К 8 годам устная речь была развита хорошо (и говорение, и понимание), он был способен развернуто общаться как на бытовые, так и на сложные, в том числе абстрактные темы. Однако ребенок испытывал значительные трудности с освоением чтения и письма. Скорость чтения к началу 4 класса была значительно ниже среднего уровня, ребенок допускал большое количество ошибок (путал окончания, переставлял буквы в словах, пропускал фрагменты слов и т.д.), затруднялся переписать правильно даже одно слово. Такая особенность развития сказывалась на успеваемости по всем предметам. С каждым годом учебы в школе у мальчика на этом фоне снижалась самооценка, появлялись трудности в общении с одноклассниками.

Анализ ошибок с точки зрения существующих классификаций дислексии позволял выявить следующие нарушения. Если рассматривать классификацию Токаревой [Токарева 1969], то можно было отметить признаки акустической дислексии (с трудом соединял буквы в слоги, слоги в слова, смешивал сходные по артикуляции и звучанию звуки (свистящие и шипящие, звонкие и глухие и т. д.)) и оптической дислексии (частое смешение букв, сходных по начертанию, зеркальное написание букв и слогов, перестановка букв при чтении). Если рассматривать классификацию Лалаевой [Лалаева 2002], то можно было выявить признаки фонематической дислексии (замена звуков, сходных по звучанию, пропуск согласных при стечении, вставка гласных при стечении согласных, пропуск/замена звуков в окончаниях слов, перестановка звуков, см. рис. 1, рис. 4, рис. 5), оптической дислексии (смещение букв, как отличающихся дополнительными элементами {Л — Д, З — В}, так и состоящих из одинаковых элементов, но различно расположенных в пространстве {Т — Г, Ь — Р, Н — П — И}, перестановка и пропуск букв, см. рис. 2, рис. 3, рис. 5), аграмматической дислексии (изменение падежных окончаний и числа существительных; неправильное согласование в роде, числе и падеже существительного и прилагательного; изменение числа местоимения {«которые» — «которая»}; ошибки в выборе формы времени и вида глагола {«видел» — «видит», «поделать» — «доделал»} и т.п., см. рис. 4, рис. 5). Все аналогичные ошибки отмечались и при самостоятельном порождении текста, и при письме под диктовку, и при переписывании текста с образца. Несмотря на длительные занятия по прописям, почерк оставался очень неровным, ребенок с трудом попадал на строчки, многие буквы выбивались из ряда или оказывались пропущены.

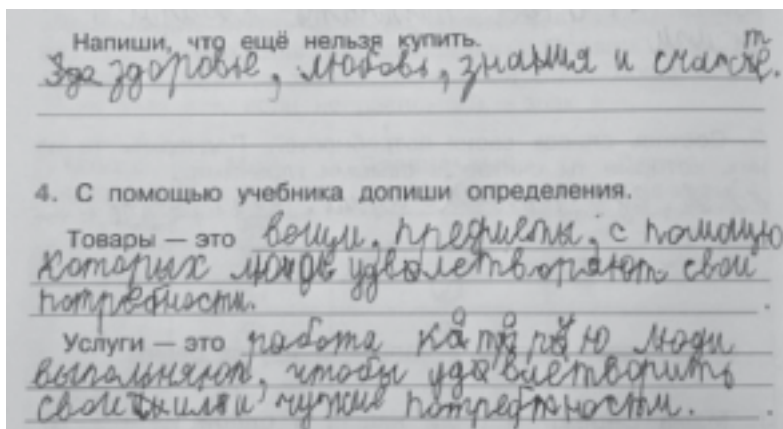

Рисунок 1. Образцы письменных работ до коррекции. Начало 4-го класса

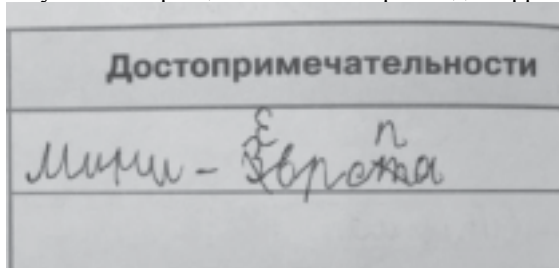

Рисунок 2. Образцы письменных работ до коррекции. Начало 4-го класса

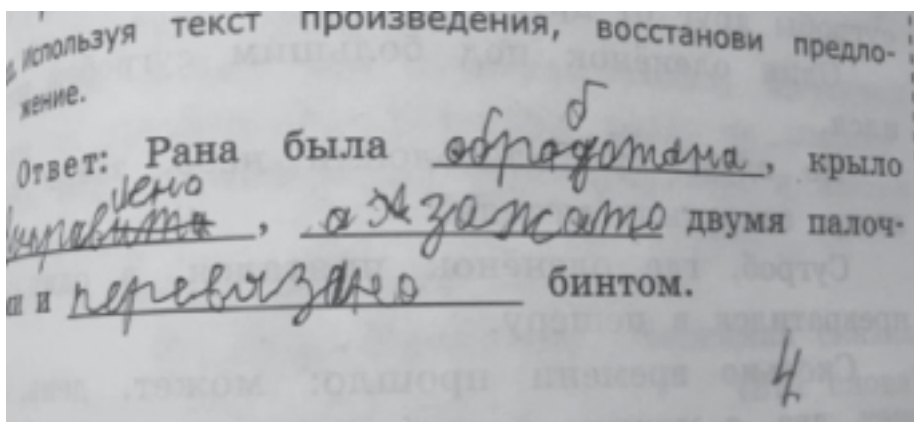

Рисунок 3. Образцы письменных работ до коррекции. Начало 4-го класса

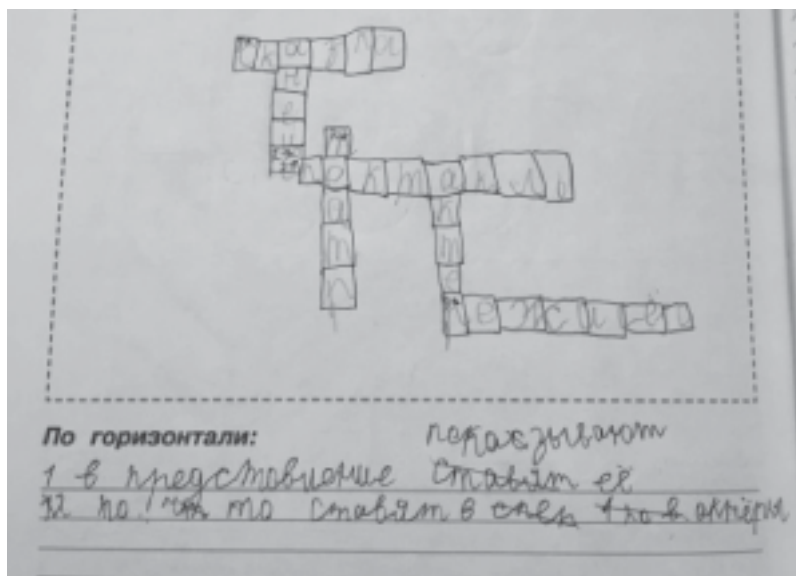

Рисунок 4. Образцы письменных работ до коррекции. Начало 4-го класса

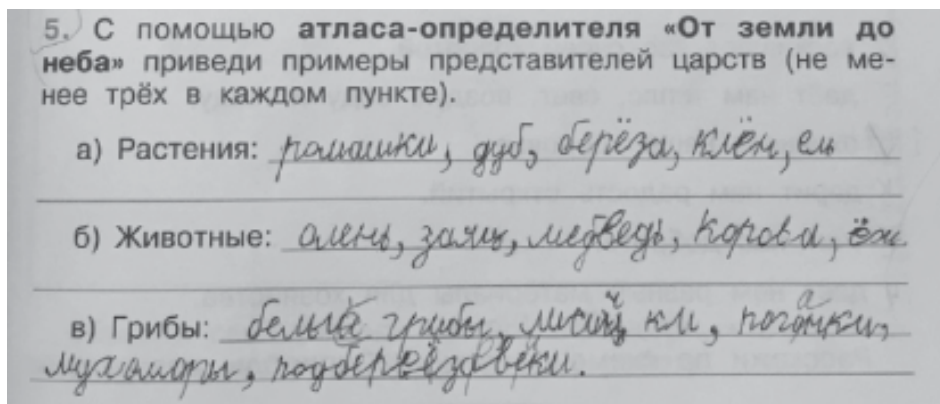

Рисунок 5. Образцы письменных работ до коррекции. Начало 4-го класса

Также был проведен анализ ошибок с точки зрения теории языка: от единиц низшего уровня (фонем и графем) до единиц макроуровня (текстов, дискурса). В работах ребенка ошибки можно было обнаружить на самом низком уровне: на уровне восприятия и воспроизводства фонем и графем. Соответственно, и на всех более крупных уровнях это сказывалось. При анализе с точки зрения уровневой модели языка (фонетический, морфологический, синтаксический, семантический уровни [Солнцев 1972]) можно было выделить следующие группы ошибок:

– ошибки, свидетельствующие о трудностях с фонетико-фонематической обработкой (смещение сходных по звучанию звуков, пропуск или неразличение звуков в слабых, а иногда и в сильных позициях («педагоги – бидагоги», «воспитотили», см. рис. 6);

2. Приведите примеры профессии людей, которые получают зарплату из бюджета (заполните таблицу).

Расходы бюджета	Профессии людей
На образование	учитель, директор,
На здравоохранение	бюджетом; воспитатель, тренер, врач (хирург, детский), врач, медсестра, лаборант.
На содержание армии, полиции	военный, артиллерия и полицейский
На науку и культуру	артист, танцор, музыкант,
На охрану природы	экологи, лесники, охотники

Рисунок 6. Образцы письменных работ до коррекции. Начало 4-го класса

– ошибки, свидетельствующие об отсутствии четкого понимания морфологического уровня (при тестировании – затруднения с разделением слов на морфемы, выделением корня, переносом слов);

– ошибки, свидетельствующие о недостаточности парадигматических представлений (многочисленные ошибки в окончаниях, при тестировании – способен изменять существительные по числам и по падежам, глаголы по лицам и числам, но замедленно и с ошибками);

– ошибки, свидетельствующие о недостаточности синтагматических представлений (правила согласования знает теоретически, понимает саму идею необходимости согласования слов, но ошибается с выбором точной формы слова в зависимости от главного, особенно часто ошибки согласования проявлялись в сочетаниях существительных и прилагательных, в использовании местоимений, отмечалось стремление к использованию максимально простых предложений, конструкций, даже при обсуждении сложных тем).

Семантических нарушений выявлено не было – если слово или предложение удавалось прочитать или расслышать, проблем с пониманием не возникало. Также не было выявлено нарушений памяти – ребенок мог запомнить и повторить списки из 10-15 слов (на слух), достаточно хорошо помнил формулировки орфографических правил (но при этом часто не применял их и не замечал этого, не мог найти свои ошибки).

Особенно яркой особенностью была сильная зависимость между качеством чтения и письма и общим психофизиологическим состоянием. Очень быстро

устаивал при выполнении заданий: начинал зевать, больше ошибаться, нервничать, часто уже через несколько минут после начала выполнения упражнений. Отмечались все варианты трудностей поддержания рабочего состояния, активного тонуса коры, выделенные Ахутиной Т.В. [Ахутина 2001].

Метод

Поскольку дислексия и дисграфия – нарушения, имеющие нейрональную основу, то и коррекция должна быть рассчитана с учетом особенностей функционирования структур головного мозга. Обратим внимание на два важных фактора. Первый – необходимость создания максимально благоприятных условий, в которых реорганизация функциональной системы письма может пройти быстрее и легче. Второй – необходимость адекватной нагрузки (использование специальных упражнений), ориентированной на формирование именно нужных, недостающих навыков. Рассмотрение первого фактора выходит за рамки лингвистики и данной статьи. Отметим здесь только самое важное: закрепление новых навыков – энергозатратный процесс. Степень когнитивной нагрузки непосредственно связана с соотношением автоматических и контролируемых процессов при выполнении конкретной задачи: чем больше процессов нуждаются в произвольном контроле, тем больше степень когнитивной нагрузки и энергоемкость [Ахутина, Пронина 2015]. Поэтому до начала цикла коррекции обязательно нужно уделить внимание тому, чтобы организовать для ребенка на некоторый период времени максимально щадящий режим. Кроме энергетических, по возможности необходимо учитывать физиологические, социальные, психологические аспекты.

В данном конкретном случае было сделано следующее:

- на три недели ребенок был полностью освобожден от школьной нагрузки (по решению и под ответственность родителей);
- в график было введено достаточное количество прогулок на свежем воздухе, кислородное дыхание (через кислородный концентратор), достаточное количество сна, дополнительное внимание было уделено организации питания (поддержка организма на всех уровнях);
- ребенку была предоставлена психологическая поддержка и защита от излишних вопросов и любых обвинений со стороны сверстников, родственников и других людей на 3-недельный период интенсивной коррекции;
- мальчику на доступном уровне объяснили суть проблемы, обозначив, в том числе, и термины «дислексия» и «дисграфия», рассказали о нейропластичности с целью сделать занятия осознанными, сформировать понимание, почему и для чего нужно будет выполнять много однотипных простых упражнений;
- были добавлены телесные практики, направленные на снятие напряжений в теле и развитие координации, способности повторять серии сложных движений телом [см. также статью о мозжечковой гипотезе дислексии: Stoodley, Stein 2013].

В центре программы коррекции лежало стремление создать адекватную нагрузку для развития языковых представлений каждого уровня посредством специальных упражнений. Комплекс занятий был построен по принципу «от простого к сложному». В первую очередь развивалась способность выделять минимальные единицы языка (отдельные фонемы в ряду звуков, графемы в последовательности символов). Интенсивный курс коррекции длился три недели. Мы занимались каж-

дый день без выходных, с 8 утра до 8 вечера, каждый час по 3-5-7 минут. Отдельное занятие продолжалось до возникновения признаков истощения ребенка (потеря концентрации внимания, зевота, раздражение).

Использовался принцип раздельной тренировки отдельных навыков. В один час давались упражнения на тренировку зрительного восприятия, в другой час – на развитие фонематических представлений, отдельно проводилась тренировка почерка, отдельно – тренировка парадигматических представлений, отдельно – развитие координации движений и другие телесные практики и т.д. Единственным элементом, на который обращали внимание постоянно, было обучение регуляции своего состояния (отслеживание момента падения энергии и потери концентрации, обучение методам быстрого расслабления и восстановления сил).

Во время коррекции, особенно на начальном ее этапе, важно помнить, что ребенок психологически ослаблен: у него снижена самооценка и накоплены негативные воспоминания, связанные с занятиями чтением и письмом, с выполнением уроков и школьных заданий. При этом у специалиста нет цели проверить способности мальчика – и так известно, что они недостаточны. Важно дать ему психологическую опору, уверенность в возможности изменения ситуации, освоения этих так трудно дающихся ему навыков. Поэтому я старалась создавать условия, в которых он может выполнить предлагаемые задания, но при этом вынужден постоянно расти. Для этого каждое следующее упражнение я делала чуть сложнее, но связанным с предыдущим и посильным, ориентированным на зону ближайшего развития. В разных заданиях использовались одни и те же слова, сочетания букв, уже отработанные элементы.

Различение фонем

Фонематический уровень предполагает освоение именно смыслоразличительной функции фонем, развитие способности выделить в потоке речи значимые фрагменты, вычленив акустические признаки, отличающие одни слова от других по смыслу (различать значимые и незначимые акустические признаки). Отдельная задача – сформировать представление о позиционно чередующихся звуках, не перегружая ребенка лишней информацией, но давая примерами достаточное количество структурированного языкового опыта. [Про различие между звуком и фонемой см. Кодзасов, Кривнова 2001, Трубецкой 1960].

Для тренировки этого уровня мы использовали упражнение с условным названием «бочка-почка» (игру в подбор слова с заменой одной фонемы). Взрослый называет слово, бросает ребенку небольшой мяч (игровая форма занятий помогала выполнить больше упражнений), а он, поймав мяч, должен заменить одну заранее известную фонему на другую, отличающуюся от первой одним признаком, например, глухостью-звонкостью. Начинали с губных согласных звуков («б/п»); слова подбирались так, чтобы замена этой одной фонемы давала бы новое слово, а не псевдослово. Целью занятий было сформировать у ребенка основанное на опыте понимание смыслоразличительной функции фонем (регулярно внимание мальчика обращалось на то, что даже один звук может изменить смысл слова). Упражнения повторялись многократно, несколько раз в день каждый день, чтобы развить до некоторой степени автоматизма способность подобрать нужный звук, заменив один акустический признак.

Первые занятия были достаточно простыми, во время них создавалась возможность хорошо понять задания, выполнить их правильно и закрепить выработанный автоматизм. Постепенно сложность наращивалась: слова использовались более длинные (не 3 фонемы, как в словах «дом-том», а 5, 6, 7), добавлялись варианты, где целевая фонема стояла не в начале слова, а в конце или в середине, позже – встречалась в слове более одного раза. После того, как была отработана замена «б» на «п», были даны задания на замену «п» на «б», а также варианты, где нужно было в одном слове заменить и «б» на «п», и «п» на «б». Очень важно было словесно положительно закреплять успехи ребенка. Надо отметить, что на отработку замены первой пары звуков («б/п») потребовалось значительно больше времени, чем на последующие пары («д/т», «г/к» и т.д.). Надо полагать, мальчик освоил процедуру и провел аналогию для других фонем.

Различение графем

Параллельно мы тренировали способность различать графемы, используя для этого два основных упражнения: «шпион» и «три слова». Упражнение «шпион» (аналог «корректирной пробы» для взрослых) ориентировано на поиск и подчеркивание или выделение цветом определенных букв в ряду различных символов (сначала в ряду отдельных букв, потом в составе словарных или знакомых слов, потом в обычном печатном тексте). Мы начинали с использования достаточно крупного шрифта, постепенно уменьшая его до обычного. Упражнение «три слова» ориентировано на переключение масштаба, развитие внимания к единицам разного уровня. Сначала ребенку предлагалось задание соединить стрелками пары одинаковых слов (три пары), а потом – внутри этих слов найти и раскрасить разными цветами определённые буквы. Слова использовались из списков словарных слов для 1-4 классов и подбирались таким образом, чтобы нагрузка всегда была в зоне ближайшего развития ребенка (сделать может, но стараясь, с каждым успешным разом чуть повышается сложность), а слова из разных упражнений переключались, помогая закрепить навык.

В сложных для мальчика сочетаниях в качестве дополнительной опоры на некоторое время использовался цвет. Например, первое время давалось задание раскрашивать одни и те же буквы одним и тем же цветом, использовались теплые цвета для гласных, холодные для согласных и т.д. – важно, что это было системно и для ребенка предсказуемо. Сочетания слов и букв внутри слов я подбирала так, чтобы спровоцировать самостоятельное понимание или вспоминание некоторых базовых принципов (не объяснили правило, а сам вывел). Например, использовала повторяющиеся слова с сочетаниями «жи-ши», «оро», «оло», чередованиями в корнях слов, позже – давала задания подчеркивать совпадения букв в окончаниях существительных и прилагательных в словосочетаниях и т.д.

В первую неделю, пока мы тренировали только базовые навыки, заметного эффекта и прогресса было не видно, однако занятия продолжались. Ребенок получал поддержку и положительное подкрепление.

Различение морфем и развитие парадигматических представлений

На второй неделе мы перешли к морфологическому уровню и тренировке парадигматики. Например, в играх с мячом теперь заданием было склонение существительных по падежам (сначала ребенок получал пояснение, правило, первое

время я подсказывала и название падежа, и вопрос, потом навык доводился до автоматизма) и позже спряжение глаголов. В игре «три слова» раскрашивать нужно было уже не отдельную букву, а определенный заданный фрагмент, который соответствовал морфеме (например, суффиксу, и все три слова подбирались так, чтобы нужный суффикс в них был). Я не давала заданий на согласование слов, определение окончаний словосочетаний и т.п. до тренировки парадигматических представлений. Чтобы выбрать нужный для согласования элемент, ребенок должен уже иметь его включенным в активную внутреннюю систему.

На этом этапе значительная часть работы выполнялась устно, поскольку даже переписывать с образца отдельные слова было сложно. Заданий письменно просклонять существительное или прилагательное на второй неделе не предлагалось, но давались образцы: таблицы изменения существительных или прилагательных по падежам, глаголов по лицам и числам (не более двух таблиц за один раз). В этих таблицах ребенок должен был найти и раскрасить определенные буквы. Выбор букв и слов определялся тем, к какой морфеме в данный момент требовалось привлечь внимание (окончание, суффикс, корень, приставка). Так упражнения, освоенные на первых этапах, постепенно усложнялись, и это позволяло, с одной стороны, закреплять уже выработанные навыки, с другой стороны, развивать новые.

Переписывание текста

Самой сложной задачей в данном случае коррекции было научить ребенка переписывать хотя бы одно слово правильно. Из-за особенностей зрительно-пространственного восприятия он не мог точно определить, какие именно буквы видит. По словам мальчика, он «видел» одновременно несколько возможных вариантов некоторых букв – объясняя это всплывающими семантическими и графическими ассоциациями.

Первое время заданий на переписывание я не давала, чтобы не провоцировать ситуации появления ошибок. Когда стало ясно, что поиск нужных букв в упражнениях «шпион» и «три слова» происходит быстрее и точнее, чем раньше, когда натренировано было еще несколько базовых навыков (в том числе работа в прописях, тренировка координации, запоминание последовательностей, фонематическое восприятие), к заданию переписать мы вернулись – и это увенчалось успехом. Сначала он переписывал одно слово на выбор сразу после выполнения упражнения «три слова», потом два слова, потом три.

В конце второй недели, замечая прогресс, я ввела еще одно, на этом этапе самое сложное для ребенка упражнение: переписывание одной строки (выбиралось предложение, состоящее из нескольких слов). Сразу правильно переписать не получалось, а многократное переписывание с ошибками было нежелательно по двум причинам: это снизило бы мотивацию продолжать интенсивные занятия и увеличило бы количество возможных неверных ассоциаций. Как отмечалось выше, по словам мальчика, часто происходило так, что одновременно с предъявленным стимулом в его «внутреннем представлении» всплывали образы других букв и слов, связанные с предъявленным внешне или по смыслу. Поэтому была применена методика разбора каждого предложения перед переписыванием. Для этого был выбран метод максимального включения различных анализаторов (зрительного, слухового, тактильного, кинестетического) или, согласно терминологии Лалаевой Р.И.,

«принцип максимальной опоры на полимодальные афферентации» [Лалаева 2002, Лалаева 2007]. Подготовка к переписыванию строки проводилась следующим образом: сначала текст я читала ребенку вслух, медленно и ритмично, отчетливо, при этом я просила следить за текстом глазами. Поскольку было заметно, что он не улавливает точно моменты произнесения определенных фрагментов, не может следить сам за текстом, я показывала карандашом те слоги, которые в данный момент произносила. Потом я просила прочитать текст самостоятельно, вслух, совмещая чтение с указанием на место в тексте. Выполнять эти два действия синхронно и точно не получалось. Мы тренировались до тех пор, пока не начинало совпадать чтение и движение его пальца по тексту. Использовались одновременно слуховые и зрительные стимулы, кинестетика и артикуляция, ритм, ритмичное прохлопывание, чтение по слогам, по словам, детальный разбор всех элементов в строке. Этот процесс для ребенка с дислексией действительно очень энергозатратный: мальчик начинал зевать и капризничать. По мере необходимости я давала минуту-две отдыха, учила отвлекаться и расслабляться как можно быстрее (закрыть глаза, посмотреть в окно, встать размяться или, наоборот, положить голову на руки или на стол, или даже лечь), а также приходило в собранное активное состояние. Успех обязательно закреплялся положительными оценками, похвалой. После выполнения каждого такого упражнения мы делали перерыв на час.

Несколько дней мы продолжали тренировки без увеличения нагрузки – до тех пор, пока не стало получаться сравнительно легко (совпадает чтение и указание с первого раза, ребенок переписывает точнее и быстрее, без признаков утомления и т.д.). Позже мы стали увеличивать длину переписываемого текста и уменьшать шрифт, доводя его до обычного книжного. Для облегчения задачи первое время я старалась включать в этот текст те слова, которые мы уже отработывали на этапе тренировки фонетических, графических, парадигматических представлений.

Закрепление навыков и развитие синтагматических представлений

На третьей неделе занятий мы наращивали длину и сложность переписываемого текста, тренировали синтагматические представления и закрепляли уже освоенное. Один раз в день, в первой половине дня (у данного ребёнка в период коррекции утром энергетический уровень был выше) выполнялось самое сложное для мальчика упражнение: переписывание текста. Размер текста соответствовал одной-двум, со временем – трем строкам обычного печатного текста (шрифт школьного учебника). Сложность структуры предложений в этих текстах также наращивалась постепенно. Параллельно в те же дни, но в другие часы, мы обсуждали и отработывали употребление слов в словосочетаниях, анализ предложений, понимание конструкций, начиная с простых вариантов.

Для закрепления навыков различения фонем и графем соответствующие упражнения сохранялись на протяжении всего периода коррекции, при этом на третьей неделе ребенок уже мог выполнять более сложные варианты упражнений за меньшее время. Стоит отметить, что практика подтвердила: автоматизированные действия становятся менее энергоёмкими. Освоенные упражнения больше не вызывали быстрого утомления, их можно было выполнять дольше (не 3-5-7 минут, а 7-10-15 минут за один подход).

Результаты

К концу третьей недели наблюдался значительный прогресс: ребенок мог десятки раз правильно переписать сложные слова, переписать больше десяти предложений без ошибок.

На четвертой неделе было принято решение вернуться в школу. Не без трудностей, но со школьными заданиями ребенок стал справляться, учителя отмечали прогресс (ошибок стало заметно меньше, понимание заданий, прочитанных текстов – лучше). По окончании интенсивного курса коррекции мальчик был настолько вдохновлен результатами, что написал текст для других детей (см. рис. 7). На тот момент написать этот текст без ошибок (к почерку требований пока не предъявляли) ему было очень сложно, ребенок переписывал текст несколько раз.

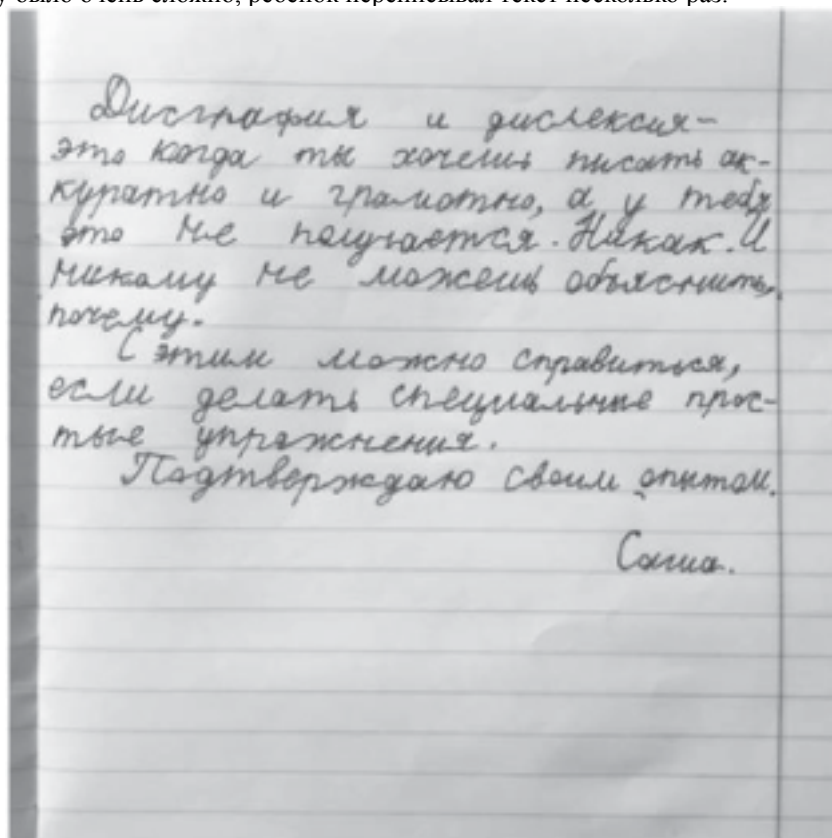

Рисунок 7. Письменная работа сразу после интенсивного курса коррекции. 4-й класс

В течение нескольких месяцев параллельно со школьной программой мы продолжали поддерживающие занятия, направленные на развитие и закрепление навыков чтения и письма (2-3 раза в день упражнения по 5-7 минут, с учетом текущего состояния, тренировки не достигших автоматизма навыков). Позже занятия

стали реже, но в течение года я отслеживала динамику и при необходимости мы возвращались к упражнениям.

Год спустя (в 5 классе) ребенок смог тот же текст переписать с первого раза, легко и гораздо более ровным почерком (см. рис. 8). Кроме того, в 5 классе он выиграл окружной тур олимпиады по математике, полностью адаптировался к школьной жизни и смог выстроить хорошие отношения с одноклассниками. В 5-6 классах мальчик стал способен сам выбирать и читать книги, в том числе энциклопедии по истории и учебники по программированию – материалы, по сложности превосходящие текущий школьный уровень.

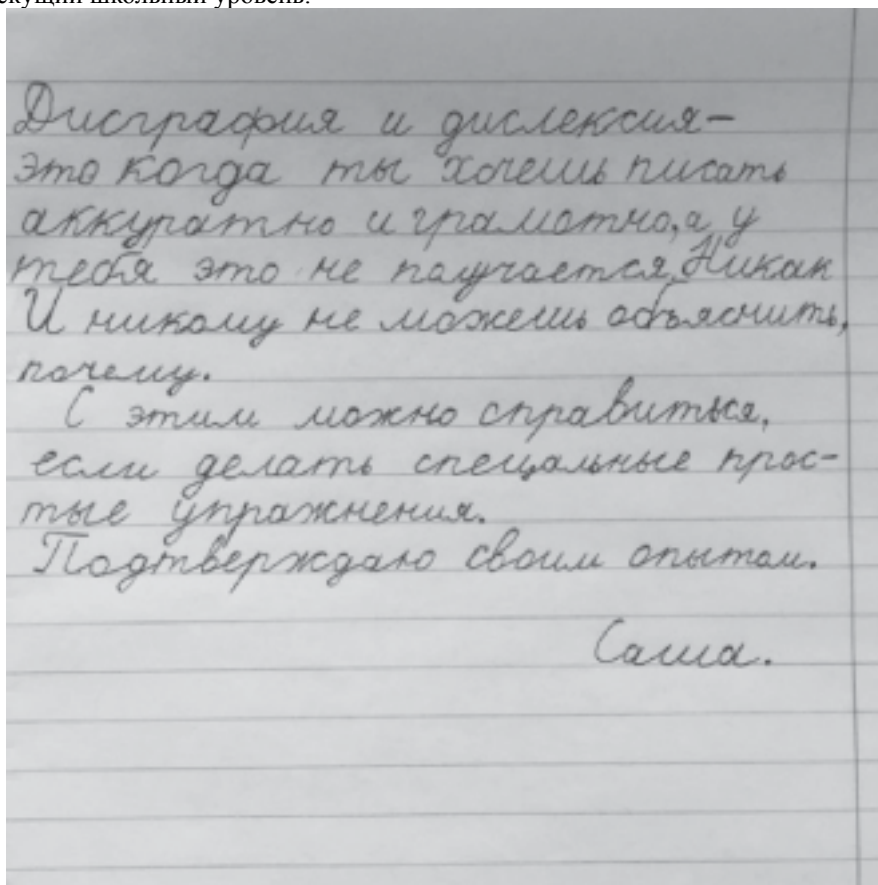

Рисунок 8. Письменная работа через год после интенсивного курса коррекции. 5-й класс

Заключение

Данный случай краткосрочной, но интенсивной и успешной коррекции дислексии пока является сравнительно редким примером, потому что в нем удалось одновременно применить множество рекомендуемых в различных отдельных исследованиях приемов. Однако значительный положительный результат позволяет рекомендовать подобный подход.

Для развития и совершенствования методик коррекции дислексии важно привлекать различных специалистов: как коррекционных педагогов, физиологов и нейропсихологов, так и лингвистов, поскольку знание уровней и модальностей языка – компетенция именно лингвистов. Понимание того, с каким уровнем языка в данный момент актуальнее работать, существенно помогает подобрать оптимальную схему занятий (выбрать самые эффективные из спектра возможных упражнений). Вспомогательные методы, такие как снижение нагрузки, питание, поддержка, регуляция энергетического состояния, тренировка координации и т.д., необходимы – они создают условия для формирования новых навыков. Но лингвистически обоснованные упражнения дают необходимую для развития навыков системность. Можно предположить, что именно лингвистически обоснованные упражнения, направленные на специфический языковой локус дефицита ребенка, активируют процессы, благодаря которым и происходит реорганизация нейрональной языковой сети. Проверить, так ли это на самом деле – задача будущих исследований в области нейролингвистики.

Литература

Ахутина Т.В. Трудности письма и их нейропсихологическая диагностика // Письмо и чтение: трудности обучения и коррекция. М.: МПСИ, 2001. С. 7-20.

Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход. СПб.: Питер, 2008. 320 с.

Ахутина Т.В., Матвеева Е.Ю., Романова А.А. Применение луриевского принципа синдромного анализа в обработке данных нейропсихологического обследования детей с отклонениями в развитии // Вестник московского университета. Серия 14. Психология, 2012. №2. С. 84-95.

Ахутина Т.В., Пронина Е.А. Оценка состояния регуляции активации у первоклассников с помощью методики RAN/RAS // Национальный психологический журнал, 2015. № 1(17). С. 61-69.

Ахутина Т.В., Иншакова О.Б. Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников. М.: В. Секачев, 2016. 128 с.

Волкова Л.С., Шаховская С.Н. Логопедия. Учебник для студентов дефектологических факультетов пед. вузов // Под ред. Волковой Л.С., Шаховской С.Н. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. 680 с.

Глозман Ж.М., Потанина А.Ю., Соболева А.Е. Нейропсихологическая диагностика в дошкольном возрасте. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 80 с.

Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001. 592с

Корнев А.Н. Основы логопатологии детского возраста: клинические и психологические аспекты. СПб.: Речь, 2006. 380 с.

Лалаева Р.И. Нарушения чтения и пути их коррекции у младших школьников. Учебное пособие. СПб.: Издательство «Союз», 2002. 224 с.

Лалаева Р.И. Общефункциональные и специфические механизмы нарушений чтения и письма у детей // Ребенок с нарушениями письма и чтения: образовательные траектории и возможности сопровождения: Материалы III Международ-

ной конференции Российской ассоциации дислексии. М.: Российская ассоциация дислексии. МГПУ, 2007.

Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Издательство МГУ, 1969. 504 с.

Солнцев В.М. О понятии уровня языковой системы // Вопросы языкознания, 1972. №3. С. 3-19.

Токарева О.А. Расстройства чтения и письма // Расстройства речи у детей и подростков. Под ред. С.С. Ляпидевского. М.: Медицина, 1969. С.190-212.

Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 372 с.

Dejerine J. (1891) Sur un cas de cécité verbale avec agraphie suivi d'autopsie. Comptes Rendu de la Société de Biologie, 3. P. 197-201.

Dejerine J. (1892) Contribution à l'étude anatomo-pathologique et clinique des différentes variétés de cécité verbale. Comptes Rendu de la Société de Biologie, 4. P. 61-90.

Eckert M. (2004) Neuroanatomical markers for dyslexia: a review of dyslexia structural imaging studies. *Neuroscientist*, 10 (4). P. 62-71.

Krafnick A.J., Flowers D.L., Luetje M.M., Napoliello E.M., Eden G.F. (2014) An investigation into the origin of anatomical differences in dyslexia. *Journal Neuroscience*, 34 (3). P. 901-908.

Lyon G.R., Shaywitz S., Shaywitz B. (2003) A definition of dyslexia. *Annals of Dyslexia*, 53. P. 1-14.

Ma Y., Koyama M.S., Milham M.P., Castellanos F.X., Quinn B.T., Pardoe H., Wang X., Kuzniecky R., Devinsky O., Thesen T., Blackmon K. (2015) Cortical thickness abnormalities associated with dyslexia, independent of remediation status. *NeuroImage: Clinical*, 7. P. 177-186.

Menghini D., Finzi A., Benassi M., Bolzani R., Facoetti A., Giovagnoli S. et al. (2010) Different underlying neurocognitive deficits in developmental dyslexia: a comparative study. *Neuropsychologia*, 48(4). P. 63-72.

Raschle N.M., Chang M., Gaab N. (2011) Structural brain alterations associated with dyslexia predate reading onset. *Neuroimage*, 57 (3). P. 742-749.

Richlan F., Kronbichler M., Wimmer H. (2012) Structural Abnormalities in the Dyslexic Brain: A Meta-Analysis of Voxel-Based Morphometry Studies. *Human Brain Mapping*, 34. P. 3055–3065.

Silani G., Frith U., Demonet J., Fazio F., Perani D., Price C. et al. (2005) Brain abnormalities underlying altered activation in dyslexia: a voxel based morphometry study. *Brain*, 128. P. 53-61.

Stein J. (2001) The magnocellular theory of developmental dyslexia. *Dyslexia*, 7(1). P.12–36.

Stoodley C.J., Stein J.F. (2013) Cerebellar Function in Developmental Dyslexia. *Cerebellum*, 12. P. 267-276.

Международная ассоциация дислексии. [Электронный ресурс]. URL: <https://dyslexiaida.org/definition-of-dyslexia> (дата обращения 28.02.2017).

**LINGUISTIC ASPECTS OF DYSLEXIA AND DYSGRAPHIA
CORRECTION: SUCCESSFUL IMPLEMENTATION OF AN INTEGRATIVE
APPROACH**

Svetlana V. Dorofeeva

Postgraduate student, National Research University Higher School of
Economics, Russian Federation, Neurolinguistics laboratory
Moscow, Staraya Basmannaya street, 21/4
sdorofeeva@gmail.com

Language and speech are an integral part of people's thinking and communication, but recently there has been an increase in the number of children with speech difficulties. The article focuses on the experience of successful dyslexia and dysgraphia correction of 10-year-old Russian speaking child. The correction program consisted of two stages. The first stage is a three-week intensive sessions aimed at improving and automating the child's language and motor skills necessary for the successful implementation of reading and writing. The second stage is support classes for 12 months. Special attention is paid to the linguistic aspects of the program: the error analysis in terms of language theory and current data in the field of neurolinguistics; the methods help to identify the locus deficit; the principles that underlie the choice of exercises aimed at eliminating the deficit. The approach used may be of interest for professionals working with children suffering from dyslexia or dysgraphia (speech therapists, teachers of the Russian language, foreign language teachers), as well as professionals studying the mechanisms of occurrence and correction of language disorders (linguists, neurolinguists, neuropsychologists).

Keywords: dyslexia, dysgraphia, neurolinguistics, correction of reading and writing disorders.

References

Ahutina T.V. Trudnosti pis'ma i ih nejropsihologicheskaja diagnostika // Pis'mo i chtenie: trudnosti obuchenija i korrekciya. [The difficulties of writing and neuropsychological diagnostics // reading and writing: learning and correction]. M.: MPSI, 2001. P. 7-20.

Ahutina T.V., Pylaeva N.M. Preodolenie trudnostej uchenija: nejropsihologicheskij podhod. [Overcoming the difficulties of the learning: neuropsychological approach] SPb.: Piter, 2008. 320 p.

Ahutina T.V., Matveeva E.Ju., Romanova A.A. Primenenie lurievskogo principa sindromnogo analiza v obrabotke dannyh nejropsihologicheskogo obsledovanija detej s otklonenijami v razvitii. [Application of the Luria principle of syndrome analysis in the processing of neuropsychological examination of children with developmental disabilities] // Vestnik moskovskogo universiteta [Bulletin of Moscow University]. Serija 14. Psihologija, 2012. №2. P. 84-95.

Ahutina T.V., Pronina E.A. Ocenka sostojanija reguljaccii aktivacii u pervoklassnikov s pomoshh'ju metodiki RAN/RAS. [Assessment of the activation regulation in children by using techniques RAN/RAS] // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal [National Psychological Journal]. 2015. № 1(17). P. 61-69.

Ahutina T.V., Inshakova O.B. Nejropsihologičeskaja diagnostika, obsledovanie pis'ma i čtenija mladših škol'nikov. [Neuropsychological diagnostics, examination of writing and reading to the younger schoolchildren]. M.: V. Sekachev, 2016. 128 p.

Volkova L.S., Shahovskaja S.N. Logopedija. Učebnik dlja studentov defektologičeskich fakul'tetov ped. Vuzov. [A textbook for students of pedagogical faculties of defectology. universities] // Pod red. Volkovoj L.S., Shahovskoj S.N. M.: Gumanit. izd. centr VLADOS, 1998. 680 p.

Glzman Zh.M., Potanina A.Ju., Soboleva A.E. Nejropsihologičeskaja diagnostika v doškol'nom vozraste. [Neuropsychological diagnosis in preschool age]. 2-e izd. SPb.: Piter, 2008. 80 p.

Kodzasov S.V., Krivnova O.F. Obshhaja fonetika. [General phonetics]. M.: RGGU, 2001. 592 p.

Kornev A.N. Osnovy logopatologii detskogo vozrasta: kliničeskie i psihologičeskie aspekty. [Fundamentals of speech therapy for childhood: clinical and psychological aspects]. SPb.: Rech', 2006. 380 p.

Lalaeva R.I. Narušenija čtenija i puti ih korrekcii u mladših škol'nikov. Učebnoe posobie. [Impairments of reading skills and the ways of speech therapy for younger school children. Textbook]. SPb.: Izdatel'stvo «Sojuz», 2002. 224 p.

Lalaeva R.I. Obshhefunkcional'nye i specificheskie mehanizmy narušenij čtenija i pis'ma u detej // Rebenok s narušenijami pis'ma i čtenija: obrazovatel'nye traektorii i vozmožnosti soprovozhdenija: Materialy III Mezhdunarodnoj konferencii Rossijskoj asociacii disleksii. M.: Rossijskaja asociacija disleksii. [General and specific mechanisms disorders of reading and writing in children // Child impairments of reading and writing: educational trajectories and opportunities for support]. MGPU, 2007.

Lurija A.R. Vysshie korkovyje funkcii čeloveka i ih narušenija pri lokal'nyh poraženijah mozga. [Higher cortical functions in human beings and their impairments in local brain lesions.] M.: Izdatel'stvo MGU, 1969. 504 p.

Solncev V.M. O ponjatii urovnja jazykovoju sistemy [The concept of levels of language system] // Voprosy jazykoznanija, 1972, №3. P. 3-19.

Tokareva O.A. Rasstrojstva čtenija i pis'ma // Rasstrojstva reči u detej i podrostkov. [Disorders of reading and writing // speech Disorders in children and adolescents]. Pod red. S.S. Ljapidevskogo. M.: Medicina, 1969. S.190-212.

Trubeckoj N.S. Osnovy fonologii. [Basics of phonology]. M.: Izdatel'stvo inostrannoju literatury, 1960. 372 s.

Dejerine J. (1891) Sur un cas de cécité verbale avec agraphie suivi d'autopsie. Comptes Rendu de la Société de Biologie, 3. P. 197-201.

Dejerine J. (1892) Contribution à l'étude anatomo-pathologique et clinique des différentes variétés de cécité verbale. Comptes Rendu de la Société de Biologie, 4. P. 61-90.

Eckert M. (2004) Neuroanatomical markers for dyslexia: a review of dyslexia structural imaging studies. *Neuroscientist*, 10 (4). P. 62-71.

Krafnick A.J., Flowers D.L., Luetje M.M., Napoliello E.M., Eden G.F. (2014) An investigation into the origin of anatomical differences in dyslexia. *Journal Neuroscience*, 34 (3). P. 901-908.

Lyon G.R., Shaywitz S., Shaywitz B. (2003) A definition of dyslexia. *Annals of Dyslexia*, 53. P. 1-14.

Ma Y., Koyama M.S., Milham M.P., Castellanos F.X., Quinn B.T., Pardoe H., Wang X., Kuzniecky R., Devinsky O., Thesen T., Blackmon K. (2015) Cortical thickness abnormalities associated with dyslexia, independent of remediation status. *NeuroImage: Clinical*, 7. P. 177-186.

Menghini D., Finzi A., Benassi M., Bolzani R., Facoetti A., Giovagnoli S. et al. (2010) Different underlying neurocognitive deficits in developmental dyslexia: a comparative study. *Neuropsychologia*, 48(4). P. 63-72.

Raschle N.M., Chang M., Gaab N. (2011) Structural brain alterations associated with dyslexia predate reading onset. *Neuroimage*, 57 (3). P. 742-749.

Richlan F., Kronbichler M., Wimmer H. (2012) Structural Abnormalities in the Dyslexic Brain: A Meta-Analysis of Voxel-Based Morphometry Studies. *Human Brain Mapping*, 34. P. 3055–3065.

Silani G., Frith U., Demonet J., Fazio F., Perani D., Price C. et al. (2005) Brain abnormalities underlying altered activation in dyslexia: a voxel based morphometry study. *Brain*, 128. P. 53-61.

Stein J. (2001) The magnocellular theory of developmental dyslexia. *Dyslexia*, 7(1). P.12–36.

Stoodley C.J., Stein J.F. (2013) Cerebellar Function in Developmental Dyslexia. *Cerebellum*, 12. P. 267-276.

Mezhdunarodnaja asociacija disleksii. [The International Association of Dyslexia] [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://dyslexiaida.org/definition-of-dyslexia> (data obrashhenija 28.02.2017).

УДК 81'23

**ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА НА РЕАКЦИИ
ИСПЫТУЕМЫХ В АССОЦИАТИВНОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ**

Черепанов Игорь Евгеньевич

Институт языкознания РАН
125009, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1
cherep_igor@mail.ru

Настоящая статья посвящена анализу влияния гендерного фактора на процесс ассоциирования. В ходе исследования гендерной проблематики учеными отмечалось очевидное влияние социального пола, наряду с такими факторами, как родной язык, возраст и уровень образования, на коммуникативное поведение информантов в разных условиях коммуникации, в том числе в экспериментальных. Проведенный нами ассоциативный эксперимент в двух московских школах с участием русскоязычных школьников 11-18 лет на русском и английском языках позволил уточнить влияние гендерного фактора на ассоциативное поведение испытуемых. Эксперименты на каждом языке проводились в разное время с перерывом в три недели. В качестве стимулов выступали две группы омонимов русского и английского языков, не коррелирующие друг с другом и хорошо знакомые испытуемым. Целью исследования было установление различий в ответах испытуемых мужского и женского пола, выявление факторов, влияющих на процесс ассоциирования, анализ ответов информантов разного пола с точки зрения стереотипности/разнообразия реакций (количество разных и единичных реакций), а также выявление различий в ассоциативном поведении испытуемых в зависимости от языка, на котором проводится эксперимент.

Ключевые слова: омонимы, омонимия, гендер, психолингвистический эксперимент, английский язык, русский язык.

Гендер является одним из наиболее значимых факторов, определяющих коммуникативное поведение людей. Развитие различных теорий личности, феминистические движения на Западе, интерес к социокультурным дисциплинам привели к пересмотру взглядов на такие параметры личности, как возраст и пол, ранее считавшиеся биологически детерминированными [Смит 1997]; до 70-х годов XX века ученые, исследовавшие гендер, рассматривали лишь его природную сущность, затем начали изучать его социальную и культурную составляющие. У. Лабов, один из первых исследователей этой проблематики, в своих работах опроверг природную сущность различий языка мужчин и женщин и показал, что эти различия носят не абсолютный, а относительный характер и обусловлены социо- и культурными факторами [Labov 1971]. Новый подход потребовал введения новой терминологии, которая могла бы более точно отвечать запросам ученых, что привело к появлению термина «гендер», имеющего более широкое значение, чем термин «пол». О.В. Рябов в своей диссертационной работе дает довольно точное определение различий между полом и гендером: «если пол осмысливается в категориях “мужчина” и “женщина”, то гендер в терминах “мужественность” (мужское начало) и “женственность” (женское начало)» [Рябов 2000: 3].

Сегодня существует множество различных определений гендера, однако, на наш взгляд, наиболее точные дают А.В. Кирилина и М.В. Томская. Авторы считают, что гендер – это «социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола» [Кирилина, Томская 2005: 112]. Отечественные лингвистические исследования пола начались относительно недавно – в 70-х годах XX в. [Томская, Маслова 2006]. В советском и раннем постсоветском языкознании изучению вопроса пола уделяли внимание многие ученые в области психолингвистики и социолингвистики (см., например, [Крючкова 1975, Рыжкина, Реснянская 1988]), однако большинство исследований было проведено в практических целях, связанных с криминалистикой, где выявлялись характерные мужские и женские особенности письма для идентификации пола автора [Вул, Мартынюк 1987, Вул 1988, Вул, Горошко 1992 и др.].

Понятие «гендер» в отечественной лингвистике и психолингвистике появилось и активно использовалось в 90-х годах XX века, когда российским исследователям стали доступны труды зарубежных коллег по гендерной проблематике [Кирилина 2002а]. Началось активное изучение влияния гендера и его проявлений в коммуникативном акте и языке [Кирилина 2002б], анализировалось влияние пола на поведение респондентов в ситуации лингвистического эксперимента [Караулов 1996], сравнивались тексты, продуцированные мужчинами и женщинами [Земская, Китайгородская, Розанова 1990, 1993 и др.].

С середины 90-х годов XX в. в отечественной психолингвистике и социолингвистике наблюдается применение различных методологических подходов в изучении гендерной проблематики, систематизируются уже имеющиеся исследования в области гендера [Горошко 2003, Горошко, Кирилина 1999, Кирилина 1997, 1998а, 1998б, Ольшанский 1997, Халеева 1998].

С конца 90-х годов исследованиям в области гендера в России уделяется особое внимание: проводятся различные семинары и конференции [Гусейнова 2002, Журавлева, Кирилина 1998а, 2003, Курочкина 2002, Нерознак 1999 и др.], издаются журналы, книги и статьи различной тематики, связанной с гендером [Городникова 2000, Томская 2002], проводятся эксперименты с учетом гендерного фактора [Горошко 2003]; в целом наблюдается развитие гендерной лингвистики [Беликов 2007, Зыкова 2002, Кирилина 2000, Коноваленко 2003, Ласкова 2001, Ощепкова 2003, Рябов 2000, Токарева 2005 и др.].

Сегодня тема гендера также изучается активно. А.В. Кирилина пишет, что необходимо «определить и описать концептуализацию понятия «пол» и средства его лингвистического отражения на разных уровнях языка», а также определить место «гендерного концепта в ценностной картине мира» [Кирилина 2003: 135]. Проводятся сопоставительные исследования гендерных особенностей семантики слова [Колесникова 2016], влияния гендера на выбор стратегии ассоциирования [Ячная 2014], проводятся экспериментальные исследования, направленные на изучение ассоциативной структуры языкового сознания в гендерном измерении [Вязигина, 2009], ученые анализируют концепции гендера в свете современных исследований [Лактионова, Безрукова 2010, Мигранова 2013], изучается статус гендерных исследований в межкультурной коммуникации [Дутова 2010], обсуждаются стереотипы, связанные с гендером [Войченко 2009]. См. также [Безрукова 2011, Гаранович 2010, Зиновьева 2016, Кирова 2009, Просокова, Стебунова 2007].

Одним из актуальных вопросов, связанных с проблематикой гендера является содержание гендерных стереотипов. В.М. Войченко полагает, что гендерные стереотипы – «это внутренние установки в отношении места мужчины и женщины в обществе, их функций и социальных задач» [Войченко 2009: 66]. По нашему мнению, такие установки не являются врожденными. Гендерные стереотипы формировались под влиянием различных социальных институтов (семья, друзья, коллеги), общественных институтов (школа, армия, церковь и т.д.), СМИ (телевидение, интернет, печатные издания), которые конструируют различия между полами, придают им статус нормы, однако приписывают эти различия биологической природе человека. Помимо одежды, поведения и манер, такая гендерная асимметрия отражается в языке. Отметим, что в каждой стране и культуре степень распространения и укорененности таких стереотипов сильно различается и меняется со временем. Различия начинают формироваться еще в дошкольном периоде жизни человека и укрепляются в подростковом возрасте, когда процесс коммуникации происходит преимущественно в однополых группах [Maccoby, Jacklin 1974, Tannen 2007].

Другим аспектом гендерных исследований является речевое поведение мужчин и женщин в разных условиях коммуникации (естественной и лабораторной). Ряд исследований посвящен влиянию пола на ассоциативное поведение носителей национального языка. Е.И. Горошко полагает, что социальный пол наряду с такими факторами, как родной язык, возраст и уровень образования, влияют на ассоциативное поведение испытуемых: «Введение гендерного параметра в качестве разграничительного критерия и анализ отдельно мужских и женских ассоциаций помогает описать гораздо четче особенности мужского и женского языкового сознания» [Горошко 2003: 99]. Существует мнение, что даже пол интервьюера может влиять на формирование ответа испытуемого [Журавлева, Курочкина 2002], однако в некоторых работах говорится, что при условии анонимности участников свободного ассоциативного эксперимента и минимальном участии исследователя в эксперименте, влияние пола интервьюера (экспериментатора) зафиксировано не было [Горошко 2003].

В проведенном нами ассоциативном эксперименте, стимулами которого являлись омонимы русского и английского языков, мы сделали попытку установить различия в содержании и структуре ассоциативных полей, обусловленные гендерной принадлежностью испытуемых. В нашем исследовании приняли участие 362 человека (156 мальчиков и 206 девочек) в возрасте 11-18 лет, дававшие ассоциации на русские омонимы, и 275 человек (109 мальчиков и 166 девочек) в возрасте 11-18 лет, от которых были получены реакции на английские слова-омонимы. В качестве стимулов были даны две группы омонимов русского и английского языков, не коррелирующие друг с другом и хорошо знакомые информантам. Эксперименты на каждом языке проводились в разное время с перерывом в три недели. Экспериментальное исследование проходило в двух московских школах на уроках английского и русского языков. Информантами выступали русскоязычные учащиеся 5-11 классов, изучающие английский язык.

Респонденты указывали пол, возраст и родной язык, участие в исследовании было анонимным. Участникам эксперимента было предложено написать по пять реакций на сорок слов-омонимов английского и русского языков. Полученные ре-

зультаты были внесены в компьютерную программу, позволяющую статистически обобщать результаты в зависимости от применяемых фильтров («пол», «возраст» и «степень обученности»), с помощью которых мы могли получить количественные и качественные данные ответов отдельно у заданной группы информантов (например, «только мальчики», «только девочки второй возрастной группы» и т.п.).

Целью исследования было установление различий в ответах испытуемых мужского и женского пола, выявление факторов, влияющих на процесс ассоциирования, анализ ответов информантов разного пола с точки зрения стереотипности/разнообразия реакций (количество разных и единичных реакций), а также выявление различий в ассоциативном поведении испытуемых в зависимости от языка, на котором проводится эксперимент. Сначала подведем итоги эксперимента, стимулами которого выступали омонимы русского языка.

Фактор пола испытуемых действует только для определенных слов, а в целом реакции респондентов не зависят от их пола. Например, омонимическая группа «стирать» дает приблизительно равные в количественном и качественном отношении реакции у мальчиков и девочек. Так, у девочек наиболее частотными реакциями стали «ластик» (31.6%), «белье» (12.1%), «одежда» (10.7%), «вещь» (9.2%), у мальчиков реакции сходны – «ластик» (21.8%), «одежда» (19.9%), «белье» (7.1%), «вещь» (5.8%).

Гендерный фактор не является универсальным и релевантным в процессе ассоциирования на каждый и любой стимул, однако существуют случаи, когда значение того или иного слова-стимула оказывается предпочтительным для респондентов того или иного пола. Приведем некоторые примеры. Ниже приведена таблица гендерно маркированных реакций на омонимы русского языка, задействованных в нашем эксперименте (Таблица №1).

Таблица №1

Гендерно маркированные реакции на стимулы-омонимы русского языка

Стимул	Мальчики	Девочки
Крепость (напитка)	1.9%	0%
Такт (вежливость)	5.6%	2.5%
Брак (дефект)	15.1%	10%
Косить (от армии)	7.7%	3.9%
Болеть (спорт)	13.4%	8.4%

В омонимической группе «крепость» наблюдается отсутствие частотных реакций на омоним со значением «крепость напитка», однако процент реакций отдельно мальчиков на данное значение слова составляет 1.9%, а девочек – 0%.

В процессе анализа омонимической группы «такт» выявлено отсутствие реакций на слово со значением «вежливость», однако при применении фильтра «пол» выявлено, что респонденты мужского пола дают 5.6% таких реакций, а девочки – 2.5%.

Анализ результатов ответов в омонимической группе «брак» показывает, что процент реакций данных мальчиками составляет 15.1%, а девочками – 10%.

На стимул «косить» вторая по частотности реакция у мальчиков оказалась «армия» (7.7%), у девочек данное слово имеет 3.9% от всех реакций и находится

на третьей по частотности позиции. Такой процент может быть объяснен большей актуальностью этого выражения у лиц мужского пола, нежели у женского. Похожая ситуация наблюдается со словом «болеть». У мальчиков реакции, связанные с поддержкой какой-либо команды или спортсмена (например, «футбол», «команда», «стадион», «Спартак» и т.д.), занимают 13.4%, а у девочек значительно меньше – 8.4%.

В ответах на стимулы-омонимы английского языка также наблюдаются различия в зависимости от пола респондентов (см. Таблицу №2).

Таблица №2

Гендерно маркированные реакции на стимулы-омонимы английского языка

Стимул	Мальчики	Девочки
Coach в знач. 'тренер'	Реакция "football" (9.2%), Реакция "sport" (6.4%)	Реакция "football" (1.8%), Реакция "sport" (7.8%)
Match	Знач. 'соединять' (3.6%) Знач. 'спичка' (4.6%)	Знач. 'соединять' (11.4%) Знач. 'спичка' (0%)
General	Реакция "army" (13.8%) Знач. 'генерал' (22.9%)	Реакция "army" (1.2%) Знач. 'генерал' (4.8%)
Flat	Реакция "family" (8.3%)	Реакция "family" (13.3%)
Train в знач. 'тренироваться'	16.5%	3.6%
Nail в знач. 'ноготь/гвоздь'	Реакция "hammer" (5.5%) Реакция "hand" (1.8%)	Реакция "hammer" (1.2%) Реакция "hand" (8.4%)
Plant	Реакция "bomb" (8.3%)	Реакция "bomb" (0%)
Miss	Реакция "love" (1.8%) Реакция "family" (1.8%)	Реакция "love" (7.2%) Реакция "family" (7.2%)
Fan	Реакция "football" (9.2%)	Реакция "football" (0.6%)

Например, в омонимической группе «coach» самым распространенным ответом стал "football" (9.2%) среди мальчиков, у девочек данная реакция встретилась лишь в 1.8%, а самым распространенным ответом стал "sport" (7.8%). Вследствие популярности футбола среди людей мужского пола данная реакция была наиболее распространенной, в то время как девочки, также опознав стимул как «тренер», дают слово-реакцию с более широким значением.

Омонимическая группа "match" включает в себя три омонима: "match" 'матч', "match" 'соединять', "match" 'спичка'. Девочки дают 11.4% реакций, связанных с омонимом "match" 'соединять'. Возможно, это связано с тем, что данное слово фигурирует в учебных упражнениях, являясь компонентом синтагмы (например, "match the two halves of the sentences" 'соедините две части предложений, чтобы получилось одно', "match the words with the pictures/their definitions" 'соедините слова с картинками/их определениями'). Среди мальчиков таких реакций было 3.6%. У мальчиков реакция, связанная с "match" 'спичка', была зафиксирована в 4.6% случаев, у девочек таких реакций не оказалось.

Самой распространенной реакцией на стимул "general" 'генерал/общий, главный' у мальчиков была реакция "army" (13.8%), у девочек та же реакция встречается в 1.2% случаев. Всего реакций, связанных с омонимом "general" 'генерал', у

девочек – 4.8%, в то время как у мальчиков они составляют 22.9%. Можно сделать вывод, что интересы респондентов разного пола существенны при формировании реакции на слова-омонимы. В некоторых случаях, как для стимула “general”, имеющем русский аналог «генерал», интересы испытуемых в зависимости от их пола оказываются важнее фактора межъязыкового сходства, который во многих других случаях является доминантным.

На стимул “flat” ‘квартира’ реакцию “family” ‘семья’ дают 8.3% мальчиков, у испытуемых женского пола такая реакция встречается в 13.3% случаев.

На стимул “train” ‘тренироваться/поезд’ девочки дают лишь 3.6% реакций, связанных с омонимом “train” ‘тренироваться’, мальчики дают 16.5%. Такая разница может быть связана с тем, что занятия спортом или просмотр спортивных мероприятий популярнее среди мальчиков.

Омонимическая группа “nail” ‘ноготь/гвоздь’ была интерпретирована мальчиками и девочками также по-разному. Самым распространенным ответом среди мальчиков оказался “hammer” ‘молоток’ (5.5%), у девочек эта реакция встречается в 1.2% случаев, а самым распространенным ответом является “hand” ‘рука’ (8.4%), у мальчиков эта реакция оказалось нетипичной (1.8%).

В силу популярности компьютерных игр среди информантов мужского пола реакция “bomb” ‘бомба’ на стимул “plant” ‘сажать/растение’ (ср. “plant the bomb” ‘заложить бомбу’) является второй по распространенности (8.3%), у девочек данная реакция не была зафиксирована.

Реакции респондентов разных полов на стимул “miss” ‘скачать/пропускать/мисс’ заметно отличались друг от друга. Реакции “love” ‘любить’ (7.2%) и “family” ‘семья’ (7.2%) были вторыми и третьими по частотности среди девочек, в то время как данные реакции у мальчиков являются нераспространенными и имеют по 1.8%.

Самой распространенной реакцией на стимул “fan” ‘болельщик/вентилятор’ среди информантов мужского пола было слово “football” ‘футбол’ (9.2%), среди испытуемых женского пола данный ответ был зафиксирован лишь в 0.6% случаев, другие ответы, связанные со спортом, также являются нераспространенными, за исключением одного – “game” ‘игра’ (1.2%). Распространенными ответами девочек были слова, связанные с музыкой или кино (“music, group, famous, concert, star, actor” ‘музыка, группа, знаменитый, концерт, звезда, актер’ и т.д.); отметим почти полное отсутствие слов, связанных с данными темами у мальчиков, исключением стали два редко встречающихся ответа – “concert” (1.8%) и “club” (1.8%).

Далее были проанализированы ответы девочек и мальчиков с целью установления числа разных и единичных реакций (см. Таблицу №3 и Таблицу №4, выделены преобладающие реакции).

Таблица №3

Реакции на стимулы-омонимы русского языка

Стимул (рус.)	Разн. реакции (м)	Разн. реакции (ж)	Един. реакции (м)	Един. реакции (ж)
ЛУК	36.8%	31.9%	23.2%	18.4%
БРАК	34%	27.2%	21.8%	16.5%
МЕШАТЬ	58.3%	48.1%	41%	31.6%
ПОСТ	44.9%	44.2%	28.2%	29.1%

СРЕДА	30.8%	29.6%	19.9%	19.4%
НАСТУПАТЬ	44.2%	41.3%	32.1%	27.7%
РУЧКА	27.6%	19.9%	17.3%	11.7%
ЛИСИЧКА	21.2%	16%	13.5%	7.8%
ОБРЫВ	36.5%	31.1%	24.4%	18.4%
СУШКА	35.3%	33%	25%	19.4%
КЛЮЧ	23.7%	18.4%	15.4%	11.2%
КОСЯК	38.5%	39.3%	28.2%	28.2%
МАТ	44.2%	33%	29.5%	21.8%
КРЕПОСТЬ	37.8%	38.5%	22.4%	28.3%
ШТАТ	30.8%	29.1%	22.4%	19.9%
ЯЗЫК	41.7%	26.7%	29.5%	17%
СОЛЬ	35.9%	30.1%	21.8%	18.9%
СТИРАТЬ	34.6%	20.4%	25.6%	12.1%
МЕСЯЦ	31.4%	26.7%	18.6%	14.6%
КЛЕТКА	34.6%	38.3%	23.1%	27.7%
ТАКТ	34.6%	21.4%	26.9%	14.6%
МИР	36.5%	35%	25.6%	23.8%
РОМАН	35.9%	27.7%	28.8%	19.4%
НОРКА	24.4%	22.8%	15.4%	15%
РВАТЬ	47.4%	33.5%	33.3%	21.8%
ПОЧКА	35.3%	26.7%	26.9%	16.5%
КИСТЬ	23.1%	18.4%	16.7%	10.7%
СОЮЗ	38.5%	34.5%	27.6%	25.2%
КОСИТЬ	27.6%	26.2%	21.1%	19.4%
БОЛЕТЬ	44.9%	41.7%	29.5%	26.7%
ЗАКАПЫВАТЬ	38.5%	23.8%	24.4%	13.1%
АКЦИЯ	36.5%	29.6%	29.5%	18.4%
БЛОК	47.4%	43.2%	32.7%	25.7%
ПРЕДЛОГ	37.2%	29.6%	25%	18.9%
ПОЛ	34.6%	30.6%	21.8%	18.9%
МИНА	40.4%	25.7%	30.1%	17.5%
РАК	41.7%	28.6%	28.2%	18.4%
ПРОВОДНИК	41%	36.9%	30.1%	25.2%
ФОКУС	31.4%	26.7%	19.2%	14.6%
ОЧКИ	40.4%	35.4%	25%	24.3%

Результаты эксперимента с омонимами русского языка показывают, что в большинстве случаев (37 из 40 стимулов) испытуемые мужского пола дают значительно больше разнообразных реакции, нежели испытуемые женского пола. В то же время наблюдается заметная разница в единичных ответах опрошенных: лишь в трех из сорока случаев процент единичных реакций девочек превышает процент единичных ответов мальчиков, что также свидетельствует о значительном разнообразии индивидуальных реакций информантов мужского пола. Рассмотрим данные по количеству разных и единичных реакций респондентов на слова-стимулы английского языка.

Таблица №4

Реакции на стимулы-омонимы английского языка

Стимул (англ.)	Разн. реакции (м)	Разн. реакции (ж)	Един. реакции (м)	Един. реакции (ж)
FAIR	60.6%	56%	45.9%	41%
BANK	21.1%	16.9%	13.8%	12.7%
LIE	57.8%	43.6%	46.8%	29.7%
COACH	44%	41.6%	31.2%	30.1%
MATCH	44%	44%	37.6%	33.1%
SINK	41.3%	37.3%	32.1%	27.7%
GENERAL	55%	56%	45%	40.4%
MARCH	44%	35.5%	36.7%	27.1%
SPACE	56.9%	40.4%	38.5%	25.9%
RECORD	52.3%	42.2%	34.9%	28.9%
FLAT	45.9%	31.3%	35.8%	21.1%
CAN	54.1%	41.6%	33.9%	27.1%
RING	57.8%	45.8%	40.4%	26.5%
TRAIN	66.1%	50.6%	53.2%	34.3%
NAIL	43.1%	31.3%	27.5%	21.1%
WATCH	29.4%	21.7%	21.1%	13.9%
JUMPER	45%	44.8%	33%	30.9%
PLANT	37.6%	33.7%	20.2%	25.3%
SUIT	57.8%	48.2%	46.8%	35.5%
RACE	38.5%	33.1%	31.2%	21.7%
KIND	52.3%	42.2%	36.7%	27.7%
MISS	60.6%	44.6%	44%	30.7%
WAVE	43.1%	41%	35.8%	32.5%
PARK	45%	26.5%	31.2%	15.1%
ORDER	56%	54.2%	41.3%	44.6%
FINE	50.5%	36.7%	38.5%	27.1%
LAST	55%	40.4%	36.7%	25.3%
PRESENT	51.4%	39.8%	28.4%	27.1%
STRESS	55%	46.4%	41.3%	35.5%
FAN	52.3%	50%	40.4%	34.9%
ROCK	41.3%	31.9%	27.5%	21.7%
TYPE	51.4%	52.4%	37.6%	39.8%
MAY	45.9%	44%	33%	30.7%
COOL	64.2%	51.2%	50.5%	35.5%
SET	58.7%	55.4%	45.9%	45.8%
FIRM	55%	44%	45%	31.3%
LIKE	55%	47.6%	38.5%	31.9%
RUN	48.6%	46.4%	35.8%	33.1%
REST	53.7%	47%	44.4%	32.5%
EXPRESS	39.4%	31.9%	29.4%	21.1%

В подавляющем большинстве случаев (37 из 40 стимулов) испытуемые мужского пола также дают больше разных реакций, чем испытуемые женского пола.

Только в трех из сорока случаев девочками было дано больше единичных реакций. Анализ результатов эксперимента на английском языке выявил большее разнообразие реакций информантов мужского пола по сравнению с большей стереотипностью реакций респондентов женского пола в процессе ассоциирования на иностранном языке.

Подводя итог, отметим, что на большинство стимулов русского и английского языков реакции испытуемых разного пола сходны, однако в некоторых случаях ассоциативное поведение информантов обусловлено влиянием их интересов в зависимости от пола. У девочек процент реакций с широким значением выше, чем у мальчиков, в то время как реакции мальчиков более конкретны.

Количественные данные разных и единичных реакций экспериментов на родном и иностранном языках оказались почти идентичными, что иллюстрирует индифферентность творческих способностей респондентов по отношению к языку. Результаты сравнения числа разных и единичных реакций на слова-стимулы русского и английского языков у мальчиков и девочек показали, что вне зависимости от языка информанты мужского пола дают значительно больше разных и единичных реакций по сравнению с испытуемыми женского пола, что может свидетельствовать о существенных различиях в выборе стратегий ассоциирования у мальчиков и девочек в таких специфических коммуникативных условиях, которые задает психолингвистический эксперимент.

Литература

Безрукова А.А. Гендерные исследования в России: проблемы становления и развития // М.: Новые технологии, 2011. №1. С. 203-206.

Беликов А.В. Журнальная реклама: лингвокультурный и гендерный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Беликов. Краснодар, 2007. 24 с.

Войченко В.М. Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. Волгоград, Издательство ВолГУ, 2009. Вып. №1. С. 64-70.

Вул С.М. Использование нецензурной лексики и половая принадлежность адресанта: (По материалам исследования текстов анонимных писем) // Тезисы IX Всесоюз. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание». М.: ИЯЗ РАН, 1988. С.34-36.

Вул С.М., Горошко Е.И. Судебно-автороведческая классификационная диагностика: Установление половой принадлежности автора документа // Современные достижения науки и техники в борьбе с преступностью: Материалы науч. практич. конф. НИИПКК и судебных экспертиз, 1992. С.139-141.

Вул С.М., Мартынюк А.П. Теоретические предпосылки диагностирования половой принадлежности автора документа // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы. М.: ВНИИСЭ, 1987. С. 105-112.

Вязигина Н.В. Ассоциативная структура языкового сознания в гендерном измерении (экспериментальное исследование) // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: Материалы XXXVI научной конференции студен-

тов, магистрантов и аспирантов и учащихся лицейных классов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. Вып. 6. С. 163-164.

Гаранович М.В. О социолингвистическом подходе при изучении функционирования гендерных стереотипов в языковом сознании носителей языка // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. СПб.: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2010. №3, Т. 1. С.122-128

Городникова М.Д. Гендерный аспект обращений как фактор речевого регулирования // Гендер как интрига познания: Сб. ст. М.: изд-во «Рудомино», 2000. С. 81-92.

Горошко Е.И., Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования. Харьковский центр гендерных исследований. М.: «Человек & Карьера», 1999. №2. С.234-241.

Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма. М.-Харьков: ИД ИНЖЭК, 2003. 437 с.

Гусейнова И.А. Проблемы гендерной асимметрии в видеоряде коммерческих дескриптивных рекламных текстов (на материале русскоязычной прессы) // Доклады Второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», Москва 22-23 ноября 2001 г. М.: изд-во МГЛУ, 2002. С. 107-111.

Дутова Н.В. Статус гендерных исследований в межкультурной коммуникации // Вестник БГУ. Улан-Удэ: изд-во Бурятского государственного университета, 2010. №10. С.121-125

Журавлева И.В., Курочкина И.А. Проблемы взаимоотношения гендерных характеристик интервьюера и ответов респондентов // Материалы междунар. науч. конф. «Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе». Ч. 2: История, социология, язык, культура. Иваново, 25-26 июня 2002 г. Иваново: Изд-во ИвГУ, 2002. С. 142-145.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи в современном русском языке // Язык: Система и подсистемы. М.: Институт русского языка АН СССР, 1990. С.224-242.

Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. М.: Наука, 1993. С.90-136.

Зиновьева Е.С. Современные аспекты изучения гендера в языкознании // Вестник ВятГУ. Киров: ВятГГУ, 2016. №1. С.74-78

Зыкова И.В. Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка: Дис...канд. филол. наук. М., 2002. 219 с.

Караулов Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: ИЯ РАН, 1996. С.67-96.

Кирилина А.В. Категория gender в языкознании // Женщина в российском обществе. Иваново: Иван. Гос. ун-т, 1997. №2. С.15-20.

Кирилина А.В. Перспективные направления развития гендерных исследований в российской лингвистике // Женщины России на рубеже XX-XXI веков: Материалы междунар. науч. конф. Иваново: Иван. Гос. ун-т, 1998а. С.16-20.

Кирилина А.В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филол. науки. М.: изд-во «Алмавест», 1998б. №2. С.51-58.

Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: Дис... д-ра филол. наук. М., 2000. 369 с.

Кирилина А.В. Гендерные исследования в отечественной лингвистике: Проблемы, связанные с бурным развитием // Гендер: Язык, культура, коммуникация: Докл. Второй меж-дунар. конф. М.: Изд-во МГЛУ, 2002а. С.5-13.

Кирилина А.В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации // Кавказоведение. М.: Академия, 2002б. № 2. С.134-141.

Кирилина А.В. Исследование гендера в лингвистических научных дисциплинах // Гендерное образование в системе высшей школы: состояние и перспективы: материалы междунар. научно-практической конф. Иваново. Иваново: Иван. Гос. ун-т, 2003. С. 132-136.

Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. М.: Страна ОЗ, 2005. № 2 (22). С. 112-132.

Кирова А.Г. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Вестник ТГПУ. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. №8. С.138-140

Колесникова Е.И. Опыт выявления гендерных особенностей семантики слова (на примере слов бабушка, дети) // Язык и национальное сознание: сб. науч. тр. Воронеж: Истоки, 2016. Вып. 22. С.129-133.

Коноваленко И.В. Роль гендерного фактора в коммуникативном поведении женщин и мужчин: Автореф. Дис... канд. филол. наук. Омск, 2003. 20 с.

Крючкова Т.Б. Некоторые экспериментальные исследования особенности использования русского языка мужчинами и женщинами // Проблемы психолингвистики. М.: Ин-т Языкознания, 1975. С.186-199.

Лактионова М.А., Безрукова А.А. Гендерный аспект в условиях социальных изменений (на примере Республики Адыгея). Майкоп: Магарин О. Г., 2010. 155 с.

Ласкова М.В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики: Дис... д-ра филол. наук. Краснодар, 2001. 302 с.

Мигранова И.Х. Теоретическое осмысление понятия «ГЕНДЕР» и его преломление в современных исследованиях // Образование. Наука. Научные кадры. М.: Юнити-Дана, 2013. № 6. С.196-200.

Нерознак В.П. Языковая личность в гендерном измерении // Гендер: язык, культура, коммуникация: тез. I междунар. конф. М.: Изд-во МГЛУ, 1999. С. 70-71.

Ольшанский И.Г. Гендерные исследования как одно из направлений социолингвистики // Проблемы социолингвистики и многоязычия. М.: Московский лицей, 1997. Вып. 1. С.22-34.

Ощепкова Е.С. Идентификация пола автора по письменному тексту: (Лексико-граммат. аспект): Дис... канд. филол. наук. М., 2003. 154 с.

Просекова М.Н., Стебунова Е.И. Гендерные аспекты в современной лингвистике // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2007. №2. С.110-116

Рыжкина О.А., Реснянская Л.И. Психо- и социолингвистический анализ языкового портрета горожанина // Живая речь уральского города: Сборник научных трудов. Свердловск: УрГУ, 1988. С.39-47.

Рябов О.В. Национальная идентичность: гендерный аспект (на материале русской историографии): дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2000. 492 с.

Смит С. Постмодернизм и социальная история на Западе: Проблемы и перспективы // Вопросы истории. М.: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории», 1997. №8. С.154-161.

Токарева Е.Н. Специфика выражения оценки в гендерном дискурсе (на материале совр. англ. яз): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа: Башк. гос. ун-т, 2005. 27 с.

Томская М.В. Гендерные компоненты социального рекламного дискурса // Гендер как интрига познания: альманах. Пилотный выпуск: Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. М.: Рудомино, 2002. С. 81-87.

Томская М.В., Маслова Л.Н. Гендерные исследования в отечественной лингвистике // Русский язык в современном обществе: функциональные и статусные характеристики: сб. обзоров. М.: ИНИОН, 2006. С. 104-132.

Халеева И.И. Задачи Московского государственного лингвистического университета в междисциплинарном проекте «Феминология и гендерные исследования в России: Перспективные стратегии и технологии» // Женщина в российском обществе. Иваново: Ивановский государственный университет, 1998. №3. С.8-11.

Ячная Т.А. Выбор стратегии ассоциирования (гендерный аспект) // Труды БГТУ. Серия 5: Политология, философия, история, филология. Минск: БГТУ, 2014. № 5 (169). С. 183-185

Labov W. Variation in Language // Carrol E. Reed (Ed.). The Learning of Language. National Council of Teachers of English. N. Y., 1971. P. 187-221.

Maccoby E.E., Jacklin C.N. The psychology of sex differences. Stanford: Stanford University Press, 1974. 634 pp.

Tannen D. You just don't understand. Women and men in conversation. William Morrow Paperbacks, 2007. 342 pp.

INFLUENCE OF GENDER FACTOR ON RESPONDENTS' RESPONSES IN ASSOCIATIVE EXPERIMENT

Igor Y. Cherepanov

The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1 h., 1 bld., Bolshoi Kislovsky lane, Moscow, Russian Federation, 125009
cherep_igor@mail.ru

This article is devoted to the analysis of the gender factor influence on the process of association. In the course of the research on gender, scientists noted the obvious influence of the social sex, along with such factors as mother tongue, age and level of education on informants' communicative behavior in different communication conditions, including experimental ones. Our associative experiment, performed in two Moscow schools, in the Russian and English languages involving Russian-speaking schoolchildren aged 11-18 allowed us to elaborate on the gender factor influence on the

respondents' associative behavior. Experiments in each language were conducted at different times with a break of three weeks. Two groups of Russian and English homonyms, familiar to the respondents and not correlating with each other acted as stimuli. The aim of the study was to identify differences in the male and female informants' responses, reveal factors that affect the process of association, analyze the responses of informants of different sexes in terms of stereotyped reactions / various reactions (the number of different and single reactions), and explore differences in the informants' associative behavior depending on the language used in the conducted experiment.

Keywords: homonyms, homonymy, gender, psycholinguistic experiment, English, Russian.

References

Bezrukova A.A. Gendernye issledovanija v Rossii: problemy stanovlenija i razvitija [Gender Studies in Russia: Problems of Formation and Development] // M.: Novye tehnologii, 2011. №1. P. 203-206.

Belikov A.V. Zhurnal'naja reklama: lingvokul'turnyj i gendernyj aspekty [Magazine advertising: lingvocultural and gender aspects]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / A. V. Belikov. Krasnodar, 2007. 24 p.

Vojchenko V.M. Otrazhenie gendernyh stereotipov v jazyke i kul'ture [Reflection of gender stereotypes in language and culture] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Jazykoznanie. Volgograd, Izdatel'stvo VolGU, 2009. Vyp. №1. P. 64-70.

Vul S.M. Ispol'zovanie necenzurnoj leksiki i polovaja prinadlezhnost' adresanta: (Po materialam issledovanija tekstov anonimnyh pisem) [Use of obscene language and gender of the addressee: (Based on the materials of the study of the texts of anonymous letters)] // Tezisy IX Vsesojuz. simpoz. po psiholingvistike i teorii kommunikacii «Jazykovoe soznanie». M.: IJaZ RAN, 1988. P. 34-36.

Vul S.M., Goroshko E.I. Sudebno-avtorovedcheskaja klassifikacionnaja diagnostika: Ustanovlenie polovoj prinadlezhnosti avtora dokumenta [Judicial Authorship Classification Diagnostics: Determining the Gender of the Author of the Document] // Sovremennye dostizhenija nauki i tehniki v bor'be s prestupnost'ju: Materialy nauch. praktich. konf. NIIPKK i sudebnyh ekspertiz, 1992. P. 139-141.

Vul S.M., Martynjuk A.P. Teoreticheskie predposylki diagnostirovanija polovoj prinadlezhnosti avtora dokumenta [Theoretical prerequisites for diagnosing the gender of the author of the document] // Sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija tradicionnyh vidov kriminalisticheskoi jekspertizy. M.: VNIISJe, 1987. P. 105-112.

Vjazigina N.V. Associativnaja struktura jazykovogo soznaniya v gendernom izmerenii (jekspperimental'noe issledovanie) [Associative structure of language consciousness in the gender dimension (experimental research)] // Trudy molodyh uchenyh Altajskogo gosudarstvennogo universiteta: Materialy XXXVI nauchnoj konferencii studentov, magistrantov i aspirantov i uchashhihsja licejnyh klassov. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2009. Vyp. 6. P. 163-164.

Garanovich M.V. O sociolingvisticheskom podhode pri izuchenii funkcionirovanija gendernyh stereotipov v jazykovom soznanii nositelej jazyka [About the sociolinguistic approach in studying the functioning of gender stereotypes in the linguistic consciousness of native speakers] // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. SPb.: LGU imeni A.S. Pushkina, 2010. №3, T. 1. P.122-128

Gorodnikova M.D. Gendernyj aspekt obrashhenij kak faktor rechevogo regulirovanija [Gender aspect of appeals as a factor of speech regulation] // Gender kak intriga poznaniya: Sb. st. M.: izd-vo «Rudomino», 2000. S. 81-92.

Goroshko E.I., Kirilina A.V. Gendernye issledovaniya v lingvistike segodnja [Gender studies in linguistics today] // Gendernye issledovaniya. Har'kovskij centr gendernyh issledovanij. M.: «Chelovek & Kar'era», 1999. №2. P. 234-241.

Goroshko E.I. Jazykovoe soznanie: gendernaja paradigma [Language consciousness: a gender paradigm]. M.-Har'kov: ID INZhJeK, 2003. 437 p.

Gusejnova I.A. Problemy gendernoj asimmetrii v videorjade kommercheskih deskriptivnyh reklamnyh tekstov (na materiale russkojazychnoj pressy) [Problems of gender asymmetry in the series of commercial descriptive advertising texts (on the material of the Russian-language press)] // Doklady Vtoroj mezhdunarodnoj konferencii «Gender: jazyk, kul'tura, kommunikacija», Moskva 22-23 nojabrja 2001 g. M.: izd-vo MGLU, 2002. P. 107-111.

Dutova N.V. Status gendernyh issledovanij v mezhkul'turnoj kommunikacii [Status of gender studies in intercultural communication] // Vestnik BGU. Ulan-Udje: izd-vo Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010. №10. P.121-125

Zhuravleva I.V., Kurochkina I.A. Problemy vzaimootnoshenija gendernyh karakteristik interv'juera i otvetov respondentov [Problems of the relationship between the gender characteristics of the interviewer and the respondents' answers] // Materialy mezhdunar. nauch. konf. «Gendernye issledovaniya i gendernoe obrazovanie v vysshej shkole». Ch. 2: Istorija, sociologija, jazyk, kul'tura. Ivanovo, 25-26 ijunja 2002 g. Ivanovo: Izd-vo IvGU, 2002. P. 142-145.

Zemskaja E.A., Kitajgorodskaja M.V., Rozanova N.N. Osobennosti muzhskoj i zhenskoi rechi v sovremennom russkom jazyke [Features of Male and Female Speech in Modern Russian] // Jazyk: Sistema i podsistemy. M.: Institut russkogo jazyka AN SSSR, 1990. P.224-242.

Zemskaja E.A., Kitajgorodskaja M.A., Rozanova N.N. Osobennosti muzhskoj i zhenskoi rechi [Features of Male and Female Speech] // Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. M.: Nauka, 1993. P.90-136.

Zinov'eva E.S. Sovremennye aspekty izuchenija gendera v jazykoznanii [Modern aspects of the study of gender in linguistics] // Vestnik VjatGU. Kirov: VjatGGU, 2016. №1. P.74-78

Zykova I.V. Gendernyj komponent v strukture i semantike frazeologicheskikh edinic sovremennogo anglijskogo jazyka [The gender component in the structure and semantics of phraseological units of modern English]: Dis... kand. filol. nauk. M., 2002. 219 p.

Karaulov Ju.N. Tipy kommunikativnogo povedenija nositelja jazyka v situacii lingvisticheskogo jeksperimenta [Types of communicative behavior of the native speaker in the situation of a linguistic experiment] // Jetnokul'turnaja specifikja jazykovogo soznaniya. M.: IJa RAN, 1996. P.67-96.

Kirilina A.V. Kategorija gender v jazykoznanii [Category of gender in linguistics] // Zhenshhina v rossijskom obshhestve. Ivanovo: Ivan. Gos. un-t, 1997. №2. P.15-20.

Kirilina A.V. Perspektivnye napravlenija razvitija gendernyh issledovanij v rossijskoj lingvistike [Perspective directions of the development of gender studies in Russian linguistics] // Zhenshhiny Rossii na rubezhe XX-XXI vekov: Materialy mezhdunar. nauch. konf. Ivanovo: Ivan. Gos. un-t, 1998a. S.16-20.

Kirilina A.V. Razvitie gendernyh issledovanij v lingvistike [Development of gender studies in linguistics] // Filol. nauki. M.: izd-vo «Almavest», 1998b. №2. P.51-58.

Kirilina A.V. Gendernye aspekty jazyka i kommunikacii [Gender aspects of language and communication]: Dis... d-ra filol. nauk. M., 2000. 369 p.

Kirilina A.V. Gendernye issledovanija v otechestvennoj lingvistike: Problemy, svjazannye s burnym razvitiem [Gender studies in russian linguistics: problems related to rapid development] // Gender: Jazyk, kul'tura, kommunikacija: Dokl. Vtoroj mezh-dunar. konf. M.: Izd-vo MGLU, 2002a. P.5-13.

Kirilina A.V. Vozmozhnosti gendernogo podhoda v antropoorientirovannom izuchenii jazyka i kommunikacii [Opportunities of gender approach in anthropo-orientated study of language and communication] // Kavkazovedenie. M.: Akademija, 2002b. № 2. P.134-141.

Kirilina A.V. Issledovanie genera v lingvisticheskikh nauchnyh disciplinah [The study of gender in linguistic scientific disciplines] // Gendernoe obrazovanie v sisteme vysshej shkoly: sostojanie i perspektivy: materialy mezhdunar. nauchno-prakticheskoy konf. Ivanovo. Ivanovo: Ivan. Gos. un-t, 2003. P. 132-136.

Kirilina A.V., Tomskaja M.V. Lingvisticheskie gendernye issledovanija [linguistic gender studies] // Otechestvennye zapiski. M.: Strana OZ, 2005. № 2 (22). P. 112-132.

Kirova A.G. Razvitie gendernyh issledovanij v lingvistike [Development of gender studies in linguistics] // Vestnik TGPU. Tomsk: Izd-vo TGPU, 2009. №8. P.138-140

Kolesnikova E.I. Opyt vyjavlenija gendernyh osobennostej semantiki slova (na primere slov babushka, deti) [Experience in the identification of gender features of the semantics of the word (for example, the words of grandmother, children)] // Jazyk i nacional'noe soznanie: sb. nauch. tr. Voronezh: Istoki, 2016. Vyp. 22. P.129-133.

Konovalenko I.V. Rol' gendernogo faktora v kommunikativnom povedenii zhenshhin i muzhchin [The role of the gender factor in the communicative behavior of women and men]: Avtoref. Dis... kand. filol. nauk. Omsk, 2003. 20 p.

Krjuchkova T.B. Nekotorye jeksperimental'nye issledovanija osobennosti ispol'zovanija russkogo jazyka muzhchinami i zhenshhinami [Some experimental studies of the peculiarities of using Russian by men and women] // Problemy psiholingvistiki. M.: In-t Jazykoznanija, 1975. P.186-199.

Laktionova M.A., Bezrukova A.A. Gendernyj aspekt v uslovijah social'nyh izmenenij (na primere Respubliki Adygeja) [Gender aspect in conditions of social changes (on the example of the Republic of Adygea)]. Majkop: Magarin O. G., 2010. 155 p.

Laskova M.V. Grammaticheskaja kategorija roda v aspekte gendernoj lingvistiki [Grammatical category of gender in the aspect of gender linguistics]: Dis... d-ra filol. nauk. Krasnodar, 2001. 302 p.

Migranova I.H. Teoreticheskoe osmyslenie ponjatija «GENDER» i ego prelomlenie v sovremennyh issledovanijah [Theoretical understanding of the concept of «GENDER» and its refraction in modern studies] // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. M.: Juniti-Dana, 2013. № 6. P.196-200.

Neroznak V.P. Jazykovaja lichnost' v gendernom izmerenii [Language personality in the gender dimension] // Gender: jazyk, kul'tura, kommunikacija: tez. I mezhdunar. konf. M.: Izd-vo MGLU, 1999. P. 70-71.

Ol'shanskij I.G. Gendernye issledovanija kak odno iz napravlenij sociolingvistiki [Gender studies as one of the directions of sociolinguistics] // Problemy sociolingvistiki i mnogojazychija. M.: Moskovskij licej, 1997. Vyp. 1. P.22-34.

Oshhepkova E.S. Identifikacija pola avtora po pis'mennomu tekstu: (Leksiko-grammat. aspekt) [Identification of the gender of the author on the written text: (Lexical and grammatical aspect)]: Dis... kand. filol. nauk. M., 2003. 154 p.

Prosekova M.N., Stebunova E.I. Gendernye aspekty v sovremennoj lingvistike [Gender aspects in modern linguistics] // Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie i pravovye issledovaniya. Tjumen': Izd-vo Tjumenskogo gos. un-ta, 2007. №2. P.110-116

Ryzhkina O.A., Resnjanskaja L.I. Psiho- i sociolingvisticheskiy analiz jazykovogo portreta gorozhanina [Psycho- and sociolinguistic analysis of the language portrait of a citizen] // Zhivaja rech' ural'skogo goroda: Sbornik nauchnyh trudov. Sverdlovsk: UrGU, 1988. P.39-47.

Rjabov O.V. Nacional'naja identichnost': gendernyj aspekt (na materiale russkoj istoriografii) [National identity: the gender aspect (on the basis of Russian historiography)]: dis. ... d-ra filos. nauk. Ivanovo, 2000. 492 p.

Smit S. Postmodernizm i social'naja istorija na Zapade: Problemy i perspektivy [Postmodernism and social history in the West: Problems and prospects] // Voprosy istorii. M.: OOO «Redakcija zhurnala «Voprosy istorii», 1997. №8. P.154-161.

Tokareva E.N. Specifika vyrazhenija ocenki v gendernom diskurse (na materiale sovr. angl. jaz) [Specificity of the evaluation expression in gender discourse (on the basis of modern English)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa: Bashk. gos. un-t, 2005. 27 p.

Tomskaja M.V. Gendernye komponenty social'nogo reklamnogo diskursa [Gender components of social advertising discourse] // Gender kak intriga poznaniya: al'manah. Pilotnyj vypusk: Gendernye issledovaniya v lingvistike, literaturovedenii i teorii kommunikacii. M.: Rudomino, 2002. P. 81-87.

Tomskaja M.V., Maslova L.N. Gendernye issledovaniya v otechestvennoj lingvistike [Gender studies in the Russian linguistics] // Russkij jazyk v sovremennom obshhestve: funkcional'nye i statusnye karakteristiki: sb. obzorov. M.: INION, 2006. P. 104-132.

Haleeva I.I. Zadachi Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta v mezhdisciplinarnom proekte «Feminologija i gendernye issledovaniya v Rossii: Perspektivnye strategii i tehnologii» [The tasks of the Moscow State Linguistic University in the interdisciplinary project «Feminology and Gender Studies in Russia: Prospective Strategies and Technologies»] // Zhenshhina v rossijskom obshhestve. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 1998. №3. P.8-11.

Jachnaja T.A. Vybor strategii associirovaniya (gendernyj aspekt) [The choice of an association strategy (gender aspect)] // Trudy BGTU. Serija 5: Politologija, filosofija, istorija, filologija. Minsk: BGTU, 2014. № 5 (169). P. 183-185

Labov W. Variation in Language // Carrol E. Reed (Ed.). The Learning of Language. National Council of Teachers of English. N. Y., 1971. P. 187-221.

Maccoby E.E., Jacklin C. N. The psychology of sex differences. Stanford: Stanford University Press, 1974. 634 pp.

Tannen D. You just don't understand. Women and men in conversation. William Morrow Paperbacks, 2007. 342 pp.

81'23

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА О КИТАЙЦАХ

Чжан Жуньмэй

Аспирант отдела психолингвистики
Института языкознания РАН
Москва, Б. Кисловский пер., 1,1
runmei.zhang@yandex.com

Исследование основано на материале, полученном в эксперименте, проведенном с носителями русского языка. Экспериментальный материал позволил выявить содержание этнокультурных стереотипов носителей русского языка о китайцах и деятельностно-коммуникативных лакун. Статья посвящена обоснованию нашей гипотезы о взаимосвязи между этнокультурными стереотипами и деятельностно-коммуникативными лакунами. Выявлено, что (1) исследованные этнокультурные стереотипы фиксируют прежде всего особенности поведения китайцев и содержат как положительную, так и отрицательную его оценку; формируются на основе несовпадения поведенческих эталонов представителей двух данных культур (интеръязыковой лакунарности); (2) отношение между этнокультурными стереотипами и деятельностно-коммуникативными лакунами заключается в том, что стереотипы играют особую роль в объяснении причин непонятного русским поведения китайцев (т.е. при заполнении деятельностно-коммуникативных лакун). Автор отмечает, что изучение данных о содержании этнокультурных стереотипов и уточнение их роли в условиях межъязыковой (межкультурной) лакунарности будет способствовать оптимизации межкультурного общения народов Китая и России.

Ключевые слова: обыденное языковое сознание, эксперимент, этнокультурные стереотипы, деятельностно-коммуникативные лакуны, русские, китайцы, межкультурная коммуникация.

Введение

Слово «стереотип» имеет свою историю развития. С точки зрения этимологии, «стереотип» состоит из двух греческих слов: «stereo» ‘твердый’ и «typos» ‘отпечаток’ или ‘образец’ [Этимология Stereotype <http://www.etymonline.com/index.php?term=stereotype>]. Впервые термин использовал в 1798 г. французский печатник Фирмин Дидот.

В материалах национальных корпусов русского, английского и китайского языков представлено использование этого слова в разных источниках и в разных значениях. В НКРЯ слово «стереотип» встречается 388 раз в 292 документах, а слово «стереотипы» 440 раз в 321 документе. Слово «стереотип» использовал в 1829 г. А.С. Пушкин («но ты неподвижен, ты *si-devant*, un homme стереотип» [Пушкин 1937-1949]), где оно означает нечто неизменяемое, постоянное. В период 1918-1921 гг. слово «стереотипы» было употреблено в книге Н.Н. Суханова в значении «первоначальный смысл», например, «Стереотипы были готовы только около четырех утра» [Суханов 1991-1992].

В национальном корпусе английского языка содержится 2575 слов «stereotype» и 4355 слов «stereotypes». Слова «stereotype» и «stereotypes», которые были употреблены в 1990 г., связаны с психологическим значением представления: «It has become a stereotype applied nearly everywhere in Melanesia to traditional and recent leaders, and to achieved leaders elsewhere» [Brown, Paula 1990]; «Can you really propagate yourself without stereotypes and negative images of the others?» [Rodger 1990].

В национальном корпусе китайского языка «ВСС» найдено только 172 перевода слова «stereotype» «刻板印象», которое носит социально-психологическое значение: «在传播学中, 有一种著名理论叫刻板印象。比如, 英国人总是三件套、文明棍不离身, 美国人总是一手拿汉堡, 一手拿可乐。」(перевод наш. — Ч. Ж. «В СМИ имеется очень известная теория, которой называется стереотип. Например, англичане всегда носят костюмы из трех частей, всегда в руке держат тросточку; американцы всегда в одной руке держат сандвич, в другой руке — кока-кола»)[刻板印象 <http://bcc.blcu.edu.cn/zh/search/0/刻板印象>].

Известно, что в «стереотип» как термин социальной психологии впервые использовал в 1922 г. американский социолог У. Липпман [Lippmann 1966]. Согласно У. Липпману, стереотипы — «это упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки» мира в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права» [Lippmann 1966: 7].

В настоящее время в Китае и в России ряд исследователей занимаются изучением стереотипов (см., например: Гуань Шицзе [关世杰 1995], Цзя Юйсинь [贾玉新 1997], Ху Вэньцзун [胡文仲 2009], Гао Ихун [高一虹 1995], Фань Цзепин [范捷平 2003], Хуан Мин [黄鸣 2004], Ю.А. Сорокин [1988], Ю.Е. Прохоров [2008], Н.В. Уфимцева [1998], Е.Ф. Тарасов [2005], В.В. Красных [2001; 2002], В.А. Рыжков [1978; 1981; 1986; 1988]).

С точки зрения В.В. Красных, стереотип — «некоторое «представление» фрагмента окружающей действительности, фиксированная ментальная «картина», являющаяся результатом отражения в сознании личности «типového» фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира» [Красных 2002: 176]. По мнению Прохорова, стереотип — это «единица ментально-лингвального комплекса представителя определенного этноса, характеризуется реализацией в стандартных ситуациях общения (деятельности) этого этноса, является устойчивой социокультурно маркированной локальной ассоциацией к данной ситуации» [Прохоров 2008: 88-89].

Р.В. Бухаева упоминает о том, что польский этнолингвист Е. Бартминьский выявил, что стереотип существует в сознании в виде коллективного представления, которое отображает характерное для всех членов сообщества культурно-языковое знание об объекте [Бухаева 2015: 64].

В большинстве определений стереотипов указывается, что этнические стереотипы — коллективные ассоциативные признаки, формировавшиеся в сознании определенного этноса, о других этносах. Поскольку этнические стереотипы являются одним из видов социальных стереотипов, поэтому личный опыт и вырабо-

танные обществом нормы выступают как источники формирования социальных стереотипов, в том числе и этнических.

В формировании стереотипа главную роль играет частота встречаемости определенных объектов, явлений в жизни людей, нередко выражающаяся в более продолжительных контактах именно с данными объектами, что и приводит к их стереотипизации [Прохоров 2008: 78].

В данной статье мы сосредоточиваем внимание на этнокультурном стереотипе. Этнокультурный стереотип представляет собой обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ [Маслова 2001: 18]. По мнению этнопсихологов, этнокультурные стереотипы образуются из-за несовпадений в системах двух культур в процессе межкультурных контактов; стереотипы «затем сами становятся... особой, автономной величиной в сознании людей и начинают воздействовать на процесс межкультурного общения» [Славяне и их соседи 1990: 3].

Методы исследования

Изучив формы языковой репрезентации этнокультурных стереотипов по материалам СМИ на китайском и русском языках, мы выяснили, что (1) стандартная формула выражения этнокультурных стереотипов включает номинацию (+ модификатор, например всегда, только, очень, очень редко и т.д.) и атрибут, например, *китайцы* (номинация) *очень* (модификатор) *шумные* (атрибут), *русские* (номинация) *любят отдыхать* (атрибут). С точки зрения семантической системы предложения, номинация выступает как субъект предложения и атрибут как содержание предикативных признаков или свойств субъекта. Таким образом, мы считаем, что стандартная формула выражения этнокультурных стереотипов позволяет нам получить содержание этнокультурных стереотипов.

С точки зрения социальной психологии атрибуция представляет собой процесс описания того, как люди объясняют причины своего поведения и поведения других людей, как формируется их впечатление о людях [Почебут, Мейжис 2010: 9]. Если мы конкретно рассмотрим теорию «атрибуция» в контексте деятельностно-коммуникативных лакун, то мы можем обнаружить интересную связь между теорией «атрибуция» и атрибутом. Например, на вопрос «почему русские встают в очередь?», который был задан на сайте <http://wenda.so.com/q/1398015335066421> одним из пользователей – носителем китайского языка, были даны такие ответы и комментарии: (1) *это свидетельство неэффективности их работы*; (2) *русские терпеливы*; (3) *это показатель культурности*; (4) *у русских такая традиция: еще со времен СССР люди вставали в очередь перед дверями не только магазинов, но и государственных учреждений* (<http://wenda.so.com/q/1398015335066421>, перевод наш. — Ч. Ж.). Этот пример показывает нам, что атрибуты ((русские) культурные, терпеливые, не умеют эффективно работать) из состава содержания этнокультурных стереотипов играют роль приписывания причины поведения или явления чужой коллективной группы людей.

Таким образом, мы высказали гипотезу о том, что этнокультурные стереотипы, которые могут актуализироваться при контакте с различными формами чужой культуры, выступают как адаптивный механизм, участвующий в элиминировании деятельностно-коммуникативных лакун [Чжан Жуньмэй 2017: 169].

В книге О.А. Леонтович [2003] представлены результаты психолингвистического эксперимента, проведенного с целью выявления содержания этнокультурных стереотипов о русских и американцах. Сопоставляя нашу формулу выражения этнокультурных стереотипов с содержанием анкет, предложенных О.А. Леонтович, мы видим, что они коррелируют. Поэтому мы использовали методику О.А. Леонтович для формирования опросника, который затем был дополнен двумя вопросами, позволяющими выявить содержание китайско-русских деятельностно-коммуникативных лакун.

В данном исследовании начало предложений «китайцы такие», «китайцы любят», «китайцы не любят» и т.д. представляет собой стимул, реакции на которые должны быть ограничены грамматическими нормами русского языка, но допускают свободный выбор испытуемым лексических средств, которые и передают основное содержание этнокультурного стереотипа.

Исходя из того, что центральными категориями семантической структуры предложения являются 1) предикативный признак, реализуемый как «действие» или «состояние», 2) субъект — производитель действия или носитель состояния и 3) объект — предмет, на который направлено действие или к которому обращено состояние [Русская грамматика. <http://rusgram.narod.ru/1960-1984.html>], мы задавали в эксперименте субъект-этноним «китайцы» и часть предикативного признака, например, (есть), такие (дескриптивный признак, имеющий оценочный характер), любят / не любят (эмоциональный признак, обращенный на объект), всегда, иногда, никогда не (время продолжительности действия или состояния субъекта) с целью получить информацию о признаках субъекта и связанных с субъектом объектах. Именно эти признаки выступают в качестве этнокультурных стереотипов носителей русского языка о китайцах.

Цель и задачи исследования

Цель нашего исследования — выявление содержания этнокультурных стереотипов о китайцах у носителей русского языка.

Задачи исследования:

- 1) выявление содержания этнокультурных стереотипов о китайцах, существующих в обыденном сознании носителей русского языка, и их особенностей;
- 2) выявление содержания деятельностно-коммуникативных лакун, которые существуют для носителей русской культуры при восприятии элементов китайской культуры;
- 3) установление взаимосвязи между этнокультурными стереотипами и деятельностно-коммуникативными лакунами.

Выборка

Исследовательские задачи определяют размер выборки. В пилотажном эксперименте, проведенном нами в 2016 г., приняли участие 50 русских информантов, в основном студентов и аспирантов г. Москвы, в возрасте от 17 до 40 лет, из которых только 8 побывали в Китае. Отметим, что поскольку испытуемыми являлись в основном студенты, полученные результаты дают представление о содержании современных этнокультурных стереотипов русских только данного возраста и не могут быть распространены на этнокультурные стереотипы всех русских.

Процедура исследования

Анкета предъявлялась на родном языке испытуемых. Паспорт анкет включает данные о возрасте, поле, родном языке, пребывании в других странах, цели и времени пребывания.

Анкеты включала следующие вопросы: *Китайцы такие: Какими вам кажутся китайцы? Опишите свое впечатление от китайцев; Китайцы любят...; Китайцы не любят...; Китайцы всегда...; Китайцы иногда...; Китайцы никогда не...; Какие китайские жесты и мимика вам непонятны?; Что в поведении китайцев кажется вам странным или непонятным?*

Результаты

Данные обрабатывались с помощью компьютерной программы Excel. Все ответы были проанализированы, аналогичные варианты были распределены по категориям и подсчитано их количество.

Более частотные ответы проводятся внизу (в порядке указания частотности):

Китайцы такие: трудолюбивые (50%); добрые (28%); дисциплинированные (20%); дружелюбные (18%); общительные (18%); шумные (18%); целеустремленные (16%); маленькие (16%); вежливые (16%); непредсказуемые (16%); скромные (14%); позитивные (10%); мудрые (10%); любознательные (10%); веселые (8%); отзывчивые (8%); тихие (8%); улыбчивые (6%); смешные (6%); стеснительные (6%); хитрые (6%); ответственные (6%); многочисленные (6%); спортивные (4%); финансисты (4%); понимающие (4%); разные (4%); толкаются и лезут везде (4%); быстрые (4%); изобретательные (4%); расчетливые (4%); терпеливые (4%); открытые (4%); не чистоплотные (4%).

Китайцы любят: есть/кушать (56%); путешествовать (42%); рис (22%); семью (22%); работать (20%); фотографировать (16%); традицию (14%); чай (12%); громко разговаривать (10%); игры (8%); общаться (8%); подарки (8%); праздники (8%); спорт (8%); иностранцев (8%); бренды (6%); улыбаться (6%); суши (6%); Россию (6%); боевые искусства (6%); экономить (4%); четкость (4%); порядок (4%); поэзию (4%); природу (4%); гулять (4%); Китай (4%); здоровый образ жизни (4%); рожать детей (4%); учиться (4%); пользоваться мобильными устройствами (4%); европейскую внешность (4%); панд (4%).

Китайцы не любят: европейскую и русскую еду (16%); загорать (8%); спорить (8%); алкоголь (8%); оплошность (6%); каждый человек индивидуальный (6%); неуважение (6%); Америку (6%); мясо (6%); японцев (6%); ложь/обман (6%); беспорядок (4%); шум (4%); несправедливость (4%); опаздывать (4%); безделье (4%); сладкое (4%); молчать (4%); безответственность (4%); очереди (4%).

Китайцы всегда: едят палочками (20%); улыбаются (20%); работают (16%); учатся (12%); дружелюбные (8%); пьют (8%); готовы помочь (8%); вежливые (8%); долго живут (8%); шумят (8%); стремятся к успеху (6%); молчат (6%); сидят в гаджетах (6%); общаться (6%); непонятно разговаривают (6%); путешествуют (6%); фотографируют (6%); изучают иностранные языки (6%); отмечают праздники (4%); собраны (4%); сохраняют лицо (4%); чтут традиции (4%); уважают взрослое поколение (4%); здороваются (4%); любопытные (4%); хитрят (4%).

Китайцы иногда: путешествуют (10%); ссорятся (10%); едят европейскую кухню (8%); смешно шумят (8%); опаздывают (6%); курят (6%); молчаливы (4%); плюются на улице (4%); отдыхают (4%); грубят (4%); пьют алкоголь (4%).

Китайцы никогда не: грубят (8%); курят (6%); убираются (4%); спешат (4%); бросят свою родину (4%); примут православие (4%); пропустят обед (4%); ругаются (4%).

Какие китайские жесты и мимика вам непонятны?

Ответы: постоянная улыбка (4%); не говорят «спасибо» в кругу семьи; не возьмутся за решение неразрешимых задач.

Что в поведении китайцев кажется вам странным или непонятным?

Ответы: почему так шумят (10%); лезут в автобус без очереди (6%); громко едят (чавкают и т.д.) (6%); плюют на улице (6%); муж и жена живут в разных странах из-за работы (6%); отдают детей на воспитание бабушкам и дедушкам (6%); слишком быстрая речь (6%); почему так мало выходных (4%); скромность (4%); спят на рабочем месте (4%); не здороваются за руку; зимой в помещении ребята не снимают верхнюю одежду; блюдо «столетнее яйцо»; фотографируют без разрешения незнакомых людей; непрозрачность принятия решений.

Обсуждение и выводы

Приведенные выше данные показывают, что:

С одной стороны, существует иерархия частоты реакций, можно разделить содержание стереотипов по принципу лингвистического полевого подхода на ядро и периферию; с другой стороны, ядро и периферия показывают нам различия степени распространенности стереотипов о китайцах среди носителей русского языка.

Содержание стереотипов русских о китайцах основано на поведении китайцев и их привычках, наблюдаемых в обычной жизни: трудолюбивые / любят работать / всегда работают; добрые / всегда готовы помочь; дисциплинированные / любят порядок / не любят беспорядок; общительные / любят общаться / не любят молчать; вежливые / не любят неуважение / всегда вежливые и уважают взрослых людей; шумные / любят громко разговаривать / всегда шумят / иногда смешно шумят; улыбчивые и веселые / любят улыбаться / всегда улыбаются; хитрые / всегда хитрят и т.д. Этнокультурные стереотипы содержат как положительную (*добрые, вежливые, дружелюбные, мудрые, ответственные* и т.д.), так и отрицательную оценку (*шумные, хитрые, нечистоплотные* и т.д.).

Этнокультурные стереотипы в большинстве случаев являются неточными, искаженными представлениями о другом народе — это обнаруживается, например, в противоположности признаков, которые имеют как постоянный, так и временный характер, или вообще отрицаются, т.е. противопоставлены друг другу: китайцы шумные (всегда шумят) и тихие (не любят шум, иногда молчаливы).

Оценка «хорошо» или «плохо» связывается с понятием одобрения или неодобрения. Например, социально одобренные в русской культуре стандартные способы совершения действий определяют оценку китайцев носителями русского языка [Марковина, Сорокин 2010: 8]. Ответы на последние вопросы анкеты показали, что конкретные примеры «непонятного» и «странного» поведения китайцев в большинстве случаев ассоциируются у русских с отрицательными характеристиками китайцев (не говорят «спасибо» в кругу семьи, лезут в автобус без очереди, шумят,

чавкают, не здороваются за руку и т.д.), связанными с нарушением поведенческих, этических норм.

С точки зрения этнологии, несовпадение культур придает «тем или иным элементам культуры статус дифференциального признака» [Бромлей 1983: 66]. Характеристики китайцев для носителей русского языка (т.е. в гетеростереотипы) основываются на дифференциации — выделении нескольких основных отличительных признаков, а для китайской общности (т.е. в автостереотипах) — интегрирующими. Например, с точки зрения носителей китайского языка, трудолюбие характеризует именно всех китайцев, а не русских, и все русские обладают свойством «ленивые».

В процессе межкультурной коммуникации носители русского языка наблюдают поведение китайцев, затем интерпретируют (приписывают) причины поведения китайцев и в итоге определяют признаки, которыми наделяются китайцы. Например, *китайцы любят работать, всегда работают, никогда не отдыхают* — такие реакции объединяются в общую характеристику (атрибуцию): трудолюбивые.

Заключение

Несовпадение двух культур вызывает такие явления, как этнокультурные стереотипы и культурологические лакуны. Этнокультурные стереотипы представляют собой характеризующие ассоциации русских, относящиеся к китайцам. Эти признаки по социальному принципу «одобрение» и «неодобрение» отражают положительную и отрицательную оценку китайцев. Деятельностно-коммуникативные лакуны, возникающие при наблюдении «непонятного» русским поведения китайцев, пробуждают русских приписывать китайцам определенные причины такого поведения, опираясь на определенные стереотипы, существующие о данном народе. Приписывание причины по теории атрибуции всегда направляется на внутренние и внешние факторы. В какой степени внутренние факторы означают признаки или характеристики человека, а внешние факторы — особенности окружающей среды. Иными словами, содержание стереотипов может актуализироваться в процессе заполнения какой-либо лакуны — то есть при попытке объяснения причин непонятного и странного, с точки зрения русских, поведений китайцев. Например, *китайцы громко разговаривают* (культурологическая рутинная (поведенческая) лакуна), потому что *китайцы шумные* (стереотип). Таким образом, мы можем установить взаимосвязь между этнокультурными стереотипами и деятельностно-коммуникативными лакунами.

Кроме того, полученные результаты показали, что содержание этнокультурных стереотипов и лакун может выражаться в языке сходным образом, например, *китайцы всегда улыбаются* (стереотип) — *постоянная улыбка* (культурологическая рутинная (поведенческая) лакуна). Участие этнокультурных стереотипов в заполнении лакун — еще один способ обнаружения барьеров в межкультурной коммуникации. Мы полагаем, что изучение данных о содержании этнокультурных стереотипов и уточнение их роли в условиях межъязыковой (межкультурной) лакунарности будет способствовать оптимизации межкультурного общения народов Китая и России, а значит, улучшению взаимопонимания между ними.

Литература

- Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 66.
- Бухаева Р.В.* Этнокультурные стереотипы речевого общения: дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2015. С. 64.
- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
- Красных В.В.* Основы психоллингвистики и теории коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 270 с.
- Леонтович О.А.* Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград: Перемена, 2003. 399 с.
- Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Культура и текст: введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 138 с.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Почебут Л.Г., Мейжис И.А.* Социальная психология. СПб.: Питер, 2011. 1090 с.
- Пушкин А.С.* Роман в письмах (1829). М.: Издательство Академии наук, 1937-1949. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F1%F2%E5%F0%E5%EE%F2%E8%EF&p=29&docid=60165&sid=335 (дата обращения: 02.06.2017).
- Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Издательство-ЛКИ, 2008. 224 с.
- Русская грамматика. URL: <http://rusgram.narod.ru/index2.html> (дата обращения: 02.06.2017).
- Рыжков В.А.* Национально-культурные аспекты ассоциативного значения интернациональных стереотипов: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986. 162 с.
- Рыжков В.А.* Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М.: ИЯЗ РАН, 1988. С. 4-16.
- Рыжков В.А.* Роль стереотипов в процессе общения // Общение, текст, высказывание. М.: Институт языкознания, 1981. С. 110-124.
- Рыжков В.А.* Стереотипы как средство побуждения // Тезисы VI Всесоюзного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации. М.: Институт языкознания, 1978. С.167-168.
- Славяне и их соседи этнопсихологический стереотип в средние века (сборник тезисов). М.: Институт славяноведения и балканистики, 1990. С. 3.
- Сорокин Ю.А.* Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., Наука, 1977. С. 120-136.
- Сорокин Ю.А.* Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятий // Общение: теоретические и прагматические аспекты. М.: Наука, 1978. С. 133-138.

Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее психолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.Н. Крюков и др. Отв. ред. и авт. предисл. Ю.А. Сорокин. М., Наука, 1988. С. 6-19.

Суханов Н.Н. Записки о революции / книга 5. (1918-1921). М.: Политиздат, Республика, 1991-1992. URL: tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F1%F2%E5%F0%E5%EE%F2%E8%EF%FB&p=31&docid=64395&sid=5455 (дата обращения: 02.06.2017).

Тарасов Е.Ф. Образ России: методология исследования // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 69-73.

Уфимцева Н.В. Биологические и социальные факторы в речевом развитии // Этнопсихолингвистика / Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина, А.Н. Крюков и др. Отв. ред. и авт. предисл. Ю.А. Сорокин. М.: Наука, 1988. С. 163-183.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Наука, 1996. С. 139-162.

Уфимцева Н.В. Этнические ритмы и стереотипы культуры // XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика»: [Тез. докл.]. М.: ИЯЗ, 1994. С.97-98.

Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: ИЯЗ РАН, 1998. С. 135-171.

Чжан Жуньмэй. Этнокультурные стереотипы в условиях межъязыковой/межкультурной лакунарности // Жизнь языка в культуре и социуме-6. М., 2017. С. 169.

Brown, Paula Big man, past and present: Model, person, hero, legend. ACAD: Ethnology, 1990. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 02.06.2017)

Rodger Kamenetz Rabbis, Lamas and Lost Angels. News: San Francisco Chronicle, 1990.

Lippmann W. Public Opinion. NY, 1966. – С. 7. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 02.06.2017)

Этимология Stereotype. URL: <http://www.etymonline.com/index.php?term=stereotype> (дата обращения: 02.06.2017)

刻板印象 BCC语料库 (北京语言大学语料库) URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/zh/search/0/刻板印象> (дата обращения: 02.06.2017)

关世杰. 跨文化交流学. 北京: 北京大学出版社. 1995. 256 с.

贾玉新. 跨文化交际学. 上海: 上海外语教学出版社. 1997. 371 с.

胡文仲. 跨文化交际学概论. 北京: 外语教学与研究出版社. 2009. 189 с.

高一虹. 文化定型与跨文化交际悖论. 外语教学与研究. 1995 (2). 235 с

范捷平. 论stereotype的意蕴及在跨文化交际中的功能. 外语与外语教学. 2003(10). С. 21-37.

黄鸣. 跨文化交际中“文化定型”的建立与打破. 2004. 189 с.

<http://wenda.so.com/q/1398015335066421>(дата обращения: 02.06.2017)

**LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE RUSSIAN
ETHNIC-CULTURAL STEREOTYPES
ABOUT THE CHINESE**

Zhang Runmei

PhD student

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Moscow, Bolshoi Kislovsky lane, 1,1

runmei.zhang@yandex.com

The research is based on data obtained from a survey with Russian speakers. The experimental material allowed to identify the content of Russian ethnic-cultural stereotypes and activity-communicative lacunas. The article gives proof of the hypothesis about the correlation between ethnic-cultural stereotypes and activity-communicative lacunas. It was revealed that (1) ethnic-cultural stereotypes form the Chinese behavior characteristics and reflect both a positive and negative judgment to the Chinese; the stereotypes are based on the assumption of the behavior discrepancy of the representatives from the two cultures (intercultural lacunarity), (2) the correlation between ethnic-cultural stereotypes and activity-communicative gaps lies in the fact that the stereotypes play a particular role in the interpreting and attributing the cause of the Chinese's incomprehensible and strange behaviors (i.e. in completing activity-communicative lacunas). The author notes that the study into the content of ethnic-cultural stereotypes and the clarification of their role in cross-language lacunarity can optimize intercultural communication between the Chinese and the Russians.

Keywords: popular language consciousness, experiment, ethnic-cultural stereotypes, activity-communicative lacunas, the Russians, the Chinese, intercultural communication.

References

- Bromley Yu.V.* Etnos i etnografiya [Ethnos and ethnography]. M., 1973. S. 66.
- Bukhaeva R.V.* Etnokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya [Ethnocultural stereotypes of speech communication]: dis...d.filol, nauk. –Ulen-Ude, 2015. – S. 64.
- Krasnykh V.V.* Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lektsiy [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: A course of lectures]. – M., ITDGK «Gnozis», 2002. – 284 s.
- Krasnykh V.V.* Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii [Fundamentals of psycholinguistics and communication theory]. – M., ITDGK «Gnozis», 2001. – 270 s.
- Leontovich O.A.* Rossiya i SShA: Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu [Russia and the US: Introduction to Intercultural Communication]. – Volgograd: Peremena, 2003. – 399 s.
- Markovina I.Yu., Sorokin Yu.A.* Kul'tura i tekst vvedenie v lakunologiyu [Culture and text introduction to lacunology]. – M.: GEOTAR-Media, 2010. – 138 s.
- Maslova V.A.* Lingvokul'turologiya [Linguistic Culturology] / M.A. Maslova. – M.: Akademiya, 2001. – 208 s.
- Pochebut L.G., Meyzhis I.A.* Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology]. – Piter, 2011. – 1090 s.

Pushkin A.S. Roman v pis'makh [The novel in letters] (1829). – M., Izdatel'stvo Akademii nauk, 1937-1949. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F1%F2%E5%F0%E5%EE%F2%E8%EF&p=29&docid=60165&sid=335

Prokhorov Yu.E. Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev [National socio-cultural stereotypes of verbal communication and their role in teaching Russian to foreigners]. – M., Izdatel'stvo-LKI, 2008. – 224 s.

Russkaya grammatika [Russian grammar]. URL: <http://rusgram.narod.ru/index2.html>

Ryzhkov V.A. Natsional'no-kul'turnye aspekty assotsiativnogo znacheniya internatsional'nykh stereotipov [National and cultural aspects of the associative meaning of international stereotypes]. Diss. ... kand. filol. nauk. – M., 1986. – 162 s.

Ryzhkov V.A. Osobennosti stereotipizatsii, neobkhodimo soprovozhdayushchey sotsializatsiyu individua v ramkakh opredelennoy natsional'no-kul'turnoy obshchnosti [The features of stereotyping, it is necessary to accompany the socialization of the individual within the framework of a certain national and cultural community] // Yazykovoe soznanie: stereotipy i tvorchestvo [Language consciousness: stereotypes and creativity]. – M., IYaZ, 1988. – S. 4-16.

Ryzhkov V.A. Rol' stereotipov v protsesse obshcheniya [The role of stereotypes in the process of communication]. – V kn.: Obshchenie, tekst, vyskazyvanie [In the book: Communication, text, utterance]. – M., Institut yazykoznaniya, 1981. – S. 110-124.

Ryzhkov V.A. Stereotipy kak sredstvo pobuzhdeniya [Stereotypes as a means of motivating]. – V kn.: Tezisy VI Vsesoyuznogo simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii [In: Theses of the VI All-Union Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory]. – M., Institut yazykoznaniya, 1978. – S.167-168.

Slavyane i ikh sosedni etnos-psikhologicheskii stereotip v srednie veka (sbornik tezisev) [Slavs and their neighbors ethnos psychological stereotype in the Middle Ages (collection of abstracts)]. – M., Institut slavyanovedeniya i balkanistiki, 1990. – S. 3.

Sorokin Yu.A. Metod ustanovleniya lakun kak odin iz sposobov vyyavleniya spetsifiki lokal'nykh kul'tur (khudozhestvennaya literatura v kul'turologicheskom aspekte) [The method of establishing lacunae as one of the ways to identify the specificity of local cultures (fiction in the cultural aspect)] // Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo povedeniya [National cultural specificity of speech behavior]. – M., Nauka, 1977. – S. 120-136.

Sorokin Yu.A. Stereotip, shtamp, klishe: k probleme opredeleniya ponyatiy [Cliche: to the problem of definition of concepts] // Obshchenie: teoreticheskie i pragmaticheskie aspekty [Communication: theoretical and pragmatic aspects]. – M., Nauka, 1978. – S. 133-138.

Sorokin Yu.A., Markovina I.Yu. Kul'tura i ee psikholingvisticheskaya tsennost' [Culture and its psycholinguistic value] // Etnopsikholingvistika [Ethnopsycholinguistics] / Yu.A. Sorokin, I.Yu. Markovina, A.N. Kryukov i dr. Otv. red. i avt. predisl. Yu.A. Sorokin. – M., Nauka, 1988. – S. 6-19.

Sukhanov N.N. Zapiski o revolyutsii [Notes on the Revolution] / kniga 5. (1918-1921) [Book 5. (1918-1921)]. – M., Politizdat, Respublika, 1991-1992. URL: tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F1%F2%E5%F0%E5%EE%F2%E8%EF%FB&p=31&docid=64395&sid=5455

Tarasov E.F. Obraz Rossii: metodologiya issledovaniya [Image of Russia: research methodology [Text]] / E.F. Tarasov // Voprosy psikholingvistiki [Questions of

psycholinguistics]. – 2006. – № 4. – S. 69-73.

Ufimtseva N.V. Biologicheskie i sotsial'nye faktory v rechevom razvitii [Biological and social factors in speech development] // Etnopsikholingvistika [Ethnopsycholinguistics]/ Yu.A. Sorokin, I.Yu. Markovina, A.N. Kryukov i dr. Otv. red. i avt. predisl. Yu.A. Sorokin. – M., Nauka, 1988. – S. 163-183.

Ufimtseva N.V. Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya [Russian: the experience of another self-knowledge] // Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya [Ethno-cultural specificity of language consciousness]. – M., Nauka, 1996. – S. 139-162.

Ufimtseva N.V. Etnicheskie ritmy i stereotipy kul'tury [Ethnic rhythms and stereotypes of culture] // XI Vserossiyskiy simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii «Yazyk, soznanie, kul'tura, etnos: teoriya i pragmatika»: [Tez. dokl.] [XI All-Russian symposium on psycholinguistics and communication theory «Language, consciousness, culture, ethnos: theory and pragmatics»: [Tez. Doc.]]. – M., IYaZ, 1994. – S.97-98.

Ufimtseva N.V. Etnicheskiy kharakter, obraz sebya i yazykovoe soznanie russkikh [Ethnic character, the image of oneself and the linguistic consciousness of Russians] // Yazykovoe soznanie: formirovanie i funktsionirovanie [Language consciousness: formation and functioning]. – M., IYaZ, 1998. – S. 135-171.

Chzhan Zhun'mej. Jetnokul'turnye stereotipy v usloviyah mezh#jazykovoj/mezhkul'turnoj lakunarnosti [Ethnic stereotypes in terms of interlingual/intercultural lacunarity] // Zhizn' yazyka v kul'turne i sociume – 6 [Life of language in culture and society - 6]. – 2017. S. 169.

Brown, Paula Big man, past and present: Model, person, hero, legend. ACAD: Ethnology, 1990. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>

Rodger Kamenetz Rabbis, Lamas and Lost Angels. News: San Francisco Chronicle, 1990.

Lippman W. Public Opinion. NY, 1966. – S. 7. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>
Etimologiya Stereotype [Etymology of Stereotype]. URL: <http://www.etymonline.com/index.php?term=stereotype>

Keban yinxiang [Stereotype]. BCC yuliaoku. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/zh/search/0/刻板印象>

Guan Shijie. Kuawenhua jiaoliuxue [Intercultural Communication]. Beijing: Beijing daxue chubanshe. 1995. – 256 s.

Jia Yuxin. Kuawenhua jiaojixue [Intercultural Communication]. Shanghai: Shanghai waiyu jiaoxue chubanshe. 1997. – 371 s.

Hu Wenzhong. Kuawenhua jiaojixue gailun [An Introduction to Intercultural Communication]. Beijing: Waiyu jiaoxue yu yanjiu chubanshe. 2009. – 189 s.

Gao Yihong. Wenhua dingxing yu kuawenhua jiaoji beilun [Cultural stereotypes and the paradox of intercultural communication]. Waiyu jiaoxue yuyanjiu. 1995 (2). – 235 s

Fan Jieping. Lun stereotyped yiyun ji zai kuawenhua jiaoji zhong de gongneng [On the Implication of stereotype and Its Function in Intercultural Communication]. Waiyu yu waiyu jiaoxue. 2003(10). – S. 21-37.

Huang Ming. Kuawenhua jiaoji zhong “wenhuadingxing” de jianli yu dapo [The Establishment and Breaking of «Cultural Prescription» in Intercultural Communication]. 2004. – 189 s.

<http://wenda.so.com/q/1398015335066421>

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ЛЮДИ И ИДЕИ

УДК 81'23

СЛОВЕСНОСТЬ И ДУХ МУЗЫКИ. БЕСЕДЫ С Э.А. МАКАЕВЫМ¹

Порхомовский Виктор Яковлевич

доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института языкознания РАН,
профессор ИСАА МГУ
vporkhom@yahoo.com

Настоящий очерк посвящается столетию со дня рождения выдающегося лингвиста и филолога профессора Энвера Ахмедовича Макаева (28 мая 1916, Москва — 30 марта 2004, Москва). Основу этого очерка составляют впечатления и воспоминания автора о регулярных беседах и дискуссиях с Энвером Ахмедовичем на протяжении более 30 лет. Эти беседы охватывали самые разные темы и проблемы гуманитарной культуры. В круг этих тем входили: филология, лингвистика, поэтика, философия, история и теория искусства и литературы.

Ключевые слова: Сравнительно-историческое языкознание, научная парадигма, история искусств, живопись, прерафаэлиты, философия, русский символизм, музыка.

Ранний московский вечер, начало 70-х годов. Автор этих строк открывает тяжелую дубовую дверь, ведущую в подъезд сталинской высотки у Красных ворот. Он несколько лет практически каждый день попадал в подzemелье этого дома с противоположной стороны: там находится вход на станцию метро, откуда прямая линия ведет к старому университетскому зданию на Моховой, в Институт восточных языков при МГУ, где и учился автор. Но внутрь этого огромного величественного здания ему заходить никогда не приходилось.

Тяжеловесный ампир середины 20-го века производил должное впечатление. Неторопливый старомодный лифт остановился на нужном этаже, и я неожиданно погрузился в аромат хорошего трубочного табака. Я протянул руку к дверному звонку и вдруг ощутил себя учеником младших классов перед дверью кабинета директора школы. При этом за спиной уже были не только годы студенчества, а потом аспирантура Института языкознания, но и длительный опыт непосредственного общения с известными всей стране писателями, художниками, артистами, а также с их коллегами из многих стран света благодаря сотрудничеству с Иностранной комиссией Союза писателей в качестве синхронного и последовательного переводчика.

Итак, приступ неожиданной робости удалось преодолеть, мелодичный звонок, дверь открылась, вместе с новой волной табачного аромата на пороге появился приветливо улыбающийся Энвер Ахмедович Макаев, и я переступил порог его дома. Можно сказать, что попал я в этот дом совершенно случайно, если только не

¹ Материал публикуется с разрешения журнала «Вопросы филологии»

по воле провидения. Как и все аспиранты первого года обучения, я исправно посещал лекции Э.А. по истории языкознания. Э.А. был окутан ореолом блестящего знатока древних индоевропейских языков и индоевропейской компаративистики, а я писал диссертацию по исторической фонетике некоторых бесписьменных языков, распространенных в районе озера Чад, так что поводов для неформального общения с этим знаменитым ученым как-то не предполагалось. Однако помимо филологии и лингвистики у меня со школьных времен была страсть к невербальным искусствам, прежде всего к живописи. Как раз в это время в Москве стали часто проходить выставки русской иконописи, чего раньше отнюдь не наблюдалось. Я серьезно увлекся этим искусством, стал постоянно посещать выставки, где несколько раз встретился с Э.А. Продолжению бесед об иконописи помогло и то обстоятельство, что тогда же начали выходить в свет прекрасно изданные альбомы и монографии, посвященные древнерусскому искусству. Именно это совпадение интересов, весьма далеких от языкознания, и послужило причиной приглашения в гости к Э.А. Так началось продолжавшееся более тридцати лет, вплоть до кончины Э.А., близкое общение автора с этим необыкновенным человеком и ученым.

С первой минуты было ясно, что дом Э.А. совершенно не похож на обычные дома. Сейчас уже трудно представить в деталях рядовую московскую квартиру того времени, часто малогабаритную и тесно населенную, ее обстановку и общую атмосферу. Здесь же были высокие лепные потолки, типичные для парадной сталинской архитектуры, большая прихожая и просторная кладовая, заставленная книжными шкафами. Тяжелая старинная мебель в кабинете, напротив двери у высокого окна с темными рамами располагался огромный, можно сказать архетипический, письменный стол. На столе традиционная лампа с зеленым абажуром и небольшой портрет Гете в рамочке. Причем между Э.А. и его любимым автором было какое-то неуловимое сходство. Между рамами окна находился цветной витраж. Проникавшие сквозь разноцветные стекла витража лучи придавали всему помещению загадочный облик готического зала в рыцарском замке. Высокий стеллаж, занимавший все пространство слева от входа в кабинет до стены с этим почти готическим окном, невольно привлекал к себе особое внимание. В интеллигентских квартирах с большими библиотеками корешки книг, как правило, были хорошо узнаваемы и ясно демонстрировали вкусы и интересы хозяев. Библиотека Э.А. была совершенно иной. Тяжелые старинные фолианты в массивных переплетах и огромное количество иностранных изданий лишь усиливали общее впечатление загадочной обители средневекового мудреца. Облик самого хозяина с его неизменной трубкой прекрасно соответствовал этому интерьеру. Здесь уместно сделать небольшое табачное отступление. Э.А. был заядлым курильщиком. В институтских кулуарах его всегда можно было видеть с сигаретой, но с трубкой – никогда. По-видимому, публичное курение трубки он считал чем-то нарочитым, вызывающим, нарушающим его эстетические принципы. Постоянный аромат хорошего трубочного табака придавал особый шарм интерьеру его дома, куда мы и возвращаемся. Трубочный табак и, иногда, сами трубки были единственными подарками, которые можно было привозить ему из поездок.

В углу сбоку от стола находилось глубокое кожаное кресло, в котором полагалось утопать гостю. Самому хозяину предназначалось рабочее кресло у стола, жесткое и аскетичное. Гость мог занять это кресло, когда хозяин хотел продемонстрировать какое-нибудь редкое издание, лежащее на столе. У противоположной от книжного стеллажа стены располагалось старинное, очень большое и красивое пианино с бронзовыми подсвечниками. Это был номерной Бехштейн. Наконец, вдоль стены справа от входа стоял небольшой диван, более изящный и компактный по сравнению с прочими предметами обстановки.

Это помещение можно было бы назвать кельей в пуританском варианте Телемского аббатства. Для автора этих строк оно больше чем на тридцать лет стало своеобразной мини-Касталией, настоящей академией, причем в полном соответствии с литературным прототипом академическая жизнь здесь была выдержана в свободном, даже игровом духе. Как-то незаметно и легко сложилась традиция этих академических бесед, или, точнее, монологов Э.А., иногда прерываемых вопросами ученика. Правда, время от времени ученику предоставлялась возможность для диалога или даже собственного монолога. Обычно я приходил к Э.А. около шести-семи часов вечера и оставался так долго, чтобы только можно было успеть на метро. Эти встречи, как правило, происходили со сравнительно небольшими интервалами в несколько недель. Темы монологов Э.А. определялись кругом его текущих, крайне разнообразных и непредсказуемых занятий и чтений. Но постепенно ученик стал робко проявлять инициативу. Безграничная эрудиция Э.А. невольно воспринималась как нечто совершенно естественное. Можно было утонуть в ставшем привычным кресле и предложить Э.А. любую тему или любое имя из всего необъятного пространства мировой культуры и искусства, а затем в течение нескольких часов слушать безукоризненно выстроенную исчерпывающую диссертацию на предложенный сюжет. Все имена, даты и цитаты воспроизводились без малейших затруднений, доставались с полки и открывались точно на требуемых страницах фолианты.

У Э.А. была совершенно потрясающая память. Свои научные работы он полностью сочинял в уме и лишь потом записывал без единой помарки каллиграфическим почерком. Когда поднялся железный занавес и у меня возникла возможность непосредственно и подробно знакомиться с мировыми художественными шедеврами во время командировок в европейские университеты и научные центры, Э.А. любил выслушивать подробнейшие отчеты об этих впечатлениях. Причем здесь невозможно было отделаться банальными восторгами («Ах, какие краски!») и цитатами из путеводителей или популярных путевых очерков. Я тщательно готовился к приходу в дом Э.А. после возвращения из очередной поездки, обдумывая, что и как рассказывать столь требовательному слушателю. Несмотря на полное отсутствие собственных путевых впечатлений, Э.А. всегда оказывался прекрасно осведомленным о моих художественных и культурных открытиях, сделанных в этих поездках. Причем иногда случалось, что, выслушав мои рассуждения, в оригинальности которых я был совершенно уверен, Э.А. доставал с полки том одного из классиков европейского искусствоведения, разумеется, в оригинале, и обнаруживалось, что это соображение уже было опубликовано, иногда за много десятилетий до моего

рождения. Но поскольку у автора этих строк никогда не было претензий на утверждение собственного приоритета, подобные совпадения вызывали у него чувство гордости за то, что ему удалось самостоятельно прийти к тем же выводам, что и признанному классику жанра.

Приведу здесь один характерный случай. Во время своей первой поездки в Англию я смог подробно познакомиться с творчеством прерафаэлитов. В отечественных музеях эти художники практически не представлены, а их отдельные произведения в европейских континентальных музеях, например, в коллекции Штеделевского института во Франкфурте-на-Майне, как-то не привлекли специального внимания, так что я попал под обаяние творчества этих замечательных художников только в Лондоне. Вернувшись в Москву и обдумывая эти свои впечатления для традиционного доклада Энверу Ахмедовичу, я решился на смелое заключение, что художники-прерафаэлиты не сформировали четко обозначенного художественного направления, подобно романтизму, импрессионизму и т.п. Даже хорошо изучив их произведения, было невозможно угадать, как будет выглядеть незнакомое полотно художника этой школы. В своих комментариях для Э.А. я заявил, что прерафаэлиты скорее напоминают не четко структурированную таблицу видов К. Линнея, а зоопарк, где очевидно, что в соседнем с жирафом вольере окажется не автомобиль, а какой-то зверь, но только неизвестно, какой именно. И вдруг Э.А. достал с полки сочинение одного из своих любимых английских художественных критиков и открыл его ровно там, где я с изумлением обнаружил слово *зоопарк* для характеристики школы прерафаэлитов.

Кстати, здесь можно добавить, что Э.А. очень высоко ценил творчество художников, составлявших круг «Мира искусства». Для меня мирискусники были самыми любимыми русскими художниками. Только в ходе дискуссий с Э.А. стали очевидными типологические параллели между прерафаэлитами и мирискусниками в истории соответственно английской и русской живописи и в их месте в общей панораме европейской живописи. Английская и русская традиции светской живописи сложились значительно позже, чем в Италии, Германии, Фландрии, Франции, Испании, так что прерафаэлиты, как позднее мирискусники, видимо, должны были как-то восполнить этот исторический вакуум. Отсюда эклектизм и частое балансирование на грани китча в обеих школах.

Эти уже традиционные интеллектуальные эскзерсисы, продолжавшиеся все годы неформального общения с Э.А., оказались эффективным инструментом развития аналитических и риторических навыков, ставших исключительно полезными в научной и педагогической жизни младшего участника этого общения. Вполне типичные для Москвы традиции неторопливых вечерних бесед на разные темы, только не на кухне, а в кабинете, превратились для него в уникальный университет.

За время, прошедшее после ухода Э.А. из этого мира, опубликовано уже достаточно много посвященных ему воспоминаний и этюдов, в которых с разной степенью подробности говорится о его интеллектуальных занятиях, интересах и предпочтениях. Попробую представить здесь очень кратко те черты, которые кажутся мне особенно важными. В фокусе интересов Э.А. находился практически весь спектр гуманитарного знания и изящных искусств. Видимо, приоритет необ-

ходимо отдать философии (от античности до современной математической логики) и филологии во всех ее ипостасях, а в сфере искусств — литературе и музыке. Наконец, следует особо отметить теологию, а также мистику в различных ее проявлениях. На богословские и религиозные темы Э.А. говорил сдержанно и редко, хотя его книжное собрание в этой области было весьма обширным и вполне профессиональным. Видимо, он считал сферу религии достаточно интимной, поэтому я не буду касаться здесь подобных сюжетов. Но однажды произошел удивительный эпизод. По приглашению Иерусалимского университета мне довелось попасть в Иерусалим в эпоху, когда поездка туда в командировку была столь же невероятной, как полет на Марс. Не было ни дипломатических отношений, ни прямых авиарейсов. Разумеется, Э.А. с огромным интересом слушал мои описания святых мест этого фантастического города. Но когда я упомянул некоторые свои впечатления, оставшиеся загадочными и непонятными для меня самого, он неожиданно снял с полки том сочинений знаменитого средневекового мистика и открыл те страницы, где описывался духовный опыт его переживаний, весьма точно совпадавший с тем, о чем я только что рассказал. Так обнаружилось, что этот специфический пласт мировой культуры составляет столь же интегральную часть интеллектуального мира Э.А., как индоевропейское сравнительное языкознание или философия музыки.

Для Э.А. было в высшей степени характерно представление об искусствах и науках, т.е. о создателях этого мира и об их произведениях, как о некоей достаточно жесткой иерархии, что отнюдь не подрывало в его глазах значение и ценность тех авторов и произведений, которые занимают более низкие уровни в этой иерархии. Задача дать сколько-нибудь последовательное описание всех сфер интеллектуальных занятий и интересов Э.А. является практически невыполнимой, ибо для этого пришлось бы составить энциклопедию «Кто есть кто и что есть что в мировой культуре и гуманитарном знании». Поэтому автору придется ограничиться некоторой мозаикой впечатлений, оставивших особый след в памяти.

В истории мировой культуры Э.А. выделял три великих эпохи — классическую античность, итальянское Возрождение и русский символизм конца 19-го - первых десятилетий 20-го века. Эта концепция была им разработана очень тщательно. С первыми двумя эпохами все достаточно очевидно. Что касается русского символизма, то здесь отмечу только, что Э.А. трактовал это понятие очень широко, включая туда весь круг новых подходов в философии, филологии, музыке, поэзии и прозе, пластических искусствах (живопись, архитектура, скульптура), театральном искусстве (драма, балет, опера). Причем он с горечью говорил, что естественное развитие этой великой эпохи, во многом определившей дальнейшую эволюцию мировой культуры, в России было прервано и в дальнейшем происходило преимущественно за ее пределами, во многом благодаря усилиям русской эмиграции.

Всем, близко знакомым с Э.А., была известна его любовь к Платону и Канту. В литературе 20-го века он особенно высоко ценил творчество таких писателей, как Джойс, Пруст, Томас Манн, Верфель, Гессе, Музиль. Особое место в этом ряду принадлежало Андрею Белому. Роман «Петербург» А. Белого (в его полной редакции) был одним из самых любимых произведений Э.А. Он рассматривал этот роман как новый — великий — опыт в мире литературы потока сознания, предвосхитивший

творчество Джойса. Труды А. Белого по литературоведению также входили в круг его постоянного внимания. Э.А. встречался с Андреем Белым в ранней молодости, поэтому у меня в воображении возникала прямая линия непосредственного контакта с великими фигурами русского символизма.

Любовь и интерес Э.А. к достижениям человеческого разума, накопленным в мировой культуре, отнюдь не приводили к пренебрежению новейшими достижениями в философии и культуре. Так, Э.А., по всей видимости, был одним из первых отечественных гуманитариев, оценившим гносеологический потенциал теории Томаса Куна, изложенной в его теперь столь знаменитой книге «Структура научных революций» [Кун 1975; Kuhn 1962], а также значение введенного Куном в этой книге понятия «научная парадигма», ставшего одним из самых модных *концептов* в современном научном и околонучном *дискурсе*. Я хорошо помню, как впервые услышал от Э.А. комментарии по поводу этой теории, хотя уже не могу точно указать, когда именно это произошло. Русский перевод книги Куна вышел в свет в 1975 г., через тринадцать лет после ее первой публикации. А уже меньше чем через два года можно было познакомиться с тем, как трактовал Э.А. эту концепцию в контексте сравнительно-исторического языкознания в своей монографии «Общая теория сравнительного языкознания» [Макаев 1977: 9-10; см. об этом Порхомовский 2013: 129-131]. Если принять во внимание, сколько времени обычно проходило в ту эпоху от завершения работы над текстом научной монографии до ее публикации в издательстве «Наука», можно уверенно предполагать, что Э.А. изучал книгу Т. Куна до ее выхода в свет в русском переводе. Я специально упоминаю здесь этот незначительный факт только для того, чтобы показать, насколько тщательно и регулярно следил Э.А. за новыми достижениями в мировой науке.

Мы много говорили о живописи, о творчестве разных художников – от Чимабуэ, Дуччо и других великих итальянцев до наших современников. Мне казалось, что я хорошо представляю вкусы Э.А. В первые годы нашего общения, до того, как мне стали доступны великие европейские собрания, главным источником моих художественных впечатлений были отечественные музеи и альбомы по искусству. Рубенс с его пышнотелыми дамами вызывал у меня довольно скептическое отношение. И вдруг в Вене, в одном из лучших европейских музеев, я увидел знаменитую «Шубку», которую хорошо помнил по описанию в двухтомной истории мирового искусства, где особое внимание знаменитый искусствовед уделял контрасту нежной кожи обнаженной модели с мехом накинутой на ее плечи шубки. Это как-то не очень вдохновляло меня в то время. Я тогда был балетным фанатиком, поэтому рубенсовские формы оставляли меня равнодушным. И вдруг, стоя перед этой картиной в венском музее, я ощутил невероятное очарование и притягательность взгляда этой молодой женщины, от которого совершенно невозможно было оторваться и который заставлял забыть о целлюлитных коленках и прочих живописных изысках. Рассказывая Э.А. о своих австрийских впечатлениях, я среди прочего заявил: «Энвер Ахмедович, вы сейчас перестанете меня уважать, но я влюбился в «Шубку» Рубенса». В ответ прозвучало: «Витя, что вы такое говорите? Рубенс – это один из самых великих гениев в истории живописи!». Я еще много раз вспоминал эту фразу перед «Похищением дочерей Левкиппа» в Старой пинакотеке Мюнхена, перед

огромными алтарными композициями в соборе Богоматери Антверпена, в Кельне, в Банкетном зале и Национальной галерее Лондона, в галерее Медичи в Лувре и, наконец, заново оценив эрмитажные полотна.

Способность переживать эстетические восторги сочеталась у Э.А. с типичной для настоящего ученого привычкой к критическому анализу, которую не могла остановить магия великих имен и репутаций. Читая новую книгу, Э.А. на последней внутренней стороне обложки карандашом выписывал номера страниц, где он обнаруживал пассажи, вызывавшие у него особенно резкое неприятие, а также филологические ошибки, неверные цитаты и т.п. Он любил демонстрировать результаты этих разысканий. Его эстетизм включал и такое необычное проявление, как своеобразный культ антистиля, он с упоением коллекционировал особо «выдающиеся» примеры нарушения принципов хорошего вкуса и стиля. Замечал он эти проявления антистиля в творчестве великих и любимых им поэтов, в работах уважаемых им коллег по филологическому цеху и т.п. Я не хочу приводить здесь примеры подобных критических высказываний Э.А., поскольку, вырванные из контекста, они могут создать совершенно ложное представление о его картине мира. Следует лишь подчеркнуть, что свойственный ему энтузиазм и способность восхищаться художественными шедеврами и великими научными достижениями, с одной стороны, и критическая принципиальность и беспощадность, с другой, оказывались чрезвычайно эффективными инструментами воспитания вкуса и чувства стиля у тех, кому посчастливилось сопереживать этим проявлениям. Кроме того, он безусловно играл роль неформального, но исключительно важного гаранта качества научной работы в столь дорогой его сердцу исторической лингвистике.

Для Э.А. чрезвычайно важным было непосредственное изучение по первоисточникам, т.е. на классических индоевропейских языках, всех материалов, включаемых им в его исследования. Он требовал это и от своих учеников и коллег. Э.А. свободно владел всеми этими языками, не говоря уже о современных. Я помню его рассказ о том, как он специально освежал навыки практического владения древнеармянским, поскольку ему предстояла встреча с армянским католиком, а с ним следовало говорить именно на этом языке. Однажды он сослался на свою любимую Анну Ахматову, изучавшую итальянский язык, потому что она была уверена, что глупо прожить жизнь и не прочитать «Божественную комедию» Данте в подлиннике. Как-то я обратил внимание на томик Пиндара (разумеется, на древнегреческом), лежавший на столике у дивана. Э.А. заметил, что он любит читать греческих поэтов перед сном.

Огромную роль в духовном пространстве Э.А. играла музыка. Он был прекрасным знатоком и ценителем музыки на самом высоком профессиональном уровне. Ему пришлось отказаться от музыкальной карьеры по некоторым трагическим семейным причинам, но его связывала тесная дружба с великими музыкантами и музыковедами. Когда возникла созданная Святославом Рихтером совместно с И.А. Антоновой замечательная традиция музыкальных «Декабрьских вечеров» в Музее им. Пушкина, Э.А. всегда получал на них приглашительные билеты. Он был связан с Рихтером благодаря своей дружбе с учителем Рихтера Генрихом Густавовичем Нейгаузом, с которым он вел продолжительные беседы о теории музыки на немец-

ком языке. Однако к этому времени Э.А. уже не любил нарушать свой затворнический стиль жизни, поэтому автору этих строк выпала большая удача посещать благодаря этим приглашениям концерты, недоступные простым смертным. Рассказы Э.А. о его дружбе и общении с великими музыкантами первой половины 20-го века, его устные эссе об особенностях исполнительского мастерства знаменитых скрипачей, пианистов и дирижеров стали для меня уникальным введением в этот волшебный мир, превратили абстрактные имена на афишах в живые индивидуальности.

О роли музыки в его жизни свидетельствуют и такие случаи. Формулируя особенно сложные философские и эстетические построения, Э.А. мог прервать сам себя восклицанием, что это слишком тонкая материя для словесного выражения, лучше сыграть на фортепьяно. Он открывал свой Бехштейн и начинал играть, но затем резко останавливался и говорил, что невозможно адекватно передать то, что он имел в виду, потому что нетренированные пальцы его недостаточно слушаются.

Хочется упомянуть глубоко проникновенное, можно сказать джайнистское, отношение Э.А. к ценности жизни во всех ее проявлениях. Он часто высказывался весьма скептически и негативно о человеческой природе, противопоставляя ее миру братьев наших меньших. На его подоконнике всегда обитали голуби, которых он поил и кормил. Когда пришлось усыпить его умиравшего кота, Э.А. очень тяжело переживал эту утрату. Он с горечью сказал мне, что чувствовал себя предателем, когда отвозил своего Тишу в ветеринарную клинику.

Необходимо отметить и необыкновенный артистизм Э.А. Тем, кто привык видеть его только в формальной обстановке, трудно поверить, что он умел необыкновенно смешно и талантливо пародировать своих коллег и известных персонажей. Я помню, как он отозвался о роли благородного аристократа в классической пьесе в исполнении одного знаменитого артиста, красавца и всеобщего любимца. Э.А. сказал: «Он не способен играть князя и офицера гвардии. Посмотрите, какие у него неинтеллигентные руки», и сделал несколько характерных жестов пальцами. И после паузы добавил, что хороший актер может изобразить кого угодно и что угодно, невозможно сыграть только интеллигентность при ее отсутствии.

Э.А. любил рассуждать о том, насколько чувство вкуса присуще разным культурам и народам. Причем и здесь его критический подход оставался неизменным. Так, несмотря на всю его любовь к германской культуре и языкам, он отмечал, что хороший вкус отнюдь не является сильной стороной немецкого и англосаксонского мира. Эталоном хорошего вкуса для Э.А. всегда была Франция. Но здесь возникает нетривиальная проблема, которую было так интересно с ним обсуждать, а именно, насколько строгое следование правилам хорошего вкуса и жесткое соблюдение стилистических канонов могут ограничивать высшие проявления художественного гения. Известно, что на вопрос «Кто самый великий поэт Франции?» А. Жид ответил: «Victor Hugo, hélas!» («Увы, Виктор Гюго!»). При этом в общепризнанной иерархии европейских поэтических гениев высшие ступени занимают авторы, у которых можно найти явные отступления от хорошего вкуса и стиля. Достаточно упомянуть Шекспира и Гете. Сюда можно добавить и Пушкина. Среди великих французов в эту компанию гигантов попадает разве что Рабле, который творил до того, как во Франции сложились каноны хорошего вкуса. Необходимо особо под-

черкнуть, что подобные рассуждения отнюдь не были просто легковесными, ни к чему не обязывающими салонными замечаниями. За ними стояла фантастическая эрудиция Э.А. и его опыт строгой научной аналитики.

Итак, если попытаться определить наиболее характерную черту Энвера Ахмедовича, то я бы назвал абсолютное чувство стиля и вкуса на общем фоне при-сущего ему безукоризненного эстетического минимализма, пронизывавшего все стороны его бытия и быта. Это чувство вкуса и стиля можно сравнить разве что с абсолютным музыкальным слухом – не совсем понятно, что это, но он безусловно существует.

Литература

- Кун Т.* Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. М.: Наука, 1977. 205 с.
Порхомовский В.Я. Сравнительно-историческое языкознание как парадигматическая наука // Языковые параметры современной цивилизации». Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова. М., К.: Эйдос, 2013. стр. 127-136.
Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago. 1962; The University of Chicago Press. 2nd Edition, enlarged, 1970.

BELLES-LETTRES AND THE SPIRIT OF MUSIC. CONVERSATIONS WITH E.A. MAKAEV

Victor Ya. Porkhomovsky

Doctor of philological Sciences, Professor
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Moscow, Bolshoi Kislovsky lane, 1,1
vporkhom@yahoo.com

The present essay is dedicated to the 100th anniversary of the eminent linguist and philologist professor Enver A. Makaev (28.05.1916, Moscow — 30.03.2004, Moscow). The essay is based on the author's experience of regular conversations and discussions with E. Makaev during more than 30 years, embracing different issues in the spheres of philology, linguistics, poetics, philosophy, history and theory of arts and literature.

Keywords: Comparative historical linguistics, scientific paradigm, art history, painting, Pre-Raphaelites, philosophy, Russian symbolism, music.

References

- Kuhn T.* The Structure Of Scientific Revolutions. Moscow: Progress, 1975. 288 p.
Makaev, E. A. The General Theory Of Comparative Linguistics. М.: Nauka, 1977. 205 p

Porkhomovsky V. J. comparative-historical linguistics as a paradigmatic science // Language preferences of the modern civilization». Proceedings of the first scientific conference in memory of academician Yu. s. Stepanov. M. K.: Eidos, 2013. p. 127-136.

Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago. 1962; The University of Chicago Press. 2nd Edition, enlarged, 1970.

Ψ λ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

УДК 81'33

ПРОЕКТ «ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ»

Величкова Людмила Владимировна,
доктор филологических наук,
профессор Воронежского государственного университета,
394006, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
lvell@mail.ru

Абакумова Ольга Васильевна,
кандидат филологических наук,
доцент Воронежского государственного университета,
394006, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
olga.abakumova16@gmail.ru

Петроченко Елена Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент Воронежского государственного университета,
394006, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
petrocenko@mail.ru

Воропаева Ирина Викторовна,
кандидат филологических наук,
преподаватель Воронежского государственного университета,
394006, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
voropaeva05@mail.ru

В работе представлены методы психолингвистического подхода к исследованию звучащей речи, разработанные научным коллективом Научно-методического Центра фонетики Воронежского государственного университета (НМФЦ ВГУ). На широком материале нескольких языков разработана и апробирована методика проведения экспериментальных исследований и методика аудитивного анализа звучащей речи. Центральными проблемами являются психолингвистические исследования в аспектах восприятия и порождения речи: интонационные единицы и параметры звучащей речи, экспрессивные средства и эмоциональность единиц речи, эстетические и музыкально-психологические компоненты звучащей речи, психолингвистическое изучение речевого поведения, универсальные и национально-специфические признаки выражения эмоциональных состояний в звучащей детской речи. Описываются механизмы выявления и анализа экспрессивных средств звучащей речи в процессе психолингвистического эксперимента и анализ формальных признаков звучащей речи. Основными единицами при этом являются параметры сегментного и супraseгментного уровней. Исследования проводятся в сопоставительном аспекте с участием носителей русского, немецкого, испанского языков. Разработана методика с использованием данных аудитивного

анализа, выявляющего перцептивные (воспринимаемые речевым слухом) признаки интонации, сигнализирующие тот или иной коммуникативный тип высказывания, выявлена локализация дифференциальных признаков коммуникативных типов высказывания, отражающая восприятие их носителями языка. Существенным является определение универсального и национально специфического в способах выражения эмоциональности в речи на нескольких языках: русском, немецком, испанском.

В рамках проекта создана база данных средств выражения базовых эмоциональных состояний в русском и немецком языках, разрабатываются данные о русском и испанском языках.

Ключевые слова: звучащая речь, экспериментальные методы, восприятие, дифференциальные признаки фонем и интоном, экспрессивные средства речи, базовые эмоции, ритмические параметры речи, аудитивный анализ.

Научно-методический Центр фонетики при факультете романо-германской филологии Воронежского государственного университета (руководитель НМФЦ проф. Л.В. Величкова) совместно с Институтом фонетики и речеведения университета им. Мартина Лютера (Галле, Германия) с 2006 г. реализуют научный проект «Эмоция и просодия в межкультурной коммуникации». В рамках проекта исследуются параметры звучащей речи в различных коммуникативных стилях. Особенностью деятельности воронежских исследователей звучащей речи является их психолингвистическая направленность.

Исследования процессов порождения и восприятия речи относятся к центральным проблемам психолингвистики. В научно-методическом Центре фонетики ВГУ разработаны механизмы исследования процесса восприятия. В частности, разработана **методика с использованием данных аудитивного анализа**, выявляющего перцептивные (воспринимаемые речевым слухом) признаки интонации, сигнализирующие тот или иной коммуникативный тип высказывания. Разработан **механизм определения локализации и реализации дифференциальных признаков фонем и интоном на линейной протяженности фразы**, что способствует объяснению процесса восприятия речевого высказывания. Выявлены признаки интонационной завершенности в системе русского и немецкого языков [Величкова 1989; Лукьянчикова 1998], признаки интонационной завершенности и вопросительности в системе русского и английского языков [Сухарева 2003], русского и испанского языков [Петрова 2004], описана характеристика музыкально-ладовой структуры интонационных единиц немецкого языка на фоне русского [Петроченко 2001].

Установлено, что восприятие дифференциальных признаков интонации неродного языка происходит в *эмоциональном ключе* во всех тех моментах, где эти признаки расходятся в двух языках. Немецкие фразы с интонацией завершения (терминальности) в экспериментах на восприятие их носителями русского языка (с привлечением большого количества испытуемых) почти без исключений были восприняты как категоричные [Лукьянчикова 1998]. Перенос интонационных признаков завершенности из русского языка в немецкий как факт интерференции придавал этим фразам, с точки зрения носителей немецкого языка, эмоциональный оттенок неуверенности, сомнения в содержании высказываний.

Механизм эмоционального восприятия признака завершенности в этой паре языков можно проследить и объяснить следующим образом. Дифференциальные признаки коммуникативного типа высказывания «завершенность» в немецком и русском языках различны. В немецком языке этот признак выражается в падении высоты тона голоса до нижней границы голосового диапазона (*Lösungstiefe*), согласно фонологическому описанию интонации Г. Майнгольда и Э. Штока [Meinhold, Stock 1980]. В интонационной системе русского языка ни одна из единиц, представляющих основные коммуникативные типы высказываний, не реализуется с таким интенсивным падением тона голоса. Мелодические признаки с такой направленностью сопряжены с экспрессивными средствами «отрицательных» эмоций, относящихся к базовой эмоции «гнев». Эти данные объясняют не только механизм эмоционального восприятия дифференциального признака «терминальность» (завершенность) немецкой речи в восприятии носителями русского языка как родного, но и в целом картину восприятия на этом уровне.

Представляется, что компоненты интонации, а для многих языков ведущим считается мелодический компонент, составляют механизм для выражения основных коммуникативных типов высказываний, обладающих национальной спецификой на фоне универсалий, природа которых обусловлена физиологической общностью реализаций супraseгментных средств человеком.

Система *экспрессивных средств* речи сопряжена определенным образом с системой интоном. По нашей гипотезе, усиление при этом дифференциальных для этой системы признаков маркирует положительные эмоциональные состояния, интенсификация интегральных признаков означает проявление отрицательных эмоциональных состояний. Иначе говоря, система интоном сопряжена с системой выражения базовых эмоций на основе дифференциальных признаков. В речевом онтогенезе можно проследить становление системы интоном в связи с ранее формирующейся системой эмоционально-экспрессивных средств речи.

Воспринимая речь мы, прежде всего, регистрируем комплекс признаков, характеризующих говорящего и его состояние. Эти наблюдения до сих пор не были использованы для создания модели системного представления и анализа экспрессивных средств звучащей речи. Систему средств выражения эмоциональных состояний, имеющую значение для речевой деятельности в целом, можно обнаружить именно на этом уровне. Однако при этом необходимо изменить традиционную для лингвистики точку рассмотрения, согласно которой средства звучащей речи являются материей для выражения готовых речевых произведений – высказываний, порожденных по лингвистическим правилам.

Можно предположить наличие отдельной системы средств звучащей речи для передачи эмоциональных состояний говорящего, которыми он окрашивает свою речь. Наблюдения за речью убеждают в первичности экспрессивной функции средств звучащей речи. Эти наблюдения до сих пор не могли быть использованы для создания некоего системного анализа экспрессивных средств звучащей речи без перехода на психолингвистическую позицию рассмотрения этих явлений.

В основе психолингвистического подхода к явлениям речи лежат два тезиса. Первый относится к факту акустической природы языка. Из него вытекает, что единицы порождения и восприятия речи, отличаясь между собой, имеют общую

акустическую природу. Именно признаки звучащей речи маркируют в восприятии все то, что мы различаем в потоке речи и описываем в лингвистических единицах, начиная с процесса переложения речи на буквенный код и кончая лингвистическим анализом текста.

Классический тезис об акустической природе языка до сих пор не интегрирован в лингвистическую теорию. В этом ключе можно рассмотреть тот факт, что реализация лексических единиц в звучащей речи может происходить с изменением семантического исходного содержания единицы или даже противоречить ему. Считаемые классическими модели порождения речи предполагают наличие ритмико-тонических характеристик фразы на фазе интенции. Признаки звучащей речи сопровождают в процессе восприятия все явления речи.

Восприятие звучащей речи представляет собой сложнейший объект исследования. В настоящем рассмотрении мы касаемся нескольких аспектов этого процесса. Прежде всего, в экспериментальном подтверждении нуждается идея ведущей роли средств звучащей речи при эмоциональной оценке высказывания (текста), а также вопрос о степени адекватности эмоционального восприятия иноязычной речи.

Вторым тезисом, лежащим в основе предлагаемого психолингвистического подхода, является признание эмоционального характера функционирования языка, или эмоционального базиса речи. Модели порождения речи в представлении известных психолингвистов исходят из наличия мотива коммуникации, или стимула порождения высказывания, имеющего эмоциональную основу. С позиции говорящего процесс порождения речи всегда имеет эмоциональную основу.

Наблюдения за функционированием экспрессивных средств языка, их соотношением со структурой высказывания обуславливают создание представления об их системной организации и самостоятельности с психолингвистической точки зрения.

В этом контексте существенным является определение универсального и национально-специфического в способах выражения эмоциональности в речи. Традиция наблюдения над общением представителей различных культур убеждает в существовании обоих типов средств. Степень выраженности универсальных признаков не подвергалась исследованию, в последнее время интенсивно шло накопление информации о национальной специфике средств различных уровней языка. В значительно меньшей степени этот процесс затронул параметры звучащей речи, вопрос о системном исследовании их не ставился. При исследовании в этом направлении можно обращаться к имеющимся в психологии классификациям эмоциональных состояний [Симонов 1975; Изард 1980; Вилюнас 1976]. Классификации эмоциональных состояний различаются по набору и подходу к их выделению, что свидетельствует о сложности вопроса и его соотнесенности с рядом дисциплин. Тенденция к системному рассмотрению проблемы обуславливает обращение к описанию некоего минимума, содержащего основные эмоции (модальности). Таковыми в представлении Е.Н. Винарской являются 1) радость; 2) горе; 3) гнев/страх. Из этого можно сделать заключение о том, что на уровне средств звучащей речи в экспрессивной функции можно говорить о системном изменении некоего набора средств в определенных направлениях, что создает в восприятии впечатление этих базовых эмоций [Винарская 1989: 16].

Задачей проекта является **исследование экспрессивных средств речи**, которые имеют системную организацию в том плане, что они соотносимы с базовыми эмоциями. В каждом языке ведущими могут быть различные параметры этих средств, которые сами по себе имеют физиологически и акустически универсальную природу. Важным является, с нашей точки зрения, представление, согласно которому палитра эмоций на уровне звучащей речи создается интенсивностью «порций» реализуемых средств, относящихся к базовым эмоциям.

В рамках проекта создана **база данных о средствах выражения базовых эмоциональных состояний в русском и немецком языках**, разрабатываются данные о русском и испанском языках.

Инвентарь экспрессивных средств звучащей речи значительно меньше по объему, чем инвентарь обозначений эмоций. Экспериментально подтверждается, что носители языка, воспринимая эмоционально окрашенную речь (на материале звучащей немецкой рекламы, звучащей спонтанной немецкой речи в художественных фильмах), затруднялись соотнести слышимое со списком эмоциональных состояний, принятом в современных исследованиях эмоциональности. При этом тексты содержали лексемы, соотносимые с оттенками эмоций (Кириченко, Воропаева) однако восприятие основывалось на признаках звучащей речи.

При рассмотрении природы эмоциональности речи существенным является вопрос о статусе так называемого нейтрального стиля речи у наивных носителей языка. Ф. де Соссюр говорит в целом о характере литературного языка как о «некоем образовании, *наложенном в пространстве на другое образование* – на естественный язык [Соссюр 2000: 183].

Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что носителям языка не свойствен стиль нейтральной речи в целевой реализации. Эксперимент позволил получить звучащие тексты в реализации их «наивными» носителями языка (русского и немецкого) с равными возрастными, гендерными и образовательными признаками в трех вариантах (с тремя установками): «нейтрально», «положительно», «отрицательно». При восприятии текстов, начитанных носителями языка (русского), этот стиль был оценен как отрицательно окрашенный в половине случаев, что может зависеть и от степени «нейтральности» при реализации текста. Определенная неуверенность прослеживалась у дикторов и экспертов при реализации задания с нейтральной установкой, при этом сама установка воспринималась как весьма понятная. Все носители языка – участники эксперимента – лучше справлялись с заданием, реализацией и оценкой «положительных» текстов. Иная картина наблюдалась с выражением и – в связи с этим – с оценкой «отрицательных» текстов. Экспрессивные средства с этой маркировкой значительно труднее поддаются сознательной реализации, их «пласт залегания» расположен глубже. Естественно, эти средства готовы к бессознательной, ситуативной реализации. Пласт же экспрессивных средств речи с положительной маркировкой более доступен и более подвержен сознательному управлению. Одной из «бытовых» причин этого может являться более частотное использование этих средств в культурной традиции, что может происходить без непременно участия соответствующих эмоций. Таким экспериментом убедительно подтверждается существование эмоциональной основы речемыслительной деятельности. «Нейтральной» установке не находится ме-

ста в восприятии и реализации. С фоностилистической точки зрения она должна представлять собой условный набор средств для обслуживания отдельных ситуаций коммуникации (тексты новостей и др.). Обучение употреблению набора этих средств представляется возможным. Однако это не должно зависеть от эмоциональной установки говорящего.

Представление о вторичном характере явления речи, где проявление эмоциональности носит периферийный характер, не способствовало попыткам системного подхода к этим явлениям. Основным является вопрос о характере **изменения дифференциальных признаков на сегментном и супraseгментном уровнях в зависимости от состояния говорящего**. Системный подход ориентирует внимание исследователя на соотношение дифференциальных и интегральных признаков в речевой ситуации, так как при таком подходе все признаки разделяются на эти две категории. Это может служить первым отправным пунктом для настоящего рассмотрения. Он удовлетворяет тезису об акустической природе языка. Вторым пунктом, вытекающим из тезиса об эмоциональной основе речи, является направленность на наблюдения за изменениями дифференциальных и интегральных признаков при изменении эмоционального состояния говорящего с учетом того, что оно всегда может иметь определенную характеристику. Эта характеристика рассматривается в пространстве базовых эмоций, условно между неким положительным и неким отрицательным максимумом, между которыми различаются градации проявления эмоций, получающие в языке определенные наименования. В эту систему укладывается различное количество эмоций в разных типах классификаций.

Стабильность системы поддерживается определенным балансом дифференциальных и интегральных признаков. С этим явлением связана частотность появления фонем как носителей признаков, при этом средняя частотность появления фонем сохраняет пропорции в любых типах текстов с информационной точки зрения, т.е. с точки зрения лексического наполнения. При перемене эмоционального состояния соотношение признаков закономерно изменяется. При реализации одного высказывания с различными, противоположными по характеристике эмоциональными состояниями можно наблюдать тенденции изменения дифференциальных и интегральных признаков вокализма и консонантизма, причем в различных языках экспрессивная роль гласных и согласных фонем может существенно отличаться по значимости. На речевом материале большого объема характеристика и степень выраженности эмоционального состояния влияет на частотность реализации фонем. Следует произвести анализ изменения соотношения дифференциальных и интегральных признаков в зависимости от выражения базовых эмоциональных состояний в данном языке.

Исследование функционирования ритмических параметров в текстах различных стилей и речи разной степени спонтанности позволили обосновать вывод о наличии *ритмической канвы для различных фонетических стилей* [Stock, Veličkova 2002: 185-228]. Определены конфигурации ритмических единиц (ритмических групп); протяженность в слогах, место ударного слога, плотность ударностей для различных типов текста и различной степени напряженности. В дальнейшем мы исходим из представления о наличии (наряду с универсальными) национально-специфических средств звучащей речи для выражения базовых эмоций. В речи

взрослого они представляют собой наименее подвластный сознанию говорящего пласт средств. Обращение к сопоставительному аспекту может быть полезным при определении универсальных и национально-специфических признаков экспрессивных средств звучащей речи в нескольких языках. Мы исходим из экспериментальных данных, полученных в НМФЦ ВГУ на материале русского, немецкого и испанского языков. Экспериментальным материалом служат поэтические тексты, телевизионная звучащая речь, художественные фильмы, записи детской речи и (условно) спонтанной речи.

Разработан механизм исследования экспрессивных средств звучащей речи в восприятии носителей языка и носителей другого языка.

Он реализуется в два этапа.

Этап 1. Выявление эмоционального состояния в речевом материале в процессе психолингвистического эксперимента с привлечением достаточного количества участников – носителей языка.

Как характеристика (наименование) эмоции, так и степень ее реализации определяется в психолингвистическом эксперименте группой экспертов – носителей языка, состоящей из лиц, различающихся по возрасту, образовательному статусу и гендерному признаку. В их задачу входит выбор эмоции из набора базовых эмоциональных состояний, определение степени выраженности эмоции по трем ступеням (наличие +, более ярко выраженная ++, максимально выраженная эмоция +++).

Этап 2. Аудитивный анализ средств звучащей речи, ответственных за выражение данного эмоционального состояния. Эти средства имеют универсальные и национально – специфические черты.

Экспериментальным материалом служат поэтические тексты, телевизионная звучащая речь, художественные фильмы, записи детской речи и (условно) спонтанной речи. Передача эмоционального состояния в данных видах звучащей речи носит системный характер и связана с особенностью системы языка. При нарастании эмоциональности следует ожидать закономерных и системных изменений экспрессивных средств для ее выражения, что подтверждено в ряде исследований [Абакумова 2000; Лотышева 2004; Иванова 2006; Кириченко 2007; Воропаева 2011]. Эти средства могут в различных языках совпадать или различаться, что требует сопоставительного исследования.

Библиография наиболее значимых публикаций в рамках проекта

Интонация и языковое сознание: психолингв. исследование / О.В. Абакумова, О.В. Бердникова, Л.В. Величкова, Е.В. Петроченко. Под общ. ред. Л.В. Величковой. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2000. – 154 с.

Экспрессивные средства речи: психолингвистические исследования: монография / Л.В. Величкова, О.В. Абакумова, В.Ю. Иванова, О.Н. Серикова. Под общ. ред. проф. Л.В. Величковой; Воронеж: гос. ун-т. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2010. – 136 с.

Абакумова О.В. Экспериментальное исследование в Фонетическом центре Воронежского государственного университета / О.В. Абакумова // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 5. – С. 117-127.

Путь к языку: Данные речевого онтогенеза. Билингвизм / Л.В. Величкова, О.В. Абакумова; под общ. ред. проф. Л.В. Величковой; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2011. – 58 с.

Абакумова О.В. Проявление интонационной интерференции в испанской речи носителей других языков (немецкого и итальянского). Методы исследования звучащей речи: сборник научных статей / О.В. Абакумова / Под ред. Л.В. Величковой, Д.В. Жабина: Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2013. – С. 13-17.

Абакумова О.В. Проблемы раннего обучения неродному языку в свете концепции Е.Н. Винарской // Актуальные проблемы современного языкового образования: теория и практика. Current Issues in Foreign Language Education: Theory and practice. – Воронеж: Издательский дом ВГУ. – 2014. – С. 129-134.

Величкова Л.В., Абакумова О.В. Романистика в современном мире: Традиции и новации: сборник научных трудов по материалам Международной научной конференции (Воронеж, 24-25 апреля 2015 г.) / [отв. ред. Владимир Титов, Валентина Корнева]; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2015. – С. 110-116.

Sprechrhythmus und emotionale Spannung in deutschen und russischen Brauchtumsliedern. Festschrift fuer Max Mangold zum 80. Geburtstag. Phonus. Edited by Institut für Phonetik. Universitaet des Saarlandes. Saarbruecken, Mai 2002. S. 294-319.

Величкова Л.В. Речевой ритм: механизм психолингвистического исследования / Величкова Л.В. // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Б.м., 2002. – № 1. – С. 13-24.

Величкова Л.В., Абакумова О.В. Мелодические параметры детской звучащей речи / Величкова Л.В., Абакумова О.В. // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Б.м., 2002. – № 1. – С. 80-85.

Исследование взаимосвязи метро-ритмических параметров стихотворного текста и его эмоционального настроения / Л.В. Величкова, Е.Н. Отарова // Аграрной науке 21 века – творчество молодых. – Воронеж, 2002. – С. 314-319.

Ритмико-мелодические параметры звучащей речи и языковое сознание носителя языка: (на материале рус. яз.) / Л.В. Величкова, О.В. Абакумова, О.В. Бердникова, Е.В. Петроченко // Филология и культура. – Б.м., 2003. – С. 27-28.

Восприятие признаков интонации и методика обучения иноязычному произношению / О.В. Бердникова, Л.В. Величкова, Е.В. Петроченко // Актуальные проблемы модернизации языкового образования в школе и вузе. – Б.м. – 2004. – Ч. 1. – С. 32-36.

Сущность помех в межкультурной коммуникации на уровне звучащей речи / Л.В. Величкова // Актуальные проблемы модернизации языкового образования в школе и вузе. – Б.м. – 2004. – Ч.1. – С. 61-64.

Psycholinguistische Basis der Stoerungen in der sprechsprachlichen interkulturellen Kommunikation // Klangsprache im Fremdsprachenunterricht: Forschung und Lehre (1V). Staatliche Univesität Woronesh / Martin-Luther-Universität Halle Wittenberg. – Воронеж, 2004. – С. 3-10.

Проблемы точных методов исследования звучащей речи / Л.В. Величкова // Проблемы компьютерной лингвистики. – Воронеж, 2005. – Вып. 2. – С. 21-28.

Величкова Л.В. Психолингвистический подход к развитию ритмико-синтаксических навыков иноязычной речи / Л.В. Величкова // Преподавание иностранных языков: проблемы, поиски, решения. – Воронеж, 2005. – С. 9-17.

Величкова Л.В. Мелодические признаки звучащей речи с эмоциональным компонентом «гнев» (сопоставительное исследование на материале русского и немецкого языков) / Л.В. Величкова, О.В. Шаповалова // Вестник ВГУ, Гуманитарные науки, 2006, вып. 2, С. 418-424.

Величкова Л.В., Абакумова О.В. Мелодические признаки в языковом сознании // Язык. Культура. Коммуникация: Материалы международной научно-практической конференции. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2006. – С.51-57.

Величкова Л.В. Психолингвистическая оценка и характеристика формальных признаков звучащей речи в состоянии эмоциональной напряженности / Д.В. Жабин, Л.В. Величкова // Актуальные проблемы профессионального образования: цели, задачи и перспективы развития. – Воронеж, 2006. – С. 15-18.

Величкова Л.В. Анализ восприятия детьми эмоционально окрашенной звучащей речи: экспериментальное исследование // Вопросы психолингвистики. – 2007. – С. 62-67.

Величкова Л.В. Психолингвистическая основа исследования эмоциональности звучащей речи // Вопросы психолингвистики. – 2007. – С. 20-27.

Величкова Л.В. Ритмические параметры речи как индикаторы напряженности речи (на материале диалога Л. Копелев – Г. Бёлль). Тезисы Копелевских чтений, Липецк, 10-11.07.

Ludmila Veličkova. Klangsprache: Forschungsprobleme. Klangsprache im Fremdspracheunterricht. Forschung und Praxis(IV)/ Staatliche Univesität Woronesh / Martin-Luther-Universität Halle Wittenberg. 2007. S. 16.

Солощенко Я.В., Величкова Л.В. Признаки эмоционально окрашенной звучащей детской речи на сегментном и супraseгментном уровне (на материале речи немецких детей 6-7 лет) // Дайджест – 2009: Дипломные работы факультета РГФ ВГУ / [под ред. Н.А. Фененко]. – Воронеж, 2009. – Вып. 10. – С. 279-286.

Шаповалова Д.О., Величкова Л.В. Экспрессивные средства поэтического текста (на примере русских и немецких колыбельных песен). Дайджест – 2009: Дипломные работы факультета РГФ ВГУ / [под ред. Н.А. Фененко]. – Воронеж, 2009. – Вып. 10. – С. 399-404.

Величкова Л.В. Эмоциональность звучащей речи // Психолингвистика в XX веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Учреждение Российской академии наук Институт языкознания РАН. Российский университет дружбы народов. Москва, 15-17 июня 2009 г. – Москва, 2009, С. 399-400.

Величкова Л.В., Абакумова О.В. Коммуникативная и эмоциональная функции интонационных единиц: (системное сопоставительное исследование на материале русского и испанского языков) // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – Воронеж 2009. – № 1. – с. 70-79.

Veličkova, Ludmila. Redestilinventar (eine psycholinguistische Charakteristik). In: Hirschfeld, Ursula / Stock, Eberhard (Hrsg). Phonetisch - sprechwissenschaftliche Untersuchungen zur interkulturellen Kommunikation Russisch- Deutsch, Band 1. Hallesche Schriften zur Sprechwissenschaft und Phonetik. Peter Lang. Frankfurt am Main- Berlin- Bern- New York- Oxford- Wien. 2008. S. 134-141.

Ассоциативный потенциал ритмических структур // Жизнь языка в культуре и социуме. Материалы конференции, посвященной 75-летию доктора филологических наук, профессора Евгения Федоровича Тарасова. Москва, 14-15 апреля 2010 г. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М.-Калуга: Издательство «Эйдос», 2010. – С. 233-234.

Veličkova L. Expressive Mittel der Klangsprache // Hallesche Schriften zur Sprechwissenschaft und Phonetik-2010. Band 33. – S. 125-138.

Величкова Л.В., Абакумова О.В. Путь к языку: Данные речевого онтогенеза. Билингвизм. Пособие к курсу психолингвистики. – Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2010. – Вып. 1. – 75 с.

Сасина Е.А., Величкова Л.В. Результаты экспериментального исследования восприятия эмоционально окрашенной иноязычной звучащей речи детьми (на материале немецкого и русского языков) / Дайджест – 2011: Дипломные работы факультета РГФ ВГУ / [под ред. Н.А. Фененко]. – Воронеж, 2011. – Вып. 12. – С. 194-200.

Величкова Л.В., Шурупова Т.Ю. Анализ формальных признаков выражения сложных эмоций (сопоставительное исследование на материале русских и немецких звучащих текстов, маркированных эмоцией «дружелюбие») // Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина. Научный журнал №1. Том 7. Филология. Санкт-Петербург 2011, С. 166-174.

Величкова Л.В. Психолингвистические основы обучения иностранному языку // Актуальные проблемы обучения иностранным языкам в школе и вузе: Курс лекций для студентов факультетов иностранных языков / Л.В. Величкова, Р.А. Ермакова, Л.Г. Кузьмина и др.; под общ. ред. Л.Г. Кузьминой. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2011. – Ч.3. – С. 20-27.

Величкова Л.В. Методы исследования звучащей речи. Сб. научных статей/ под ред. Л.В. Величковой, Д.В. Жабина; Воронежский государственный университет. _ Воронеж: Издательско – полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2013. – 120с.: ил., с. 4 – 12.

Величкова Л.В., Фомин С.Ю. Вариативность параметров звучащей речи и характер восприятия. Сб. научных статей/ под ред. Л.В. Величковой, Д.В. Жабина; Воронежский государственный университет. _ Воронеж: Издательско – полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2013. – 120с.: ил., с. 108 – 113.

Величкова Л.В. Системное описание речевого ритма (на материале русского языка). В лабиринте сознания, времени и языка. Сб. статей в честь 80 – летия профессора В.Г. Руделева/отв. Ред. А.С. Щербак, научн.ре. А.Л. Шарандин; М- во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. Гос. Ун –т. им. Г.Р. Державина». Тамбов; Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013, 328с., с. 80 – 88.

Auffassung zur Rede unter systemhaftem Aspekt. Klangsprache im Fremdsprachenunterricht. Bd. VII. Forschung und Praxis. – Woronesh: Staatliche Universität Woronesh. 2013-- 184 S., S.5 – 23.

Ludmila Veličkova. Rezension zu : Kerstin Reinke, Einfach Deutsch aussprechen. (Phonetischer Einführungskurs. Deutsch als Fremdsprache). Deutsch als Fremdsprache. Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. 4\ 2012. Schubert Verlag Leipzig, 2011, Umfang 7 S. <http://www.uni-leipzig.de/daf>.

Ludmila Veličkova. Sprechwissenschaftliche Forschungen als Grundlage für den Fremdsprachenunterricht. In : Sprechwissenschaft : Bestand, Prognose, Perspektive. Ines Bose Baldur Neuber (Hrsg). Hallesche Schriften zur Sprechwissenschaft und Phonetik. Bd. 51. Peter Lang. Frankfurt am Main- Berlin- Bern- New York- Oxford- Wien. S. 199 - 206.

Диссертации, защищенные в рамках проекта

Лукьянчикова Е.В. Признак интонационной завершенности в русской и немецкой звучащей речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук/ Е.В. Лукьянчикова. – Воронеж, 1998. – 22 с.

Абакумова О.В. Параметры эмоционально окрашенной детской звучащей речи (на материале русский и испанской детской речи): автореф. дис. ... канд. филол. наук/ О. В. Абакумова. – Воронеж, 2000. – 17 с.

Шурова М.Е. Ритмические параметры звучащей детской речи: на материале русского и немецкого языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук/ М.Е. Шурова. – Воронеж, 2001. – 21 с.

Петрова Е.В. Дифференциальный признак вопросительности в интонационной системе испанского языка: В сопоставлении с русским : автореферат дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Петрова. - Воронеж, 2004. - 19 с.

Сухарева Е.Е. Дифференциальные признаки завершенности и вопросительности в интонационной системе английского языка: В сопоставлении с русским : автореферат дис. ... канд. филол. наук / Е.Е. Сухарева. - Воронеж, 2003. - 17 с.

Исаева А.А. Структура тематических монологов в звучащей спонтанной речи : На материале русского и английского языков : автореферат дис. ... канд. филол. наук / А.А. Исаева. - Воронеж, 2002. - 21 с.

Иванова В.Ю. Сегментные и супraseгментные средства выразительности поэтического текста : На материале русских и немецких поэтических текстов: автореферат дис. ... канд. филол. наук/ В.Ю. Иванова. - Воронеж, 2006. - 18 с.

Лотышева И.А. Количественные параметры исследования выразительности поэтического текста : На материале поэзии Гизелы Шток, Фридерике Майрекер, Керстин Хензель, Уллы Хан : автореферат дис. ... канд. филол. наук / И.А. Лотышева. - Воронеж, 2004. - 23 с.

Эйхгольц И.А. Восприятие признаков эмоциональной напряженности в спонтанной звучащей речи: на материале речи спортивных комментаторов: автореферат дис. ... канд. филол. наук/ И. А. Эйхгольц. - Воронеж, 2008. - 18 с.

Кириченко Н.В. Экспрессивные средства звучащего рекламного текста : на материале немецкого языка : автореферат дис. ... канд. филол. наук/ Н. В. Кириченко. - Воронеж, 2007. - 22 с.

Зубченко М.В. Структура спонтанного звучащего тематически организованного монолога (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук/М. В. Зубченко. – Воронеж, 2010. – 20 с.

Киршинова О.В. Экспрессивные средства звучащей речи для выражения эмоции «Радость»: на материале русского и немецкого языков : автореферат дис. ... канд. филол. наук/О.В. Киршинова. - Воронеж, 2010. - 28 с.

Воропаева И.В. Эмоциональное восприятие дифференциальных признаков гласных фонем носителями немецкого и русского языков: автореферат дис. ... канд. филол. наук/И.В. Воропаева. - Воронеж, 2011. - 27 с.

Анненкова Д.В. Компоненты восприятия речевого поведения : на материале русского и немецкого языков : автореферат дис. ... канд. филол. наук /Д.В. Анненкова. - Воронеж, 2011. - 20 с.

Шурупова Т.Ю. Средства звучащей речи для выражения дружелюбного отношения: психолингвистическое исследование на материале русского и немецкого языков : автореферат дис. ... канд. филол. наук/ Т.Ю. Шурупова. - Воронеж, 2011. - 24 с.

Основные результаты

Научным коллективом НМФЦ ВГУ разработана и апробирована на широком материале методика проведения экспериментальных исследований и методика аудитивного анализа звучащей речи.

Разработана методика исследования эмоциональности детской звучащей речи, а также речи взрослых, обращенной к детям [Абакумова 2000; Шурова 2001; Воропаева 2011].

Проведены контрастивные исследования на материале пар языков: русский-немецкий, русский-испанский.

В ходе экспериментов с различными категориями экспертов было установлено:

- детская речь носит эмоциональный характер, что свидетельствует в пользу концепции Е.Н. Винарской, принятой в настоящей работе в качестве одного из теоретических положений;

- эмоциональность передается системой средств звучащей речи в каждом отдельном языке, выявляя как универсальные, так и национально-специфические признаки;

- детская речь рельефно отражает систему средств звучащей речи данного языка;

- возможна неадекватность восприятия эмоциональности, выраженной средствами неродного языка;

- национальная специфика определяет параметры звучащей речи на ранних этапах речевого онтогенеза;

- при построении модели раннего обучения необходимо учитывать эмоциональный характер детской речи и ее универсальные и национально-специфические признаки.

Осуществляются:

- контрастивно-фонологический анализ на базе различных языков;

- психолингвистические исследования в аспектах восприятия и порождения речи: интонационные единицы и параметры звучащей речи, экспрессивные средства и эмоциональность единиц речи, эстетические и музыкально-психологические компоненты звучащей речи;

- психолингвистическое изучение речевого поведения;

- описание стилей различных речевых жанров (стилистические и фоностилистические параметры речи);

- исследования параметров детской речи.

Исследования звучащей речи в свете изложенной концепции приобретают междисциплинарный характер.

Представленный в настоящей статье подход к проблеме изучения звучащей речи заключается в разработке механизма исследования звучащего языкового материала. В современной лингвистике наблюдается большой разрыв между исследованиями сегментного и супraseгментного уровней языка. Развитие психолингвистики дает возможность иного взгляда на функционирование языка в звучащей речи.

Литература

Meinhold, Gottfried, Stock, Eberhard. Phonologie der deutschen Gegenwartssprache / G. Meinhold, E. Stock. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. – 256 S.

Stock E, Veličkova L. Rhythmus und emotionale Spannung in Deutschen und Russischen / Э. Шток, Л. В. Величкова // *Phonus*. – Saarbrücken, 2002. – S. 294-319.

Абакумова О.В. Параметры эмоционально окрашенной детской звучащей речи (на материале русский и испанской детской речи): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 17 с.

Величкова Л.В. Контрастивно-фонологический анализ и обучение иноязычному произношению/Л.В. Величкова. – Воронеж: ВГУ, 1989. – 198 с.

Виллюнас В.К. Психология эмоциональных явлений/В.К. Виллюнас. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1976. – 142 с.

Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии)/Е.Н. Винарская. - М.: Высш. шк., 1989. – 136 с.

Воропаева И.В. Эмоциональное восприятие дифференциальных признаков гласных фонем носителями немецкого и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 27 с.

Иванова В.Ю. Сегментные и супraseгментные средства выразительности поэтического текста: на материале русских и немецких поэтических текстов: автореф. дис. ... кандидата филологических наук: Воронеж, 2006. 18 с.

Изард К.Е. Эмоции человека/К.Е. Изард. - М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980. –440 с.

Кириченко Н.В. Экспрессивные средства звучащего рекламного текста: на материале немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2007. 22 с.

Лотышева И.А. Количественные параметры исследования выразительности поэтического текста: на материале поэзии Гизелы Шток, Фридерике Майрекер, Керстин Хензель, Уллы Хан : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 23 с.

Лукиянчикова Е.В. Признак интонационной завершенности в русской и немецкой звучащей речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1998. 22 с.

Петрова Е.В. Дифференциальный признак вопросительности в интонационной системе испанского языка: в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 19 с.

Петроченко Е.В. Характеристика интонационных единиц по их соотносительности с музыкально-ладовой структурой (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 18 с.

Симонов П.В. Эмоциональный мозг/ П.В. Симонов. - М.: Наука, 1975. - 382 с.

Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике/Ф. де Соссюр.- М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. - 280 с.

Сухарева Е.Е. Дифференциальные признаки завершенности и вопросительности в интонационной системе английского языка: в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 17 с.

Шурова М.Е. Ритмические параметры звучащей детской речи: на материале русского и немецкого языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 21 с.

THE PROJECT

«PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH OF SOUNDING SPEECH»

Ludmila Velichkova,

Doctor of philology,

Professor, Voronezh State University,

394006, Voronezh, Universitetskaya Square, 1

luvel1@mail.ru

Olga Abakumova,

PhD, associate professor

Voronezh State University,

394006, Voronezh, Universitetskaya Square, 1

olga.abakumova16@gmail.ru,

Elena Petrochenko,

PhD, associate professor

Voronezh State University,

394006, Voronezh, Universitetskaya Square, 1

petrocenko@mail.ru

Irina Voropaeva,

Lecturer, PhD, Voronezh State University,

394006, Voronezh, Universitetskaya Square, 1

voropaeva05@mail.ru

The work presents methods of psycholinguistic approach to sounding speech, developed by the research team of the Research and methodological center of phonetics of the Voronezh State University. A methodology for conducting experimental research and auditive analysis of sounding speech has been developed based on large-scale

material of several languages. Major problems are psycholinguistic research in terms of speech perception and production: intonational units and parameters of sounding speech, expressive means and emotionality of speech units, aesthetic, musical and psychological components of sounding speech, psycholinguistic research of language behavior, universal and culture-bound characteristics of emotional state indicators. Research mechanism and an analysis of expressive means of sounding speech in the psycholinguistic experiment and an analysis of formal signs of sounding speech are described. In such case, rhythmic parameters and melodic signs are basic units. The research is conducted in respect of contrastive-comparative aspect with the participation of Russian, German and Spanish speakers. A methodology has been developed using data from auditory analysis that reveals perceptual signs of intonation, signaling one or another communicative type of utterance, localization of differential features of communicative types of utterance, reflecting their perception by native speakers. Essential is the definition of universal and culture-bound in the ways of expressing emotionality in speech in several languages: Russian, German and Spanish.

Within the framework of the project, database has been created of the means of expressing the basic emotional states in Russian and German, Russian and Spanish.

Keywords: sounding speech, experimental methods, perception, differential signs of intonema, expressive means of speech, key emotion, rhythmic parameters of the speech, auditive analysis.

References

Meinhold, Gottfried, Stock, Eberhard. Phonologie der deutschen Gegenwartssprache / G. Meinhold, E. Stock. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. – 256 S.

Stock E, Veličková L. Rhythmus und emotionale Spannung in Deutschen und Russischen / Э. Шток, Л. В. Величкова // *Phonus*. – Saarbrücken, 2002. – S. 294-319.

Abakumova O.V. Parametry jemocional'no okrashennoj detskoj zvuchashhej rechi (na materiale rusškoj i ispanskoj zvuchashhej rechi) [Parameters of emotionally colored children sounding speech (based on children speech in Russian and in Spanish)]: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Voronezh, 2000. 17 s.

Velichkova L.V. Kontrastivno-fonologičeskij analiz i obuchenie inoyazichnomu proiznosheniyu [Contrastive and phonological analysis and training foreign pronunciation]. Voronezh: VGU. – 198 s.

Viljunas V.K. Psihologiya jemocional'nyh yavlenij [Psychology of emotional phenomena]. M.: Izd-vo Mosk. Un-ta, 1076. – 142 s.

Vinarskaja E.N. Vyrazitel'nye sredstva teksta (na materiale rusškoj poezii) [Expressive means of text (based on Russian poetry)]. M.: Vysshaja. shk., 1989. – 136 s.

Voropaeva I.V. Jemocional'noe vospriyatie differencial'nyh priznakov glasnyh fonem nositelyami nemeckogo i rusškoego yazykov [Emotional perception of differential signs of vowel phonemes by German and Russian native speakers]: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Voronezh, 2011. 27 s.

Ivanova V.J. Segmentnye i suprasegmentnye sredstva vyrazitel'nosti poetičeskogo teksta: na materiale rusških i nemeckih poetičeskikh tekstov [Segmental and suprasegmental means of expressiveness of the poetic text: on the basis of Russian and German poetic texts]: avtoref. ...dis. kand. filol. nauk. Voronezh, 2006. 18 s.

Izard K.E. Jemocii cheloveka [Human being's emotions]/ K.E. Izard. M.: Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1980. – 440 s.

Kirichenko N.V. Jekspressivnye sredstva zvuchashhego reklamnogo teksta: na materiale nemeckogo yazyka [Expressive means of the sounding advertising text: on a material of German language]: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Voronezh, 2007. 22 s.

Lotysheva I.A. Kolichestvennye parametry issledovaniya vyrazitel'nosti poeticheskogo teksta: na materiale poezii Gizely Shtok, Friderike Majreker, Kerstin Henzel', Ully Han [Quantitative parameters of the study of the expressiveness of the poetic text: on the material of the poetry of Gisela Stock, Friederike Mayreker, Kerstin Hensel, Ullah Khan]: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Voronezh, 2004. 23 s.

Lukjanchikova E.V. Priznak intonacionnoj zavershyonnosti v russkoj i nemeckoj zvuchashhej rechi [Sign of intonation completeness in Russian and German sounding speech]: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Voronezh, 1998. 22 s.

Petrova E.V. Differencial'nyj priznak voprositel'nosti v intonacionnoj sisteme ispanskogo: v sopostavlenii c russkim [Differential sign of interrogation in the intonational system of the Spanish language: in comparison with the Russian]: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Voronezh, 2004. 19 s.

Petrochenko E.V. Harakteristika intonacionnyh edinic po ih sootnesyonnosti s muzykal'no-ladovoj strukturoj (na materiale russkogo i nemeckogo yazykov) [Characteristics of intonational units in terms of their correlation with the musical and tonal structure (on the material of Russian and German languages)]: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Voronezh, 2001. 18 s.

Simonov P.V. Jemocional'nyj mozg [Emotional brain]/P.V. Simonov. – M.: Nauka, 1975. – 382 s.

Sossjur F. de. Zametki po obshhej lingvistike [Notes on General Linguistics]/F. de Sossjur. – Izdatel'stvo gruppy "Progress", 2000. – 280 s.

Suhareva E.E. Differencial'nye priznaki savershjonnosti i voprositel'nosti v intonacionnoj sisteme anglijskogo yazyka: v sopostavlenii s russkim [Differential signs of completeness and interrogation in the intonational system of the English language]: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Voronezh, 2003. 17 s.

Shurova M.E. Ritmicheskie parametry zvuchashhej rechi: na materiale russkogo i nemeckogo yazykov [Rythmical parameters of sounding speech in Russian and German]: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. Voronezh, 2001. 21 s.

Л.Г. Веденина. Человек в лингвоэтнокультурном пространстве. М.: Языки славянской культуры, 2017. 664 с.

Развитие современной науки – сложный поступательный процесс, который включает как углубленную разработку проблематики отдельных научных дисциплин, так и развитие междисциплинарных исследований, находящихся на перекрестке двух или нескольких наук. Отметим, кстати, что именно на этих «перекрестках» возможны новые убедительные научные достижения, открытие новых подходов, новых путей движения науки вперед. Рецензируемая книга относится именно к трудам междисциплинарным, включающим лингвистические, этнологические и культурологические аспекты современного человеческого общества.

Книга Л.Г. Ведениной «Человек в лингвоэтнокультурном пространстве» представляет собой по охвату анализируемых проблем и по глубине проникновения в эти проблемы настоящую энциклопедию лингвоэтнокультурологии. Автор ставит задачу выявления отличительных признаков языкового сознания носителей русской культуры, рассматривая русскую культуру в контексте культурных традиций Европы (английской, немецкой, французской, итальянской и испанской) и Азии (китайской, корейской, японской, арабской). Языковым материалом для наблюдений являются пословицы, сакральные, фольклорные и литературные тексты.

Хочется подчеркнуть фундаментальный характер проведенного исследования. Описывая образ человека в ментальности носителей рассматриваемых культур, Л.Г. Веденина анализирует различия их языкового представления о физической конституции и психических характеристиках человека, различия в сфере мыслительной деятельности и когнитивных процессах, в области мировидения и поведенческого кода. Таким образом, наблюдения исследователя охватили основные сферы бытия человека – его положение во Вселенной, взаимодействие с природой (питание, животный мир) и социумом (семья, социальное поведение).

Плодотворным представляется нетрадиционно смелое включение в контрастивный анализ языков, принадлежащих к разным семьям: наряду с языками индоевропейской семьи автор обращается к языковым свидетельствам культур Востока. Это значительно расширяет горизонт анализа, давая возможность автору войти в пространство этнокультурологических дискуссий с тщательно аргументированной позицией: русская культура принадлежит не Востоку и не Западу – это культура России со свойственными только этой культуре отличительными признаками.

Таким образом в книге приведен этнолингвистический анализ девяти культур, рассмотрены образные слагаемые (фразеологические ресурсы) в основных сферах деятельности человека (с.23). В процессе типологического сопоставления автором смоделированы три сферы – психологические особенности человека, особенности ментального мира и социальное поведение человека (с. 645–647). При рассмотрении поведенческих характеристик носителей изучаемых культур выявлены базовые (архитипические черты) и показана их мобильность – способность перемещаться от центра к периферии в зависимости от состояния социума. При анализе ментальных характеристик изучаемых культур введен параметр «интенсивность образности» (с. 641–642), причем возрастающая шкала

включает исследуемые языки в следующем порядке: английский – немецкий – французский – итальянский – китайский – русский – арабский. «С точки зрения яркости образного содержания русские конструкции ближе живым и красочным конструкциям Востока» (с. 641).

Анализируя ментальные характеристики носителей русской культуры, автор приходит к выделению ряда характеристик, скрытых от исследователей при других подходах – высокая степень развитости аудитивного восприятия (с. 53) и не ярко выраженную склонность к дифференциации объекта (с. 642). Описывая сходства и различия наблюдаемых лингвокультур, автор устанавливает общую закономерность: для выражения новых смыслов язык предпочитает не изобретать новые дополнительные средства, а использовать то, что есть в его арсенале, комбинируя эти средства.

Появление такого языковедческого комплексного исследования это шаг на пути к углублению понимания того, что в мире существует единый язык человека в его этническом многообразии.

Научные труды могут завершать исследование той или иной проблемы, ставить точку на дискуссиях по поводу этой проблемы. Такие труды науке нужны, так как они свидетельствуют о реальных фактических достижениях науки. Однако не менее важны научные труды, зовущие вперед и показывающие пути дальнейшего продвижения. В рецензируемой монографии разработана современная методология лингвострановедения и убедительно на достаточно репрезентативном материале западных и восточных языков показано ее использование применительно к конкретным языкам. Несомненно, данное исследование положит начало для лингвострановедческих работ на материале других конкретных языков народов мира. Для таких трудов будущие исследователи в труде Л.Г. Ведениной найдут обширный ресурс подходов к наблюдению и приемов анализа лингвокультурного материала.

Совершенно очевидно, что рецензируемый труд представляет собой общественно значимый вклад в сокровищницу современной науки о человеке. Данная монография несомненно является ярким событием в культурной жизни России, показывающим единство и разнообразие Человека и его Языка в контексте варьирования западных и восточных культур.

Доктор филологических наук, профессор
В.Ю. Михальченко

Казаков Григорий Александрович

PhD (Япония), профессор кафедры иностранных языков и лингвистики
Московского гуманитарного университета
amicilinguarum@rambler.ru

СЪЕЗД ПОЛИГЛОТОВ В БРАТИСЛАВЕ: POLYGLOT GATHERING 2017

31 мая – 4 июня 2017 г. в Экономическом университете в Братиславе состоялся Съезд полиглотов (Polyglot Gathering). На съезд собрались 442 участника из 46 стран (Австрия, Белоруссия, Бельгия, Болгария, Бразилия, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Грузия, Дания, Израиль, Иран, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Кипр, Китай – Гонконг – Тайвань, Конго, Литва, Македония, Малайзия, Мальта, Мексика, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Перу, Польша, Россия, Румыния, Сербия, Словакия, США, Тайланд, Турция, Украина, Финляндия, Франция, Чехия, Швейцария, Швеция, Эстония, Япония).

Конференция открылась приветствием министра иностранных и европейских дел Словакии М. Лайчака, который отметил, что и «большие», и «малые» языки являются важной частью мирового культурного наследия, которую необходимо защищать и развивать, и что нужно искать новаторские способы улучшить преподавание языков как в школе, так и в пространстве неформального образования [Polyglot Gathering 2017: 3].

Программа конференции включала почти 100 докладов на такие темы, как опыт и личность отдельных полиглотов, закономерности и способы практического изучения языков, языки и языковые ситуации стран и регионов (бывшая Югославия, Китай), проблемы языковой политики Европы. Состоялись также практические семинары по ирландскому, каталанскому, норвежскому, словацкому, украинскому, японскому и другим языкам. Широко представлен был и язык эсперанто, сторонники которого играли активную роль в организации съезда. Само собой разумеется, участники форума в общении друг с другом практиковались в различных языках. Для этого всем были выданы именные карточки, на которых каждый мог флажками отметить те языки, которыми владеет. Интересно отметить проявившийся на конференции значительный интерес полиглотов к русскому языку, а также то, что, несмотря на традиционную сосредоточенность западных полиглотов на европейских языках, в круг их познаний все увереннее входят азиатские языки (китайский, японский).

Оживленное обсуждение на съезде вызвал вопрос о том, каким количеством языков и на каком уровне в принципе может овладеть человек и как возможно измерить эти знания. Результаты дискуссии можно выразить в следующих тезисах:

1. Существующие форматы экзаменов и шкалы функциональных навыков в языках имеют лишь относительную ценность и не являются объективным показателем знания языка как когнитивного достижения.

2. Единственной пока объективной мерой языковых знаний (языкового потенциала) можно назвать объем воспринятого речевого материала

(инпут), т.е. количество услышанных и прочитанных слов на изучаемом языке. Чем больше это количество, тем выше уровень владения языком. Разработка методов отслеживания и исчисления такого инпута остается актуальной задачей.

3. Главными источниками наращивания знания языка являются экстенсивное аудирование и чтение.

4. Важно, чтобы используемый языковой материал был значимым и интересным для изучающего и соответствовал его личным целям освоения языка.

5. Оптимальной формой организации учебного материала и самого процесса (само)обучения является сочетание факторов повторения и новизны.

6. Изучение языка требует систематических концентрированных затрат времени, хотя функциональный уровень владения языком может быть достигнут в сравнительно короткие сроки (за несколько месяцев).

Съезд также показал, что замечание нью-йоркской конференции по полиглотизму 2013 г. о необходимости переноса акцента в языковом образовании с преподавания на самообучение [Казаков 2013; International Conference 2016: vi] реализуется на практике: многие полиглоты находят применение своим знаниям не столько в традиционных формах аудиторного преподавания, сколько в новых формах, которые можно назвать языковым консультированием (language coaching, language mentoring) – частных компаниях, предоставляющих желающим рекомендации и материалы для самостоятельного освоения языков.

Также на съезде было вновь констатировано продолжающееся состояние разрыва между научным языкознанием и сферой практического владения языками (непродуктивность этого состояния была отмечена той же нью-йоркской конференцией 2013 г.): часто многие полиглоты, мастерски владеющие рядом языков, остаются ограничены только собственным индивидуальным опытом, а в академической среде практическое знание иностранных языков не считается обязательным для лингвистических и методических исследований. Представляется, что сближение полиглотического и научно-образовательного сообществ послужит общей пользе и будет способствовать преодолению фрагментарности знания в сфере изучения языка: лингвисты, психологи и нейрофизиологи могут помочь полиглотам обобщить и интерпретировать их эмпирический опыт, а полиглоты, мозг которых можно назвать высокосовершенной языковой лабораторией, могут стать источником новых данных для науки.

Тезисы докладов конференции опубликованы в отдельном сборнике-программе [Polyglot Gathering 2017]. Видеозаписи выступлений будут в дальнейшем размещены на «Youtube».

Началом современного движения полиглотов можно считать 2013 год, когда в Будапеште прошла первая конференция-встреча полиглотов, а в Нью-Йорке состоялась первая научная конференция на тему полиглотизма «Multilingual proficiency: language, polyglossia and polyglottery». С тех пор оформились два ежегодных события: Конференция полиглотов (Polyglot Conference), которая проводится каждый год в новой стране (Будапешт 2013, Нови-Сад 2014, Нью-Йорк 2015, Салоники 2016), и Съезд-собрание полиглотов (Polyglot Gathering), который с 2014 по 2016 г. проходил в Берлине, а в 2017 г. впервые был перенесен в другой город – Братиславу.

Дальнейшее изучение полиглотизма как психолингвистического, когнитивного и культурологического феномена представляется перспективным направлением исследований, способным помочь в решении насущных проблем языкового образования, языковой политики и межнационального общения.

Литература

Казаков Г. Конференция по многоязычию и полиглотизму, Нью-Йорк, 2013 г. // Вопросы психолингвистики. 2013. № 18. С. 65.

International Conference on Multilingual Proficiency: Language, Polyglossia and Polyglottery (September 6-7, 2013) / The American Society of Geolinguistics. New York, 2016. 210 p.

Polyglot Gathering. Program Book. Bratislava, 31st May–4th June 2017. [Bratislava, 2017]. 96 p. Электронная версия URL <http://www.polyglotbratislava.com/wp-content/uploads/sites/7/2016/12/PG2017-booklet-web.pdf> (дата обращения 06.06.2017).

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2017
3 (33)

Ψλ